ОПИСАНІЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ
1812 ГОДА.

ЧАСТЬ II.

ОПИСАНІЕ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ
1812 ГОДА,

ПО

ВЫСОЧАЙШЕМУ

ПОВЕЛѢНІЮ

СОЧИНЕННОЕ ГЕНЕРАЛЪ – ЛЕЙТЕНАНТОМЪ

Михайловскимъ-Данилевскимъ.

СЪ 96-ю КАРТАМИ И ПЛАНАМИ.

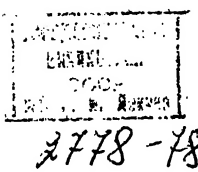
Изданіе третіе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1843.

Печатано по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.



2778-78

Печатано въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса
Внутренней Стражи.

ГЛАВА I.

ОПОЛЧЕНІЕ.

—

Распоряженія Сената и Синода.—Молитва.—Дѣйствія Комитета при Особѣ Государя. — Первый Округъ Ополченія: губерніи Московская, Тверская, Ярославская, Владимірская, Рязанская, Тульская, Калужская и Смоленская.—Числительная сила Ополченія 1-го Округа.—Губернскіе и полковые начальники. — Второй Округъ Ополченія: губерніи Санктпетербургская и Новгородская.—Числительная сила Ополченія 1-го Округа.—Губернскіе и полковые начальники. — Третій Округъ Ополченія. — Губернскіе и полковые начальники. — Общее усердіе къ оборонѣ Государства.

—

Отрадно приступить къ изображенію возстанія Россіи, при обнародованіи Манифеста 6-го Іюля, призывавшаго всѣхъ и каждаго на оборону Отечества. Правительствующій Сенатъ приказалъ разослать Манифестъ повсюду, съ нарочными курьерами, и предписалъ мѣстнымъ начальствамъ, всѣми зависящими

отъ нихъ средствами, содѣйствовать къ немедленному приведенію въ исполненіе Монаршей воли. Святѣйшій Синодъ поставилъ себѣ первымъ долгомъ пролить къ Господу Богу теплыя молитвы, и сдѣлалъ распоряженія о повсемѣстномъ молебствіи. Сверхъ того, для споспѣшествованія общему дѣлу, опредѣлено имъ было: 1), Изъ прибыльной суммы, получаемой отъ свѣчной продажи въ церквахъ, отдать въ пособіе къ составленію новыхъ силъ полтора милльона рублей, изъ коихъ одну половину на Петербургское Ополченіе, а другую на Московское. 2), Пригласить все духовенство и мірянъ къ пожертвованію деньгами и серебреными и золотыми вещами; причетниковъ, дѣтей священно и церковно-служителей, находящихся при отцахъ, и семинаристовъ, не выше риторическаго класса, увольнять по желанію въ Ополченіе, давая имъ отъ церквей пособіе на одежду и продовольствіе. Поступающимъ въ Ополченіе объявлять, что ежели по окончаніи войны возвратятся они къ прежнимъ мѣстамъ, то ихъ служеніе не будетъ оставлено безъ уваженія, а дабы остающіяся послѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ семейства не терпѣли нужды въ содержаніи, то не лишать ихъ доходовъ, слѣдующихъ на часть поступающимъ въ Ополченіе. 3), Въ первый воскресный и праздничный день, передъ начатіемъ обѣдни, обнародовать Манифестъ чтеніемъ въ церквахъ; потомъ отправить молебное пѣніе, совершаемое о побѣдѣ на супостаты, и служить

сей молебенъ ежедневно съ колѣнопреклоненіемъ. 4), Послѣ объявленія въ церквахъ Манифеста, прочесть слѣдующее воззваніе Синода:

«По благодати, дару и власти, даннымъ намъ отъ Бога и Господа нашего Іисуса Христа, Его великимъ и сильнымъ Именемъ, взываемъ ко всѣмъ благовѣрнымъ чадамъ Россійскія церкви.

«Съ того времени, какъ ослѣпленный мечтою вольности народъ Французскій испровергнулъ Престолъ единодержавія и алтари Христіанскіе, мстящая рука Господня видимымъ образомъ отяготѣла сперва надъ нимъ, а потомъ, чрезъ него и вмѣстѣ съ нимъ, надъ тѣми народами, которые наиболѣе отступленію его послѣдовали. За ужасами безначалія слѣдовали ужасы угнѣтенія. Одна брань раждала другую и самый миръ не приносилъ покоя. Богомъ спасаемая Церковь и Держава Россійская доселѣ была по большей части сострадающею зрительницею чуждыхъ бѣдствій, какъ бы для того, чтобы тѣмъ болѣе утвердилась во упованіи на Промыслъ, и тѣмъ съ большимъ благодушіемъ приготовилась срѣтить годину искушенія.

«Нынѣ сія година искушенія касается насъ, Россіяне! Властолюбивый, ненасытимый, не хранящій клятвъ, не уважающій алтарей врагъ, дыша столь же ядовитою лестію, сколько лютою злобою, покушается на нашу свободу, угрожаетъ домамъ нашимъ, и на благолѣпіе храмовъ Божіихъ еще издалеча простираетъ хищную руку.

«Сего ради взываемъ къ вамъ, чада церкви и Отечества! Пріимите оружіе и щитъ, да сохраните вѣрность и охраните вѣру отцовъ нашихъ. Приносите

съ благодареніемъ Отечеству тѣ блага, которыми Отечеству обязаны. Не щадите временнаго живота вашего для покоя Церкви, пекущейся о вашемъ вѣчномъ животѣ и покоѣ. Помяните дни древняго Іизраиля и лѣта предковъ нашихъ, которые о имени Божіемъ съ дерзновеніемъ повергались въ опасности и выходили изъ нихъ со славою.

«Взываемъ къ вамъ, мужи именитые, стяжавшіе власть или право на особенное вниманіе своихъ соотечественниковъ: предшествуйте примѣромъ вашего мужества и благородной ревности тѣмъ, которыхъ очи обращены на васъ. Да воздвигнетъ изъ васъ Господь новыхъ Навиновъ, одолѣвающихъ наглость Амалика, новыхъ Судей, спасающихъ Іизраиля, новыхъ Маккавеевъ, огорчающихъ Цари многи и возвеселяющихъ Іакова въ дѣлахъ своихъ.

«Наипаче же взываемъ къ вамъ, Пастыри и служители алтаря! Якоже Моисей во весь день брани съ Амаликомъ не восхотѣлъ опустить рукъ воздѣянныхъ къ Богу, утвердите и вы руки ваши къ молитвѣ, дотолѣ, доколѣ не оскудѣютъ мышцы борющихся съ нами. Внушайте сынамъ силы упованіе на Господа силъ. Вооружите словомъ истины простыя души, открытыя нападеніямъ коварства. Всѣхъ научайте словомъ и дѣломъ, не дорожить никакою собственностію, кромѣ Вѣры и Отечества. И если кто изъ сыновъ Левитскихъ, еще неопредѣлившихся къ служенію, возревнуетъ ревностію брани, благословляется на сей подвигъ отъ самыя Церкви.

«Всѣмъ же и каждому, о имени Господа нашего, заповѣдуемъ и всѣхъ умоляемъ блюстися всякаго неблагочестія, своеволія и буихъ шатаній, предъ очами

нашими привлекшихъ гнѣвъ Божій на языки; пребывать въ послушаніи законной, отъ Бога поставленной власти; соблюдать безкорыстіе, братолюбіе, единодушіе, и тѣмъ оправдать желаніе и чаяніе взывающаго къ намъ, вѣрноподданнымъ своимъ, Богомъ помазаннаго Монарха Александра.

«Церковь, увѣренная въ неправедныхъ и не Христолюбивыхъ намѣреніяхъ врага, не престанетъ отъ всея кротости своея вопіять ко Господу о вѣнцахъ побѣдныхъ для доблестныхъ подвижниковъ, и о благахъ нетлѣнныхъ для тѣхъ, которые душу свою положатъ за братію свою. Да будетъ, какъ было всегда, и утвержденіемъ и воинственнымъ знаменіемъ Россіянъ сіе пророческое слово: о Бозѣ спасеніе и слава!»

Для совокупнаго соображенія дѣлъ по Ополченію, учредили при Особѣ Императора Комитетъ, составленный изъ трехъ членовъ: Генерала Графа Аракчеева, Министра Полиціи Балашева и Государственнаго Секретаря Шишкова. Комитетъ вступилъ въ сношенія съ Начальниками трехъ округовъ и объявлялъ имъ Высочайшія повелѣнія. Примѣчательнѣе другихъ были слѣдующія: 1), Изъ пожертвованныхъ на Ополченіе суммъ, составить особенный запасный капиталъ, и безъ Высочайшаго повелѣнія ни на какіе предметы не расходовать (*). 2), Начальникамъ губерній, не причисленныхъ

(*) Высочайшее повелѣніе, объявленное Министру Финансовъ, отъ 10-го Августа, № 38.

къ составу Ополченія, сдѣлать предложенія дворянамъ о вступленіи на службу въ Ополченія другихъ губерній (*). 3), Какъ въ губерніяхъ, гдѣ формировалось Ополченіе, продовольствіе для ратниковъ назначалось не одинаковое: въ однѣхъ на три мѣсяца, въ другихъ, Новѣгородѣ, Ярославлѣ, Твери, Нижнемъ-Новѣгородѣ на годъ, а въ Казани даже на все время, пока Ополченіе будетъ существовать, то велѣно продовольствіе отпускать вездѣ на 3 мѣсяца; излишній же противъ того взятый провіантъ, или вмѣсто него деньги, возвращать по припадлежности, либо зачислять въ число подушныхъ сборовъ, по желанію тѣхъ, кому провіантъ или деньги будутъ слѣдовать въ возвратъ (**). По истеченіи трехъ мѣсяцовъ съ образованія Ополченія, велѣно всѣхъ чиновниковъ, обвиненныхъ въ маловажныхъ проступкахъ и не подвергавшихся лишенію чести или чиновъ, допустить ко вступленію во временную военную силу, хотя бы и слѣдствіе объ нихъ не кончилось, только съ тѣмъ ограниченіемъ, если для окончанія слѣдствія ненужно на мѣстѣ присутствіе подсудимаго (***). 5), Министрамъ разрѣшено увольнять временно, на вступленіе въ Ополченіе, чиновниковъ, безъ коихъ можно было обойтись, оставляя при нихъ получаемое ими жалованье. 6), Гражданскихъ чиновниковъ, не бывшихъ

(*) Высочайшее повелѣніе, отъ 2-го Сентября, № 65.

(**) Высочайшее повелѣніе, отъ 2-го Сентября, № 54.

(***) Докладъ Комитета, отъ 3-го Сентября.

въ военной службѣ, при поступленіи въ Ополченіе, опредѣляли: Дѣйствительныхъ Статскихъ и Тайныхъ Совѣтниковъ, безъ присвоенія имъ военныхъ чиновъ, съ дозволеніемъ носить генеральскій мундиръ; Статскихъ и Коллежскихъ Совѣтниковъ, Ротмистрами и Капитанами, и т. д.

Всѣ 17 губерній, гдѣ повелѣно собрать Ополченіе, раздѣлены были на три округа: 1-й для обороны Москвы, 2-й для защиты Петербурга, 3-й для составленія резерва.

1-й ОКРУГЪ,

подъ начальствомъ Московскаго Главнокомандующаго Графа Ростопчина, состоялъ изъ 8-ми губерній: Московской, Тверской, Ярославской, Рязанской, Тульской, Владимірской, Калужской и Смоленской.

1), *Въ Москвѣ*, для скорѣйшаго составленія Ополченія, учредили два Комитета: одинъ для пріема, вооруженія и продовольствія людей; другой для пріема и расходованія пожертвованій. Составъ Московскаго Ополченія надобно представить нѣсколько подробнѣе, потому что имъ руководствовались, съ небольшими измѣненіями, во всѣхъ прочихъ губерніяхъ 1-го и 3-го округовъ. Ополченіе состояло изъ конныхъ и пѣшихъ казаковъ и пѣшихъ егерей. Конные дѣлились на полки, въ каждомъ по 10-ти сотенъ, въ сотнѣ по 10-ти десятковъ, въ десяткѣ по 12-ти казаковъ. Полками командовали полковые, сотнями сотенные начальники, десятками урядники.

Пѣшіе егеря и казаки дѣлились на полки, въ каждомъ по 4 батальона, въ батальонѣ по 4 сотни, въ сотнѣ по 10-ти десятковъ, въ десяткѣ по 15-ти человѣкъ. Въ пѣхотномъ полку состояло 2,400, въ конномъ 1,200 рядовыхъ. Полки конные и пѣшіе, батальоны и сотни назывались по нумерамъ. Штабъ и Оберъ-Офицерамъ даны были мундиры общіе армейскіе; уволенные съ мундирами при отставкѣ могли посить ихъ. Егеря, конные и пѣшіе казаки имѣли Русскіе сѣрые кафтаны и длинные шаравары изъ крестьянскаго сукна; кафтаны были по колѣно и достаточно широки, чтобы подъ нихъ надѣвать полушубокъ; кушакъ, какой кто могъ имѣть; фуражка была по выбору полковаго начальника, съ выбитымъ изъ мѣди крестомъ, и подъ нимъ вензеловымъ именемъ Императора, и надписью: «За Вѣру и «Царя.» Полковымъ и батальоннымъ начальникамъ жалованья не полагалось, «по важности званія, въ «которомъ они служили, по особой довѣренности «Государя, изъ усердія къ Отечеству» (*), но недостаточные получали пособіе. Оберъ-Офицерамъ назначено было жалованье: сотеннымъ начальникамъ по 30-ти рублей въ мѣсяцъ; прочимъ офицерамъ по 20-ти. Кавалерійскіе офицеры получали фуражъ, и единовременно на покупку лошади 150 рублей. Урядникамъ и писарямъ жалованья въ мѣсяцъ по 125-ти копѣекъ и провіантъ; прочимъ казакамъ

(*) Слова изъ Положенія о Московскомъ Ополченіи.

и егерямъ по рублю въ мѣсяцъ и провіантъ. Жалованье выдавалось помѣсячно, провіантъ въ сухаряхъ. Офицерамъ обѣщаны были за храбрость такія же награды, какія опредѣлены въ арміяхъ, а изувѣченнымъ, не имѣвшимъ достатка, отъ Московскихъ сословій вѣчная пенсія. Урядникамъ, казакамъ и егерямъ обѣщана за храбрость медаль, которую Государь намѣренъ былъ установить нарочно для земскаго войска. Удостоившійся медали пріобрѣталъ право на пожизненную пенсію того жалованья, какое получалъ во временной службѣ. Деньщиковъ Штабъ и Оберъ-Офицерамъ, не имѣвшимъ своихъ людей, не положено, но предоставлялось, по дозволенію полковыхъ и батальонныхъ начальниковъ, употреблять ратниковъ для прислуги въ свободное время. Собственныхъ людей позволялось имѣть: полковымъ начальникамъ не болѣе 4-хъ человѣкъ, батальоннымъ не болѣе 2-хъ, а прочимъ не болѣе одного; полковому начальнику двѣ повозки, батальонному одну, въ каждой сотнѣ по одной повозкѣ для артельныхъ котловъ и офицерскаго экипажа, полковымъ адъютантамъ, квартермистрамъ и казначеямъ также по одной. Въ полковые начальники избраны были Подполковники, Полковники и Генералъ-Маіоры, и утверждались Государемъ, батальонные Командующимъ Генераломъ, сотенные и прочіе офицеры, также адъютанты, квартермистры и казначеи полковыми начальниками. Производство было

не по старшинству, а только за храбрость, или по особому представленію.

Къ составленію Ополченія въ *Московской губерніи* приступлено было немедленно по полученіи Манифеста. Въ теченіе мѣсяца собрано и выступило въ походъ 12 полковъ, изъ коихъ 1 конный казачій, 3 егерскихъ и 8 пѣшихъ казачьихъ; во всѣхъ 25,834 человѣка. Изъ арсенала отпущено въ каждый полкъ по 500 ружей и на каждаго воина по 60-ти патроновъ. Орудій при полкахъ не назначалось, по избытку и даже излишеству ихъ при арміи. Кромѣ сего Ополченія, четыре Московскіе помѣщика вызвались сформировать на собственный счетъ 4 полка: Графы Дмитріевъ-Мамоновъ и Салтыковъ конные, Демидовъ и Князь Гагаринъ пѣшіе. Двумъ послѣднимъ отпущены казенныя ружья. Графу Дмитріеву-Мамонову, Демидову и Князю Гагарину велѣно именоваться шефами своихъ полковъ. Добровольныя приношенія на Ополченіе простирались до 4-хъ милльоновъ. Въ это число не входило еще одно пожертвованіе, поступившее по слѣдующему случаю: за нѣсколько дней передъ началомъ войны требовались съ губерній лошади, волы и продовольствіе, а съ Московской, которая, по отдаленности отъ расположенія армій, не могла дѣлать поставокъ въ натурѣ, повелѣно было собрать, добровольными пожертвованіями, милльонъ рублей. По объявленіи о томъ дворянскому и купеческому сословіямъ, милльонъ внесенъ въ одинъ день.

2), «*Тверское* дворянство изъявило полную готов-«ность, въ случаѣ нужды, всѣмъ до единаго при-«нять, каждому по силамъ и лѣтамъ, участіе въ за-«щитѣ возлюбленнаго Монарха и Отечества, и «жертвовать для сего всѣмъ своимъ достояніемъ» (*). Оно положило собрать въ Ополченіе съ 500 душь по 20-ти человѣкъ, въ томъ числѣ одного коннаго, что составило съ числившихся за помѣщиками душь: 12,636 пѣшихъ и 665 конныхъ, снабженныхъ провіантомъ на 4 мѣсяца и лошадьми съ верховою сбруею; на содержаніе лошадей отпускалось по 25-ти рублей въ мѣсяцъ. Въ четыре недѣли Ополченіе образовалось и прибыло изъ всѣхъ уѣздовъ въ Тверь, гдѣ составили изъ него 5 пѣшихъ полковъ и 1 конный. Пѣшіе не могли получить отъ помѣщиковъ другаго вооруженія, кромѣ пикъ. За нѣсколько дней до формированія Ополченія пришло изъ Дриссы Высочайшее повелѣніе приготовить въ Твери и Ржевѣ: муки 58,000, овса 75,500 и крупъ 5,480 четвертей, обративъ на сей предметъ не только покупной хлѣбъ, но даже и хранившійся въ сельскихъ магазинахъ, съ заплатою по существовавшимъ цѣнамъ, или съ возвратомъ отъ казны въ натурѣ, по пріобрѣтеніи хлѣба покупкою послѣ жатвы. Дворянство приняло поставку хлѣба на себя безъ платы и возврата отъ казны, и обязалось доставить весь запасъ въ Тверь и Ржевъ. При семъ случаѣ, Тверской

(*) Подлинныя слова изъ Опредѣленія Дворянства.

Генералъ-Губернаторъ, Принцъ Ольденбургскій, доносилъ Государю: «Дворянство готово, если угод-«но Вашему Величеству и если нужно для без-«опасности Государства, пролить всю кровь и не по-«щадить всего достоянія своего.» Изъ запасовъ заготовляли печеный хлѣбъ для сухарей и отправляли ихъ въ армію на подводахъ, высылаемыхъ, большею частію, отъ помѣщиковъ, по усердію. Печеніе хлѣба и сушеніе сухарей производилось частію въ обывательскихъ домахъ, частію за городомъ, въ нарочно устроенныхъ печахъ. Когда арміи начали подходить къ Смоленску, мѣстное начальство въ Твери, считая вторженіе непріятеля въ Тверскую губернію возможнымъ, и не имѣя способовъ отправить провіантъ водою по мелководью, а лошадьми по значительности запаса, сдѣлало распоряженіе, чтобы скирды хлѣба, находившіеся на Гжатской дорогѣ, за Тресвятскимъ, какъ болѣе значительный запасъ, обложить порохомъ и другими горючими веществами, и истребить при появленіи непріятеля, ничего не оставляя ему въ добычу.

Въ Твери формировался также батальонъ изъ удѣльныхъ крестьянъ Великой Княгини Екатерины Павловны, по особенному на то желанію Ея Высочества, изъявленному при началѣ войны, 3-го Іюля. На запискѣ, коею Она испрашивала на сіе Монаршаго соизволенія, Государь собственноручно надписалъ: «Съ живѣйшею благодарностью.» Великая Княгиня приказала собрать во всѣхъ

своихъ удѣлахъ со ста душь по 1-му рекруту и принимать предпочтительно желающихъ вступить во временную службу, а за ними уже тѣхъ, на кого падетъ рекрутская повинность. Платежъ Государственныхъ податей принимала Ея Высочество на себя, во всю жизнь воиновъ, равно ихъ обмундированіе, вооруженіе, содержаніе провіантомъ и жалованьемъ въ продолженіе войны, и путевое продовольствіе до Твери. Во время пріема въ селеніяхъ велѣно не требовать никакой особенной одежды и оставлять ратниковъ въ обыкновенномъ платьи. Сборъ воиновъ по селеніямъ предписано кончить въ двѣ недѣли, и по наборѣ отправить въ Тверь. Семействамъ поступившихъ на службу зачитали воиновъ за рекрута при будущихъ наборахъ, хотя бы они по окончаніи войны и возвратились въ домы свои.

3), *Ярославское* дворянство ополчило съ каждыхъ 25-ти душь по одному человѣку, и желало принять на свой счетъ содержаніе Ополченія продовольствіемъ на годъ. Генералъ-Губернаторъ доносилъ: «Дворянство единодушно изъявило готовность при«нести и жизнь и все достояніе на пользу Отечества «и Престола, если бы обстоятельства того востребо«вали (*).» Черезъ шесть недѣль Ополченіе было готово въ составѣ 1-го коннаго казачьяго и 4-хъ казачьихъ пѣхотныхъ полковъ, всего 11,112 человѣкъ.

(*) Донесеніе Государю Ярославскаго Генералъ-Губернатора, отъ 30-го Іюля.

4), *Во Владимірской* губерніи составилось Ополченіе въ шесть недѣль, изъ 6-ти пѣшихъ полковъ, въ числѣ 15,086-ти воиновъ, снабженныхъ продовольствіемъ на три мѣсяца, вооруженныхъ пиками и саблями. Сверхъ того дворяне сдѣлали особенное пожертвованіе въ пособіе недостаточнымъ офицерамъ, и на обмундированіе отставныхъ унтеръ-офицеровъ и солдатовъ, добровольно пожелавшихъ служить въ Ополченіи.

5), *Въ Рязани* дворянство изъявило готовность «не «щадить ни жертвъ, ни самаго живота на состав- «леніе Высочайше повелѣнной внутренней силы (*),» и единодушно положило поставить съ 22-хъ душь по одному воину, всего 15,918 ратниковъ, которые раздѣлены на 1 полкъ конныхъ казаковъ, 2 егерей и 4 полка пѣшихъ казаковъ. Ихъ снабдили пиками и провіантомъ на 3 мѣсяца. Владѣльцы малаго числа душь, не ставившіе воиновъ, взносили деньгами. Для конныхъ казаковъ помѣщики пожертвовали по одной лошади отъ каждыхъ 250 душь, всего 1,320; на покупку сѣделъ и артельныхъ котловъ внесли по 25-ти копѣекъ съ души. При представленіи каждаго воина, вносили по 5-ти рублей на покупку ранцовъ, фуражекъ, чемодановъ, ремней съ пряжками.

6), *Тульское* дворянство, «движимое искрен- «нимъ усердіемъ и ревностью къ оборонѣ Отечества

(*) Донесеніе Гражданскаго Губернатора Бухарина Министру Полиціи, отъ 23-го Іюля, № 4,390.

«и Престола (*),» единодушно положило собрать 12,809 ратниковъ, и изъ нихъ сформировать: 2 конные казачьи полка, 1 егерскій и 4 пѣхотные казачьи, и конно-артиллерійскую роту изъ 346-ти человѣкъ, для которой орудія высланы были изъ Москвы. Ополченіе сформировано въ 36 дней. По выступленіи его изъ уѣздовъ, дворяне, для сохраненія внутренней безопасности, вооружили крестьянъ во всѣхъ селеніяхъ, кто чѣмъ могъ: пиками, саблями, ружьями, тесаками, топорами, косами. Всѣ поселяне, бывшіе въ состояніи поднять оружіе, раздѣлены на конныя и пѣшія команды, содержавшія ночные разъѣзды и караулы. Города послѣдовали сему примѣру, и назначили число гражданъ конныхъ и пѣшихъ, соразмѣрное своему населенію, подъ начальствомъ городничихъ, которые обязаны были дѣйствовать вмѣстѣ съ уѣздными начальниками. Въ помощь батальону внутренней стражи, вооружили часть Тульскихъ мѣщанъ и снабдили ихъ пиками. За нѣсколько дней передъ войною послѣдовалъ на имя Тульскаго Губернатора Высочайшій рескриптъ о сборѣ съ губерніи 700,000 рублей на покупку воловъ для арміи. Дворянство тотчасъ взнесло всю сумму изъ собственныхъ доходовъ. При выступленіи изъ Дриссы, Государь приказалъ перевезть въ Калугу изъ сельскихъ магазиновъ Тульской губерніи

(*) Донесеніе Гражданскаго Губернатора Богданова Министру Полиціи, отъ 21-го Іюля, № 464.

69,872 четверти крупъ, сухарей и овса, съ платою отъ казны за сію поставку. Дворянство отказалось отъ вознагражденія, и немедленно выставило хлѣбъ въ назначенныя мѣста. Губернаторъ доносилъ: «Имѣя въ виду настоящее положеніе и на«добность любезнаго Отечества, съ чувствами усерд«ныхъ сыновъ приноситъ Дворянство такое пожерт«вованіе, и обязуется изъ собственныхъ своихъ «прибытковъ засыпать взятый нынѣ въ магазинахъ «хлѣбъ, безъ всякой уплаты (*).»

7), *Въ Калугѣ* получено Высочайшее воззваніе черезъ Графа Ростопчина, съ слѣдующею припискою: «Теперь всего нужнѣе дворяне и стрѣлки.» Пока съѣзжалось дворянство, приглашенное въ Калугѣ, какъ и вездѣ, черезъ нарочныхъ, купечество взнесло въ двои сутки 150,000 рублей, а Гражданскій Губернаторъ Каверинъ заказалъ на заводахъ тесаки, послалъ въ Тульскій и Шостенскій заводы покупать оружіе и порохъ, велѣлъ исправить хранившіяся отъ прежней милиціи 18,000 пикъ, до 1,500 сабель, пистолетовъ, тесаковъ, рогатинъ, выписалъ изъ Тулы кузнецовъ для дѣланія оружія, прибавилъ почтовыхъ лошадей на главныхъ дорогахъ для скорѣйшаго сообщенія, предложилъ начальнику внутренней стражи и бывшей въ Калугѣ понтонной ротѣ усилить въ губернскомъ городѣ патрули,

(*) Донесеніе Гражданскаго Губернатора Богданова Министру Полиціи, отъ 3-го Августа, № 3,678.

и отрядить солдатъ къ земскимъ судамъ и городничимъ для содѣйствія имъ въ успѣшномъ исполненіи предписаній начальства. По съѣздѣ дворянства въ Калугу, выставило оно 15,000 воиновъ, раздѣленныхъ на 1 конный и 5 пѣшихъ казачьихъ полковъ, и 1 батальонъ егерей. Въ теченіе мѣсяца, Ополченіе было сформировано, снабжено оружіемъ, провіантомъ, аммуниціею. Какъ въ Твери и Тулѣ, такъ и въ Калугѣ повелѣно было Государемъ заготовить продовольственные запасы на счетъ казны, для чего назначено 1,125,00 рублей. Дворянство приняло заготовленіе на себя безденежно, и сверхъ опредѣленнаго количества 69,772-хъ четвертей пожертвовало до 10,000; весь хлѣбъ былъ свезенъ не болѣе, какъ въ двѣ недѣли. Сіи и доставленные въ Калугу изъ Тулы запасы принесли величайшую пользу для арміи, которая весь Августъ мѣсяцъ продовольствовалась ими въ Вязьмѣ, Гжатскѣ, Можайскѣ, и до самаго обращенія своего черезъ Москву къ предѣламъ Калужской губерніи. На три уѣзда: Калужскій, Перемышльскій и Козельскій возложено было, вмѣсто слѣдующей пропорціи муки, доставить то же количество сухарями. Къ 30-му Іюля сухари были готовы и отсылаемы прямо въ армію на крестьянскихъ подводахъ, которыхъ въ иной день собиралось въ Калугѣ до 7,000. Сими же запасами, кромѣ арміи, продовольствовались проходившія команды и плѣнные. Въ послѣдствіи часть хлѣба раздана была

несчастнымъ обывателямъ Вяземскаго, Гжатскаго, Можайскаго и Верейскаго уѣздовъ, изгнанным изъ жилищъ своихъ и скитавшимся по Калужской губерніи, безъ покрова и пропитанія. Когда начали формировать Ополченіе, Калужскій Губернаторъ издалъ воззваніе къ гражданамъ, гдѣ, между прочимъ, помѣщены слѣдующія слова, живо выражающія чувствованія, одушевлявшія тогда Россію:

«Дворянство понесетъ жизнь свою и жизнь своихъ дѣтей, поведетъ съ собою крестьянъ, единственное свое достояніе, оправдаетъ отличныя права свои и преимущества отличными подвигами. Груды костей пораженнаго непріятеля будутъ неизгладимыми памятниками достохвальныхъ подвиговъ ихъ, если онъ простретъ далѣе дерзость свою. Къ вамъ, почтенные граждане, отношу теперь Монаршее воззваніе, зная совершенно, что и вы не откажетесь пожертвовать капиталомъ своимъ на вооруженіе Ополченія, которое идетъ на защиту вашихъ дѣтей, вашихъ домовъ, васъ самихъ. Прахъ отцовъ вашихъ возопіетъ на васъ, если укосните вашимъ избыткомъ жертвовать въ сихъ смутныхъ обстоятельствахъ Отечества. Слезы потомковъ вашихъ изліются предъ судомъ Божіимъ на обвиненіе васъ, если отречетесь участвовать въ предлежащемъ подвигѣ.»

8), Легко вообразить съ какими затрудненіями сопряжено было образованіе Ополченія въ *Смоленской* губерніи, застигнутой военною грозою, черезъ шесть недѣль послѣ начала войны. Доставленіе въ армію запасовъ и продовольствія, препровожденіе

на подводахъ: раненыхъ, больныхъ и резервныхъ войскъ, отправленіе изъ Смоленска артиллерійскихъ парковъ, Кадетскаго Корпуса, присутственныхъ мѣстъ, частнаго имущества, требовали чрезвычайныхъ усилій со стороны крестьянъ, занятыхъ полевыми работами, и неожиданно огромленныхъ нашествіемъ. 10-го Іюля полученъ въ Смоленскѣ Манифестъ о вооруженіи, и черезъ 5 дней начали прибывать армейскія тяжести; 19-го пришелъ Дохтуровъ; вслѣдъ за нимъ явились объ Западныя арміи. Вся губернія была въ тревогѣ, но усердіе Смольянъ превозмогло всѣ препятствія. Въ неимовѣрно короткое время, въ 8 дней (*), свели ратниковъ въ Дорогобужъ, гдѣ формировалось Ополченіе. Для вооруженія его назначилъ Барклай де-Толли изъ обѣихъ Западныхъ армій ружья и карабины отъ кавалерійскихъ полковъ, съ патронами, послѣ чего въ каждомъ эскадронѣ осталось по 10-ти ружей или карабиновъ. Онъ приказалъ также раздать 665 ружей и карабиновъ способнѣйшимъ изъ удѣльныхъ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы они, оставаясь вооруженными въ своихъ жилищахъ, могли защищать ихъ отъ непріятеля (**). 12,447 человѣкъ поступили въ Ополченіе, составлявшее самую малую часть изъ приношеній Смоленской

(*) Донесеніе Гражданскаго Губернатора Барона Аша Министру Полиціи, отъ 20-го Февраля 1813, № 46.

(**) Донесеніе Министру Полиціи Гражданскаго Губернатора Барона Аша, отъ 27-го Іюля 1812, № 2,276.

губерніи на алтарь Отечества. Ея пожертвованія были неимовѣрны. Доколѣ наши войска находились въ ея предѣлахъ, отдавала она все, что имѣла, что могла, безъ счета и мѣры, безъ вѣса и квитанцій, выставляя вдвое и втрое противъ того, сколько требовалось. До выступленія арміи изъ Смоленской губерніи, простирались ея пожертвованія до 9,824,000 рублей, кромѣ хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ: муки 91,271 и овса 16,322 четвертей. По выходѣ изъ губерніи Русскихъ войскъ удалились и жители. Они бѣжали отъ срама непріятельскаго нашествія, или вооружались противъ враговъ, оставляя на расхищеніе достояніе и домы, которые хотя не вездѣ были преданы огню, но рѣшительно повсюду подвергались жестокому, самому опустошительному разоренію.

Съ небольшимъ въ мѣсяцъ, всѣ губерніи 1-го округа снарядили Ополченіе, и оно частію выступило и частію готово было къ походу въ назначенныя каждому мѣста, а именно: Московское къ Воскресенску, Звенигороду и Подольску, Тверское къ Клину, Ярославское къ Дмитрову, Владимірское въ Богородскъ, Рязанское къ Каширѣ, Тульское къ Серпухову, Калужское къ Можайску и Вереѣ (*).

Числительная сила Ополченія 1-го округа:

1) Московское . . . . . 25,834 челов.
2) Тверское . . . . . 13,301 ——
3) Ярославское . . . . . 11,112 ——

(*) Высочайшій рескриптъ Графу Ростопчину, отъ 19-го Іюля.

4) Владимірское	15,086	——
5) Рязанское	15,918	——
6) Тульское	12,809	——
7) Калужское	15,000	——
8) Смоленское . , ...	12,477	——
Итого . . .	121,537	челов.

Губернскими и полковыми начальниками Ополченія 1-го округа были: *Московскаго*: Начальникъ, Генералъ-Лейтенантъ Графъ Марковъ; полковые начальники: Генералъ-Маіоры: Талызины 1-й и 2-й, Князь Одоевскій, Свѣчинъ, Обрѣзковъ, Графъ Санти, Лопухинъ, Арсеньевъ, Лаптевъ; Полковники: Князь Четвертинскій, Аргамаковъ и Свѣчинъ. *Тверскаго*: Начальникъ, Генералъ-Лейтенантъ Тыртовъ; полковые начальники: Генералъ-Маіоры: Кишенскій, Баклановскій, Загряжскій; Дѣйствительные Статскіе Совѣтники: Полтарацкій и Князь Шаховской, Полковникъ Болтинъ. *Ярославскаго*: Начальникъ, Генералъ-Маіоръ Дедюлинъ; полковые начальники: Полковники Селифонтовъ и Михайловъ; Подполковники: Соколовъ, Куломзинъ и Князь Ухтомскій, коего мѣсто занялъ въ послѣдствіи Подполковникъ Омельяновъ. *Владимірскаго*: Начальникъ, Генералъ-Лейтенантъ Князь Голицынъ; полковые начальники: Генералъ-Маіоръ Меркуловъ; Дѣйствительные Статскіе Совѣтники Страховъ и Зубовъ; Полковники: Поливановъ, Черепановъ и Нефедьевъ, по смерти коего назначенъ Подполковникъ Костянскій. *Рязанскаго*: Начальникъ,

Генералъ-Маіоръ Измайловъ; полковые начальники: Генералъ-Маіоръ Кишкинъ; Полковники: Масловъ, Дубовицкій, Князь Друцкой, Рынкевичъ и Рахмановъ, и Подполковникъ Масловъ. *Тульскаго*: Начальникъ, Гражданскій Губернаторъ Богдановъ; полковые начальники: Генералъ-Маіоры: Князь Щербатовъ, Миллеръ и Рахмановъ, (послѣ него Колюбакинъ); Полковники: Владычинъ, Свѣчинъ и Бобрищевъ-Пушкинъ, и Подполковникъ Беклемишевъ; командиръ конной роты, Маіоръ Кучинъ. *Калужскаго*: Начальникъ, Генералъ-Лейтенантъ Шепелевъ; полковые начальники: Генералъ-Маіоръ Львовъ, Бригадиръ Князь Львовъ, Полковники: Раевскій, Яковлевъ и Шепелевъ, и Подполковникъ Львовъ. *Смоленскаго*: Начальникъ, Генералъ-Лейтенантъ Лебедевъ; потомъ Генералъ-Маіоръ Вистицкій.

2-й ОКРУГЪ.

Губерніи 2-го Округа С.-Петербургская и Новгородская не уступили подмосковнымъ. 17-го Іюля собралось Петербургское дворянство и было привѣтствуемо слѣдующею рѣчью Губернскаго Предводителя Жеребцова.

«Предки наши, родоначальники сего знаменитаго сословія, къ спасенію Отечества стекались подъ знамена Государя, каждый со своей дружиною, кто сколько возмогъ привести на ополченіе. Намъ остается послѣдовать ихъ примѣру. Наша православная Вѣра, святость алтарей Божіихъ, наша честь, наше Отечество, въ семействахъ

нашихъ лѣтами отягченные родители, нѣжныя супруги, невинные младенцы, всѣ одними устами требуютъ нашего пожертвованія. Поспѣшимъ! Соединимся союзомъ вѣрной братіи, союзомъ древнихъ Россовъ; утвердимся въ единомысліи! Единодушіе есть твердѣйшая преграда, оно есть неразрывная цѣпь союза и благоденствія! Соединимся всѣ, съ крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ. Вручимъ себя Богу и Царю нашему. Спасемъ Отечество, или, умирая, сохранимъ честь Росса, вѣрноподданнаго Александра!»

Приступили къ выбору начальника. Никто не колебался кому дать свой голосъ; не было ни бѣлыхъ шаровъ, ни черныхъ. Единогласно произнесли имя полководца, на котораго съ наступленія опасности указывала Россія. «Кутузова! Кутузова!» загремѣло повсюду. Къ нему отправилась депутація, извѣстить его о выборѣ дворянства и пригласить въ собраніе. Кутузовъ пріѣхалъ, остановился посреди залы, возлѣ стола, и давъ пройдти первому впечатлѣнію, произведенному его присутствіемъ, произнесъ слѣдующія слова: «Господа! я вамъ многое хотѣлъ говорить.... «скажу только, что вы украсили мои сѣдины...» Слезы полились изъ глазъ его. Онъ изъявилъ готовность принять начальство надъ Ополченіемъ, но съ ограниченіями, изложенными въ слѣдующемъ письмѣ его къ Императору, находившемуся тогда въ Москвѣ:

«17-го числа сего мѣсяца Петербургское Дворянское Общество призвало меня въ свое собраніе, гдѣ объявили всеобщее желаніе, дабы я принялъ начальство Ополченія

Петербургской губерніи, отъ дворянства составляемаго. Дабы отказомъ не замедлить ревностныхъ дѣйствій дворянства, принялъ я сіе предложеніе и вступилъ въ дѣйствіе по сей части, но съ такимъ условіемъ, что будучи въ дѣйствительной Вашего Императорскаго Величества военной службѣ, ежели я вызванъ буду къ другой коммиссіи, или какимъ либо образомъ сіе мое упражненіе Вашему Императорскому Величеству будетъ не угодно, тогда я должность сію оставить долженъ буду другому, по избранію дворянства.»

Въ ожиданіи Высочайшаго соизволенія, которое вскорѣ послѣдовало, Кутузовъ принялъ временное начальство надъ Ополченіемъ, и приказалъ учредить два Комитета: одинъ для пріема ратниковъ, другой для пожертвованій, то есть, онъ сдѣлалъ то, что за два дня передъ тѣмъ было постановлено въ Москвѣ. Дворянство, не выходя изъ собранія, приступило къ набору со ста душь 4–хъ ратниковъ, но узнавъ вскорѣ, что въ Москвѣ ставятъ десятаго человѣка, прибавило по шести къ назначеннымъ со ста душь 4–мъ воинамъ. Помѣщики обязались снабдить ратниковъ провіантомъ на 3 мѣсяца и жалованьемъ по 2 рубля въ мѣсяцъ на человѣка, обработывать поля воиновъ, сохранять ихъ хозяйство и платить за нихъ подати. Сверхъ того положено: каждому дворянину, имѣющему въ столицѣ домъ, или близъ нея дачу, единовременно внести по 2 процента, выключая тѣхъ дворянъ, коихъ домы цѣною ниже 5,000 рублей, развѣ такихъ домовъ будетъ два,

или болѣе, и сложная цѣна ихъ окажется выше сей суммы. Дворянамъ, имѣющимъ капиталы, сдѣлано особенное приглашеніе участвовать въ пожертвованіяхъ. Что касается до устройства и содержанія Ополченія, то дворянство совершенно отдалось въ волю и распоряженія своего знаменитаго Начальника, предоставивъ ему также, въ случаѣ назначенія его на другое мѣсто, избрать по себѣ преемника.

Въ слѣдующій день открыты Комитеты ополченія: экономическій и устроительный, и составлено Положеніе, въ сущности похожее на Положеніе о Московской военной силѣ, съ слѣдующими измѣненіями: 1), Ополченіе дѣлилось не на полки, но на дружины, дружины на сотни; каждая дружина, въ числѣ 821 человѣка, состояла изъ людей одного уѣзда или въ сосѣдствѣ живущихъ; люди одного селенія не были разлучаемы въ рядахъ. 2), Ополченіе было снабжено ружьями, отпущенными изъ арсенала. Сабли и тесаки пѣшему ополченію не полагались, но каждому ратнику даны топоръ и лопата. Пріемъ офицеровъ и воиновъ продолжался каждый день отъ утра до вечера, и единовременно формировались 15 дружинъ, числомъ въ 12,985 человѣкъ. Одна дружина состояла изъ мѣщанъ Петербургскихъ и Нарвскихъ, выставленныхъ по особому усердію Купеческихъ Обществъ сихъ городовъ. Знамя ополченія было бѣлое полотняное, съ восьмиконечнымъ крестомъ по срединѣ и надписью по обѣимъ сторонамъ: «Симъ

«побѣдиши.» По угламъ, въ лавровыхъ вѣнкахъ, подъ коронами, находилось вензеловое изображеніе Имени Государя. При средствахъ, доставляемыхъ отъ Правительства Петербургской военной силѣ на счетъ обученія и вооруженія, она была наилучше устроенная изъ всѣхъ Ополченій. Въ каждую дружину опредѣлено для обученія по 5-ти унтеръ-офицеровъ учебнаго полка, и цѣлый батальонъ внутренней стражи размѣщенъ по всѣмъ дружинамъ. Для сего же предмета назначены были два полка: Воронежскій пѣхотный и 2-й морской, отъ чего на каждаго солдата доставалось по 4 и по 5 ратниковъ. Правила для ученья были слѣдующія: 1), Знать свое мѣсто въ шеренгѣ и въ ряду, и людей, стоявшихъ впереди, позади и по обѣимъ сторонамъ. 2), Ни въ какомъ случаѣ не отрываться отъ сихъ людей; даже и въ разсыпномъ строѣ не терять ихъ изъ вида. 3), Ружью учить только нести на плечѣ, правильно заряжать, стрѣлять и дѣйствовать штыкомъ. 4), Учить поворотамъ и маршировать фронтомъ, взводами, по отдѣленіямъ и нужнымъ построеніямъ. Не искать въ маршѣ красоты, и ограничиться тѣмъ, чтобы люди ступали въ одну ногу.

Кромѣ пѣшаго Ополченія вооружились въ Петербургѣ 2 конные казачьи полка изъ охотниковъ: одинъ назывался Смертоноснымъ, другой Александровскимъ. Лошади для нихъ поставлены отъ города; обозъ выстроенъ изъ пожертвованныхъ денегъ.

Наконецъ, Петербургское дворянство предполагало собрать со ста душъ по 3 человѣка, и изъ нихъ учредить временную внутреннюю земскую стражу, пѣшую и конную, для истребленія могшихъ внезапно ворваться въ губернію мародеровъ и вредныхъ разглашателей, отысканія дезертировъ, препровожденія плѣнныхъ и пересылаемыхъ черезъ губернію людей, и вообще для вспомоществованія земской полиціи. Предположеніе сіе не состоялось по измѣнившимся обстоятельствамъ, но Государь изъявилъ дворянству за такое усердіе особенное Монаршее благоволеніе. Въ одно время съ образованіемъ Ополченія приносимы были добровольныя пожертвованія: кто отдавалъ собственныя деньги, кто отказывался отъ получаемыхъ изъ казны жалованья, пенсіи, столовыхъ денегъ, для обращенія ихъ на нужды государственныя. Всякъ жертвовалъ чѣмъ могъ, и въ самомъ непродолжительномъ времени пожертвованія возрасли до 4-хъ милльоновъ; въ томъ числѣ поступило 2 милльона отъ купечества. Желаніе вступать во временную силу являлось столь общимъ, что черезъ нѣсколько дней всѣ офицерскія мѣста были заняты, и сверхъ того добровольно поступали въ ратники купцы, мѣщане и ремесленники. Колонисты, живущіе около Петербурга, сдѣлавъ денежное пожертвованіе, объявили вмѣстѣ готовность по востребованію принять оружіе. Одинъ купецъ, не имѣя никакого состоянія, представилъ въ Ополченіе своего

сына. Въ числѣ воиновъ, присланныхъ отъ Градской Думы, оказалось трое родныхъ братьевъ, добровольно вызвавшихся на службу. Также представляли дворовыхъ людей въ полномъ вооруженіи. Подобные примѣры случались во множествѣ во всѣхъ губерніяхъ. Свидѣтель общаго порыва, Государь удостоилъ Кутузова слѣдующимъ рескриптомъ: «Съ удовольствіемъ «усмотрѣли Мы въ С.-Петербургскомъ дворянствѣ «то же самое рвеніе и усердіе къ Намъ и Отечеству, «какое видѣли въ Московскомъ дворянствѣ, почему «и поручаемъ вамъ: Губернатору, предводителямъ и «всему здѣшнему благородному сословію объявить «благоволеніе Наше и признательность.»

Нельзя не упомянуть о театральныхъ зрѣлищахъ, гдѣ во всей силѣ проявлялись патріотическія чувствованія. Французскимъ актерамъ въ Петербургѣ было отказано, а сумма, употребляемая на ихъ содержаніе, обращена на вспоможеніе разореннымъ отъ непріятелей семействамъ. На Русскомъ театрѣ были представленія, возбуждавшія народную славу. Толпами стекались рукоплескать Пожарскому и Димитрію Донскому. Появилось новое представленіе, подъ названіемъ: «Ополченіе,» и балетъ: «Любовь къ «Отечеству.» Зрители были доведены до изступленія, особливо, когда 80-ти лѣтній актеръ, Дмитревскій, нѣкогда украшеніе Русской трагедіи, и уже 20 лѣтъ оставившій театръ, явился въ видѣ престарѣлаго инвалида, шедшаго жертвовать Отечеству

драгоцѣнными вознагражденіями службы, трудовъ и крови, тремя медалями, украшавшими его грудь, въ молодости геройскую, а теперь уже безсильную, но все еще пламенѣющую любовію къ Россіи. Нельзя описать восторга зрителей. Балетъ имѣлъ такое же дѣйствіе. Одно движеніе знамени, съ надписью: «За «Отечество,» возбуждало слезы, крики, неумолкаемыя рукоплесканія. Иные, выходя изъ театра, на другой день бѣжали записываться въ Ополченіе.

2), «*Новгородское* дворянство,» доносилъ Государю Генералъ-Губернаторъ Принцъ Ольденбургскій, «всегда благоговѣющее къ Августѣйшей волѣ Ва«шего Величества, и слѣдуя движенію праведнаго «негодованія противъ врага и благородной готовно«сти не щадить ни живота, ни достоянія противъ «его покушеній, по одному, такъ сказать, манове«нію предположило безъ малѣйшаго отлагательства «составить по губерніи десяти-тысячный корпусъ. «Все одѣяніе на сіе войско, продовольствіе его про«віантомъ и жалованьемъ, словомъ: полное содержа«ніе, пріемлетъ губернія на себя на годъ. Купече«ство, горя желаніемъ содѣйствовать дворянству, «назначило на военныя надобности до 200,000 руб«лей» (*). Годовой снарядъ одеждою, жалованьемъ и провіантомъ стоилъ дворянству до милльона рублей (**). Ополченіе Новгородское, въ числѣ 16,435-ти

(*) Донесеніе Государю Принца Ольденбургскаго, отъ 15-го Іюля.

(**) Донесеніе Начальника округа, отъ 15-го Августа, № 4,241.

человѣкъ, было сформировано въ одинъ мѣсяцъ. Петербургское состояло изъ 12,985–ти, а потому Ополченія обѣихъ губерній 2–го округа заключались въ 23,420–ти человѣкахъ.

Губернскіе и полковые начальники Ополченія 2–го округа были: *С – Петербургскаго:* Князь Кутузовъ, потомъ Генералъ–Лейтенантъ Баронъ Миллеръ–Закомельскій; командиры отрядовъ: Сенаторъ Бибиковъ и Генералъ–Маіоръ Бегичевъ; начальники дружинъ: Генералъ–Маіоры: Ададуровъ, Кошелевъ, Карповъ, Князь Мышецкій и Великопольскій; Дѣйствительный Камергеръ Мордвиновъ; Бригадиръ Скворцовъ; Статскіе Совѣтники: Бестужевъ и Николевъ; Полковники: Дубянскій, Шеміотъ, Елагинъ, Черновъ и Мейбаумъ. *Новгородскаго:* Начальникъ, Генералъ Свѣчинъ; полковые начальники: Полковники: Диринъ, Графъ Головинъ, Погребовъ и Десятовъ.

3–й ОКРУГЪ,

подъ начальствомъ Графа Толстаго, состоялъ изъ 6–ти губерній: Казанской, Пензенской, Костромской, Нижегородской, Симбирской и Вятской. Во всѣхъ, по полученіи Манифеста 6–го Іюля, дворянство немедленно съѣхалось въ губернскіе города по вызову начальниковъ губерній. Оно опредѣлило выставить Ополченіе, въ однѣхъ губерніяхъ по 3, въ другихъ по 4 человѣка со ста. На содержаніе, одежду и вооруженіе ратниковъ, а въ иныхъ губерніяхъ на жалованье и обезпеченіе содержанія неимущихъ

офицеровъ, и такихъ, которые были бы изувѣчены на полѣ сраженія, назначали положительные денежные взносы и открывали подписки для добровольныхъ пожертвованій по городамъ и уѣздамъ. Между тѣмъ послѣдовалъ Манифестъ 18-го Іюля, повелѣвавшій начать въ низовыхъ губерніяхъ составленіе военной силы съ 1-го Сентября, дабы преждевременнымъ съ нихъ сборомъ ратниковъ не отвратить поселянъ отъ сельскихъ работъ. Для обученія ратниковъ подчинены были Графу Толстому всѣ воинскія команды, находившіяся въ расположеніи 3-го округа, кромѣ учебнаго батальона въ Казани. 1-го Сентября приступили къ образованію военной силы въ губерніяхъ Нижегородской и Костромской, а потомъ, въ теченіе того же мѣсяца, и въ другихъ губерніяхъ. Вятская губернія, по малочисленности въ ней дворянскихъ имѣній, представляя незначительный участокъ Ополченія, причислена была къ Казанской. Государь, усмотрѣвъ изъ сихъ распоряженій, что по 3-му округу собиралось со ста душъ только по 4 воина, между тѣмъ, какъ въ другихъ округахъ съ нѣкоторыхъ губерній взималось по 10-ти, велѣлъ, для уравненія въ повинности 3-го округа съ прочими, наборъ людей произвести равный съ ними, взявъ до 10-ти человѣкъ со ста душъ. Потомъ наборъ сей былъ отмѣненъ, а предписано въ дополненіе къ собраннымъ прежде 4 воинамъ взять со ста душъ по 2, исключая мелкопомѣстные

участки, на долю коихъ причиталось поставить натурою воина, не болѣе какъ съ 9-ти душь. Дополнительный наборъ, подчиненный особому начальнику, Генералъ-Маіору Булыгину, назвали резервнымъ. Къ нему присоединили оставшихся отъ перваго Ополченія больныхъ, слабыхъ, по неспособности слѣдовавшихъ къ перемѣнѣ, и 3 легкія артиллерійскія роты, особо на сей предметъ сформированныя.

Ополченіе 3-го округа составлено было слѣдующимъ образомъ:

Нижегородское, 5 пѣшихъ полковъ и 1 конный	12,462 челов.
Костромское, 4 полка пѣшихъ и 1 батальонъ, да 1 конный полкъ	10,519 ———
Пензенское, 3 полка пѣшихъ и 1 конный	9,356 ———
Симбирское, 4 полка пѣшихъ и 1 конный	8,871 ———
Казанское, обще съ Вятскимъ, 1 полкъ пѣшихъ и 1 батальонъ, да 328 конныхъ казаковъ	2,977 ———
3-го округа резервное Ополченіе . . .	19,520 ———
Итого 3-го округа .	63,705 ———
1-го округа	121,537 ———
2-го округа	23,420 ———
ВСЕГО Ополченія. .	208,662 ———

Губернскими и полковыми начальниками Ополченія 3-го округа были: Корпусные начальники: Генералъ-Маіоры Муромцовъ и Титовъ. *Нижегородскаго*: Начальникъ, Дѣйствительный Камергеръ Князь

Грузинскій ; полковые начальники : Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Козловъ; Полковники: Каратаевъ, Агалинъ , Князь Звенигородскій , Раль и Шебуевъ. *Костромскаго* : Начальникъ , Генералъ – Лейтенантъ Бардаковъ ; полковые начальники : Полковники : Князь Вяземскій и Черевинъ ; Подполковникъ Щулепниковъ ; флота Капитанъ 2–го ранга Макавѣевъ; Полковникъ Небольсинъ. *Пензенскаго* : Начальникъ, Генералъ–Маіоръ Кишенскій ; полковые начальники: Полковники : Селунскій , Дмитріевъ и Безобразовъ; Подполковники : Кушперевъ и Войниковъ. *Симбирскаго*: Начальникъ , Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Князь Тепишевъ ; полковые начальники : Генералъ–Маіоръ Князь Оболенскій ; Полковникъ Самойловъ, Капитанъ Топорнинъ; флота Капитанъ 2–го ранга Филатовъ; Штабсъ-Ротмистръ Третьяковъ. *Казанскаго* и *Вятскаго*: начальникъ, Генералъ-Маіоръ Булыгинъ; полковой начальникъ, Подполковникъ Чичаговъ.

Губерніи, составлявшія округи Ополченія, принесли большія денежныя и вещественныя пожертвованія, кромѣ поставки ратниковъ и снабженія ихъ всѣмъ нужнымъ. Онѣ доставляли въ дѣйствующія арміи хлѣбъ, обозы, лошадей, воловъ, тулупы, сапоги, устроивали лазареты для раненыхъ и больныхъ. Сверхъ того, губерніи 2–го и 3–го округовъ обмундировали и содержали 24 полка , формировавшіеся подъ начальствомъ Князя Лобанова–Ростовскаго. Всѣ пожертвованія приносимы были въ даръ Отечеству

по единодушнымъ приговорамъ дворянскихъ и гражданскихъ обществъ, при чемъ обыкновенно постановлялось: не требовать отъ казны вознагражденій. Въ числѣ пожертвованій замѣчательно необыкновенно большое количество ружей, сабель, пистолетовъ, шпагъ, палашей, даже пушекъ. Въ частныхъ домахъ не осталось никакого оружія. Невозможно исчислить въ подробности и съ нѣкоторою опредѣлительностію, на какія суммы простирались пожертвованія въ каждой губерніи, потому что были они весьма многоразличны и разнообразны, судя по мѣстному положенію края. По приблизительной оцѣнкѣ, основанной на свѣдѣніяхъ, какія только можно было собрать нынѣ, оказывается, что приношенія губерніи, гдѣ было Ополченіе, простирались въ каждой отъ 4-хъ до 6-ти милльоновъ, а въ иныхъ, по смежности съ театромъ войны, и болѣе. Слово Царское подвигло мгновенно на брань слишкомъ 200,000 мирныхъ поселянъ, разверзло богатства 50-ти милльоновъ жителей и исполнило ихъ усердіемъ — ничего не щадить для Отечества. Напримѣръ, въ опредѣленіи Симбирскаго дворянства сказано было: «Внимая «гласу Монаршаго воззванія, по случаю нашествія «на Отечество наше непріятелей, дворянство едино«гласно изъявило желаніе, оставя женъ и дѣтей сво«ихъ, препоясаться всѣмъ до единаго и идти защищать «Вѣру, Царя и домы, не щадя живота своего» (*).

(*) Опредѣленіе Симбирскаго дворянства, 12-го Августа.

Сперва не надѣялись имѣть достаточно офицеровъ для Ополченія, тѣмъ болѣе, что при началѣ войны большое число отставныхъ генераловъ и офицеровъ пожелали опять вступить въ армейскіе полки. Однихъ генераловъ принято, въ 1812–мъ году, изъ отставки, 37. Недостатокъ въ офицерахъ оказался только въ нѣкоторыхъ губерніяхъ 3–го округа, гдѣ формировалось Ополченіе позже, когда уже большая часть отставныхъ и дворянъ вступили въ армію и во временное земское войско губерній 1–го округа. Не смотря на лѣта и семейныя обстоятельства, всѣ спѣшили подъ знамена. Ни одинъ дворянинъ, способный владѣть оружіемъ, не уклонился отъ принятія участія въ священномъ дѣлѣ. Молодымъ людямъ нельзя было показаться во фракахъ ни въ обществахъ, ни на гуляньяхъ, не слыша упрековъ, за чѣмъ они не въ военномъ мундирѣ. Люди, никогда не помышлявшіе видѣть ратное поле, получившіе съ дѣтства совсѣмъ другое, нежели къ военной службѣ назначеніе, изъ духовныхъ семинарій, гражданскихъ училищъ, Академіи Художествъ, Горнаго Корпуса, Александровской Мануфактуры, Министерствъ, присутственныхъ мѣстъ, просили, какъ милости, позволенія ополчиться. Въ Калугѣ 22 воспитанника благороднаго пансіона, учрежденнаго при губернской гимназіи, и нѣсколько учителей вступили въ Ополченіе. Въ Казанскомъ Университетѣ начали учить студентовъ фронтовой службѣ, для приготовленія ихъ

по первому вызову идти противъ непріятеля. Были примѣры, что молодые люди отроческихъ лѣтъ убѣгали изъ родительскихъ домовъ и записывались въ полки.

Манифестъ о всеобщемъ вооруженіи былъ читанъ по церквамъ, провозглашаемъ въ дворянскихъ и градскихъ собраніяхъ, и обращалъ всѣ умы и сердца къ одному предмету. Каждый, забывъ о собственныхъ дѣлахъ, помышлялъ только о средствахъ отвратить опасность, угрожавшую Отечеству. Граждане и служащіе, поселяне и ремесленники, охотно принимались за поспѣшное исполненіе назначаемыхъ имъ отъ Правительства порученій. На площадяхъ и улицахъ, народъ громогласно изъявлялъ свое усердіе, восклицая: «Пусть ведутъ насъ всѣхъ противъ «общаго врага; да повелитъ Милосердый Государь «всѣхъ насъ вооружить!» Рѣдкій изъ Губернаторовъ, въ донесеніяхъ къ начальству, не вмѣнялъ себѣ въ особенную честь, что управленіе губерніею доставляло ему случай быть свидѣтелемъ событій, гдѣ, при каждомъ предложеніи о нуждахъ Государственныхъ, являлось стремленіе предупреждать волю Правительства. Въ начальники губернскихъ ополченій и полковъ были избраны большею частію лица, принадлежавшія къ старинным дворянскимъ родамъ, искони служившимъ подпорою Имперіи. Внуки являлись достойными дѣдовъ, и въ свою очередь будутъ примѣромъ для потомковъ. При чтеніи нарочно сочиненной молитвы о дарованіи побѣды,

и священники и міряне заливались слезами. Благочестіе издревле составляетъ отличительное свойство Русскаго народа, и потому излишне упоминать, что во всѣхъ городахъ и уѣздахъ, приступая къ распоряженіямъ для вооруженія земской силы, испрашивали благословенія Божія и отправляли въ храмахъ моленія. Провидѣніе осѣнило Своимъ покровомъ благое начинаніе.

—

ГЛАВА II.

ВООРУЖЕНІЕ ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ, НЕ ВОШЕДШИХЪ ВЪ СОСТАВЪ ОПОЛЧЕНІЯ.

—

Губерніи: Таврическая, Херсонская, Екатеринославская, Полтавская, Черниговская, Кіевская, Харьковская, Кавказская, Оренбургская, земля Донскихъ казаковъ; губерніи: Астраханская, Саратовская, Воронежская, Орловская, Тамбовская, Курская, Вологодская, Олонецкая, Архангельская, Псковская, Лифляндская, Эстляндская; Финляндія; Сибирскія губерніи.

—

Манифестъ 18-го Іюля ограничивалъ Ополченіе только 17-ю губерніями, но сіе воззваніе Государя уже застало Россію посреди повсемѣстнаго вооруженія, потому что предшествовавшимъ оному 12-ю днями Манифестомъ 6-го Іюля призывалось все Государство къ оборонѣ. Хотя такимъ образомъ общее вооруженіе и было отмѣнено, однако же не должно пройдти въ молчаніи готовность всей Россіи устремиться къ оружію. Для изображенія возстанія ея по гласу Монаршему, надобно обозрѣть всѣ губерніи

порознь, и изложить какое впечатлѣніе произвелъ въ каждой изъ нихъ Манифестъ 6-го Іюля. Начнемъ съ юга.

Въ *Таврической* губерніи дворянство единогласно положило: 1), Дворянъ, способныхъ носить оружіе, со всѣми записанными за ними людьми, считать государственными ратниками, и всѣмъ по первому призыву идти для обороны Отечества, вооруженнымъ на собственный счетъ, а неимущимъ на счетъ общихъ пожертвованій отъ губерніи. Людей, не принадлежащихъ къ дворянскому сословію, вразумлять о долгѣ вѣрноподданныхъ и преклонять къ защитѣ Отечества. 2), Поголовное вооруженіе не должно затруднять многочисленностію своею распорядка и выступленія Ополченія, куда потребуется; потому, для ускоренія, собрать ратниковъ изъ ближайшихъ къ Россіи уѣздовъ, Днѣпровскаго и Мелитопольскаго, по 3 человѣка со 100 душъ; имѣвшіе менѣе 33-хъ душъ, обязаны взносить соразмѣрную сумму денегъ. Собственно въ Крымскомъ полуостровѣ, гдѣ имущества владѣльцовъ состоятъ болѣе изъ садовъ, виноградниковъ, лѣсовъ и ненаселенныхъ земель, опредѣлено пожертвованіе деньгами. 3), Никому не давать права отказаться отъ избранія. 4), Дворянинъ, поставивъ ратниковъ, обязанъ одѣть ихъ прилично, вооружить ихъ, дать каждому по рублю жалованья въ мѣсяцъ, содержать провіантомъ, и на каждаго имѣть въ готовности провіанта

на 3 мѣсяца. 5), Кромѣ сего первоначальнаго ополченія, дворянство обязалось и впредь ставить ратниковъ, сколько бы ихъ ни потребовалось. 6), Каждый дворянинъ долженъ былъ пожертвовать деньгами не менѣе 10-й части своего годоваго дохода. 7), Татары и другихъ племенъ жители изъявили желаніе комплектовать 4 конные полка, бывшіе въ арміяхъ, и дали подписку служить Его Величеству Падишаху не только иждивеніемъ, но и жизнію. Въ подпискѣ сказано: «Не останутся свобод«ными отъ сей обязанности и сыны наши, кои мо«гутъ держаться на лошади; всѣ должны идти на «войну противъ Француза.» 8), Казенные крестьяне обязались выставить по 3 ратника со 100 душь, вооружить ихъ, снабдить провіантомъ на 9 мѣсяцовъ и для половины изъ нихъ дать лошадей. Такъ Таврическая губернія хотѣла двинуть всѣ свои силы по первому повелѣнію, но когда, 18-го Іюля, была изъята отъ Ополченія, ограничилась денежнымъ пожертвованіемъ. Открыли подписку для добровольныхъ пожертвованій: деньгами, хлѣбомъ и разными вещами собрано на сумму 650,000 рублей.

Въ *Херсонской* губерніи предполагалось собрать въ Ополченіе по 1-му человѣку съ 50 душь, одѣть на подобіе казаковъ, вооружить, кто какъ могъ, и поставить людей въ двѣ недѣли. Во всѣхъ уѣздахъ открыли добровольно подписки, взносили деньги и разныя потребности для войскъ. Въ Одессѣ, тогда

еще немноголюдной, собрали въ нѣсколько дней до 300,000 рублей. Кромѣ пожертвованій денежныхъ, многіе изъ жителей просили позволенія служить въ арміи охотниками, въ томъ числѣ 50 Грековъ. Нѣсколько хозяевъ купеческихъ кораблей домогались патентовъ на крейсерство, съ цѣлью вредить Французской торговлѣ. Бугская Войсковая Канцелярія донесла, что войско, не смотря на исключеніе края изъ Ополченія, добровольно и на свой счетъ снарядило казачью дружину въ 500 человѣкъ, и просило только оружія, ибо имѣла въ немъ недостатокъ, присовокупляя, что войско готовитъ еще 500 человѣкъ, для замѣна убыли въ рядахъ своихъ собратій (*). Сынъ перваго атамана Бугскихъ казаковъ, помѣщикъ Скаржинскій, составилъ изъ своихъ крестьянъ и вольныхъ людей конный эскадронъ въ 180 человѣкъ, вооруженный и содержимый на его счетъ, присоединился съ нимъ къ 3-й арміи и находился съ нею въ дѣлахъ противъ непріятеля.

Дворянство *Екатеринославской* губерніи положило собрать съ 25-ти душъ по 1-му человѣку, съ приличною одеждою, вооруженіемъ и провіантомъ на 3 мѣсяца, имѣя его въ готовности еще на столько же, для поставки по первому востребованію. Въ Ополченіи полагалось также 500 человѣкъ конныхъ, коихъ должно было ставить съ лошадьми и сбруею: «Мѣра

(*) Прозьба Бугскаго войска къ Новороссійскому Военному Губернатору Дюку де-Ришелье, отъ 10 го Августа.

«сего Ополченія,» сказано въ постановленіи 25-го Іюля, «опредѣляется теперь на первый только случай; «впрочемъ, при надобности, такое же число рат- «ныхъ людей готово на службу. Дворянство, буду- «чи всегда преисполнено усердіемъ и ревностію къ «исполненію Монаршей воли, поставляетъ себѣ за «непремѣнный долгъ, предпочитая общее благо и «спокойствіе Имперіи выгодамъ частнымъ, жертво- «вать людьми къ службѣ способными, всѣмъ достоя- «піемъ и самимъ собою на пораженіе врага.» Зем- ское войско, въ числѣ 10,000 человѣкъ, уже наби- ралось, когда Манифестъ 18-го Іюля остановилъ распоряженія по ополченію. Тогда сдѣланъ былъ новый приговоръ слѣдующаго содержанія: «Екате- «риносла́вское дворянство раздѣляетъ чувство вѣр- «ныхъ сыновъ Россіи въ желаніи ознаменовать себя «наравнѣ съ другими губерніями въ пользѣ и услу- «гѣ своей. Разсуждая о способахъ, какіе оно «имѣетъ, чтобы показать свое усердіе на пользу об- «щую, полагаетъ, сверхъ тѣхъ приношеній, какія «уже частно по возможности каждаго сдѣланы, «представить еще на издержки по военнымъ дѣйст- «віямъ въ распоряженіе верховной власти 25,000 «рублей, каковую сумму внесть отъ дворянства изъ «собственнаго его иждивенія.» Русское и Греческое градскія общества въ Таганрогѣ, поселяне Грече- скихъ хуторовъ, Армяне въ Нахичеванѣ и Греки въ Маріуполѣ, назначали собрать болѣе 270 ратниковъ,

и составили для содержанія ихъ капиталъ, простиравшійся до 109,000 рублей.

Дворянство *Полтавской* губерніи опредѣлило вооружить въ двѣ недѣли 25-го человѣка изъ крестьянъ своихъ, пѣшихъ и конныхъ по равному числу, снабдить ихъ одеждою, оружіемъ, жалованьемъ и провіантомъ на годъ. Изъ собранныхъ 16,116-ти человѣкъ, вооруженныхъ саблями, пиками и частію огнестрѣльнымъ оружіемъ, сформировали 7 пѣшихъ полковъ и 4 конныхъ, шести-сотенную команду для нестроевой службы и батальонъ для прислуги по госпиталямъ. Независимо отъ земскаго ополченія, сформировано особо изъ казаковъ Полтавской губерніи 9 конныхъ полковъ, каждый въ 1,200 человѣкъ, которые присоединились къ арміямъ. Пожертвованія Полтавской губерніи простирались до 3-хъ милльоновъ рублей. Губернскій предводитель Трощинскій, нѣкогда занимавшій важныя государственныя мѣста, заключилъ донесеніе свое объ Ополченіи слѣдующими словами: «За верхъ счастія почитаю, что въ пре«клонности лѣтъ моихъ, когда не имѣю силъ под«нять руки къ защитѣ Царя и Отечества, я могъ «руководствовать къ ополченію за нихъ воиновъ изъ «предводимаго мною сословія, пламенѣющихъ рве«ніемъ предпоставить стѣною грудь кичащемуся вра«гу, сразить его, или изъ труповъ своихъ воздвиг«нуть преткновенный для него оплотъ.» Евреи оказывали также примѣрное усердіе. Одинъ Раввинъ

написалъ изъ Полтавы посланіе къ своимъ единовѣрцамъ въ Бѣлоруссію. Представляя, что ни въ какой другой землѣ Евреи не пользуются такою вѣротерпимостію и такими выгодами, какъ въ Россіи, онъ увѣщевалъ ихъ пребыть вѣрными Россійскому Монарху, оказывать услуги нашимъ военнымъ начальникамъ, увѣдомляя ихъ тайно и поспѣшно другъ черезъ друга о войскахъ непріятельскихъ, числѣ ихъ, расположеніи, намѣреніяхъ, и обо всемъ, могущемъ послужить ко вреду враговъ. Раввинъ предписывалъ наложить посты и усердно молиться объ успѣхѣ Русскаго оружія, что и было исполняемо въ разныхъ мѣстахъ Бѣлорусскихъ и даже Литовскихъ губерній. Евреи молились за Русскихъ, постились и получали побои отъ Французовъ. «Богъ Всемогущій,» такъ заключилъ Раввинъ свое посланіе, «да поможетъ «вамъ содѣйствовать къ защитѣ Отечества: 10 запо«вѣдей Господнихъ вамъ то повелѣваютъ, а я усерд«но отъ васъ того желаю и требую.»

Въ *Черниговской* губерніи дворянство положило отдать въ Ополченіе по 6-ти человѣкъ со ста душъ. Ополченіе раздѣлено было по уѣздамъ, гдѣ каждое имѣло своего уѣзднаго начальника. Хотя губернія была изъята отъ вооруженія, но Ополченія не распускали, оставляя для ея охраненія отъ вторженія непріятельскихъ шаекъ со стороны губерній Могилевской и Смоленской, гдѣ происходили военныя дѣйствія. Съ тою же цѣлью, кромѣ Ополченія,

поставлено нѣсколько казачьихъ полковъ и учреждена на границахъ карантинная цѣпь изъ казаковъ, подъ начальствомъ дворянъ, особо для того избранныхъ, и всѣ обыватели пограничные вооружены для охраненія и защиты отъ непріятеля (*). Когда приступили къ вооруженіямъ въ Черниговской губерніи, Губернскій Предводитель писалъ къ уѣзднымъ маршаламъ: «Прошу покорнѣйше провозгласить въ ва«шемъ повѣтѣ дворянству, да обнаружитъ всякъ, «имѣющій силу и возможность, духъ свой, кипящій «неустрашимостію при всякомъ случаѣ жертвовать «жизнію для блага Отечества. Сверхъ того, клятва «предъ Богомъ, важность коей всѣмъ намъ извѣстна, «наши чувства, поселенныя въ насъ любовію къ «Монарху и Отечеству, внушаютъ смѣлость не ща«дить въ подобныхъ случаяхъ жизни своей до по«слѣдней капли крови. Съ сею твердою рѣшимостію: «жить или умереть за Отечество, да соберется въ «каждомъ повѣтовомъ городѣ благородное дворян«ство, и да покажетъ въ новѣйшія времена при«мѣръ, что имя спасителей Отечества справедливо «оно на себѣ носитъ. Если же твердость и единоду«шіе положены будутъ въ основаніе сему Ополченію,

(*) «О числительной силѣ вооруженій и пожертвованіяхъ Чер«ниговской губерніи удовлетворительныхъ свѣдѣній по дѣ«ламъ не оказывается.» Отношеніе Черниговскаго Губернскаго Предводителя къ Гражданскому Губернатору, отъ 29-го Сентября 1836, № 559.

«то можетъ ли кто встрѣчать препятствія въ со-«держаніи своемъ во время прехожденія того по-«ста, къ коему патріотизмъ каждаго предназначаетъ? «Гдѣ жизнь обречена на опасность, тамъ могутъ ли «вещи, прилѣпляющія къ ней, пощажены быть на «удовлетвореніе надобностей, необходимыхъ при «ополченіи на защиту ея?»

Кіевское дворянство опредѣлило выставить въ Ополченіе съ 500 душъ по 3 воина. Чигиринской и Черкаскій уѣзды, гдѣ помѣщики большею частію Русскіе, согласились поставить въ Ополченіе не по 3, а по 5 ратниковъ, снабдивъ ихъ полною аммуниціею и провіантомъ. Магистратъ, имѣя у себя до 1,000 человѣкъ конныхъ реестровыхъ изъ купечества и мѣщанъ, употребилъ ихъ, по выступленіи изъ Кіева гарнизона, на содержаніе карауловъ, конвои и командировки. Изъ казенныхъ лѣсныхъ надзирателей составлена была конная команда. Вещественныя отъ разныхъ сословій пожертвованія, изъ которыхъ однако же многія требовались въ видѣ повинностей, простирались до 4-хъ милльоновъ рублей.

Дворяне *Харьковской* губерніи положили составить Ополченіе съ 50-ти душъ по 1-му человѣку. Казенные крестьяне и прочія сословія, узнавъ о семъ положеніи, просили допустить ихъ къ участію и желали поставить ратниковъ наравнѣ съ помѣщичьими крестьянами. Въ Ополченіе назначалось 13,211 человѣкъ. Сверхъ того опредѣлено было взнести

единовременно на издержки по рублю съ души, и заготовить провіантъ и фуражъ для первоначальнаго продовольствія людей и лошадей.

Дворянство *Кавказской* губерніи хотѣло собрать 487 ратниковъ, по 1-му съ 10-ти душъ владѣльческихъ; на вооруженіе, продовольствіе ихъ и покупку лошадей, съ каждой ревижской души по 3 рубля. Съ дворянъ и владѣльцовъ, имѣвшихъ, кромѣ крестьянъ, особыя имѣнія или заведенія, назначенъ 10-ти процентный сборъ съ доходовъ.

Не смотря на обширность *Оренбургской* губерніи, все дворянство необыкновенно скоро собралось въ Уфу и единодушно изъявило желаніе: «жертвовать «всѣмъ достояніемъ, и собою, еслибы потребова«лось.» Съ хребтовъ Урала двинулось въ походъ 23 полка пятисотенныхъ и одинъ Оренбургскій Атаманскій тысячный. Въ полки поступило дворянъ, Татарскихъ Князей и Мурзъ до 400; одинъ Мурза явился на службу со всѣмъ своимъ родомъ, самъ 21. Желающихъ идти на защиту Отечества было такъ много, что Уголовная и Казенныя Палаты затруднялись въ увольненіи своихъ чиновниковъ, непремѣнно хотѣвшихъ служить въ арміи.

Войсковая Донская Канцелярія опредѣлила на Дону всеобщее ополченіе, не изъемля ни одного человѣка, способнаго носить оружіе. Служилые, отставные, всякаго рода льготные, маловажными должностями занятые офицеры, урядники и писаря,

казаки и подростки до 19-ти лѣтняго возраста, всѣ должны были идти на войну; исключались только дряхлые старики и совершенные калѣки. Всѣмъ приказано запасаться оружіемъ, нужными для похода вещами, и быть готовыми по первому повелѣнію выступить въ 24 часа. То же предписано причисленнымъ къ войску Калмыкамъ и Татарамъ. Для лучшаго успѣха въ снаряженіи ратныхъ людей и необходимыхъ распоряженій, въ каждомъ Сыскномъ Начальствѣ были особые окружные начальники. Въ Новомъ и Старомъ Черкаскѣ и Аксаѣ описано все оружіе по настоящимъ цѣнамъ, и приказано полиціи наблюдать, чтобы не возвышалась на него продажная цѣна. Ополченіе составило 26 полковъ съ 6-ю орудіями конной артиллеріи, всего 15,000 человѣкъ и 416 офицеровъ. Денежныя приношенія стекались со всего Дона; между прочимъ 234 торговыхъ казака изъ Новочеркаска, Старочеркаской и Усть-Аксайской станицъ пожертвовали 93,000 рублей на снаряженіе неимущихъ казаковъ, назначенныхъ къ походу, а дворянство 1,500 лошадей. Когда берега Дона оглашались воинственными кликами собиравшихся на службу воиновъ, и въ мастерскихъ раздавался звукъ выдѣлываемаго оружія, Донское дворянство, изготовившееся все безъ изъятія на защиту Отечества, поставило 3,074 ратника изъ состоявшихъ въ его владѣніи 76,868-ми душъ, снабдило ихъ одеждою, оружіемъ и провіантомъ на полгода, съ выдачею единовременно по 3 рубля на человѣка.

За изданіемъ Манифеста 18-го Іюля запасное войско осталось въ домахъ, и выступило въ походъ, какъ послѣ увидимъ, уже въ Сентябрѣ.

Въ *Астрахани* Манифестъ 6-го Іюля былъ переведенъ на разные Азіятскіе языки, и мгновенно начались денежныя пожертвованія:

Православное духовенство до	15,000 руб.
Дворянство и чиновники —	300,000 —
Русскіе купцы и мѣщане около . . .	80,000 —
Армянское общество болѣе	100,000 —
Татарское общество —	23,000 —
Индійцы, Персіяне и Хивинцы . . .	45,000 —

Кромѣ того добровольно ставили лошадей, сукно, 5,000 копьевъ, а помѣщики, за которыми считалось всего 957 душъ, 30 рекрутовъ. Получено было повелѣніе собрать 2 Калмыцкихъ полка; черезъ 20 дней они были готовы и выступили въ походъ.

Саратовское дворянство положило собрать со 100 душъ по 2 ратника, и на расходы по рублю съ души. 271 иностранныхъ колонистовъ изъявили желаніе вступить въ службу, и по Высочайшему повелѣнію приглашены къ опредѣленію въ Россійско-Германскій легіонъ. Въ *Воронежѣ* и *Орлѣ*, по полученіи Манифеста 6-го Іюля, дворянство, для единообразія въ распоряженіяхъ, отправило депутатовъ въ Москву, узнать какія мѣры принимались тамъ на счетъ образованія земскаго войска. Между тѣмъ въ Воронежѣ, дворяне и купцы единодушно изъявили

готовность «не щадить ни живота ни достоянія.» Въ *Орловской* губерніи, за отмѣною общаго вооруженія, формировали въ уѣздахъ Брянскомъ и Трубчевскомъ, на иждивеніи дворянства Ополченіе; въ Брянскѣ назначили въ него со 100 душь по 2, въ Трубчевскѣ со 100 душь по 4 человѣка, съ содержаніемъ и возможнымъ вооруженіемъ. Въ *Тамбовской* губерніи дворянство хотѣло выставить на первый случай по 2 человѣка со 100 душь, вооружить ихъ, одѣть и снабдить провіантомъ на 4 мѣсяца. Въ опредѣленіи объ Ополченіи сказано: «Если потре«буется на защиту Отечества болѣе назначеннаго «числа ратниковъ, то во всякое время тотчасъ обя«заны не только воинами, но и всѣмъ достояніемъ, «даже и самою жизнію охотно жертвовать на пользу «любезнѣйшаго Отечества.» Въ *Курскѣ* дворянство положило ополчить пѣшихъ 14,074 и конныхъ 899 человѣкъ. 781 человѣкъ дворянъ добровольно изъявили желаніе вступить въ земское войско. Пожертвованія Курской губерніи деньгами, хлѣбомъ, лошадьми, волами, простирались болѣе чѣмъ на 2 милльона.

Вологодское дворянство единодушно опредѣлило поставить съ 100 душь по 6-ти человѣкъ, принять на себя 6-ти мѣсячное продовольствіе и собрать на непредвидимые расходы по 50-ти копѣекъ съ души. Для обмундированія неимущихъ офицеровъ внесено добровольно, по подпискѣ, болѣе 9,000 рублей. Сверхъ того, по Высочайшему повелѣнію набрано

изъ обитающихъ въ Вологодской губерніи племенъ, занимающихся звѣриною ловлею, 600 человѣкъ, съ тѣми самыми ружьями, какія употребляютъ они на своихъ промыслахъ. Сихъ звѣролововъ отправили въ Августѣ мѣсяцѣ на подводахъ въ Петербургъ, для присоединенія къ тамошнему Ополченію. Дворянство *Олонецкой* губерніи намѣревалось собрать съ 50 душь по 1–му ратнику, обмундировать на свой счетъ, снабдить оружіемъ, какое возможно было достать, жалованьемъ на годъ и провіантомъ на 6 мѣсяцовъ. По отмѣнѣ Ополченія велѣно было набрать 570 стрѣлковъ и отправить ихъ въ Петербургъ. Въ *Архангельской* губерніи, 389 крестьянъ, нѣсколько чиновниковъ и священническихъ дѣтей изъявили желаніе идти на службу, и были уже готовы къ отправленію, но послѣ Манифеста 18–го Іюля, остались при прежнихъ занятіяхъ. Въ замѣнъ того, жители Архангельской губерніи пожертвовали болѣе 100,000 рублей. *Псковское* дворянство положило поставить въ Ополченіе по 2 человѣка со 100 душь, снабдить одеждою, трехъ–мѣсячнымъ провіантомъ и дать по 10 рублей на ратника. Ополченіе было отмѣнено, но съ Іюля мѣсяца корпусъ Графа Витгенштейна оставался на продовольствіи Псковской губерніи, расходы коей въ Отечественную войну, какъ въ послѣдствіи подробно будетъ изложено, составляли около 13–ти милльоновъ рублей. Въ уѣздахъ пограничныхъ

съ театромъ войны собрали изъ помѣщичьихъ крестьянъ охранительную стражу.

Лифляндская губернія, изъятая изъ общаго вооруженія, добровольно собрала Ополченіе изъ 2,260-ти, и конный казачій полкъ изъ 2,000 человѣкъ, съ цѣлью помогать регулярнымъ войскамъ въ огражденіи границъ отъ нападенія непріятельскихъ отрядовъ и мародеровъ. Въ Дерптскомъ и Перновскомъ уѣздахъ, изобилующихъ лѣсами, собрали 200 стрѣлковъ и столько же на островѣ Эзелѣ. Кромѣ того формировались вольные отряды поручиковъ Шмита и Нирота. Всѣ студенты Дерптскаго Университета, обучавшіеся военнымъ наукамъ, поступили въ службу, вмѣстѣ съ своими профессорами. Обучавшіеся медицинѣ, заняли мѣста въ военныхъ госпиталяхъ. Студенты содержали на свой счетъ товарищей своихъ Курляндцовъ, лишенныхъ всякаго пособія, по случаю непріятельскаго нашествія. Въ теченіе войны, Лифляндское Дворянство, какъ добровольными приношеніями, такъ и по требованіямъ начальства, пожертвовало 3.095,000 руб. Главные предметы пожертвованій были: продовольствіе войскъ мясною и винною порціями, формированіе Ополченія и казачьяго полка, наемъ и прокормленіе рабочихъ при Рижскихъ и Дюнаминдскихъ укрѣпленіяхъ, тулупы для корпуса Графа Витгенштейна, лошади подъ артилерію, рогатый скотъ въ числѣ 7,000 головъ, усиленіе почтовыхъ станцій курьерскими лошадьми.

Эстляндская губернія, освобожденная отъ Ополченія, испрашивала позволенія вооружиться; но дворянство, полагая, что Латыши примутъ Ополченіе за своевольное принужденіе со стороны помѣщиковъ, ходатайствовало о произведеніи рекрутскаго набора. Въ теченіе 1812 года поставлено имъ съ каждыхъ 500 душъ по 17-ти рекрутовъ. Хотя въ дѣйствующихъ арміяхъ было тогда 324 офицера изъ Эстляндскаго дворянскаго сословія, однако же немногіе остававшіеся за тѣмъ въ губерніи дворяне также были приглашены вступить въ службу, и дворянство опредѣлило дать имъ средства послѣдовать гласу долга и чести. Оно приняло на себя содержаніе 20-ти офицеровъ, назначивъ каждому на все время войны по 1000 рублей и столько же на обмундировку. Для содержанія порядка и безопасности была учреждена гражданская стража и замѣнила войско въ содержаніи карауловъ. По примѣру Петербурга, составилось въ Ревелѣ женское патріотическое общество.

Финляндія тогда не болѣе 3-хъ лѣтъ была присоединена къ Россіи, однако же самые юные сочлены великаго Русскаго семейства, узнавъ объ опасности Отечества, изъявили готовность на составленіе Финскаго войска. Генералъ-Губернаторъ доносилъ, что объѣзжая ввѣренный ему край, онъ всюду находилъ чувства преданности къ Государю и усердіе къ общему благу. Гельзингфорскіе и другихъ городовъ купцы, гдѣ наняты были суда для перевозки

изъ Финляндіи войскъ, дѣлали большія уступки съ условной за то цѣны, а иные вовсе отъ нея отказались, прося обратить слѣдовавшія имъ деньги на формированіе временной военной силы въ Финляндіи. Общій голосъ требовалъ открытія подписки на добровольныя приношенія, къ которой приступили съ Высочайшаго соизволенія, въ намѣреніи употребить ее на содержаніе корпуса охотниковъ. Въ ожиданіи долженствовавшихъ поступить приношеній, Государь велѣлъ выдать впередъ, изъ милиціонныхъ доходовъ, потребное количество денегъ на составленіе Финскаго войска, и въ случаѣ недостатка пожертвованій обратить недостающую сумму на счетъ означенныхъ доходовъ. Войско должно было состоять изъ 3-хъ егерскихъ полковъ, въ каждомъ по 2 батальона въ 600 человѣкъ. Оно назначалось въ дѣло только при случаѣ нападенія непріятелей на Финляндію и губерніи, лежащія у береговъ Балтійскаго моря. Государь велѣлъ также выдать денежныя пособія тѣмъ молодымъ дворянамъ, которые, при всемъ своемъ желаніи, не могли вступить въ службу по бѣдности. Многіе опредѣлились въ полки, расположенные въ Финляндіи. Добровольныхъ приношеній поступило до 200,000 рублей, кромѣ значительнаго количества хлѣба, кожь, корпіи, которую вообще изъ всѣхъ губерній во множествѣ доставляли въ армію. Финляндское Правительство издало воззваніе къ участію въ пожертвованіяхъ и сформированіи

войска; сочинена была особенная молитва для чтенія въ церквахъ во все продолженіе войны.

Заключимъ обозрѣніе Сибирскимъ краемъ. Губернаторы повсюду разсылали Манифестъ 6-го Іюля и присовокупляли внушенія о ревностномъ его исполненіи. Дворянство *Пермской* губерніи большею частію имѣло пребываніе въ столицѣ и другихъ городахъ, а потому Губернаторъ, созвавъ главныхъ чиновниковъ присутственныхъ мѣстъ, опредѣлилъ съ ними на первый случай составить Ополченіе изъ 4,000 человѣкъ, но по отмѣнѣ Ополченія, приступлено было къ пожертвованіямъ, коихъ взнесено болѣе нежели на 211,000 рублей. Въ *Томской* губерніи приношенія простирались слишкомъ до 120,500 рублей (*). Въ *Иркутской* губерніи учредили Коммиссіи въ городахъ для пріема пожертвованій и желавшихъ вступить въ Ополченіе, разослали приглашеніе жителямъ Охотской и Камчатской областей, «по гласу «Отечества доказать свое усердіе, если не поставкою «людей по отдаленности, то посильными пожертво«ваніями.» Иркутскій Епископъ хотя и не имѣлъ еще оффиціяльнаго извѣщенія отъ Синода, но узнавъ объ опасности Отечества, издалъ пастырское увѣщаніе, предписалъ трехъ-дневное молебствіе и пощеніе, и первый взнесъ денежное пожертвованіе. Итогъ приношеній Иркутской губерніи составилъ болѣе 170,000 рублей. По ненахожденію въ ней дворянства,

(*) О Тобольской губерніи свѣдѣній не найдено.

не могло быть пожертвованія людьми, но нѣсколько гражданскихъ чиновниковъ пожелали вступить въ Московское Ополченіе, и по бѣдному состоянію были обмундированы и отправлены на счетъ добровольныхъ пособій. Патріотизмъ проявился и въ тѣхъ, которые своими преступленіями расторгли гражданскіе узы, соединявшіе ихъ съ Отечествомъ. Нѣсколько ссылочныхъ сдѣлали денежные взносы. Даже кочевые народы были готовы двинуться противъ непріятеля. Тунгусы, услышавъ уже спустя два года о нашествіи Французовъ, хотѣли на своихъ ланяхъ спѣшить на помощь Бѣлому Царю, котораго они называютъ «Высокое Солнце.»

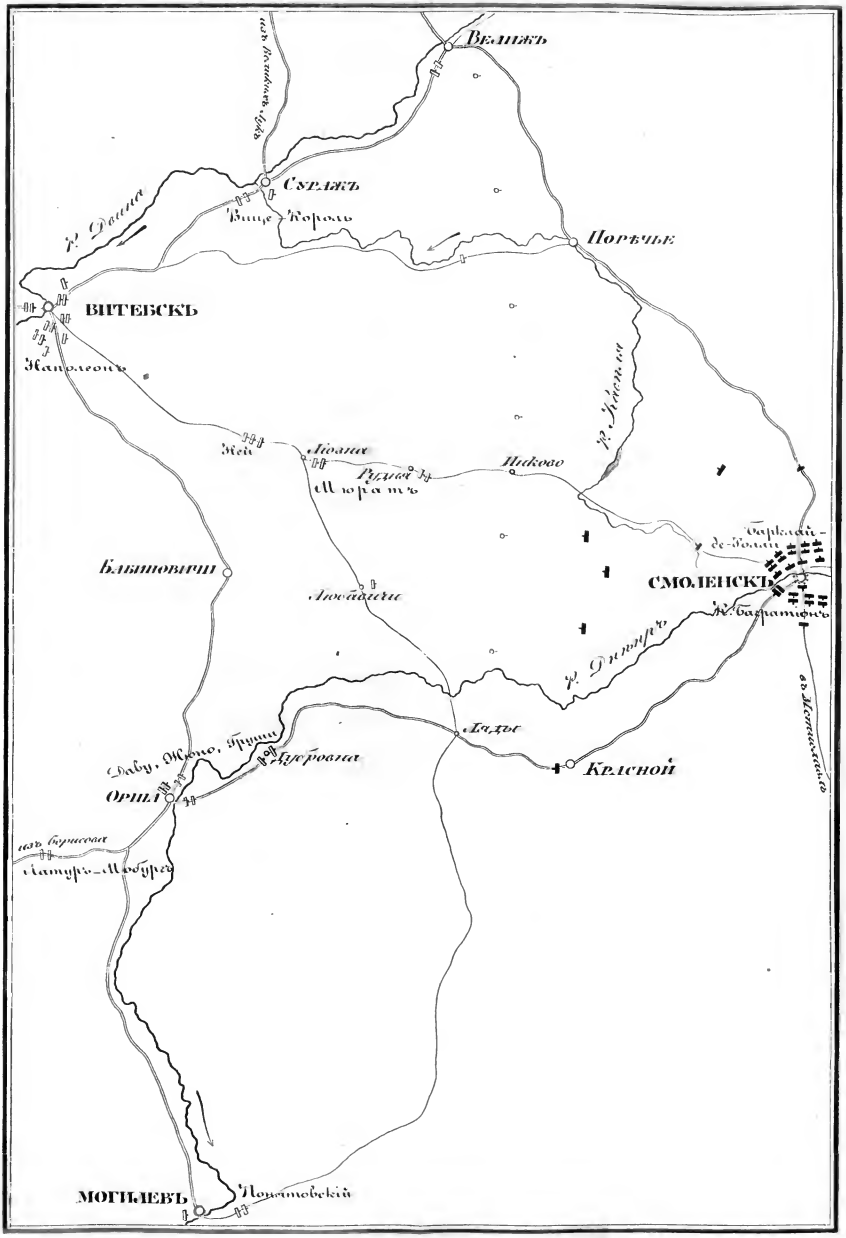
Не осталось города и селенія, гдѣ не воскипали бы любовію къ Отечеству. Ждали только повелѣнія идти поголовно. Всѣ племена неизмѣримой Россійской Имперіи слились въ одну душу, и не взирая на различіе нравовъ, обычаевъ, климата, нарѣчія, вѣры, доказали, что всѣ они, по чувствамъ, родные между собою. Не исчислены здѣсь тысячи подвиговъ частныхъ лицъ: какъ старцы препоясывались на брань, отцы и матери благословляли сыновей на одолѣніе враговъ; какъ всѣ и каждый несли въ даръ Отечеству что могли, не почитая своего усердія какимъ либо особеннымъ отличіемъ или заслугою. Мысли всѣхъ соединялись въ общемъ порывѣ — отстоять цѣлость Государства. Но главнымъ двигателемъ было дворянство. По даннымъ ему

правамъ управлять дѣйствіями большей части народа, по уваженію, стяжанному вѣковыми примѣрами вѣрности къ Престолу, соревнованія къ пользамъ Отечества въ войнѣ и мирѣ, дворянство явилось въ 1812-мъ году такимъ, какимъ было оно во всѣ вѣка существованія Россіи — ея неодолимою подпорою, или, какъ сказано въ одномъ изъ Манифестовъ Императора Александра, «умомъ и душею народа.»

—

N. 26.

Карта расположенія армій 22го Іюля.



ГЛАВА III.

ДВИЖЕНІЯ БЛИЗЪ СМОЛЕНСКА.

—

Расположеніе воюющихъ сторонъ.—Расположеніе Главной арміи Наполеона.—Намѣреніе Барклая де-Толли не отступать отъ Смоленска.—Высочайшій рескриптъ о наступательныхъ дѣйствіяхъ.—Военный Совѣтъ.—Причины движенія къ Рудн.—Первое движеніе къ Рудн.—Арміи останавливаются.—Дѣло при Молевомъ-Болотѣ. — Движеніе на Порѣчскую дорогу. — Обратный маршъ 2-й арміи къ Смоленску.—Предположеніе о совокупныхъ дѣйствіяхъ съ отдѣльными арміями. — Возобновленный маршъ на Рудненскую дорогу.

—

Въ такомъ положеніи находилась Россія въ Іюлѣ мѣсяцѣ, въ первую половину войны, долженствующей называться *Отечественною*, потому что все Отечество приняло въ ней участіе. Необходимо было изобразить, именно здѣсь, нравственное состояніе Имперіи, ибо приступаемъ къ описанію событій того времени, когда Наполеонъ вторгался уже въ самыя нѣдра Россійскаго Государства.

Въ исходѣ Іюля и первыхъ числахъ Августа, оставили мы враждующія войска въ слѣдующемъ расположеніи: (*) 1), Наполеонъ, съ 16-го Іюля, въ теченіе двухъ недѣль, стоялъ съ главными силами въ Витебскѣ; 2), Барклай де-Толли и Князь Багратіонъ были подъ Смоленскомъ, гдѣ соединились они 22-го Іюля; 3), Графъ Витгенштейнъ на правомъ берегу Двины, въ виду Полоцка, занятаго корпусами Сенъ-Сира и Удино; 4), Эссенъ въ Ригѣ; корпусъ Макдональда на пространствѣ отъ Митавы до Дюнабурга; 5), Тормасовъ за Стыремъ, имѣя противъ себя Князя Шварценберга и Ренье, стоявшихъ въ Киселинѣ и Локачахъ; 6), Чичаговъ на маршѣ изъ Валахіи, для соединенія съ Тормасовымъ; 7), Игнатьевъ въ Бобруйскѣ, Эртель у Мозыря; 8), Позади Наполеона, отъ Нѣмана до Днѣпра— своеволіе и насилія; позади Барклая де-Толли, Князя Багратіона и Графа Витгенштейна — образованіе ополченій въ 17-ти губерніяхъ, формированіе резервовъ Княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ во Владимірѣ, Милорадовичемъ въ Калугѣ и Клейнмихелемъ въ Москвѣ, и наконецъ вся Россія, готовая скорѣе погибнуть за Вѣру и Царя, нежели покориться врагу.

Расположеніе Главной арміи Наполеона, во время пребыванія его въ Витебскѣ, было слѣдующее: 1), Мюратъ съ кавалерійскими корпусами Нансути

(*) *Карта расположенія арміи 22-го Іюля, № 26.*

и Монбрена въ Ліознѣ и Руднѣ. 2), Позади его Ней. 3), На лѣвомъ крылѣ Вице – Король, въ Суражѣ и Велижѣ. 4), Гвардія въ Витебскѣ и окрестностяхъ. 5) Корпуса, отъ самаго Нѣмана посланные въ погоню за Княземъ Багратіономъ и на перерѣзъ его, не успѣвъ въ своемъ предпріятіи, не пошли далѣе Могилева за 2–ю арміею, но расположились такъ: Даву и Груши въ Оршѣ и Дубровнѣ, Понятовскій въ Могилевѣ, Вестфальскій корпусъ Жюно въ Оршѣ, Латуръ – Мобуръ на маршѣ къ Оршѣ изъ Бобруйска. Въ такомъ расположеніи прикрывались корпуса передовою цѣпью отъ Лядовъ, черезъ Инково до Велижа.

Намѣреніе Барклая де – Толли, имѣвшаго полную свободу дѣйствовать по усмотрѣнію своему и не стѣсненнаго никакимъ операціоннымъ планомъ, было: «ни при какихъ обстоятельствахъ не отступать «отъ Смоленска (*).» Самое единоначаліе, важное условіе успѣха, было утверждено изъявленною Княземъ Багратіономъ, хотя старшимъ въ чинѣ, готовностью подчинить себя Барклаю де–Толли и выполнять его распоряженія. Казалось, ничто не должно было воспрепятствовать наступательнымъ дѣйствіямъ, тѣмъ болѣе, что Императоръ начиналъ съ соболѣзнованіемъ взирать на продолжительное отступленіе,

(*) Отношеніе Барклая де Толли Князю Багратіону, отъ 16-го Іюля, № 545, и Смоленскому Губернатору, отъ 19-го Іюля, № 562.

достигнувшее наконецъ до Смоленска. Его Величество писалъ Барклаю де-Толли:

«Я получилъ донесенія ваши, какъ о причинахъ, побудившихъ васъ идти съ 1-ю арміею на Смоленскъ, такъ и о соединеніи вашемъ съ 2-ю арміею. Такъ какъ вы для наступательныхъ дѣйствій соединеніе сіе считали необходимо нужнымъ, то я радуюсь, что теперь ничто вамъ не препятствуетъ предпринять ихъ, и судя потому, какъ вы Меня увѣдомляете, ожидаю въ скоромъ времени самыхъ счастливыхъ послѣдствій. Я не могу умолчать, что хотя по многимъ причинамъ и обстоятельствамъ при начатіи военныхъ дѣйствій нужно было оставить предѣлы Нашей земли, однако же не иначе, какъ съ прискорбностію долженъ былъ видѣть, что сіи отступательныя движенія продолжились до Смоленска. Съ великимъ удовольствіемъ слышу Я увѣренія ваши о хорошемъ состояніи Нашихъ войскъ, о воинственномъ духѣ и пылкомъ ихъ желаніи сражаться. Не менѣе доволенъ также опытами отличной ихъ храбрости во всѣхъ бывшихъ доселѣ битвахъ, и терпѣливостію, оказанною ими во всѣхъ многотрудныхъ и долгихъ маршахъ. Вы развязаны во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ, безъ всякаго препятствія и помѣшательства, а потому и надѣюсь, что вы не пропустите ничего къ пресѣченію намѣреній непріятельскихъ и къ нанесенію ему всевозможнаго вреда; напротивъ того возьмете всѣ строгія мѣры къ недопусканію своихъ людей до грабежа, обидъ и разоренія поселянамъ и обывателямъ. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій о вашихъ наступательныхъ движеніяхъ, которыя,

по словамъ вашимъ, почитаю теперь уже начатыми. Поручая себя покровительству Божію, и твердо уповая на справедливость защищаемаго Мною дѣла, на искуство и усердіе ваше, на дарованія и ревность Моихъ генераловъ, на мужество и храбрость офицеровъ и всего воинства, ожидаю въ скоромъ времени услышать отступленіе непріятеля и славу подвиговъ вашихъ.»

По соединеніи обѣихъ армій простояли онѣ у Смоленска три дня, до 25-го Іюля, употребляя сіе время для печенія сухарей и пополненія убыли въ полкахъ запасными и резервными войсками; послѣ чего въ обѣихъ арміяхъ состояло подъ ружьемъ 120,000 человѣкъ; въ первой 77, во второй 43 тысячи. Собрали военный совѣтъ, гдѣ присутствовали: Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, оба Главнокомандующіе, Начальники Главнаго Штаба ихъ, Ермоловъ и Графъ Сенъ-При, и Генералъ-Квартирмейстеры Вистицкій и Толь. Они единодушно положили идти со всѣми силами на Руднюю, какъ на центръ расположенія Наполеона. Побудительныя на то причины изложены слѣдующимъ образомъ въ донесеніи Главнокомандующаго (*):

«1), Непріятель поспѣшно старается сосредоточить свои силы, кои еще тянутся по разнымъ направленіямъ, а особенно артиллерію, которая совсѣмъ осталась назади. Если дадимъ ему время къ совершенному сосредоточенію

(*) Донесеніе Государю Барклая де-Толли, отъ 25-го Іюля, № 603.

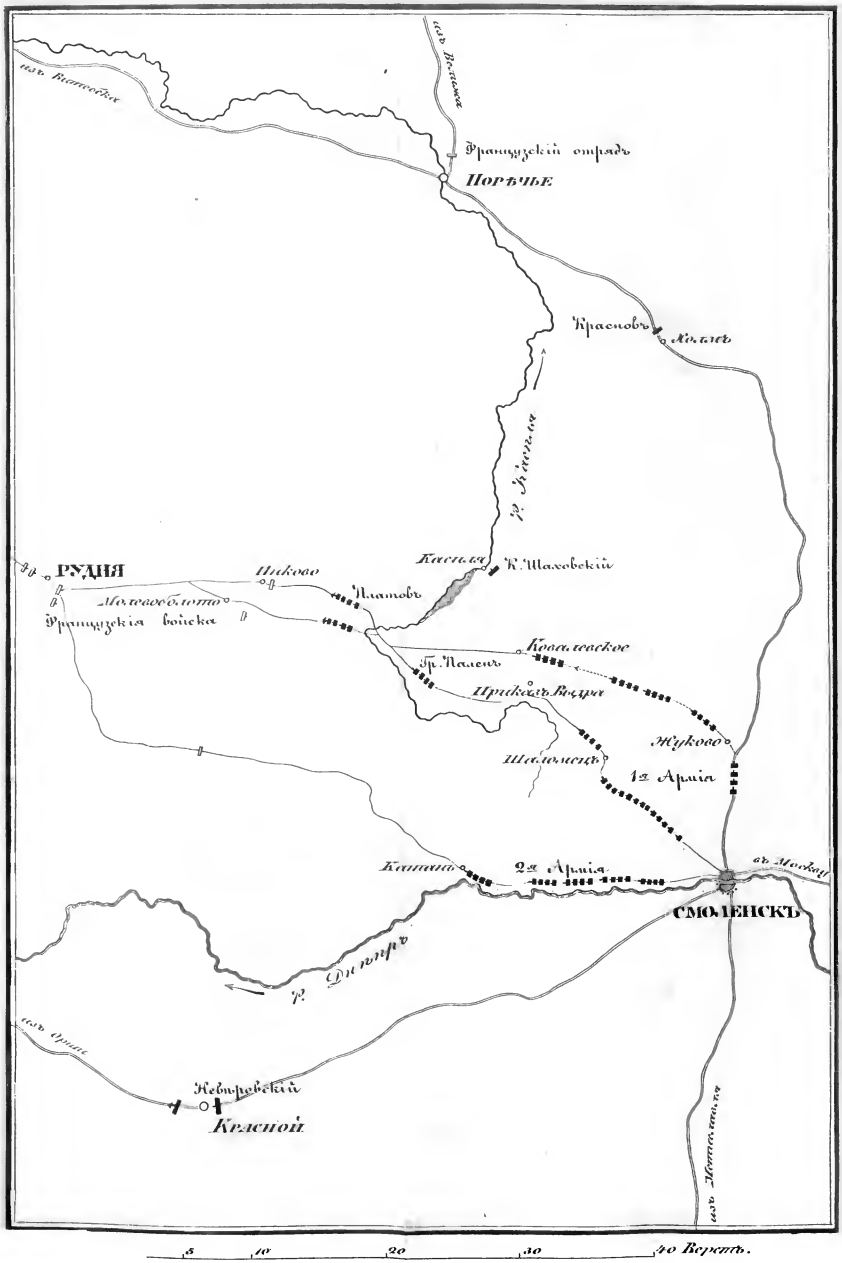
всѣхъ войскъ, тогда онъ превосходными противу насъ силами можетъ арміи наши атаковать подъ Смоленскомъ, гдѣ мѣстоположеніе таково, что нѣтъ вовсе позиціи, въ которой бы можно было поставить войска въ боевой порядокъ и дать сраженіе; напротивъ того, по дорогѣ къ Руднѣ откроются намъ мѣстоположенія выгодныя. 2), Чтобы выиграть время къ вооруженію внутри Государства новыхъ войскъ, необходимо нужно стараться непріятеля въ его предпріятіяхъ останавливать: сіе не можетъ иначе совершиться, какъ только одними наступательными дѣйствіями. 3), Если ограничимъ себя только тѣмъ, чтобы обойдти лѣвый флангъ непріятеля, то произвесть сіе можемъ одною только частію обѣихъ армій, ибо прямую Московскую дорогу нельзя никакъ оставить безъ прикрытія, потому, что непріятель найдетъ способъ обратить всѣ свои силы на отдѣльную часть армій и прорваться. 4), Въ случаѣ удачи, война возьметъ совсѣмъ другой оборотъ, а буде бы, противъ моей надежды, случилась неудача, тогда останется намъ свободная ретирада черезъ лѣса, въ тылу у насъ остающіеся, кои для сего заняты будутъ арріергардомъ.»

Донесеніе свое Главнокомандующій заключилъ слѣдующими словами:

«И такъ, Всемилостивѣйшій Государь, храбрыя Ваши войска, сего же числа, приготовляются къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Авангарды формируются и идутъ впередъ, чтобы тотчасъ опрокинуть непріятельскіе передовые посты и осмотрѣть позицію его, прежде нежели подоспѣетъ армія. Принеся теплыя молитвы Всевышнему,

N.27.

1-е Движение на РУДНО.



съ помощію Его идемъ истребить врага, но между тѣмъ чувствуемъ важность сего предпріятія и безъ нужды арміи Твои, Государь, опасности не подвергнемъ.»

Въ тотъ же день, Главнокомандующій, получивъ отъ Графа Витгенштейна донесеніе о Клястицкой побѣдѣ, писалъ ему о выступленіи своемъ къ Рудиѣ для нападенія на непріятеля, и убѣдительнѣйше просилъ его продолжать быстрыя движенія.

На разсвѣтѣ 26-го Іюля, обѣ арміи двинулись впередъ изъ окрестностей Смоленска, гдѣ остался одинъ полкъ для содержанія карауловъ и печенія сухарей (*). Воспрянула бодрость въ сердцахъ начальниковъ, развилось веселье между солдатами: то было первое наступательное движеніе въ походѣ. Жители Смоленска наполняли храмы и сопровождали мольбами защитниковъ своихъ. 1-я армія шла двумя колоннами: одною, черезъ Жуково къ Ковалевскому, другою черезъ Шаломецъ на Приказъ-Выдру; 2-я армія направлялась на Катань; Платовъ съ казаками составлялъ авангардъ; Невѣровскій, съ 27-ю дивизіею, посланъ въ Красной, для наблюденія Оршанской дороги. Такъ какъ его дивизія состояла изъ вновь сформированныхъ войскъ, то одна ея бригада, Ставицкаго, была на время прикомандирована къ корпусу Раевскаго, отъ котораго, въ замѣнъ ея, дали Невѣровскому два старыхъ полка. Къ нему назначили еще полки: Харьковскій драгунскій

(*) *Первое движеніе на Рудню, № 27.*

и 3 казачьихъ. Въ Красномъ примкнулъ къ нему Генералъ-Маіоръ Оленинъ, который уже двѣ недѣли стоялъ тамъ, съ небольшимъ отрядомъ изъ бывшихъ въ Смоленскѣ запасныхъ батальоновъ и добровольно вооружившихся Смоленскихъ дворянъ. Въ числѣ ихъ первые явились на службу четверо братьевъ Лесли. Они привезли письмо престарѣлаго отца своего, изъявлявшаго готовность, если нужно, не смотря на преклонность лѣтъ, идти съ своими сыновьями.

Маршъ 26-го Іюля совершился благополучно: 1-я армія пришла въ Приказъ-Выдру, 2-я въ Катань, Платовъ къ Инкову; въ подкрѣпленіе ему слѣдовалъ отрядъ Графа Палена, состоявшій изъ одной егерской бригады и 4-хъ гусарскихъ полковъ. Другой отрядъ, Генералъ-Маіора Князя Шаховскаго, занялъ деревню Касплю, на оконечности Касплянскаго озера; третій, Генералъ-Маіора Краснова, стоялъ въ Холмѣ и наблюдалъ Порѣчскую дорогу. На слѣдующій день, согласно съ намѣреніемъ, принятымъ въ Смоленскѣ, надлежало продолжать маршъ къ Инкову, потомъ къ Руднѣ. Арміи переночевали: 1-я въ Приказъ-Выдрѣ, 2-я въ Катани, и готовились, 27-го поутру, къ выступленію. Генералъ-Квартирмейстеры поѣхали впередъ для обозрѣній по дорогѣ къ Руднѣ и занятія лагерныхъ мѣстъ, но вдругъ Главнокомандующій отдалъ приказаніе не трогаться арміямъ. Онъ перемѣнилъ свое намѣреніе идти на Рудню, получивъ донесеніе, что непріятельскій отрядъ

стоитъ въ Порѣчьи. Обстоятельство сіе возбудило опасеніе Барклая де-Толли на счетъ праваго крыла армій. Его озабочивала мысль, чтобы во время марша къ Руднѣ, Наполеонъ не двинулся въ тылу его, изъ Порѣчья къ Смоленску. Онъ доносилъ изъ Приказъ-Выдры:

«Мнѣ кажется, что самъ Наполеонъ съ своею гвардіею, частію легкой конницы и всею тяжелою кавалерією, долженъ имѣть пребываніе въ Витебскѣ; по крайней мѣрѣ, навѣрно полагать можно, что сіи войска стоятъ между Витебскомъ и Порѣчьемъ, ибо въ противномъ случаѣ не могъ бы оставаться въ семъ послѣднемъ мѣстѣ находящійся тамъ непріятельскій отрядъ, который, по послѣднимъ извѣстіямъ, довольно силенъ и состоитъ изъ пѣхоты, конницы и артиллеріи. Имѣя противъ себя непріятеля искуснаго, хитраго и умѣющаго пользоваться всѣми случаями, я въ необходимости наблюдать строжайшія правила осторожности, тѣмъ болѣе, что главнѣйшій нашъ предметъ есть выиграніе нужнаго времени, въ теченіе котораго ополченія и приготовленія внутри Имперіи могли бъ быть приведены въ устройство.»

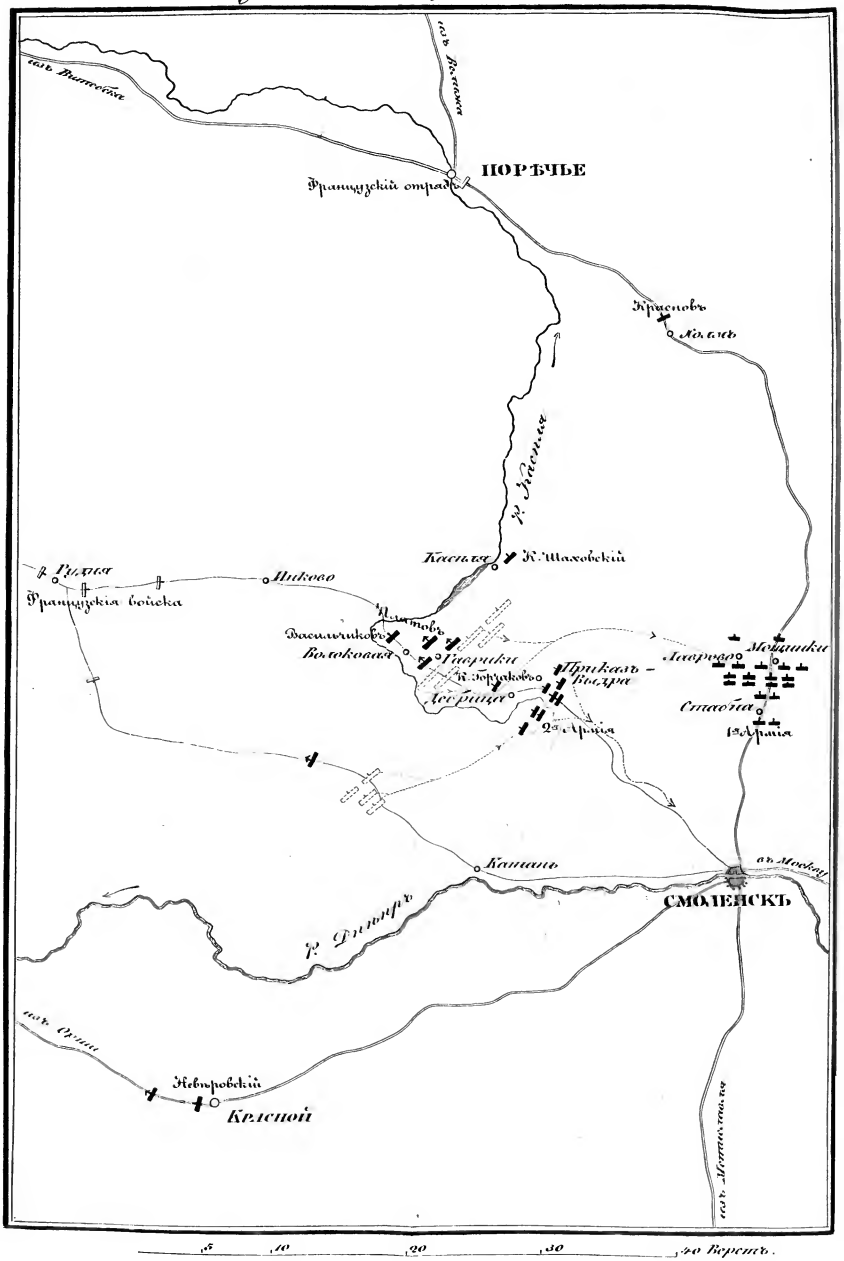
По отмѣненіи наступательнаго движенія на Руднюю, дано повелѣніе: 1-й арміи идти на Порѣчскую дорогу, 2-й занять ея мѣсто у Приказъ-Выдры, Платову не подвигаться впередъ. Но еще прежде полученія сего приказанія, Платовъ уже имѣлъ удачное дѣло съ непріятелемъ. 27-го поутру, не зная еще о перемѣнѣ диспозиціи и новомъ направленіи арміи на Порѣчскую дорогу, Платовъ продолжалъ движеніе

къ Руднѣ, открылъ при Молевомъ-Болотѣ два Французскіе гусарскіе полка, и неожиданно ударилъ имъ во флангъ. Гусары обратились назадъ, но были подкрѣплены конницею и пѣхотнымъ полкомъ, наскоро высланными къ нимъ изъ Рудни, гдѣ стоялъ Генералъ Себастіани, вовсе не помышлявшій о близости Русскихъ. Авангардъ Атамана, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Денисова, долженъ былъ отступить, но Платовъ, подоспѣвъ къ нему, возстановилъ бой. Французы дрались упорно, подошли къ самымъ орудіямъ Донской батареи и ранили многихъ канонеровъ пулями. Платовъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи 7 полковъ, охватилъ ими непріятеля со всѣхъ сторонъ. Казаки смяли Французовъ и гнали ихъ двѣ версты. Между тѣмъ пришелъ съ отрядомъ Графъ Паленъ, и Платовъ поручилъ ему дальнѣйшее преслѣдованіе. Французы обратились къ Руднѣ, гдѣ была ихъ пѣхота. Графъ Паленъ шелъ за бѣжавшимъ непріятелемъ 8 верстъ, и остановился, когда Французская артиллерія открыла по немъ огонь. Тѣмъ кончилось дѣло. Въ плѣнъ взято 10 офицеровъ и болѣе 300 рядовыхъ. «Непріятель пар«дона не просилъ,» писалъ Платовъ, «а Россійскія «войска, бывъ разъярены, кололи и били его.» Атаманъ заключаетъ свое донесеніе слѣдующими словами:

«Необыкновенный образъ войны, употребляемый Французами, приличенъ однимъ только варварамъ. Мало того, что они грабятъ селенія, помѣщичьи дома, бьютъ жителей,

N. 28.

Движеніе съ Рудненской дороги на ПОРѢЧЕНСКУЮ.



насильничаютъ женъ ихъ и дочерей, съ священническимъ саномъ поступаютъ немилосердно, истязаютъ и выпытываютъ отъ нихъ денегъ, но и самыя святыя православныя церкви не избѣгаютъ неистовства Французовъ; святые сосуды и утварь разграбливаются. Въ селѣ Инковѣ, въ церкви, на вынесенныхъ святыхъ образахъ Французскіе солдаты мыли и развѣшивали нижнее исподнее платье. Не благоугодно ли будетъ сей истинно описанный образъ войны непріятеля нашего поставить на видъ и въ извѣстіе всему Отечеству? Подобное извѣщеніе воздвигнетъ въ сердцѣ каждаго праведное рвеніе къ мщенію и ревность къ учиненію всякихъ пожертвованій, дабы изгнать изъ предѣловъ Отечества жестокосерднаго и несправедливаго непріятеля.»

Взятые Платовымъ плѣнные показали, что Наполеонъ находился на Порѣчской дорогѣ (*). Изъ схваченныхъ въ томъ же дѣлѣ, въ квартирѣ Себастіани, бумагъ, которыхъ онъ въ сумотохѣ не успѣлъ увезти, увидѣли, что непріятель, узнавъ о нашемъ намѣреніи всѣми силами двинуться на Рудню, потянулъ большую часть войскъ къ Порѣчью, въ обходъ нашего праваго крыла (**). Послѣ открылось, что Наполеонъ такого движенія не дѣлалъ, однако найденныя у Себастіани бумаги и объявленіе плѣнныхъ,

(*) Рапортъ Главнокомандующему, находившагося въ тотъ день при Платовѣ, Подполковника Чуйкевича, изъ Молева-Болота, отъ 27-го Іюля.

(**) Донесеніе Государю Барклая де-Толли, отъ 30-го Іюля, № 629.

тоже несправедливое, еще болѣе утвердили Главнокомандующаго въ необходимости остановить наступленіе. Тотчасъ, 27-го же числа, половина 1-й арміи выступила съ Рудненской дороги на Порѣчскую; въ слѣдующій день пошли туда же остальные корпуса; всѣ они стали у Стабны, Лаврова и Мошинокъ. 2-я армія заняла позицію первой у Приказъ-Выдры (*). «Изъ моего новаго расположенія,» доносилъ Барклай де-Толли, «я могу съ превосход«ными силами напасть на лѣвый непріятельскій «флангъ, открыть коммуникацію съ вышнею Дви«ною и обезпечить лѣвое крыло Графа Витгенштей«на. Объ арміи будутъ находиться въ одномъ мар«шѣ одна отъ другой; дорога въ Москву и все про«странство между источниками Двины и Днѣпра «ими прикрывается. Такое положеніе имѣетъ несо«мнѣнныя выгоды и даетъ полную свободу дѣйство«вать съ успѣхомъ по обстоятельствамъ» (**).

Князь Багратіонъ не соглашался съ Барклаемъ де-Толли на счетъ опасности, предстоявшей отъ Порѣчья. Онъ писалъ ему о необходимости продолжать маршъ на Рудню, утверждая, что Наполеонъ будетъ обходить нашъ лѣвый флангъ, а не правый, и поведетъ нападеніе изъ Краснаго. Каждый изъ обоихъ

(*) *Движеніе съ Рудненской дороги на Порѣчскую, № 28.*

(**) Донесеніе Государю Барклая де-Толли, отъ 27-го Іюля, № 618.

Главнокомандующихъ остался при своемъ мнѣніи. Первая армія расположилась на Порѣчской дорогѣ, а вторая, по предложенію, поступившему о томъ отъ Князя Багратіона, отведена изъ Приказъ-Выдры къ Смоленску, по двумъ причинамъ: 1), по недостатку воды въ Приказъ-Выдрѣ; 2), чтобы сблизиться съ Невѣровскимъ, не дать непріятелю возможности предупредить насъ въ Смоленскѣ изъ Краснаго и отрѣзать намъ Московскую дорогу. Когда 2-я армія возвратилась къ Смоленску, передовые отряды ея остались на мѣстахъ, прежде ими занимаемыхъ: Васильчиковъ у Волоковой, на дорогѣ въ Рудню, Князь Горчаковъ въ подкрѣпленіе ему у Дебрицъ, Платовъ расположился у Гавриковъ. Отдѣленный отъ 1-й арміи отрядъ Князя Шаховскаго былъ въ Каспль. По прибытіи на Порѣчскую дорогу, Барклай де-Толли, желая удостовѣриться, въ какихъ силахъ находится противъ него непріятель, приказалъ Платову послать разъѣзды вправо и обойдти Порѣчье, а Барону Винцингероде стараться занять Велижъ, и оттуда послать сильныя партіи на дороги къ Порѣчью и Витебску, а также на правый берегъ Двины, развѣдывать о непріятелѣ, и если можно вступить въ сообщеніе съ Графомъ Витгенштейномъ (*). «Движеніе 1-й арміи «къ Смоленску,» писалъ Барклай де-Толли Князю Багратіону, «имѣло только цѣлью приближеніе 2-й «арміи къ сему городу и совершенно преградить

(*) Донесеніе Государю, отъ 30-го Іюля, № 623.

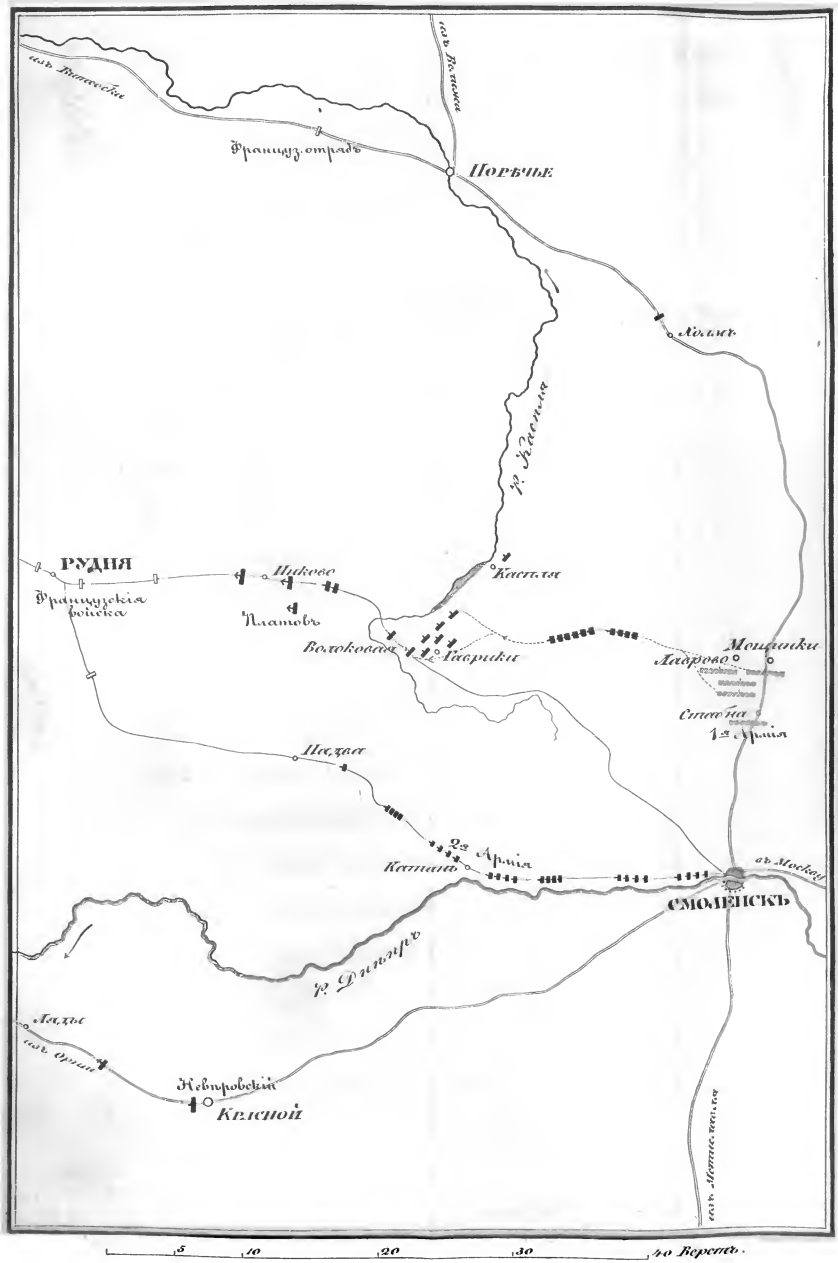
«непріятелю путь во внутрь Государства. Достигнув-«ши сей цѣли, обязанность 1-й арміи есть открыть «себѣ свободную коммуникацію съ Графомъ Витген-«штейномъ, который оставленъ между Двиною и Пско-«вомъ, а между тѣмъ, оставаясь въ такомъ положе-«ніи, чтобы могло дать вспомоществованіе 2-й ар-«міи, которой остается прикрывать дорогу въ Москву.» Въ заключеніе Главнокомандующій говоритъ о необходимости быстрыхъ движеній Тормасова и Чичагова (*). Такимъ образомъ протекло нѣсколько дней. 26-го Іюля пошли на Рудню атаковать непріятеля, 27-го отмѣнили наступательныя движенія, 28-го возвратились къ Смоленску и на Порѣчскую дорогу, 31-го помышляли объ открытіи сообщенія съ Графомъ Витгенштейномъ и содѣйствіи 3-й и Дунайской арміи. Барклай де-Толли писалъ Чичагову, находившемуся тогда близъ Днѣстра:

«Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ не дозволяется 1-й и 2-й арміямъ дѣйствовать такъ, чтобы нѣдра Государства, ими прикрытыя, чрезъ малѣйшую въ генеральномъ дѣлѣ неудачу подвержены были опасности, и потому оборонительное состояніе ихъ есть почти бездѣйственное. Рѣшеніе же участи войны быстрыми и наступательными движеніями зависитъ непосредственно отъ Молдавской и 3-й арміи, и сіе соотвѣтствуетъ общему плану войны, по коему часть войскъ, на которую устремляются главнѣйшія

(*) Отношеніе Барклая де-Толли Князю Багратіону, отъ 31-го Іюля.

N.29.

2е Движеніе на РУДНО.



силы непріятеля, должна его удерживать, между тѣмъ, что другая часть, находя противъ себя непріятеля въ меньшемъ числѣ, должна опрокинуть его, зайдти во флангъ и въ тылъ большой его арміи. Я давно уже и неоднократно относился о семъ къ Генералу Тормасову, и сердечно желаю, чтобы въ сей части театра войны вашимъ прибытіемъ вы придали новую дѣятельность, почему убѣдительнѣйше прошу васъ: не возможно ли, ежели не форсированными маршами, то на подводахъ, какъ можно скорѣе, хотя часть войскъ вашихъ подвести по направленію къ Кобрину, и вслѣдъ за оными и остальную армію, вступая между тѣмъ въ обстоятельныя сношенія съ Генераломъ Тормасовымъ, дабы отъ него имѣть всѣ свѣдѣнія о положеніи 3-й арміи, которыя я самъ не въ такой ясности имѣю, какъ бы того желалъ для пользы службы» (*).

29-го, 30-го и 31-го Іюля простояли арміи: 1-я на Порѣчской дорогѣ, 2-я у Смоленска. Для дальнѣйшихъ предпріятій ожидали извѣстій о непріятелѣ, а между тѣмъ разстроивалось единомысліе Барклая де-Толли съ Княземъ Багратіономъ, возстановленное при личномъ свиданіи ихъ въ Смоленскѣ, и начинала уменьшаться довѣренность къ Главнокомандующему. 31-го Іюля получено донесеніе о выступленіи непріятельскаго отряда изъ Порѣчья по Витебской дорогѣ. Барклай де-Толли,

(*) Отношеніе Барклая де-Толли Адмиралу Чичагову, отъ 31-го Іюля, № 637.

не имѣя болѣе опасенія за свой правый флангъ, снова обратился, 1-го Августа, на Рудненскую дорогу, и въ слѣдующій день поставилъ армію при Волоковой и Гаврикахъ, а Князя Багратіона пригласилъ къ выступленію изъ Смоленска къ Надвѣ (*); Платовъ съ авангардомъ сталъ въ Инковѣ. Барклай де-Толли полагалъ, что по случаю приближенія 3-го Августа, дня рожденія Наполеона, онъ атакуетъ насъ, и хотѣлъ принять его въ избранной при Волоковѣ и Гаврикахъ позиціи. «Если же непріятель «насъ 3-го числа не атакуетъ,» писалъ онъ, «то «мы сами его посѣтимъ, тѣмъ смѣлѣе, что нашъ «правый флангъ очищенъ» (**). Возобновленный маршъ на Рудненскую дорогу едва не возымѣлъ самыхъ вредныхъ послѣдствій, открывъ нашъ лѣвый флангъ и дорогу изъ Краснаго въ Смоленскъ. Въ тотъ самый день, когда арміи опять пошли, 1-я къ Гаврикамъ, а 2-я къ Надвѣ, Наполеонъ предпринялъ наступательныя дѣйствія, но только не изъ Витебска къ Руднѣ, а правымъ крыломъ, черезъ Ляды и Красной, какъ за нѣсколько дней предсказывалъ Князь Багратіонъ.

(*) *Второе движеніе на Рудню, № 29.*

(**) Отношеніе Барклая де-Толли Князю Багратіону, отъ 1-го Августа, № 640.

ГЛАВА IV.

СРАЖЕНІЯ ПОДЪ СМОЛЕНСКОМЪ.

Пребываніе Наполеона въ Витебскѣ. — Военный совѣтъ. — Рѣшеніе Наполеона идти внутрь Россіи. — Голодъ и вродяжничество въ непріятельской арміи. — Повелѣнія Наполеона отдѣльнымъ корпусамъ. — Переправа непріятелей черезъ Днѣпръ. — Движеніе къ Красному. — Нападеніе на Неверовскаго. — Движеніе Раевскаго къ Смоленску. — Невѣдѣніе Главнокомандующихъ о движеніяхъ Наполеона. — Выступленіе Русскихъ армій къ Смоленску. — Затруднительное положеніе Раевскаго. — Военный Совѣтъ. — Сраженіе подъ Смоленскомъ 4-го Августа. — Важность подвига Раевскаго. — Причины слабаго нападенія непріятелей. — Приготовленія къ оборонѣ Смоленска. — Сраженіе подъ Смоленскомъ 5-го Августа. — Неудачныя нападенія Наполеона. — Оставленіе Смоленска.

Между тѣмъ, какъ Русскія арміи производили различныя движенія около Смоленска, Наполеонъ двѣ недѣли оставался въ Витебскѣ. Почти ежедневно, съ большимъ конвоемъ, выѣзжалъ онъ за городъ осматривать окрестности. Онъ жилъ въ генералъ-

губернаторскомъ домѣ и велѣлъ передъ нимъ сдѣлать площадь, для чего срыли нѣсколько домовъ и только что начатое строеніе Греко-Уніятской церкви. На площади ежедневно смотрѣлъ онъ по-бригадно гвардію, обращая на нее въ настоящемъ походѣ болѣе вниманія, нежели когда либо, и преимущественно передъ армейскими корпусами заботясь объ ея нуждахъ. Великое пространство было пройдено Наполеономъ, но передъ нимъ лежало несравненно обширнѣйшее: вся неисходимая даль Россіи. Довольствоваться ли краемъ, занятымъ съ открытія войны, или идти далѣе? Для рѣшенія сего вопроса собранъ былъ въ Витебскѣ совѣтъ. Большая часть изъ призванныхъ на совѣщаніе маршаловъ полагали укрѣпить различныя мѣста между Двиною и Днѣпромъ, и остановиться до весны будущаго года. Наполеонъ былъ противнаго мнѣнія, говоря: «Въ Іюлѣ «мѣсяцѣ смѣшно помышлять о зимнихъ квартирахъ; «при наступленіи морозовъ Днѣпръ и Двина не пред«ставятъ никакой намъ защиты и скроются подъ «льдомъ и снѣгомъ; моя армія привыкла къ насту«пательнымъ движеніямъ, и ей несвойственно быть «въ оборонительномъ положеніи, посреди лишеній и «скуки маневрируя на одномъ и томъ же мѣстѣ.» Потомъ обратилъ онъ вниманіе маршаловъ на положеніе дѣлъ въ тылу армій, внѣ предѣловъ Россіи, гдѣ непадежные, неискренніе союзники, вѣроятно, ожидали только благопріятнаго случая для возстанія

противъ него. «Императоръ Александръ, сказалъ Наполеонъ, «слишкомъ могущественъ; Онъ не согла«сится на миръ, не испытавъ счастія въ бою: надоб«но разбить Его армію. Для чего останавливаться «здѣсь на восемь мѣсяцовъ, когда въ 20 дней мо«жемъ мы достигнуть цѣли? Не для овладѣнія ни«чтожнымъ Витебскомъ пришелъ я въ Россію. Раз«громимъ Русскихъ и черезъ мѣсяцъ будемъ въ Мос«квѣ. Весь планъ моего похода въ сраженіи; вся «моя политика въ успѣхѣ» (*).

Кромѣ сихъ причинъ, побуждавшихъ Наполеона къ продолженію похода, были еще другія, не менѣе важныя. Онъ получилъ въ Витебскѣ неожиданное для него извѣстіе о заключеніи мира Россіи съ Портою. «Турки дорого заплатятъ за свою ошибку,» сказалъ Наполеонъ; «она такъ велика, что я и пред«видѣть ее не могъ.» Наполеону не трудно было догадаться, что слѣдствіемъ мира съ Турціею долженствовало быть усиленіе Русскихъ армій войсками, находившимися въ Молдавіи и Валахіи, что войска сіи могли двинуться въ тылъ Наполеона, а потому надлежало, прежде прибытія ихъ на театръ войны, стараться разбить наши 1-ю и 2-ю арміи. Полученныя Наполеономъ въ Витебскѣ воззванія Императора Александра къ общему возстанію и вооруженію, еще болѣе, нежели Букарестскій миръ, заставили его возобновить военныя дѣйствія.

(*) Fain, Manuscrit de 1812, I, 271.

По донесеніямъ своихъ Пословъ, находившихся передъ войною въ Петербургѣ, онъ зналъ о благоговѣніи Русскихъ къ священной волѣ Монарховъ и любви ихъ къ родинѣ. «Что касается до Русскихъ,» писалъ ему Коленкуръ, «то даже и тотъ, кто возьметъ 500 рублей въ судѣ за несправедливое рѣшеніе дѣла, не приметъ отъ меня милльона за измѣну Отечеству.» Наполеонъ предвидѣлъ, что скоро забушуетъ вокругъ него народная война, для предупрежденія коей почиталъ онъ единственнымъ средствомъ генеральное сраженіе, въ его понятіи, равносильное побѣдѣ. До какой степени озаботили его воззванія Императора, видно изъ того, что онъ приказывалъ нѣсколько разъ прочитывать себѣ сдѣланный съ нихъ переводъ. «Воззванія сіи,» говоритъ его секретарь, «встревожили и удивили Наполеона» (*).

Таковы были обстоятельства, недозволившія Наполеону оставаться въ Витебскѣ далѣе того времени, какое необходимо было для возстановленія силъ арміи и порядка, разстроеннаго быстрымъ наступленіемъ отъ Нѣмана до Витебска. Солдаты были утомлены длинными переходами, палящими жарами, особенно общимъ недостаткомъ продовольствія, отъ чего число арміи, по увѣренію всѣхъ Французскихъ писателей, уменьшилось третьею долею по приходѣ ея въ Витебскъ. Отъ голода явились кучи мародеровъ. Для отысканія хлѣба бросались они по сторонамъ

(*) Fain, Manuscrit de 1812, I, 267.

N. 30.

Движение Наполеона къ КРАСНОМУ.

дорогъ, и углубляясь все далѣе и далѣе, не могли потомъ догонять своихъ полковъ. Не зная языка, они бродили на удачу, и не находя сопротивленія отъ поселянъ и Жидовъ, перестали помышлять о возвращеніи къ знаменамъ. Падежъ на лошадей увеличился. Такимъ образомъ, армія, не давъ еще Русскимъ генеральнаго сраженія, не обнаживъ меча, подобно морскому приливу, быстро нахлынувшему, стала убывать, покрывая наводненное ею пространство разрушеніемъ и гибелью. Отъ лишеній и безпорядковъ, прежнее воспламененіе арміи начало мало по малу потухать.

Рѣшась идти изъ Витебска въ Смоленскъ, Наполеонъ отдалъ слѣдующія повелѣнія, касательно обезпеченія тыла и фланговъ главной своей арміи; 1), Сенъ-Сиру и Удино атаковать Графа Витгенштейна; 2), Виктору, стоявшему на Вислѣ, подвинуться къ Нѣману; 3), Ожеро выступить изъ Берлина къ Одеру и одну дивизію расположить на Вислѣ; 4), Князю Шварценбергу писано: «Разбейте «Тормасова и преслѣдуйте, пока не уничтожите его.» Для большей увѣренности въ точномъ исполненіи Австрійцами его повелѣнія, Наполеонъ послалъ къ нимъ своего Генералъ-Адъютанта Флаго.

Передъ самымъ выступленіемъ Наполеона изъ Витебска, узналъ онъ о нападеніи, послѣдовавшемъ на передовыя войска его, расположенныя около Рудни. Первымъ дѣйствіемъ его было воспротивиться

дальнѣйшему наступленію Русскихъ. Онъ приказалъ Мюрату и Нею немедленно сосредоточиться у Рудни; Вице-Королю перейдти изъ Суража въ Ліозну; Даву, Понятовскому, Жюно и Латуръ-Мобуру собраться у Расасны и Романова; гвардіи и резервной кавалеріи выступить изъ Витебска къ Ліознѣ. Всѣ непріятельскія войска пришли въ движеніе, когда Наполеону донесли, что Русскіе, послѣ удачнаго кавалерійскаго дѣла при Молевомъ-Болотѣ, не подаются болѣе впередъ. Тогда далъ онъ корпусамъ новое направленіе и вознамѣрился, соединивъ ихъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, двинуться на Смоленскъ, занять его прежде Русскихъ, отбросить ихъ на сѣверъ, къ Торопцу или Великимъ Лукамъ, и стать между нашими арміями и полуденными губерніями.

Мѣстами переправы черезъ Днѣпръ были назначены Расасна и Хомино, гдѣ немедленно приступили къ построенію трехъ мостовъ (*). 1-го Августа, пришли Даву къ Расаснѣ, Понятовскій въ Романово; за ними слѣдовали Жюно и Латуръ-Мобуръ. Въ то же время шли къ Расаснѣ и Хомину непріятельскіе корпуса изъ Витебска, Ліозны и Рудни. Послѣ полудня, 1-го Августа, мосты были наведены и началась переправа, въ присутствіи Наполеона, наканунѣ выѣхавшаго изъ Витебска. Августа 2-го, на лѣвомъ берегу Днѣпра сосредоточилась вся Главная непріятельская армія, въ числѣ 190,000

(*) *Движеніе Наполеона къ Красному, № 30.*

человѣкъ (*). Въ памяти жителей сохранились слѣдующія подробности о пребываніи Наполеона въ Расаснѣ. Ему отведенъ былъ домъ Еврея, но найдя въ комнатахъ нечистоту, приказалъ онъ раскинуть въ бору надъ Днѣпромъ шатеръ, изъ полосатой, зеленой и бѣлой шелковой матеріи, раздѣленный на пять покоевъ. Прежде своего входа въ палатку, Наполеонъ осматривалъ войска, прибывшія съ Даву изъ Дубровны, не видавъ ихъ съ начала похода, ибо они были отдѣлены отъ Главной арміи. Потомъ обѣдалъ онъ, вдвоемъ съ Даву; прислуживалъ Мамелюкъ. Для другихъ генераловъ постлали на землѣ зеленую сафьянную скатерть, и уставили ее серебренными приборами. Вечеромъ, когда все стихло, Наполеонъ ходилъ по лѣсу, одинъ, задумчивый. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ шатеръ, до сихъ поръ видна огромная яма; въ послѣдствіи она стала могилою Французовъ. Изъ Расасны Наполеонъ взялъ себѣ въ проводники Еврея.

Перенеся дѣйствія на лѣвую сторону Днѣпра, Наполеонъ двинулся къ Смоленску. Впереди, на Ляды, шелъ Мюратъ, съ корпусами: Нансути, Монбрена и Груши; за нимъ пѣхотные корпуса: Нея, Даву, Вице-Короля и гвардейскій. Правѣе, изъ Могилева

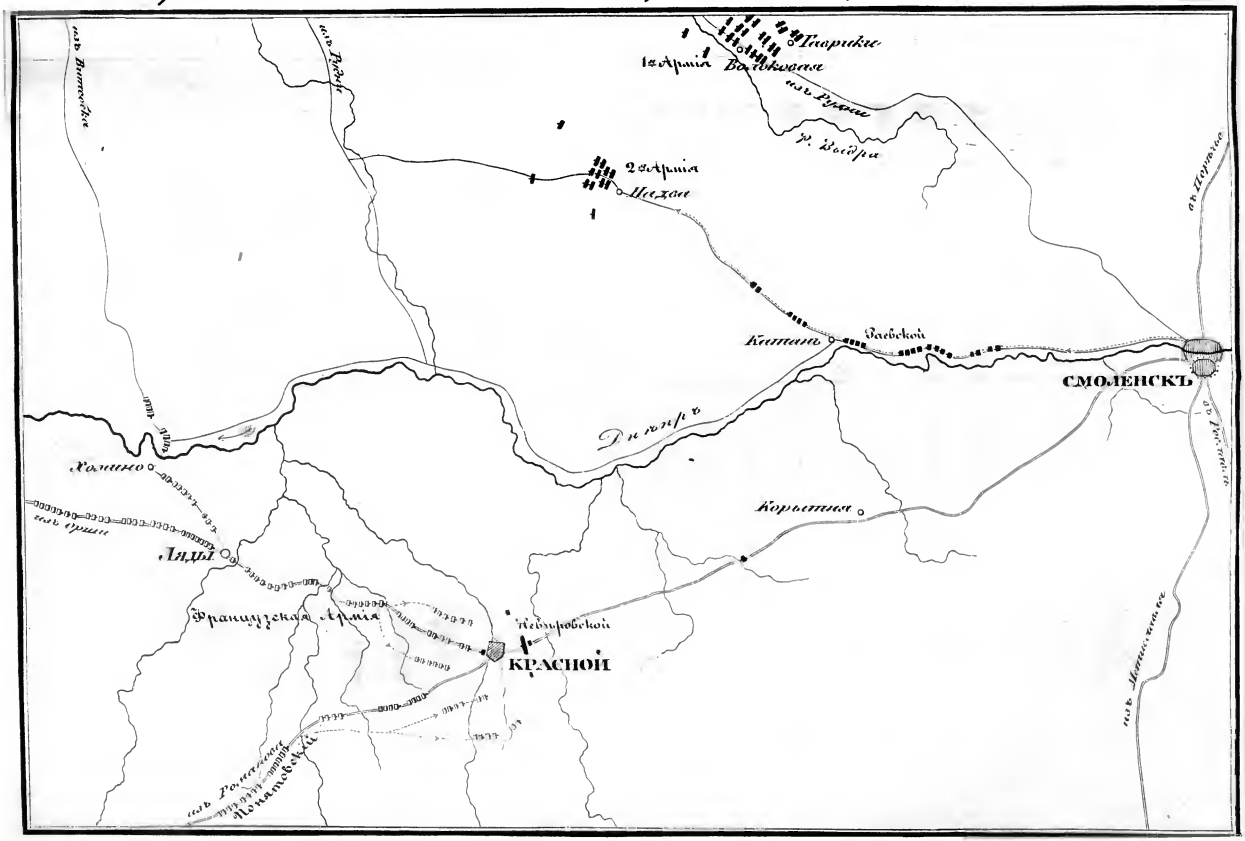
(*) Французскіе писатели полагаютъ, что около Расасны собрано было 185,000; но Наполеонъ, въ повелѣніи къ одному изъ своихъ Маршаловъ, говоритъ, что идетъ на Смоленскъ съ 200,000; впрочемъ оба показанія немного разнятся одно отъ другаго.

къ Смоленску черезъ Романово: Понятовскій, Жюно и Латуръ-Мобуръ. Только кавалерійская дивизія Себастіани оставлена была на правомъ берегу Днѣпра, съ повелѣніемъ наблюдать Русскихъ, и подаваясь впередъ, держаться на одной высотѣ съ авангардомъ Мюрата. Въ Лядахъ Французамъ предстояло проститься съ послѣдними Жидами, населяющими Бѣлоруссію, съ послѣднею возможностью имѣть проводниковъ, факторовъ, лазутчиковъ, и покупать хотя малыя удобства жизни, кофе, сахаръ, вино. Переступивъ за Ляды, пришельцы нашли совершенную пустыню и не встрѣчали ни одного обывателя. Крестьяне, съ женами, дѣтьми и имуществомъ, бѣжали въ лѣса, гдѣ среди неприступныхъ болотъ строили себѣ шалаши, и только по ночамъ, украдкою, выходили на жатву.

Пока громады непріятельскія приближались къ Лядамъ и Красному, Барклай де-Толли стоялъ у Волоковой и Гавриковъ, Князь Багратіонъ подходилъ изъ-подъ Смоленска къ Надвѣ, съ корпусомъ Бороздина; корпусъ Раевскаго долженъ былъ слѣдовать за нимъ однимъ днемъ позже. Въ Красномъ стоялъ Невѣровскій, съ 27-ю дивизіею, Харьковскимъ драгунскимъ и 3-мя казачьими полками. Онъ имѣлъ повелѣніе наблюдать дороги Оршанскую и Мстиславльскую, держась въ Красномъ, сколько можно долѣе. Кромѣ посылки въ разныя стороны разъѣздовъ, Невѣровскій приказалъ Красненскому дворянскому

N. 31.

Карта нападенія на Невтровскаго при КРАСНОМЪ.



Предводителю и Исправнику имѣть безпрерывныя сношенія съ пограничными жителями и отправлять надежныхъ людей для открытія непріятеля и узнанія его намѣреній (*). 2-го Августа, въ полдень, донесли Невѣровскому, что къ Лядамъ, гдѣ стояли казаки, подходитъ непріятельскій отрядъ (**). Невѣровскій, по первому извѣщенію, полагалъ Французовъ малочисленными, но на всякій случай собралъ дивизію, поставилъ ее по ту сторону Краснаго, ближе къ Лядамъ, отправилъ въ Смоленскъ вьюки и обозы, войскамъ прочиталъ приказъ, одушевленный благородною самонадѣянностью. Вскорѣ начали показываться многочисленныя силы Французовъ. Онѣ шли на одной высотѣ, столбовою дорогою и полями. Снова прискакали казаки, говоря: «Французы валомъ валятъ.» Слова ихъ не были преувеличены: шелъ Мюратъ, со всею кавалеріею. Завидя Невѣровскаго, онъ раздѣлилъ конницу на нѣсколько частей и двинулъ ее въ обходъ, съ намѣреніемъ охватить нашъ отрядъ съ разныхъ сторонъ, какъ вѣрную добычу.

Позиція передъ Краснымъ становилась ненадежною, потому что за городомъ дорога шла по плотинѣ. Невѣровскій оставилъ въ Красномъ батальонъ

(*) Донесеніе Невѣровскаго Князю Багратіону, отъ 28-го Іюля, № 1,310.

(**) *Карта нападенія на Невѣровскаго при Красномъ, № 31.*

49-го егерскаго полка и 2 орудія, съ дивизіею и съ 10-ю батарейными пушками отступилъ за городъ и плотины, выстроилъ полки въ боевой порядокъ за оврагомъ, поставилъ орудія на лѣвомъ крылѣ, прикрылъ ихъ Харьковскими драгунами, и расположилъ казаковъ на правомъ крылѣ. Онъ сознавался на другой день Паскевичу, что понесъ бы менѣе потерь, еслибы поставилъ батарею между пѣхотными колоннами (*). Желая, въ случаѣ отступленія, имѣть за собою резервъ и опору, отправилъ онъ назадъ, за 12 верстъ къ Смоленску, 50-й егерскій полкъ, Назимова, съ двумя конными орудіями, и велѣлъ ему занять тамъ переправу на небольшой рѣчкѣ. Едва построилась дивизія на новой позиціи, Французы атаковали Красной, открытый со всѣхъ сторонъ. Тучи пуль полетѣли на находившихся тамъ егерей. Наши поспѣшно отступили, опасаясь быть отрѣзанными и не имѣя возможности долѣе защищаться. Непріятелю достались два орудія, которыхъ егеря не могли увезти изъ города; ружейный огонь Французовъ былъ столь силенъ, что при самомъ началѣ нападенія, лошади подъ орудіями были перебиты.

(*) Письменнаго донесенія о семъ сраженіи не было представлено Невѣровскимъ. Здѣсь помѣщены подробности боя въ томъ видѣ, какъ онѣ были тогда же пересказаны Невѣровскимъ Паскевичу, и въ послѣдствіи переданы мнѣ отъ Генералъ-Фельдмаршала Князя Варшавскаго, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ подробностей, слышанныхъ мною отъ очевидцовъ.

Мюратъ, съ 15,000 конницы и дивизіею пѣхоты, сталъ обходить Невѣровскаго, особенно съ лѣваго фланга. Харьковскіе драгуны пошли въ атаку, но были опрокинуты. Наша батарея осталась безъ прикрытія. Французы ударили на нее и захватили 5 пушекъ; остальныя ушли по Смоленской дорогѣ: доказательство, что непріятельская кавалерія не совсѣмъ была хороша, ибо исправная конница не дозволила бы спастись батарейнымъ орудіямъ. Казаки тоже не выдержали атаки. И такъ Невѣровскій съ самаго начала сраженія остался безъ артиллеріи и конницы, съ одною пѣхотою. Французская пѣхота подходила атаковать съ фронта, конница неслась на наши фланги. Невѣровскій, уже успѣвшій соединиться съ вышедшимъ изъ Краснаго батальономъ 49-го егерскаго полка, свернулъ батальоны въ каре и сказалъ имъ: «Ребята! помните, чему васъ учили; «поступайте такъ и никакая кавалерія не побѣдитъ «васъ: не торопитесь въ пальбѣ, стрѣляйте мѣтко во «фронтъ непріятеля, третья шеренга передавай ружья «не суетясь, и никто не смѣй начинать безъ моей «команды!» Приказаніе было выполнено съ точностію. Непріятель, опрокинувъ драгуновъ и казаковъ, изрубивъ половину артиллеристовъ и прикрытіе ихъ, мчался съ двухъ сторонъ. Его подпустили на ближайшій ружейный выстрѣлъ. Неподвижное, какъ будто окаменѣлое каре, не внимая происходившему вокругъ него бурному смятенію гонимыхъ и быстро

преслѣдующихъ, стояло безмолвно, стройно, какъ стѣна. Загремѣло начальническое: «Тревога!» Барабаны подхватили; батальный прицѣльный огонь показался круглою дробью и въ мигъ Французскіе всадники и ихъ лошади устлали землю. Одинъ полковникъ, съ нѣсколькими удальцами, въ вихрѣ боя домчался до угла каре и палъ на штыкахъ; линіи, атакующія быстро, повернули назадъ и ускакали въ безпорядкѣ съ большою потерею. У насъ ударили отбой пальбѣ. «Видите ребята,» сказалъ Невѣровскій въ восторгѣ, «какъ легко исполняющей свою «обязанность пѣхотѣ побѣждать кавалерію; благо-«дарю васъ и поздравляю!» Единодушное, безпрерывное: «ура!» и «рады стараться!» раздавались ему въ отвѣтъ и взаимное поздравленіе.

Отбивъ нападеніе, Невѣровскій началъ отступать. Непріятель удвоилъ кавалерійскія атаки съ тыла и фланговъ. Невѣровскій, идя въ кареяхъ и заслоняясь деревьями, которыми обсажена дорога, отбивался удачно. Мюратъ предложилъ ему сдаться, но получилъ отказъ. Непріятель находился такъ близко, что могъ переговаривать съ нашими солдатами и вызывалъ ихъ положить оружіе. Солдаты Полтавскаго полка закричали: «Умремъ, а не сдадимся!» На 5-й верстѣ отступленія былъ самый большой натискъ; но деревья и рвы препятствовали Французамъ врѣзаться въ наши колонны. Стойкость пѣхоты уничтожала пылкость нападеній. Мюратъ безпрестанно вводилъ

свѣжія войска въ дѣло и всѣ они были отбиты. Наши, безъ различія полковъ, смѣшались наконецъ въ одну колонну, тѣсно сплотясь, отступая, отстрѣливаясь и отражая атаки. Такъ отошли еще 7 верстъ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ прекращались березы и рвы на дорогѣ, обнесенная плетнемъ деревня едва не разстроила отступленіе. Непріятель захватывалъ тылъ колонны и шелъ вмѣстѣ съ нею. Невѣровскій приближался уже къ рѣчкѣ, и когда былъ за версту отъ нея, открыли огонь изъ двухъ орудій, посланныхъ впередъ съ 50-мъ егерскимъ полкомъ. Непріятели вообразили, что тутъ ожидало Русскихъ сильное подкрѣпленіе, и остановились; наши благополучно переправились за рѣчку, гдѣ держались до вечера. Мюратъ уже не атаковалъ, а только бросилъ въ насъ нѣсколько ядеръ. Давъ вздохнуть войскамъ, Невѣровскій отошелъ ночью до оврага, въ 6-ти верстахъ отъ Смоленска.

Къ стыду Французовъ, при 15,000 кавалеріи и одной дивизіи пѣхоты, была у нихъ одна только батарея. Еслибы они имѣли болѣе артиллеріи, Невѣровскій погибъ. Немного также чести и ихъ конницѣ: громада ея, какая была у Мюрата, въ сорокъ атакъ не могла истребить нашей пѣхоты. Разсматривая ближе Наполеонову армію, безусловно вездѣ и у насъ превозносимую, видимъ, что генералы его не были такъ распорядительны, какъ увѣряютъ, а кавалерія не заслуживала похвалъ, ей воздаваемыхъ. Истинное

преимущество Французовъ въ походѣ 1812-го года состояло въ непомѣрномъ числѣ силъ. Наполеонъ былъ весьма недоволенъ распоряженіями своихъ генераловъ подъ Краснымъ. «Я ожидалъ,» сказалъ онъ, «всей дивизіи Русскихъ, а не 7 отбитыхъ у «нихъ орудій.» Князь Багратіонъ, тогда лучшій судья военныхъ подвиговъ, самъ находившійся нѣкогда подъ Голлабрюномъ въ такомъ же положеніи, какъ Невѣровскій подъ Краснымъ, говоритъ въ донесеніи Государю: «Нельзя довольно похвалить «храбрости и твердости, съ какою дивизія, совер«шенно новая, дралась противъ чрезмѣрно превос«ходныхъ силъ непріятельскихъ. Можно даже ска«зать, что примѣра такой храбрости ни въ какой «арміи показать нельзя» (*). Французы приписали безуспѣшность дѣйствій Мюрата двумъ обстоятельствамъ: 1), что ихъ конныя артиллерійскія роты, по причинѣ волнистаго мѣстоположенія, не могли поспѣвать во время; 2), что Мюратъ не выждалъ для начатія нападеній прибытія всей кавалеріи, но посылалъ въ атаку полки по мѣрѣ того, какъ они подходили. Впрочемъ, сами непріятели оцѣнили по заслугамъ подвигъ Невѣровскаго. Одинъ изъ нихъ пишетъ: «Красненское дѣло являетъ достопамятный «примѣръ превосходства хорошо выученной и искус«но предводимой пѣхоты надъ конницею» (**).

(*) Донесеніе отъ 5-го Августа, № 475.

(**) Chambray, Histoire de l'Expédition en Russie, I, 304.

Другой, секретарь Наполеона: «Самая блистательная «храбрость нашихъ солдатъ истощается; ударяя въ «густую колонну, они рубятъ ее, но не могутъ «сломить» (*). Третій восклицаетъ: «Невѣровскій «отступалъ какъ левъ» (**)!

Канонада, происходившая при нападеніи на Невѣровскаго, слышна была на правомъ берегу Днѣпра, по которому 2-я армія тянулась изъ Смоленска къ Надвѣ. Позади всѣхъ шелъ Раевскій. Ему назначено было выступить изъ Смоленска послѣднему, за гренадерскою дивизіею Принца Карла Мекленбургскаго, замедлившею выступленіемъ три часа. Остановка сія воспрепятствовала Раевскому двинуться ранѣе 7-ми часовъ вечера и принесла величайшую пользу, потому что Раевскому вскорѣ предстояло другое назначеніе, совсѣмъ въ противную Надвѣ сторону. Едва прошелъ онъ нѣсколько верстъ, какъ ѣхавшій мимо него Адъютантъ объявилъ, что онъ посланъ отъ Невѣровскаго, съ рапортомъ къ Князю Багратіону о напорѣ непріятеля въ большихъ силахъ на 27-ю дивизію. Такъ объяснилась причина слышанной канонады. Прошедши 12 верстъ, Раевскій остановился для роздыха. Ночь наступила глубокая и бурная. Вскорѣ пришло къ Раевскому повелѣніе отъ Князя Багратіона не трогаться съ того мѣста, гдѣ оно застанетъ

(*) Fain, Manuscrit de 1812, I, 302.

(**) «Névérofsky fit une retraite de lion!» Ségur, Histoire de Napoléon et de la grande armée, I, 250.

его, и ожидать другаго приказанія, которое немедленно было прислано. Въ немъ предписывалось Раевскому возвратиться и идти черезъ Смоленскъ къ Красному, на помощь Невѣровскому. Раевскій велѣлъ Паскевичу взять 8 батальоновъ, составить авангардъ корпуса и поспѣшать впередъ, если можно даже до Краснаго, а самъ, приказавъ людямъ быть готовымъ къ выступленію, просилъ Князя Багратіона дать въ его распоряженіе 2-ю кирасирскую дивизію, стоявшую недалеко отъ него. Полагая встрѣтить Французовъ въ открытыхъ мѣстахъ, между Смоленскомъ и Краснымъ, онъ думалъ, что кирасиры будутъ ему нужны. Также требовалъ онъ разрѣшенія, въ случаѣ встрѣчи съ превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ и необходимости отступленія: защищаться ли въ Смоленскѣ, или, перейдя рѣку, препятствовать непріятельской переправѣ черезъ нее? Въ первомъ случаѣ, Раевскій надѣялся имѣть болѣе вѣроятности остановить Французовъ, но подвергалъ истребленію, какъ городъ, такъ и войска; во второмъ, онъ предавалъ городъ непріятелю, но спасалъ цѣлость корпуса и могъ защищать переправу черезъ Днѣпръ. На рапортъ свой не получилъ Раевскій отвѣта, а между тѣмъ ночью продолжалъ движеніе къ Смоленску.

Предугадывая, что надобно будетъ сражаться подъ Смоленскомъ, Паскевичъ идучи тѣмъ городомъ на разсвѣтѣ 3-го Августа, осмотрѣлъ его стѣны и мѣстоположеніе. Въ 6-ти верстахъ встрѣтилъ онъ

Невѣровскаго, узналъ отъ него подробности происходившаго наканунѣ дѣла, и объявилъ ему волю Раевскаго присоединиться къ корпусу съ 27-ю дивизіею, потому, что Паскевичу велѣно было командовать всѣмъ авангардомъ, который сталъ за оврагомъ, въ 6-ти верстахъ впереди Смоленска. Раевскій вступилъ въ Смоленскъ вскорѣ послѣ Паскевича. Проходя черезъ городъ, навѣстилъ онъ находившагося тамъ Беннигсена, который сказалъ ему: «Ваше по«ложеніе чрезвычайно затруднительно; вы идете на «вѣрную погибель. Совѣтую вамъ, по крайней мѣрѣ, «не переправлять артиллеріи за Днѣпръ.» «Такой «робкій отвѣтъ,» замѣчаетъ Раевскій въ своихъ запискахъ, «не соотвѣтствовалъ моему положенію, по«чти отчаянному. Надобно было истощить всѣ сред«ства. Я чувствовалъ, что дѣло шло не о потерѣ «нѣсколькихъ пушекъ, но о спасеніи арміи—можетъ «быть Россіи» (*). Осмотрѣвъ мѣстоположеніе Смоленска, Раевскій расположился въ 3-хъ верстахъ позади Паскевича, въ намѣреніи ожидать 27-й дивизіи, которая скоро пришла, покрытая потомъ трудовъ и кровію чести. Невѣровскій предавался совершенному отчаянію. Онъ думалъ только о понесенныхъ потеряхъ, забывая, что его отступленіе было не пораженіе, но торжество, судя по несоразмѣрности силъ его съ силами Мюрата. Воздавая должныя похвалы мужеству Невѣровскаго, надобно почтить

(*) Изъ Записокъ Раевскаго.

признательнымъ воспоминаніемъ и подчиненныхъ его. Изъ шести находившихся съ нимъ пѣхотныхъ полковъ, было только два старыхъ; остальные четыре, передъ войною сформированные, до тѣхъ поръ никогда не находились въ огнѣ.

Утро, 3-го Августа, прошло спокойно. Французы не тревожили Паскевича. Въ 4 часа по полудни показались ихъ фланкеры; за ними слѣдовалъ авангардъ; онъ опрокинулъ казаковъ, подошелъ къ оврагу и остановился на пушечный выстрѣлъ отъ нашихъ батарей. Французы начали строиться; до 4,000 конницы обошли лѣвое крыло Паскевича и остановились въ деревнѣ; ночь застигла ихъ движенія. На огромномъ разстояніи запылали огни; по множеству зажженныхъ костровъ легко было судить о великомъ числѣ непріятеля. Раевскій отправилъ донесенія къ Главнокомандующимъ, стоявшимъ еще въ прежнихъ позиціяхъ: Князь Багратіонъ, съ корпусомъ Бороздина, былъ въ Надвѣ; вся первая армія находилась у Волоковой и Гавриковъ. Барклай де-Толли не имѣлъ вѣрныхъ извѣстій о переправѣ Наполеона черезъ Днѣпръ. Отъ казачьихъ разъѣздовъ получилъ онъ въ предшествовавшіе дни донесенія о замѣчаемыхъ ими въ непріятельской арміи передвиженіяхъ, но сомнѣвался, чтобы Наполеонъ оставилъ Витебскій путь. 3-го Августа, когда Наполеонъ, отбросивъ Невѣровскаго, былъ уже на маршѣ изъ Краснаго къ Смоленску, Барклай де-Толли доносилъ

Императору изъ Гавриковъ: «Движеніе непріятеля «къ Днѣпру и на лѣвый берегъ его, чѣмъ онъ «оставляетъ почти все пространство между Днѣ- «промъ и Двиною, даетъ большой поводъ къ уди- «вленію, но какъ скоро удостовѣрюсь въ дѣйстви- «тельныхъ его намѣреніяхъ, не оставлю располагать «дѣйствіями моими по мѣрѣ существующихъ обстоя- «тельствъ, и армію поставлю въ такое положеніе, «чтобъ будучи всегда въ состояніи подкрѣплять «Князя Багратіона, я могъ не менѣе того удерживать «пространство между Днѣпромъ и Двиною (*).» Хотя Барклай де-Толли и сомнѣвался въ дѣйствительномъ направленіи непріятельскихъ колоннъ по Краснен- ской дорогѣ, однако, предполагая возможность такого движенія, писалъ онъ тогда же, 3-го Авгу- ста, Князю Багратіону о необходимости переправиться 2-й арміи на лѣвый берегъ Днѣпра. «Въ «случаѣ надобности,» говорилъ онъ, «я могу под- «крѣпить васъ моими войсками, а самъ тогда буду «слѣдовать за непріятелемъ. Весьма сожалѣю,» такъ заключаетъ онъ свое отношеніе, «что мы не знали «вчерашняго числа о непріятельскомъ отступленіи «вчера рано изъ Рудни. Тогда бъ мы могли во всѣхъ «пунктахъ предупредить его движенія (**).»

Донесенія Невѣровскаго и Раевскаго объяснили

(*) Донесеніе отъ 3-го Августа, № 648.

(**) Отношеніе Барклая де-Толли Князю Багратіону, отъ 3-го Августа, № 645.

Главнокомандующимъ настоящее положеніе дѣлъ. Обѣ наши арміи выступили къ Смоленску, но отъ Раевскаго были еще далеко: 1-я армія въ 40-ка, 2-я въ 30-ти верстахъ. Между ними и Раевскимъ никого не находилось, а потому нельзя было ему надѣяться на скорое подкрѣпленіе. Правда, онъ могъ защищаться нѣсколько времени въ стѣнахъ города, но сохраненіе Днѣпровскаго моста, единственнаго пути соединенія съ арміею, подвергалось сильному сомнѣнію, въ случаѣ атаки моста какимъ нибудь Французскимъ корпусомъ, двинувшимся по берегу Днѣпра. Раевскій сперва намѣревался перейдти на правый берегъ рѣки, но не рѣшился на то, опасаясь такимъ поступкомъ навлечь на себя невыгодныя сужденія. Онъ рѣшился скорѣе погибнуть со всѣмъ корпусомъ, нежели позволить Наполеону отбросить наши арміи къ сѣверу, и отрѣзать ихъ отъ сообщенія съ Москвою и полуденными губерніями. Созванные имъ на совѣщаніе генералы совѣтовали принять сраженіе впереди Смоленска, на той позиціи, гдѣ стоялъ корпусъ. Противнаго мнѣнія былъ Паскевичъ, пріѣхавшій послѣ всѣхъ, въ полночь. «Здѣсь будемъ мы совершенно разбиты,» сказалъ онъ. «Если счастіемъ кто и спасется, то, по «крайней мѣрѣ, мы потеряемъ всѣ орудія, а глав«ное—Смоленскъ будетъ въ рукахъ непріятеля!» — «Отъ чего жь вы такъ думаете?» спросили его.— «Вотъ мои доказательства,» отвѣчалъ Паскевичъ.

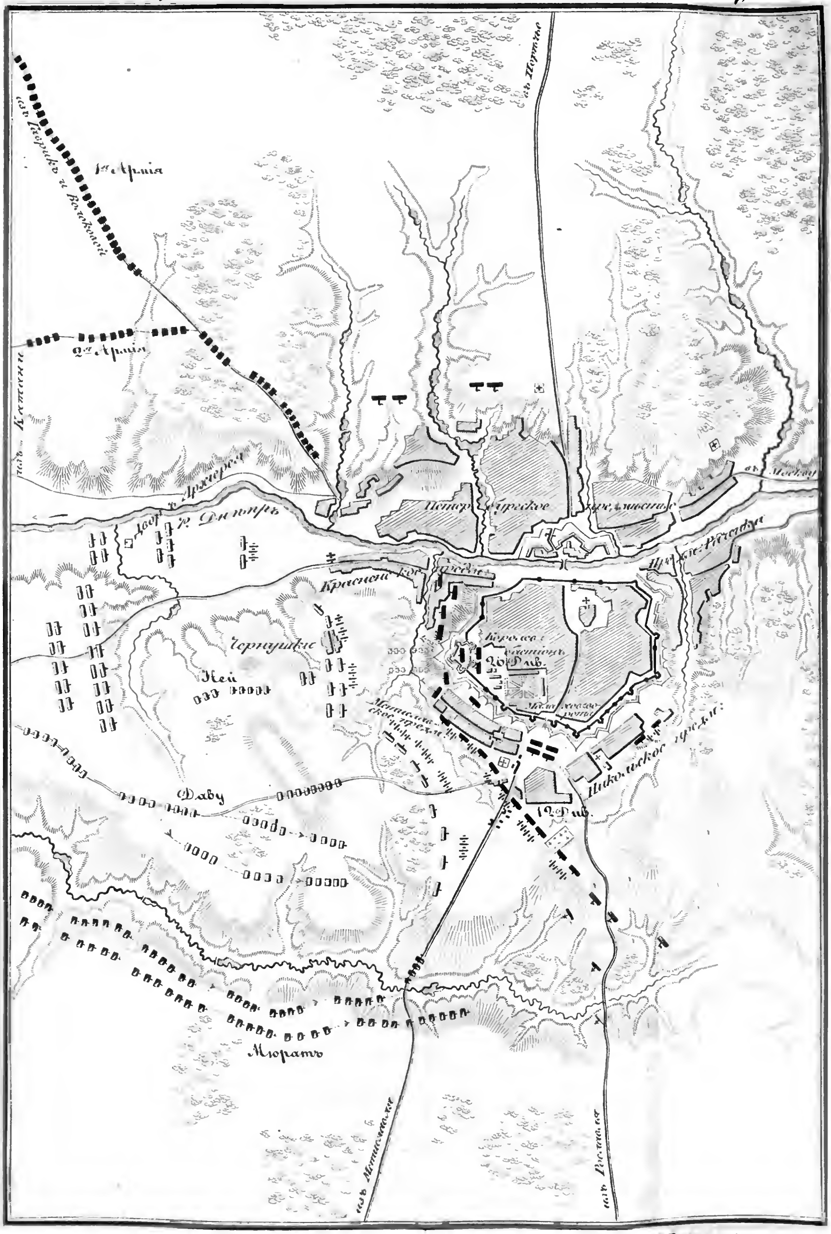
«Вы занимаете точно такую же позицію, какъ и «я, впереди васъ за три версты. Правый флангъ «защищенъ Днѣпромъ, но лѣвый совершенно от- «крытъ. Къ тому, позади васъ рытвина, непроходи- «мая для артиллеріи. Сегодня непріятель обошелъ «кавалеріею мой лѣвый флангъ, завтра онъ повто- «ритъ тотъ же маневръ противъ васъ. Если вы даже «и отобьете Французовъ съ фронта, то, во время дѣла, «они обойдутъ васъ съ лѣваго фланга и займутъ «Смоленскъ. Вы принуждены будете отступать, и «къ несчастію, на вашъ лѣвый же флангъ, то есть, «въ руки непріятеля, потому что сзади васъ оврагъ, «а тамъ стѣны Смоленска. Положимъ, что ударивъ «съ пѣхотою на непріятеля, при самомъ большомъ «счастіи, вы даже прорветесь къ мостамъ Смолен- «скимъ, но артиллеріи не провезете.»—«Гдѣ же вы «думаете принять сраженіе?» спросили Паскевича.— «Въ самомъ Смоленскѣ,» сказалъ онъ. «Можетъ быть «мы тамъ удержимся. При несчастіи потеряемъ «артиллерію, но сохранимъ корпусъ. Во всякомъ «случаѣ выиграемъ время и дадимъ возможность «арміи придти къ намъ на помощь.»

Ночь была мѣсячная и свѣтлая. Раевскій и Паскевичъ поѣхали осмотрѣть Смоленскъ и выбрать мѣста, гдѣ можно было выгодно поставить войско на случай сраженія. Смоленскъ лежитъ на лѣвомъ берегу Днѣпра и огражденъ высокою, но ветхою каменною стѣною, съ 30-ю башнями въ разныхъ

мѣстахъ. Неглубокій ровъ и передъ нимъ покрытый путь окружаютъ стѣну. Въ срединѣ, противъ Красненской дороги, на высотѣ, большой земляной кронверкъ, называемый Королевскимъ бастіономъ; на лѣвой сторонѣ, городскія предмѣстья. Во время двухъ-недѣльнаго пребыванія нашихъ армій въ Смоленскѣ и его окрестностяхъ не было принято мѣръ для укрѣпленія города, хотя стоило только воспользоваться старинными стѣнами, поправить земляныя укрѣпленія и сдѣлать новыя полевыя на лѣвой сторонѣ, для чего времени было достаточно. Обозрѣвъ мѣстоположеніе, Раевскій вознамѣрился защищаться въ самомъ Смоленскѣ и приказалъ пѣхотѣ тотчасъ отходить сюда съ позиціи; конница оставлена до разсвѣта, гдѣ стояла. Она должна была поддерживать огни, и при нападеніи на нее отступить къ Смоленску. Ночью занялись размѣщеніемъ войскъ. Оборона Королевскаго бастіона, на который преимущественно ожидали атаки, что и сбылось, поручена Паскевичу; на правомъ крылѣ поставили 2 орудія обстрѣливать дорогу по Днѣпру; 6 батальоновъ 26-й дивизіи положены за покрытымъ путемъ. На кронверкѣ выставили 18 орудій; по стѣнѣ разбросали Виленскій полкъ; бригаду Ставицкаго, 27-й дивизіи, поставили на кладбищѣ лѣваго форштата, а передъ кладбищемъ 24 пушки; 8 батальоновъ и 24 орудія 12-й дивизіи остались въ самомъ форштатѣ, съ приказаніемъ зажечь домы и отступить въ городъ, если непріятель

N. 32.

Планъ сраженія при СМОЛЕНСКѢ, 4 Августа.



1 2 3 4 Версты.

сдѣлаетъ нападеніе на предмѣстіе и будетъ усиливать атаку. Наконецъ, на лѣвомъ флангѣ крѣпости, поставлены 2 батальона и 4 орудія; въ резервѣ была остальная бригада 27-й дивизіи. Собрали нѣсколько сотъ выздоравливавшихъ изъ госпиталей, вооружили ихъ и размѣстили по городской стѣнѣ. Ночью пришли къ Раевскому Новороссійскій драгунскій и Литовскій уланскій полки. По мѣстности положенія не могли они служить большимъ пособіемъ въ предстоявшемъ сраженіи, и вмѣстѣ съ казаками были посланы въ разъѣзды на лѣвый флангъ. По окончаніи распоряженій, Раевскій приказалъ пѣхотѣ, стоявшей очень выгодно, не дѣлать ни шагу для преслѣдованія непріятеля, если онъ будетъ отбитъ, дабы не ослабить себя, разширяя поле битвы. «Въ «ожиданіи дѣла,» говоритъ Раевскій, «я хотѣлъ уснуть, но признаюсь, не смотря на всю прошедшую «ночь, проведенную на конѣ, не могъ сомкнуть глазъ: «столько озабочивала меня важность моего поста, «отъ сохраненія котораго столь многое, или, лучше «сказать, вся война зависѣла» (*).

Съ 3-го на 4-е Августа Наполеонъ ночевалъ въ загородномъ архіерейскомъ домѣ, называемомъ Новый Дворъ, въ 7-ми верстахъ отъ Смоленска. Съ зарею, 4-го, поѣхалъ онъ въ авангардъ, гдѣ завязалась перестрѣлка. При первыхъ выстрѣлахъ привели къ Раевскому плѣннаго офицера, назвавшагося

(*) Изъ собственноручныхъ записокъ Раевскаго.

адъютантомъ Мюрата. Онъ былъ принятъ ласково, чего не ожидалъ, и въ изліяніи признательности сказалъ Раевскому, что онъ можетъ, съ балкона своего дома, видѣть Наполеона, разсматривающаго въ подзорную трубу нашу позицію; что передъ Смоленскомъ стоятъ корпуса Мюрата и Нея, готовясь къ немедленному начатію нападенія. Слова плѣннаго подтвердились въ самомъ дѣлѣ. Высмотрѣвъ окрестности, Наполеонъ велѣлъ Нею атаковать. Онъ былъ увѣренъ, что Русскія арміи еще далеко, а въ Смоленскѣ только дивизія Невѣровскаго (*). Тѣснимая Французами, наша конница отступила къ городу; огонь изъ орудій остановилъ преслѣдованіе за нею. Спустя полчаса, показались три большія колонны пѣхоты. Одна шла прямо на бастіонъ, другая на кладбище, третья вдоль Днѣпра, на правый нашъ флангъ. 70 Русскихъ орудій были уже въ дѣйствіи. Непріятель прошелъ ядра, прошелъ картечи и приближался къ рытвинѣ, составлявшей на томъ мѣстѣ ровъ Смоленской крѣпости. Только что Паскевичъ успѣлъ выстроить одинъ изъ батальоновъ, лежавшій въ покрытомъ пути, какъ Французы были уже на гласисѣ. Орловскій полкъ открылъ ружейный огонь и удержалъ непріятелей. Нѣсколько разъ покушались они выдти изъ оврага и бросались на нашу пѣхоту, но каждый разъ встрѣчалъ ихъ батальный

(*) *Планъ сраженія при Смоленскѣ, 4-го Августа, № 32.*

огонь и принуждалъ возвращаться въ оврагъ. Тѣла ихъ покрывали гласисъ. Замѣчая, что атаки непріятеля слабѣютъ, Паскевичъ приказалъ Орловскому полку ударить въ штыки ; Ладожскій и Нижегородскій полки сдѣлали то же; непріятель былъ опрокинутъ, выбитъ изъ рытвины, и трупами своими устлалъ все пространство отъ гласиса до противной стороны оврага. Наши бросились преслѣдовать непріятеля, но Паскевичъ ударилъ отбой, воротилъ людей и снова построилъ батальоны за покрытымъ путемъ. Получивъ подкрѣпленіе, непріятель опять подошелъ, остановился по ту сторону оврага, перестрѣливался, но не смѣлъ дѣлать новыхъ покушеній. На лѣвомъ флангѣ, Французы стрѣлками и колоннами приближались къ Русскимъ батареямъ и выдвинули артиллерію. Ихъ встрѣтили сперва картечью; потомъ послѣдовало общее ура! Французы и здѣсь были опрокинуты. На лѣвый форштатъ, занятый 12–ю дивизіею, атаки не было.

Когда, часовъ въ 9 утра, стала собираться подъ Смоленскомъ вся Французская армія, становясь въ позицію и окружая городъ, Раевскій получилъ отъ Князя Багратіона слѣдующую записку: «Другъ «мой! я нейду, а бѣгу ; желалъ бы имѣть крылья, «чтобы скорѣе соединиться съ тобою. Держись. «Богъ тебѣ помощникъ!» И такъ, Раевскому надлежало сдѣлать еще одно усиліе въ ожиданіи подкрѣпленій. Наполеонъ, видя неудачу приступовъ,

устроилъ батареи и билъ стѣны города, поддерживая промежутки батарей стрѣлками. Цѣлые полки непріятельскіе подходили по-батальонно и разсыпались въ стрѣлки. Наши, за покрытымъ путемъ, теряли немного людей, а между тѣмъ подбирали Французскія ружья, которыя были тогда лучше Русскихъ, и обмѣнивали ихъ на свои. Смоленскіе жители обоихъ половъ стремились за стѣны, къ полю битвы, хватали на руки раненыхъ и уносили ихъ въ городъ. Около полудня показалась 2-я армія на правомъ берегу Днѣпра. Сперва Князь Багратіонъ намѣревался перейдти черезъ Днѣпръ у Катани, и навелъ тамъ мостъ, но узнавъ, что войска Наполеона уже миновали Корытню, снялъ мостъ и выступилъ изъ Катани правымъ берегомъ Днѣпра къ Смоленску. Туда повелъ и Барклай де-Толли 1-ю армію изъ Гаврикова и Волоковой, когда изъ донесеній Невѣровскаго и Раевскаго узналъ о настоящемъ положеніи дѣлъ. Съ высокой покатости, по которой шли наши арміи, видны были имъ всѣ движенія непріятеля, обращенныя противъ Смоленска, равно и оборона Раевскаго. Сколько люди ни были утомлены ночнымъ переходомъ, болѣе 30-ти верстъ, но никто не думалъ объ усталости; глаза всѣхъ устремлены были на мѣсто сраженія. Наполеонъ, завидя наши арміи, не усомнился въ близости общаго, давно желаннаго имъ сраженія, и радостно воскликнулъ: «Наконецъ Русскіе въ моихъ рукахъ!»

Первое подкрѣпленіе, полученное Раевскимъ, была 2-я кирасирская дивизія, требованная имъ прежде, когда онъ еще не зналъ, что приметъ сраженіе въ городѣ. Теперь кирасиры, въ его положеніи, были безполезны; онъ запретилъ имъ переходить черезъ рѣку и велѣлъ остановиться по ту сторону Днѣпра. За ними, въ седьмомъ часу по полудни, пришли 4 полка 2-й гренадерской дивизіи, но и они также не были введены въ огонь, потому что Французы не дѣлали натиска, а поддерживали сраженіе стрѣлками и пушечною пальбою. Вслѣдъ за гренадерами стали появляться издали прочія войска Князя Багратіона и 1-й арміи, и вечеромъ всѣ сосредоточились на высотахъ праваго берега Днѣпра. Сраженіе начинало уже утихать, и непріятель отошелъ въ свой лагерь. Пріѣхали оба Главнокомандующіе и другіе Генералы. Всѣ чувствовали важность успѣха. Поздравленія Раевскому и Паскевичу сыпались отвсюду. Князь Багратіонъ благодарилъ обоихъ отъ глубины души, восторженный геройскимъ подвигомъ ихъ. «Вотъ благополучнѣйшая минута всего «военнаго поприща моего!» говоритъ Раевскій. «Чтобы умѣть оцѣнить мое наслажденіе, надобно «было перенесть безпокойство, мучившее меня «сутки.» До какой степени рѣшительность Раевскаго защищаться въ Смоленскѣ имѣла важное вліяніе на ходъ военныхъ дѣйствій, доказываютъ слѣдующія слова Наполеона, диктованныя имъ на островѣ

Св. Елены: «Я обошелъ лѣвое крыло Русской ар-«міи, переправился черезъ Днѣпръ и устремился на «Смоленскъ, куда прибылъ 24-мя часами прежде «Русской арміи. Отрядъ изъ 15,000 человѣкъ» (то есть, корпусъ Раевскаго), «нечаянно находившійся «въ Смоленскѣ, имѣлъ счастіе оборонять городъ цѣ-«лый день, и далъ Барклаю де-Толли время подо-«спѣть на слѣдующія сутки съ подкрѣпленіемъ. «Еслибъ мы застали Смоленскъ въ расплохъ, то «перешедъ Днѣпръ, атаковали бы въ тылъ Рус-«скую армію, въ то время раздѣленную и шед-«шую въ безпорядкѣ. Такого рѣшительнаго уда-«ра совершить не удалось (*).»

Сознаніе самого Наполеона свидѣтельствуетъ, какъ выгодно было для него овладѣніе Смоленскомъ 4-го Августа, но его атаки не соотвѣтствовали великимъ послѣдствіямъ, долженствовавшимъ произойдти отъ успѣха въ его предпріятіи. Вотъ что говоритъ Раевскій: «Я сражался съ твердымъ намѣреніемъ погиб-«нуть на семъ посту спасенія и чести. Но, взвѣши-«вая съ одной стороны важность послѣдствій дѣла, «а съ другой малость потери, мною понесенной, «ясно вижу, что удача зависѣла не столько отъ мо-«ихъ соображеній, сколько отъ слабости натисковъ «Наполеона. Вопреки всегдашнихъ своихъ правилъ, «видя рѣшительный пунктъ, Наполеонъ не умѣлъ

(*) Montholon, Mémoires pour servir à l'Histoire de France sous Napoléon, écrits à S-te Hélène, II, 92.

«имъ воспользоваться. Еслибы онъ въ этотъ день «напиралъ такъ же сильно, какъ въ слѣдующій, то «рѣшилъ бы участь нашей арміи и войны.» Причины, почему Наполеонъ не усилилъ нападеній, заключались въ томъ, что найдя въ Смоленскѣ Русскихъ войскъ болѣе, нежели сначала предполагалъ, и замѣтивъ приближеніе нашихъ армій, онъ заключилъ о намѣреніи нашихъ Главнокомандующихъ принять у Смоленска сраженіе, цѣль его желаній. Въ теченіе всего дня видѣлъ онъ съ возвышеній, на которыхъ стоялъ, какъ по правому берегу Днѣпра спѣшили Русскія войска къ Смоленску. Въ убѣжденіи, что они шли не для того, чтобы черезъ сутки опять отступать, Наполеонъ не усомнился въ близкомъ сраженіи, не ввелъ въ дѣло всѣхъ войскъ, собранныхъ у Смоленска, но хотѣлъ предварительно сосредоточить свою армію и послалъ ей повелѣніе объ ускореніи марша.

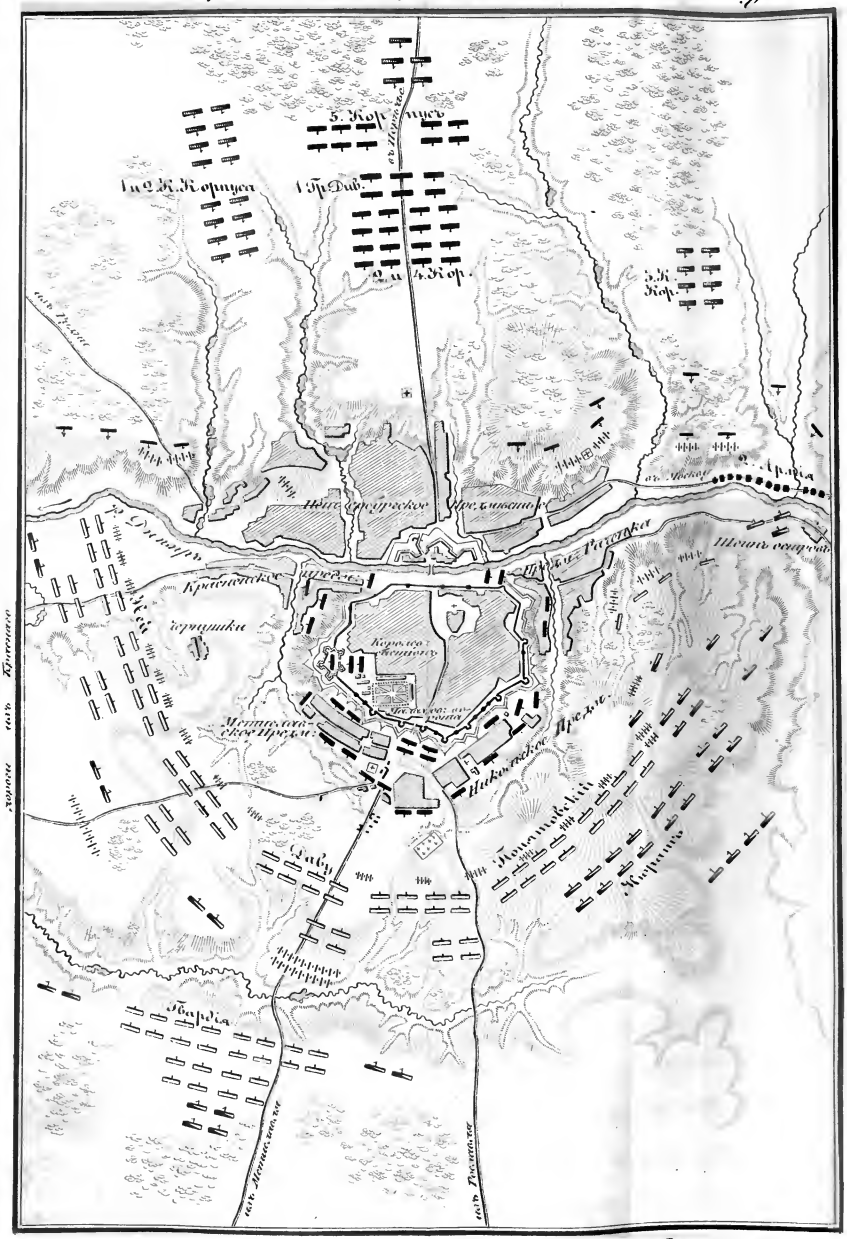
Во весь вечеръ 4-го Августа и въ ночь на 5-е число, подходили Французскіе корпуса къ Смоленску; поутру 5-го, они стали вокругъ него такъ: на лѣвомъ крылѣ, у Днѣпра, Ней; правѣе отъ него, на дорогахъ Красненской и Мстиславльской, Даву; подлѣ него Понятовскій; на оконечности праваго крыла примыкали къ Днѣпру кавалерійскіе корпуса Мюрата. Гвардія была въ резервѣ, позади корпуса Даву; Вице-Король на Красненской дорогѣ, между Корытною и Лубною, верстахъ въ 15-ти отъ Смоленска,

съ повелѣніемъ: наблюдать, не покажутся ли тамъ какія либо Русскія войска, въ намѣреніи атаковать непріятельскую армію съ тыла. 5-го Августа, отъ ранняго утра, Французы стояли въ ружьѣ, за исключеніемъ корпуса Жюно; онъ сбился съ дороги и пришелъ на позицію не прежде пяти часовъ по полудни. Вотъ лучшее доказательство, что на первомъ своемъ шагу въ коренную Россію, непріятель уже лишился необходимаго пособія на войнѣ — проводниковъ. Съ восходомъ солнца Наполеонъ былъ на полѣ, ожидая скоро ли растворятся городскія ворота и выступятъ изъ нихъ Русскія войска для принятія сраженія. Не такъ мыслилъ Барклай де-Толли. Удостовѣрясь въ сосредоточеніи всѣхъ непріятельскихъ силъ подъ Смоленскомъ, онъ полагалъ, что настоящее намѣреніе Наполеона состояло въ предупрежденіи насъ въ окрестностяхъ Дорогобужа, дабы овладѣть Московскою дорогою. По сей причинѣ Барклай де-Толли рѣшился съ Княземъ Багратіономъ на слѣдующее: 1), Второй арміи отступить по Дорогобужской дорогѣ къ Соловьеву, оставя у Смоленска, на Московской дорогѣ, впереди рѣчки Колодни, авангардъ подъ начальствомъ Князя Горчакова. 2), Для прикрытія движенія Князя Багратіона, первой арміи занять однимъ корпусомъ Смоленскъ, а прочимъ корпусамъ расположиться подлѣ города, на правомъ берегу Днѣпра (*).

(*) Донесеніе Барклая де-Толли Государю, отъ 9-го Авг., № 661.

N. 33.

План сражения при СМОЛЕНСКЕ, 5 Августа.



Ночью съ 4-го на 5-е Августа начали приводить въ исполненіе сіи распоряженія. Въ Смоленскъ назначили корпусъ Дохтурова, который только что оправлялся отъ болѣзни и чувствовалъ еще большую слабость. Главнокомандующій послалъ спросить его: въ силахъ ли онъ дѣйствовать при оборонѣ Смоленска? Дохтуровъ отвѣчалъ: «Лучше умереть на полѣ, «нежели на кровати.» Въ полночь онъ смѣнилъ Раевскаго въ Смоленскѣ. На усиленіе Дохтурова назначили дивизіи Невѣровскаго и Коновницына, и бригаду 12-й дивизіи, Колюбакина. Поутру, 5-го Августа, первая армія заняла возвышенія на правомъ берегу Днѣпра; вторая отошла за 12 верстъ по Московской дорогѣ, отправивъ напередъ въ разныя стороны наблюдательные отряды. Выступая, Князь Багратіонъ доносилъ Государю: «Надѣюсь, «что Военный Министръ, имѣя передъ Смоленскомъ «всю 1-ю армію, удержитъ Смоленскъ, а я, въ слу«чаѣ покушеній непріятеля пройдти далѣе, на Мос«ковскую дорогу, буду отражать его» (*).

Дохтуровъ разставилъ войска въ предмѣстіяхъ, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя наканунѣ были занимаемы Раевскимъ, ибо опытомъ было дознано, какъ выгодно такое расположеніе. 24-я дивизія, Лихачева, стала на правомъ; 7-я, Капцевича, на лѣвомъ крылѣ; 3-я, Коновницына, въ резервѣ; 27-я,

(*) Донесеніе Князя Багратіона Государю, отъ 5-го Августа, № 475.

Невѣровскаго, въ Раченскомъ предмѣстьи. На правомъ берегу Днѣпра, гдѣ находились остальные корпуса 1-й арміи, устроены сильныя батареи, съ цѣлью бить во фланг непріятелю, когда онъ вознамѣрится штурмовать городъ (*). Въ 8 часовъ утра послышались первые ружейные выстрѣлы; къ 10-ти часамъ на всемъ протяженіи передовыхъ цѣпей открылся огонь, болѣе или менѣе поддерживаемый артиллеріею, судя по напорамъ непріятеля, не дѣлавшаго въ теченіе утра никакихъ особенныхъ усилій, хотя впрочемъ нѣсколько разъ врывался онъ въ улицы и дома предмѣстья, откуда однако же его прогоняли. Уже было за полдень; предмѣстья остались за нами: атаки на нихъ были отбиты. Къ двумъ часамъ непріятель отошелъ назадъ на пушечный выстрѣлъ; огонь прекратился.

Наполеонъ все еще ждалъ, что наши выйдутъ изъ Смоленска и примутъ сраженіе, на пространствѣ находившемся между городомъ и Французскою арміею. Надежда его скоро разрушилась донесеніемъ, привезеннымъ съ праваго фланга, что тамъ замѣтно движеніе Русскихъ, отступающихъ отъ Смоленска по Московской дорогѣ. То была 2-я армія. Маршъ ея не могъ сокрыться отъ непріятеля, потому что дорога, по которой слѣдовалъ Князь Багратіонъ, нѣсколько верстъ идетъ вдоль Днѣпровскаго берега.

(*) *Планъ сраженія при Смоленскѣ, 5-го Августа, № 33.*

Наполеонъ желалъ лично удостовѣриться въ столь важномъ извѣстіи, и поѣхалъ на правое крыло, къ Шеину-острову. Здѣсь онъ своими глазами убѣдился въ движеніи Князя Багратіона, и первою мыслію его было отрѣзать сіи войска отъ тѣхъ, которыя находились въ Смоленскѣ. Посланы разъѣзды для отысканія бродовъ. Нѣсколько Французовъ, въѣзжавшихъ въ рѣку, для узнанія глубины воды, утопили лошадей. Разъѣзды возвратились съ донесеніемъ, что не нашли брода, хотя онъ былъ версты 4 выше Смоленска. По неимѣнію брода, при невозможности отрѣзать отступавшія войска, вознамѣрился Наполеонъ овладѣть Смоленскомъ, какъ мѣстомъ для переправы на правый берегъ Днѣпра, и велѣлъ начать общую атаку. Въ 4-мъ часу по полудни, единовременно двинулись колонны. Ней шелъ на Красненское предмѣстье, Даву на Мстиславльское и Молоховскія ворота, Понятовскій атаковалъ Раченку и поставилъ батареи, направленныя вдоль Днѣпровскаго моста. Часа два держался Дохтуровъ въ предмѣстьяхъ, но наконецъ принужденъ былъ войдти въ городъ, и разставилъ пѣхоту по стѣнамъ, а артиллерію по бастіонамъ; только небольшое число стрѣлковъ оставалось внѣ стѣнъ. Русскія батареи, стоявшія на правомъ берегу Днѣпра, на оконечности лѣваго крыла арміи, во все это время дѣйствовали по непріятелю. Многолюдство дало Наполеону возможность атаковать вдругъ всѣ части города, но стѣны,

ограждавшія нашихъ отъ дѣйствія его орудій и ружейныхъ выстрѣловъ, были непреодолимою преградою для непріятеля. Благодаря имъ, уронъ нашъ былъ незначителенъ въ сравненіи съ ужасною потерею непріятеля. Не даромъ въ старину называли Смоленскія стѣпы дорогимъ ожерельемъ Россіи. Пыль и дымъ потемняли воздухъ; шумъ и трескъ заглушали слова и барабаны. Главный натискъ былъ обращенъ на Молоховскія ворота, защищаемыя Коновницынымъ. Возлѣ него былъ Дохтуровъ. Немногіе изъ тѣхъ, кто окружали нашихъ Генераловъ, остались невредимы. До какой степени свирѣпствовалъ тутъ убійственный огонь, можно заключить потому, что надобно было четыре раза перемѣнять 4 орудія, стоявшія у воротъ, ибо лошади и прислуга въ самое короткое время были истребляемы. Коновницына ранило пулею въ руку, но онъ не оставилъ сраженія и даже не дозволилъ сдѣлать себѣ перевязки.

Главнокомандующій начиналъ безпокоиться объ успѣхѣ защиты, видя съ высотъ праваго берега ожесточеніе непріятеля, и получая отъ Дохтурова донесенія о безпрестанномъ усиленіи нападеній. Онъ приказалъ случившемуся возлѣ него Принцу Евгенію Виртембергскому лично осмотрѣть происходившее въ городѣ. Принцъ не успѣлъ доѣхать до моста, какъ былъ остановленъ новымъ приказаніемъ: всей 4-й дивизіи Его Высочества идти на подкрѣпленіе сражающихся. Два полка послалъ онъ къ Раченкѣ,

а съ остальными четырьмя пошелъ къ Молоховскимъ воротамъ. Съ трудомъ достигъ онъ мѣста своего назначенія: на встрѣчу ему тянулось множество раненыхъ, а на улицахъ дивизія была осыпаема ядрами. Онъ подоспѣлъ въ самую опасную минуту, когда остальныя войска Дохтурова, бывшія внѣ города, возвращались въ ворота, въ разстройствѣ, неминуемомъ сдѣдствіи кровопролитія. Дохтуровъ велѣлъ Принцу Евгенію сдѣлать вылазку изъ города и прогнать непріятеля, засѣвшаго въ ближайшихъ къ стѣнѣ домахъ. Съ великимъ трудомъ очистивъ проходъ въ воротахъ, Принцъ Евгеній выступилъ за городъ съ 4-мъ егерскимъ полкомъ. Встрѣченный жестокимъ огнемъ, полкъ поколебался. Принцъ бросился съ лошади, стараясь возстановить порядокъ, но еще прежде того нѣсколько храбрыхъ егерей побѣжали впередъ и приняли вправо, въ покрытый путь. За ними устремился весь полкъ и пустилъ батальный огонь по непріятелю, бывшему въ противолежащихъ домахъ. Послѣ сего дѣйствія, Французы прекратили покушенія на Молоховскія ворота (*). Успѣхъ сопровождалъ Русское оружіе и на другомъ пунктѣ, не менѣе упорно атакованномъ, на лѣвомъ крылѣ, у Раченки, гдѣ выгоды мѣстоположенія были на сторонѣ непріятеля. Неустрашимость Невѣровскаго, подкрѣпленнаго гвардейскими егерями, и искусныя распоряженія начальника артиллеріи 1-й арміи Графа

(*) Изъ рукописнаго журнала Принца Евгенія Виртембергскаго.

Кутайсова, лично управлявшаго дѣйствіемъ орудій, восторжествовали надъ усиліями Понятовскаго и Поляковъ его. Неоднократно кидались Поляки къ самымъ стѣнамъ, даже врывались въ ворота небольшими толпами, отъ 15-ти до 20-ти человѣкъ, съ крикомъ: «Да здравствуетъ отчизна!» Ни одинъ изъ Ляховъ не возвращался. Пронзенные пулями или штыками, падали ослѣпленные, среди общаго разрушенія Европы чаявшіе возстановленія своей мятежной родины, дерзавшіе называть своимъ Отечествомъ древнюю столицу Княжества Мономахова. Начальникъ ихъ у Раченскаго предмѣстья, Генералъ Грабовскій былъ заколотъ гренадеромъ Тобольскаго пѣхотнаго полка.

Безполезность нападеній утомила Наполеона. Онъ велѣлъ идти на проломъ. Передъ головы колоннъ вывезены батареи. Крѣпость и толщина стѣнъ, воздвигнутыхъ Годуновымъ, противостояли чугуну, но тучи ядеръ и гранатъ, полетѣвшихъ въ городъ изъ 150-ти орудій, произвели пожары. Церкви, домы, башни, все, что могло горѣть, запылало. Опламененныя окрестности, густой, разноцвѣтный дымъ, багровыя тучи, трескъ лопающихъ бомбъ, громъ пушекъ, кипящіе перекаты ружейной стрѣльбы, стукъ барабановъ, улицы, наполненныя ранеными, вопль старцовъ, стоны женъ и дѣтей, цѣлый народъ, упадающій на колѣни съ воздѣтыми къ небу руками— таково было зрѣлище, освѣщаемое догаравшими лучами солнца. Почитая сей день свѣтопреставленіемъ,

а Наполеона антихристомъ, съ воинствомъ дьяволовъ, жители толпами бѣжали изъ огня, между тѣмъ, какъ полки Русскіе шли въ огонь: одни спасали жизнь, другіе несли ее на жертву. Какъ нѣкогда во Псковѣ, осажденномъ Баторіемъ, подъ ядрами Литовскихъ бойницъ, духовенство пѣло молебны, такъ теперь въ Смоленскѣ, гдѣ уже три дня, во время свирѣпствовавшихъ битвъ, не затворялись церкви, служители алтарей Божіихъ совершали непрестанныя моленія среди дыма, пламени, при неумолкаемомъ громѣ ревущихъ жерлъ, метавшихъ гибель и смерть. Пылали колокольни и церкви, но всенощное бдѣніе наканунѣ праздника Преображенія Господня продолжалось. Никогда болѣе какъ въ тотъ вечеръ не возсылали молитвъ ко Всевышнему. Въ сумерки вынесли за городъ изъ Благовѣщенской церкви чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери. Шествіе сопровождалось трескомъ распадавшихся зданій и губительными явленіями битвы, кипѣвшей посреди самаго прекраснаго лѣтняго вечера. Не было ни малѣйшаго вѣтра: огонь и дымъ, восходя столбомъ, разстилались подъ облаками. Удалилась Божественная Заступница Смоленска, но со стѣнъ не сходили Русскіе, спереди громимые непріятелемъ, сзади опаляемые пожаромъ, разлившимся по всему городу. Съ великимъ трудомъ могли сохранить мостъ на Днѣпрѣ, единственное сообщеніе съ арміею, находившеюся по ту сторону рѣки. Поздно вечеромъ,

часу въ 11-мъ, канонада прекратилась; непріятель отступилъ на небольшое разстояніе отъ стѣнъ; наши посты стали впереди города.

Такова была битва подъ Смоленскомъ. Наполеонъ не имѣлъ рѣшительно никакого успѣха, хотя ввелъ въ дѣло болѣе половины своей арміи. «Приступы «непріятеля,» говорилъ Барклай де-Толли въ донесеніи, «были наижесточайшіе и отважные, но въ «возмездіе того и потеря его столь чрезвычайна, «что нашъ уронъ даже ни мало не можетъ войдти «въ сравненіе съ непріятельскимъ, хотя и простирается до 4,000 убитыми и ранеными (*).» О потерѣ непріятельской арміи, показанія писателей Французскихъ разнорѣчивы: одинъ полагаетъ выбывшихъ изъ строя 6 (**), другой 7 (***), третій 12 тысячь (****).

Различны были мнѣнія, какъ воспользоваться пріобрѣтеннымъ успѣхомъ и духомъ необычайнаго мужества, одушевлявшимъ войска. Одни предлагали перейдти поутру въ Смоленскѣ чрезъ Днѣпръ и атаковать непріятеля; другіе совѣтовали удерживать долѣе городъ, удачно двои сутки обороняемый.

(*) Донесеніе Государю, отъ 9-го Августа, № 661.

(**) Ségur, Histoire de Napoléon et de la grande armée en 1812, I, 264.

(***) Larrey, Mémoires de chirurgie militaire et campagnes, 30, 31, 34.

(****) Chambray, Histoire de l'Expédition de Russie, I, 330.

Главнокомандующій мыслилъ иначе. «Цѣль наша «при защищеніи развалинъ Смоленскихъ стѣнъ,» доносилъ онъ Государю, «состояла въ томъ, что- «бы занимая тамъ непріятеля, пріостановить испол- «неніе намѣренія его достигнуть Ельни и Дорого- «бужа, и тѣмъ предоставить Князю Багратіону нуж- «ное время прибыть безпрепятственно въ Дорого- «бужъ. Дальнѣйшее удерживаніе Смоленска никакой «не могло имѣть пользы; напротивъ того, могло бы «повлечь за собою напрасное жертвованіе храбрыхъ «солдатъ. Посему рѣшился я послѣ удачнаго отра- «женія приступа непріятельскаго, ночью съ 5-го на «6-е число оставить Смоленскъ, удерживая только «Петербургскій форштатъ, и со всею арміею взять «позицію на высотахъ противъ Смоленска, давая «видъ, что ожидаю его атаки (*).» Въ часъ по полуночи, Дохтуровъ получилъ повелѣніе оставить Смоленскъ, со всѣми войсками, бывшими въ теченіе дня въ его распоряженіи, перейдти на правый берегъ Днѣпра, занять егерями Петербургскій форштатъ, и истребить Днѣпровскій мостъ. Коновницынъ распоряжалъ арріергардомъ. Посты, находившіеся внѣ Смоленска, отступили въ тишинѣ, загородивъ входы въ городъ; раненые, по возможности, были вывезены. До разсвѣта Смоленскъ совершенно опустѣлъ; мостъ былъ уничтоженъ. Нѣсколько полковъ стали въ предмѣстьи, противъ бывшаго моста

(*) Донесеніе отъ 9-го Августа, № 661.

и при бродахъ. Въ такомъ положеніи ожидали мы разсвѣта, а между тѣмъ тянулись мимо войскъ нашихъ несчастные жители, бѣжавшіе отъ непріятеля: старики съ малолѣтными, матери съ дѣтьми — всѣ спасались, не зная сами куда, не зная, что будетъ съ ними и съ Россіею!

—

ГЛАВА V.

ОТЪ СМОЛЕНСКА ДО СОЛОВЬЕВОЙ ПЕРЕПРАВЫ.

—

Вступленіе Наполеона въ Смоленскъ. — Состояніе жителей. — Непріятель занимаетъ Петербургское предмѣстье. — Коновницынъ выгоняетъ оттуда Французовъ — Опасное положеніе 1-й арміи. — Движеніе арміи съ Порѣчской дороги на Московскую. — Рѣшимость Тучкова. — Причины медленнаго движенія арміи. — Распоряженія Наполеона. — Неожиданная встрѣча войскъ у Гедеонова. — Нападеніе на Тучкова. — Дѣйствія Графа Орлова-Денисова. — Плѣнъ Тучкова. — Важность его подвига. — Причина неудачи непріятелей. — Отступленіе арміи къ Соловьеву. — Дѣйствія отряда Винцингероде.

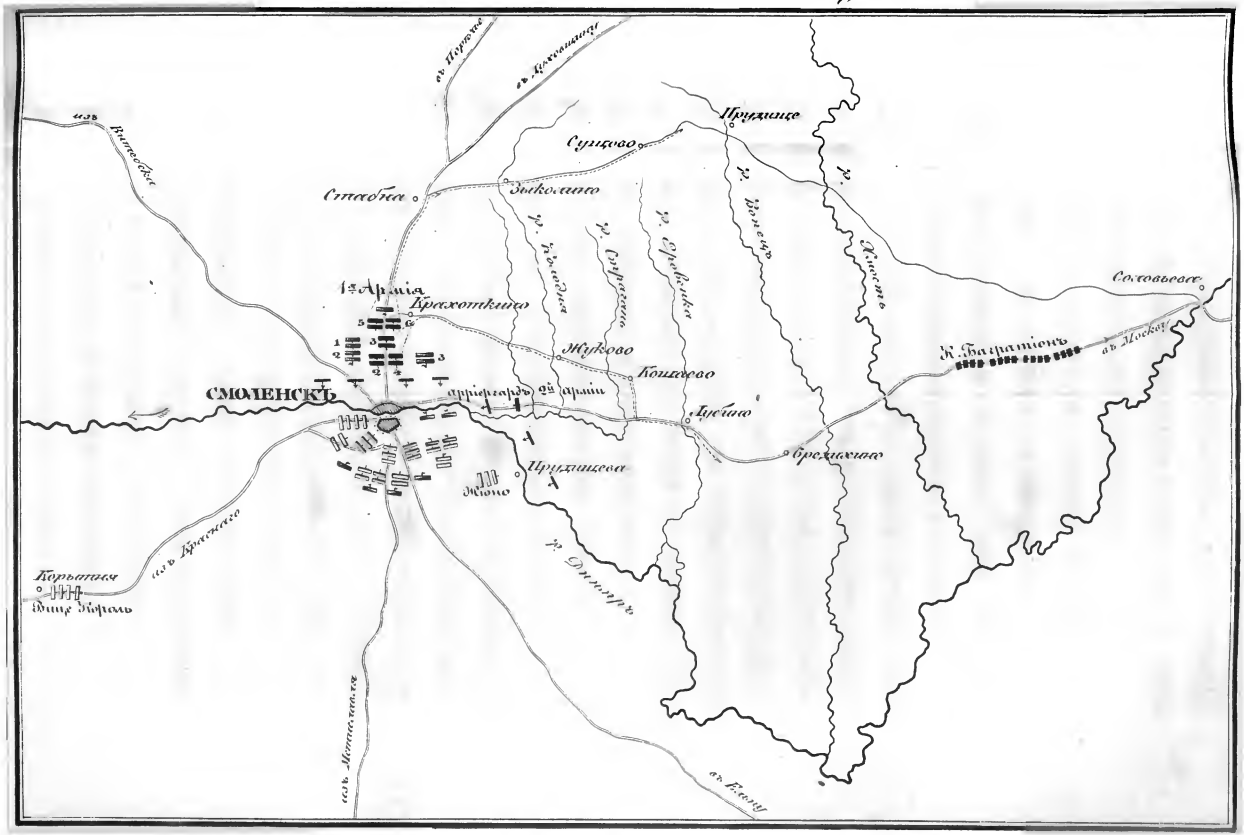
—

Едва начала заниматься заря въ день Преображенія Господня, непріятельскіе ведеты, не видя никого передъ собою, ни внѣ стѣнъ, ни на вершинѣ ихъ, стали сближаться къ Смоленску, прислушиваться, и мало по малу входить въ городъ. За передовою цѣпью двинулся авангардъ; не замедлилъ прибыть и Наполеонъ. Онъ въѣхалъ въ Никольскія ворота, остановился въ домѣ Каховскаго, нынѣ

Красномилашевичей, и вскорѣ отправился глухими улицами въ церковь надъ Днѣпровскими воротами. Изъ ея запертыхъ стеклянныхъ дверей смотрѣлъ онъ, какъ по ту сторону сожженнаго моста двѣ Русскія пушки отстрѣливались, и огнемъ своимъ по набережной къ городу наносили вредъ Французамъ. Онъ приказалъ втащить въ церковь Божіей Матери два орудія, и поставя ихъ въ дверяхъ балкона, самъ наводилъ ихъ по нашимъ пушкамъ. Потомъ вышелъ онъ изъ церкви, и приказалъ противъ нашихъ стрѣлковъ, занимавшихъ противоположный берегъ, поставить 4 орудія, на небольшомъ земляномъ валу. Окончивъ обозрѣніе, онъ возвратился на свою квартиру и ѣхалъ посреди свирѣпствовавшаго еще пожара, по обгорѣлымъ трупамъ нашихъ храбрыхъ защитниковъ Отечества. Кое-гдѣ встрѣчалъ онъ жителей, доведенныхъ до истиннаго отчаянія отъ явленій кипѣвшаго наканунѣ сраженія, повсемѣстнаго пламени и разбоя непріятелей, особенно Поляковъ. Лишенные крова, видя всѣ связи семейной и гражданской жизни разторгнутыми, несчастные Смольяне, какъ изступленные, искали пріюта и защиты; раненые, обгорѣлые, избитые, спасались они въ храмахъ Божіихъ. Въ такомъ положеніи нашелъ Наполеонъ Смоленскъ. Онъ *занялъ*, а не *взялъ* его, потому что Дохтуровъ не былъ вытѣсненъ изъ города, и оставилъ развалины его, получивъ повелѣніе отступить.

N. 54.

Расположеніе войскъ 6. Августа



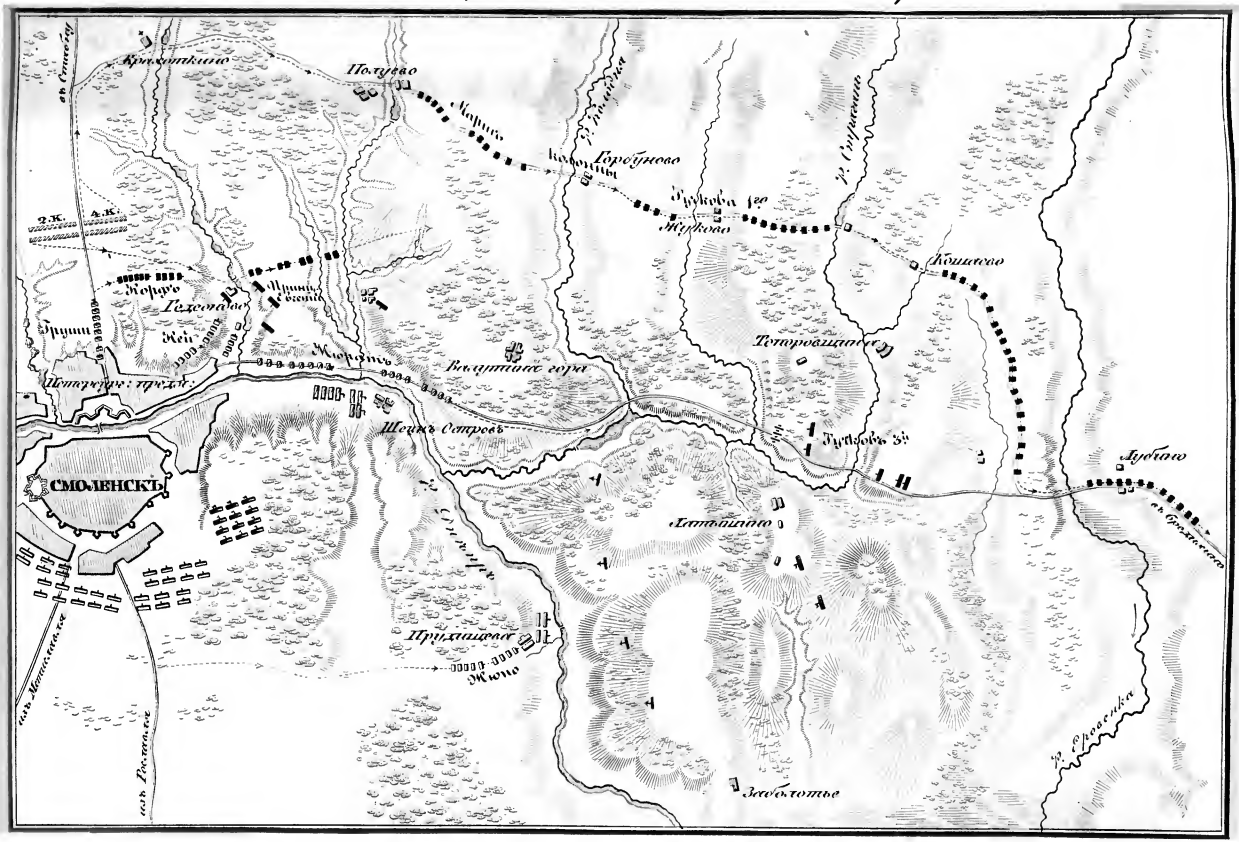
Когда, поутру 6-го Августа, Наполеонъ въѣзжалъ въ Смоленскъ, наша первая армія вступала въ позицію, избранную на Порѣчской дорогѣ, верстахъ въ 3-хъ отъ Смоленска (*). Корфъ былъ посланъ командовать оставшимися въ предмѣстьи войсками, на мѣсто Коновницына, который ночью начальствовалъ арріергардомъ, и потомъ, по очищеніи Смоленска, обратился съ дивизіею къ своему корпусу. Еще позиція не была совсѣмъ занята арміею, какъ огонь горѣвшаго моста перешелъ въ форштатъ и произвелъ пожаръ въ домахъ, откуда пѣхота нашего арріергарда должна была выйдти, не находя мѣста отъ огня. Одно убѣжище оставалось въ садахъ, но и тутъ жаръ простирался до такой степени, что плоды на деревьяхъ были испечены. Увидя отступленіе нашего арріергарда, непріятель переправился въ бродъ у самаго моста, оттѣснилъ егерей, занялъ нѣсколько улицъ въ форштатѣ и выступалъ изъ него на равнину по Порѣчской дорогѣ. Тогда снова поручено Коновницыну возвратиться и очистить предмѣстье. Съ егерскою бригадою Князя Шаховскаго и отступившимъ отрядомъ Корфа, Коновницынъ атаковалъ Французовъ и прогналъ ихъ за Днѣпръ. Корфъ расположился въ предмѣстьи; егеря разсыпались по Днѣпровскому берегу, и въ продолженіе всего дня перестрѣливались съ непріятелемъ, находившимся на противной сторонѣ. По временамъ посылались

(*) *Расположеніе войскъ 6-го Августа, № 34.*

пушечные выстрѣлы. Лишь только войска нашего арріергарда собирались на какомъ либо мѣстѣ, или показывались кучками, тотчасъ осыпали ихъ картечами. Во многихъ мѣстахъ непріятель испытывалъ конницею броды, но во все утро не предпринималъ ничего важнаго. Послѣ полудня замѣчено было движеніе Французовъ вверхъ по Днѣпру, отъ чего положеніе 1-й арміи становилось опаснымъ, ибо, занявъ Московскую дорогу, Наполеонъ могъ прервать сообщеніе 1-й арміи со второю, находившеюся на маршѣ къ Соловьеву. Правда, по условію съ Барклаемъ де-Толли, остановилъ Князь Багратіонъ за собою арріергардъ, подъ командою Князя Горчакова, между Лубинымъ и Смоленскомъ, но малочисленное войско сіе не было въ состояніи удержаться, если-бы Наполеонъ атаковалъ его большими силами. Со всею арміею Барклай де-Толли не пошелъ тотчасъ изъ Смоленска по прямой дорогѣ, ведущей въ Москву, ибо она пролегаетъ на 8 верстъ въ столь близкомъ разстояніи отъ Днѣпра, что Наполеонъ, поставя артиллерію на лѣвомъ берегу, могъ сильно безпокоить армію нашу, отступающую по сей дорогѣ, и бить въ нее, какъ въ вѣрную цѣль. Для избѣжанія сего неудобства и сокрытія дальнѣйшихъ своихъ намѣреній, Главнокомандующій отступилъ изъ Смоленска на Порѣчскую дорогу.

Хотя Барклаю де-Толли непремѣнно надлежало выйдти на дорогу Московскую, однако не безопасно

План действий при Лубинским сражении.



было предпринять боковой маршъ днемъ, въ виду всей Французской арміи. Главнокомандующій вознамѣрился выжидать ночи, и простоявъ 6-го Августа подлѣ Смоленска, приказалъ арміи слѣдовать при наступленіи вечера, проселками, съ Порѣчской дороги на столбовую Московскую, въ двухъ колоннахъ: 1-й, Тучкова 1-го, изъ 2-го, 3-го и 4-го пѣхотныхъ и 1-го кавалерійскаго корпусовъ, черезъ Крохоткино, Жуково, Кошаево и Лубино къ Бредихину; 2-й колоннѣ, Дохтурова, изъ 5-го и 6-го пѣхотныхъ, 2-го и 3-го кавалерійскихъ корпусовъ, черезъ Зыколино и Сущево на Прудище. Въ слѣдующій день должны были обѣ колонны продолжать маршъ къ Соловьевой переправѣ: 1-я изъ Бредихина, 2-я изъ Прудища. Платову приказано отдѣлить часть казачьихъ войскъ къ арріергарду 1-й колонны, составить цѣпь отрядовъ отъ Смоленска къ Порѣчью и Духовщинѣ, и при сближеніи обѣихъ колоннъ къ переправѣ черезъ Днѣпръ, при Соловьевѣ, «всѣ казачьи отряды совокупить вмѣстѣ и составить массу, которую можно бъ было употреблять во всѣ стороны» (*). Арріергардомъ командовалъ Корфъ, имѣвшій приказаніе отступать вслѣдъ за 1-ю колонною; въ головѣ ея назначено идти особенному отряду, въ видѣ авангарда, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Тучкова 3-го, и также слѣдовать *прямо* къ Бредихину.

(*) Донесеніе Барклая де-Толли Государю, отъ 9-го Августа.

Боковое движеніе арміи должно было исполнить подъ кровомъ ночи. Тучковъ 3-й (*) выступилъ съ Порѣчской дороги 6-го Августа, въ 8 часовъ вечера, и шелъ всю ночь передъ колонною своего брата, на Полуево, Горбуново и Кошаево (**), проселками, лѣсами и болотами. На нихъ были мосты, сдѣланные только для проѣзда крестьянскихъ телегъ. По переходѣ первыхъ орудій и конницы черезъ мосты, принуждены были поправлять и перемащивать ихъ, разбирая для того ближнія избы; починка мостовъ замедляла маршъ передоваго отряда, слѣдовательно и 1-й колонны. 7-го Августа, въ 8 часовъ утра, Тучковъ 3-й прибылъ на Московскую дорогу, откуда слѣдовало ему, по предписанію, идти прямо на Бредихино. Однако Тучковъ 3-й, видя что Бредихино, отъ мѣста соединенія дорогъ, гдѣ онъ вышелъ на большую Московскую, отстоитъ нѣсколько верстъ далѣе отъ Смоленска, расчелъ, что при точномъ выполненіи даннаго ему повелѣнія идти прямо къ Бредихину, онъ откроетъ Московскую дорогу, посредствомъ чего непріятель, ставъ на нее, можетъ отрѣзать всю ту часть нашихъ войскъ и тяжестей, которыя, слѣдуя проселкомъ, не успѣютъ еще пройдти Лубина. Онъ принялъ въ соображеніе также другое обстоятельство. Арріергардъ, оставленный Княземъ

(*) Нынѣ Членъ Государственнаго Совѣта.

(**) *Планъ дѣйствій передъ Лубинскимъ сраженіемъ, № 35.*

Багратіономъ впереди Лубина, подъ командою Князя Горчакова, сходилъ съ дороги и шелъ назадъ въ то самое время, когда на нее выходилъ Тучковъ. Причиною сего отступленія было слѣдующее: по утру, 5-го Августа, выступая изъ Смоленска къ Дорогобужу, Князь Багратіонъ велѣлъ Князю Горчакову оставаться верстахъ въ 4-хъ отъ Смоленска, для наблюденія Московской дороги, пока не придутъ на его смѣну войска 1-й арміи, а по прибытіи ихъ, какъ можно скорѣе поспѣшать на соединеніе съ 2-ю арміею. Простоявъ на назначенномъ ему мѣстѣ весь день сраженія, также и 6-е число, Князь Горчаковъ не получалъ изъ 1-й арміи приказаній. Настало 7-е число. Солнце взошло уже высоко, но не было извѣстій изъ 1-й арміи и не являлись войска ея. Между тѣмъ отъ Смоленска показался непріятель; у Прудищева Французы строили мостъ на Днѣпрѣ, съ явнымъ намѣреніемъ зайдти арріергарду въ тылъ. Положеніе Князя Горчакова становилось поминутно затруднительнѣе. Наконецъ пріѣхалъ изъ главной квартиры Барклая де-Толли посыланный туда Княземъ Горчаковымъ адъютантъ, и донесъ, что 1-я армія уже на походѣ и отрядъ Тучкова 3-го приближается изъ Кошаева къ столбовой дорогѣ. Тогда, исполняя приказаніе Князя Багратіона «немедленно «присоединиться къ нему, какъ появятся войска 1-й «арміи,» и посовѣтовавшись съ Генералами Васильчиковымъ и Графомъ Воронцовымъ, Князь Горчаковъ

приказалъ отряду своему идти назадъ къ Соловьевой, и оставилъ впереди Смоленска три казачьи полка, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Карпова.

Въ то время Тучковъ 3-й, совершивъ маршъ проселками, вышелъ на столбовую дорогу. Соображая важность обстоятельствъ и необходимость имѣть въ своей власти Смоленскую дорогу, вмѣсто того, чтобы по назначенію идти влѣво къ Бредихину, онъ поворотилъ вправо къ Смоленску, съ намѣреніемъ занять первое удобное мѣсто къ оборонѣ, какое найдетъ впереди, и прикрывъ соединеніе дорогъ, дать время колоннѣ брата своего поспѣть на большую дорогу. Пройдя версты двѣ по направленію къ Смоленску, онъ увидѣлъ у рѣчки Страгани возвышенное мѣстоположеніе, способное для защиты, и остановилъ на немъ отрядъ свой, состоявшій изъ бригады Князя Шаховскаго, 20-го и 21-го егерскихъ, Ревельскаго пѣхотнаго и Елисаветградскаго гусарскаго полковъ. Потомъ поѣхалъ онъ для обозрѣнія, и вскорѣ замѣтилъ пѣшихъ и конныхъ непріятелей, подвигавшихся противъ него изъ Смоленска. Разъѣзды Карпова донесли, что непріятель продолжаетъ строить мостъ у Прудищева. Привели Французскаго переметчика. Онъ подтвердилъ донесеніе разъѣздовъ, и присовокупилъ, что войска, устроивающія мостъ у Прудищева, составляютъ корпусъ Жюно. Возвратясь къ отряду, Тучковъ 3-й поставилъ его въ боевой порядокъ между деревнями Топоровщиною и Латышиною. Казаки

пошли влѣво къ Днѣпру, открывать движеніе Жюно. Все описанное происходило въ совершенной тишинѣ, а между тѣмъ часть колонны Тучкова 1-го: корпуса его, Уварова и Графа Остермана, одолѣвъ мѣстныя и другія препятствія, всегда сопровождающія ночной маршъ по окольнымъ путямъ, вышла близъ Лубина на столбовую Московскую дорогу, и продолжала слѣдованіе къ мѣсту своего назначенія, Бредихину. Только по прозьбѣ Тучкова 3-го, братъ его, Тучковъ 1-й, послалъ къ нему въ подкрѣпленіе, на всякій случай, шедшую въ головѣ колонны бригаду Желтухина, полки Лейбъ-Гренадерскій и Графа Аракчеева. Такимъ образомъ, доселѣ все шло благополучно; ожидали только у Лубина корпуса Багговута и арріергарда Корфа, находившихся еще на окольной дорогѣ, гдѣ они были остановлены, сперва обстоятельствами, отъ нихъ не зависѣвшими, а потомъ непріятелемъ. Багговуту назначено было слѣдовать ночью за 4-мъ корпусомъ, который опоздалъ выступленіемъ, а потому Багговутъ не могъ тронуться съ лагеря на Порѣчской дорогѣ ранѣе двухъ часовъ утра 7-го Августа (*). Узнавъ о промедленіи, Главнокомандующій велѣлъ Багговуту, для выигрыша времени, идти не за 4-мъ корпусомъ, но вправо тропинкою по лѣсу, черезъ деревню Гедеонову. Войска прибыли туда уже совсѣмъ на разсвѣтѣ,

(*) Журналъ Принца Евгенія Виртембергскаго, находившагося въ корпусѣ Багговута.

и очутились не болѣе, какъ въ полуторѣ верстѣ отъ Петербургскаго предмѣстья Смоленска.

Во время сихъ движеній Наполеонъ былъ болѣе зрителемъ, нежели дѣйствователемъ. Онъ оставался 6-го Августа въ Смоленскѣ, давая отдохновеніе арміи, утомленной сраженіемъ и ничего рѣшительнаго не предпринималъ. Только приказалъ онъ приблизиться къ Корытнѣ Вице-Королю, во время Смоленскаго приступа отряженному для наблюденія на Красненскую дорогу. Вечеромъ 6-го числа, Наполеонъ послалъ Жюно къ Прудищеву, навесть тамъ мостъ на Днѣпрѣ; выйдти на Московскую дорогу и отрѣзать тѣ Русскія войска, которыя могли еще находиться между Смоленскомъ и Латышинымъ. Тогда же, по исправленному въ Смоленскѣ мосту, корпусъ Нея и вся конница Мюрата переправились 7-го Августа, въ 3 часа поутру, въ то самое время, когда Багговутъ былъ отъ нихъ въ полуторѣ верстѣ, у Гедеонова. Не догадываясь объ истинномъ направленіи нашей арміи, Наполеонъ приказалъ Груши идти по Петербургской дорогѣ на Стабну и Духовщину, Мюрату поворотить вправо на Московскую дорогу, Нею слѣдовать проселкомъ, находящимся между сею дорогою и Петербургскою. Здѣсь выходилъ Ней на тотъ путь, гдѣ долженъ былъ идти арріергардъ Корфа, слѣдственно, Ней могъ отрѣзать его, еслибы пошелъ быстро впередъ со всѣмъ своимъ корпусомъ. Онъ не сдѣлалъ сего,

боясь удалиться отъ Смоленска, и не зная, гдѣ наша армія и куда направляется. Безъ проводниковъ, не находя въ селеніяхъ ни одной живой души, Ней двигался ощупью. Увидѣвъ передъ собою у Гедеонова небольшое число Русскихъ изъ корпуса Багговута, выслалъ онъ противъ нихъ стрѣлковъ, и потомъ, замѣтивъ, что наши тянулись вправо, далъ о томъ знать Наполеону. Изъ его донесенія Наполеонъ убѣдился въ движеніи Русскихъ къ Московской дорогѣ, и велѣлъ Нею идти туда.

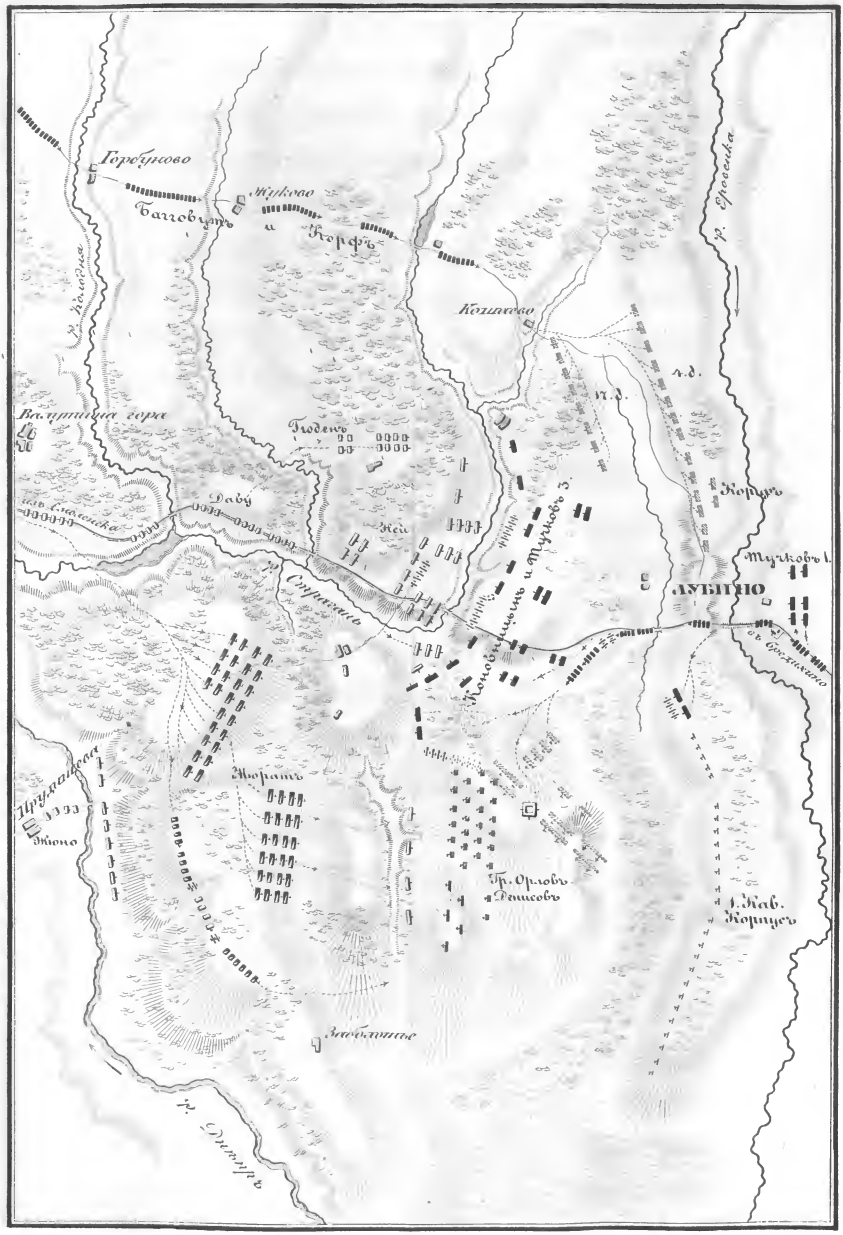
Появленіе передовыхъ войскъ Нея у Гедеонова, гдѣ онъ могъ отрѣзать арріергардъ Корфа, встревожило Барклая де-Толли, стоявшаго на высотахъ за Гедеоновымъ. Онъ приказалъ Принцу Евгенію, слѣдовавшему позади корпуса Багговута, возвратиться съ дивизіею и удержать Гедеоново, а Корфу идти какъ можно скорѣе. Принцъ выполнилъ порученіе успѣшно и остановилъ авангардъ Нея, напиравшаго не сильно, потому что въ то время получено уже было имъ повелѣніе Наполеона обратиться на Московскую дорогу. Барклай де-Толли оставался у Гедеонова, пока лично не увидѣлъ прибытія Корфа. Тогда велѣлъ онъ ему и Принцу Евгенію идти на соединеніе къ другимъ корпусамъ, къ Лубину, куда и самъ отправился.

Здѣсь, до 11-го часа утра, тишина не прерывалась; но еще было слишкомъ рано, и потому нельзя было надѣяться, что весь день пройдетъ

спокойно, тѣмъ болѣе, что Лубино находилось близко отъ соединенія обѣихъ дорогъ, куда не пришли еще ни Багговутъ, ни Корфъ. Слѣдственно, должно было, до прибытія ихъ, всѣми средствами удерживать непріятеля. Въ 11 часовъ завязалась перестрѣлка на передовой цѣпи Тучкова 3-го, и огонь становился сильнѣе, по мѣрѣ прибытія Неева корпуса, изъ окрестностей Гедеонова, на столбовую дорогу. Ней открылъ пушечную пальбу, и послалъ конницу противъ нашей батареи. Тучковъ 3-й отступилъ за Страгань, разобралъ на ней мостъ, и геройски рѣшился держаться до крайности, видя, что отступленіемъ онъ могъ предавать во власть Французовъ мѣста, гдѣ соединяются дороги и должны были выходить Багговутъ и Корфъ. Ней, съ своей стороны, наблюдая движеніе нашей арміи, и постигая, какой вредъ могъ онъ нанести ей, еслибы удалось ему оттѣснить отрядъ Тучкова 3-го за точку соединенія дорогъ, усиливалъ нападенія. Въ 3 часа прибылъ Барклай де-Толли и велѣлъ Коновницыну идти съ дивизіею на помощь Тучкову 3-му, а Графу Орлову-Денисову, съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, спѣшить изъ Бредихина на рысяхъ къ Заболотью, на нашъ лѣвый флангъ, откуда ожидали атаки Жюно и Мюрата, тянувшагося туда съ большимъ числомъ конницы, имѣя цѣлью обойдти насъ слѣва. О семъ намѣреніи его извѣстили насъ два переметчика,

N. 56.

План сражения при ЛЮБИНЕ.



присовокупивъ, что Мюратъ, для нападенія, ожидаетъ только переправы Жюно.

На большой дорогѣ и по сторонамъ ея кипѣлъ самый упорный бой. Ней покушался нѣсколько разъ овладѣть поставленною на дорогѣ батареею. Не имѣя успѣха, онъ пускалъ въ обходъ нашъ колонны. Французы ожесточенно бросались впередъ, но были опрокидываемы Тучковымъ 3-мъ, Коновницынымъ, и полками, подходившими изъ Бредихина. Тщетно истощая усилія противъ фронта позиціи, непріятель вознамѣрился обратить конницу на лѣвый флангъ, гдѣ между тѣмъ Графъ Орловъ-Денисовъ окончилъ свои распоряженія. Ему было приказано, не переходя съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ черезъ болото, поставить корпусъ позади ихъ, на высотахъ, стараясь показать непріятелю, будто тамъ находится большое количество конницы. Исполняя повелѣніе, Графъ Орловъ-Денисовъ приказалъ 1-му корпусу и конной артиллеріи сойдти съ лошадей и стать по опушкѣ лѣса въ одну шеренгу, а самъ поѣхалъ къ бывшимъ на лѣво отъ большой дороги полкамъ Маріупольскому, Сумскому, Елисаветградскому, и двумъ эскадронамъ Изюмскаго гусарскихъ и 5-ти казачьимъ, также отданнымъ въ его распоряженіе. Предвидя съ одной стороны близкую атаку Мюрата и переправу Жюно, а съ другой безнадежность въ случаѣ неудачи отступать болотами, Графъ Орловъ-Денисовъ отправилъ изъ каждаго

эскадрона людей для осмотра мѣстъ, по которымъ можно было отходить назадъ. Сіе сдѣлалъ онъ съ намѣреніемъ, желая удостовѣрить самихъ солдатъ въ невозможности отступленія. Когда дознана была ими непроходимость болотъ, предложилъ онъ войску побѣдить или честно умереть, поставилъ полки въ 4 линіи, и утвердилъ свой правый флангъ къ пригорку, отдѣлявшему его отъ Московской дороги. На пригорокъ взвезли 4 орудія, для удержанія покушеній непріятельской пѣхоты на правый нашъ флангъ. Пять полковъ казачьихъ и 2 эскадрона Изюмскихъ гусаровъ составили лѣвое крыло (*). Главное состояло въ воспрепятствованіи Мюрату выстроить многочисленную его конницу на полянѣ, ибо если-бы то удалось ему, пораженіе нашей кавалеріи было бы неминуемо, послѣ чего Мюрату уже легко было ударить въ лѣвый флангъ пѣхоты, сражавшейся на большой дорогѣ и по сторонамъ ея.

Два пѣхотные Французскіе полка стали выходить изъ кустарника и открыли огонь. Графъ Орловъ-Денисовъ приказалъ первой линіи отступить на мѣсто второй, второй на мѣсто третьей, и такъ далѣе. Пѣхота непріятельская, завидя отступленіе, двигалась впередъ. Графъ Орловъ-Денисовъ послалъ первую линію атаковать ее, съ подтвержденіемъ: уничтоживъ пѣхоту, проскакать назадъ за 4-ю линію, а 2-й линіи снова начинать атаку противъ кавалеріи,

(*) *Планъ сраженія при Лубинѣ, № 36.*

и опрокинувъ ее, возвращаться за 4-ю линію, стараясь безпрерывными атаками не дать Французамъ выстроиться на полянѣ. Первая атака Маріупольскимъ гусарскимъ полкомъ и казаками была произведена съ полнымъ успѣхомъ, и пѣхота Французская изрублена на мѣстѣ. Вторая линія, не дождавшись отступленія первой, а первая, ободренная своею удачею, вмѣстѣ пошли въ атаку на показавшуюся изъ кустарниковъ конницу. Отъ сего смѣлаго движенія произошли на короткое время замѣшательство и уклоненіе отъ сдѣланныхъ распоряженій. Обѣ линіи опрокинули кавалерію, но тѣмъ задержали дѣйствіе 3-й линіи, доколѣ не были вызваны для занятія своихъ мѣстъ. Такого рода атаки производились около двухъ часовъ съ неимовѣрнымъ духомъ и быстротою. Въ то время третья непріятельская колонна, обойдя лѣсъ, открыла по лѣвому нашему флангу пушечный огонь. Графъ Орловъ-Денисовъ приказалъ завернуть флангъ назадъ. Сокращеніе позиціи между двумя болотами дало возможность составить резервы, а между тѣмъ, по прозьбѣ Графа Орлова-Денисова, прислали ему 12 орудій и два пѣхотные полка, Перновскій и Полоцкій. Первый поставленъ кареемъ въ центрѣ, второй на правомъ флангѣ, у пригорка, куда взвезли прибывшія 12 орудій. Размѣстивъ такимъ образомъ войска, Графъ Орловъ-Денисовъ ожидалъ новыхъ нападеній, и послалъ увѣрить Главнокомандующаго, что до ночи не уступитъ Мюрату ни шагу.

Непріятельскіе генералы нѣсколько разъ просили у Наполеона подкрѣпленій, приказывая доложить ему, что сраженіе идетъ самое кровопролитное и къ Русскимъ безпрестанно подходятъ свѣжія войска. Мюратъ также неоднократно посылалъ за Жюно, который, по переходѣ черезъ Днѣпръ у Прудищева, откуда могъ ударить во флангъ Графу Орлову-Денисову, остановилъ свой корпусъ и не подвигался впередъ. Всѣ убѣжденія Мюрата остались тщетны: Жюно не трогался, отзываясь, что въ 200 шагахъ передъ его фронтомъ топкое болото, котораго нельзя перейдти иначе, какъ по одному человѣку, и то съ подстилкою фашинъ. Ему предложили обойдти болото и напасть на Русскихъ съ тыла. Жюно отвѣчалъ, что для такой отдѣльной атаки корпусъ его слишкомъ малочисленъ, что для обхода требуется много времени, между тѣмъ, какъ до наступленія ночи остается только четыре часа. Бездѣйствіе Жюно приписываютъ Французы помѣшательству въ умѣ, которое начинало уже обнаруживаться въ немъ, и потомъ свело его во гробъ (*).

Въ продолженіе сего кавалерійскаго дѣла, Барклай де-Толли подкрѣплялъ центръ свѣжими войсками, подходившими изъ Бредихина. Екатеринославскій

(*) Флигель-Адъютантъ Наполеона, Гурго, посыланный отъ Мюрата къ Жюно, говоритъ: «Il paroit que Junot ressen-«toit déja les atteintes de la maladie, dont il est mort «après.»—Gourgaud, Napoléon et la grande armée, 171.

гренадерскій полкъ усилилъ правое крыло; кавалерійская дивизія и гренадерскіе полки: Павловскій, Таврическій и С. Петербургскій, стали въ резервѣ за Лубинымъ. Наконецъ, часу въ 7-мъ, Багговутъ совершилъ свое боковое движеніе. Объ дивизіи его, 4-я, Принца Евгенія, и 17-я, Олсуфьева, расположились за правымъ крыломъ; къ вечеру подоспѣлъ и Корфъ. Слѣдственно, цѣль, для достиженія коей сражались, съ нашей стороны была достигнута, однако кровопролитный бой не прекращался. Получивъ рѣшительный отказъ отъ Жюно участвовать въ сраженіи, Мюратъ сдѣлалъ послѣднее покушеніе противъ Графа Орлова-Денисова, но былъ остановленъ 16-ти пушечною батарею, батальнымъ огнемъ Полоцкаго и Перновскаго полковъ и атакою Сумскихъ гусаровъ. На правомъ крылѣ, Ней получилъ въ подкрѣпленіе пѣхоту, и упорствовалъ въ нападеніяхъ, но безъ успѣха. Около девяти часовъ вечера, только что пришедшая изъ корпуса Даву, дивизія Гюдена воспользовалась сумерками, прошла лощину и стремительно атаковала насъ. Тучковъ 3-й, съ Екатеринославскими гренадерами, ударилъ въ штыки, но былъ опрокинутъ, пронзенъ штыкомъ, упалъ съ лошади и взятъ въ плѣнъ. Гюденъ былъ убитъ. Огонь затихъ и мѣсто сраженія осталось за нами. Коновницынъ разставилъ передовую цѣпь, отпустилъ артиллерію назадъ и снялъ войска съ позиціи.

Битвой подъ Лубинымъ кончились кровопролитныя дѣйствія, происходившія нѣсколько дней сряду въ Смоленскѣ и его окрестностяхъ. Уступлено было врагамъ вѣковое достояніе Россійской Имперіи, но не побѣда предала его во временное обладаніе Наполеона. Съ невѣроятнымъ мужествомъ сражаясь на старинныхъ рубежахъ Отечества, Русскіе отходили назадъ не по принужденію къ отступленію силою, но въ исполненіе воли Главнокомандующаго, полагавшаго, что еще не пробилъ часъ общей битвы. Императоръ Александръ уподоблялъ сраженіе подъ Лубинымъ Кульмскому, съ которымъ оно имѣетъ большое сходство. Тучковъ 3-й, точно такъ же, какъ годъ спустя Графъ Остерманъ, безъ приказанія, самъ собою пошелъ совсѣмъ по другому направленію, нежели ему было назначено, и загородилъ непріятелю путь къ Лубину, подобно Графу Остерману, совершившему такое же движеніе на дорогѣ изъ Дрездена въ Теплицъ. Оба запечатлѣли кровію свой подвигъ, но Тучковъ не былъ такъ счастливъ, какъ Графъ Остерманъ, мужество коего было въ полной мѣрѣ оцѣнено признательностью Монарха, личнаго свидѣтеля Кульмскаго боя. Напротивъ, Тучкову не отдали должной справедливости, по незнанію, что онъ изъ собственнаго побужденія, выйдя на Московскую дорогу, поворотилъ къ Смоленску, хотя въ данной ему диспозиціи приказано ему составлять только авангардъ первой колонны,

шедшей въ Бредихино, и отнюдь не упоминалось о поворотѣ на Смоленскъ (*).

Когда Тучковъ, пробитый штыкомъ, упалъ на землю, Французы начали рубить его саблями. Было темно, но вдругъ просіяла луна. Увидя на плѣнномъ звѣзду, непріятель остановилъ взнесенный и, вѣроятно, роковой ударъ. Тучковъ, облитый кровью, былъ представленъ Мюрату, принятъ имъ ласково, и даже получилъ удовлетвореніе прозьбы, заключавшейся въ слѣдующемъ: Офицеръ, полонившій Тучкова, повелъ его къ Мюрату, и убѣждалъ его замолвить объ немъ хоть слово. Прощаясь съ Мюратомъ, Тучковъ сказалъ: «Имѣю до Вашего Величества прозьбу.»—«Какую?» спросилъ Мюратъ: «охотно сдѣлаю все для «васъ.»—«Не забудьте наградить офицера, который «представилъ меня къ вамъ; онъ дѣйствовалъ очень «храбро противъ меня.»—Мюратъ улыбнулся; на другой день офицеръ получилъ орденъ Почетнаго Легіона.

У Французовъ, по словамъ ихъ, выбыло изъ строя болѣе 6,000 человѣкъ (**). Потеря наша была не менѣе, но въ точности неизвѣстна; донесеній объ ней нѣтъ. Впрочемъ, сколько ни значительна была убыль, но она могла почесться маловажною въ сравненіи съ тѣми выгодами, какія пріобрѣталъ непріятель, если-бы успѣлъ захватить точку соединенія дорогъ

(*) Диспозиція подписана Начальникомъ Главнаго Штаба 1-й арміи, Ермоловымъ.

(**) Chambray, Histoire de l'Expédition de Russie, I, 332.

и утвердиться на ней. Главная причина, почему Французы, имѣя всѣ силы у Смоленска, въ самой близости поля сраженія, не успѣли прорваться, оттиснуть наши войска на двѣ версты назадъ, и отрѣзать Багговута, Корфа и тяжести, состояла въ томъ, что Наполеонъ не распоряжался лично и не былъ на полѣ сраженія. Рано поутру онъ выѣзжалъ на короткое время изъ Смоленска, и останавливался недалеко отъ Петербургскаго предмѣстья, доколѣ не узналъ о настоящемъ направленіи Русской арміи. Извѣстясь о движеніи нашемъ съ Порѣчской дороги на Московскую, Наполеонъ велѣлъ Нею идти туда, Даву стать въ резервѣ, а самъ возвратился въ Смоленскъ и цѣлый день не выѣзжалъ изъ города. Ней, Мюратъ, Даву и Жюно были независимы другъ отъ друга и каждый поступалъ по своему разумѣнію. Двое первыхъ истощали всѣ средства для одолѣнія упорной защиты Русскихъ, но не были вспомоществуемы Жюно, который, переправясь у Прудищева черезъ Днѣпръ, не подался ни шагу впередъ. Даву тоже простоялъ весь день въ бездѣйствіи, въ 10-ти верстахъ отъ поля сраженія, и только подъ вечеръ одна изъ его дивизій, Гюдена, введена въ огонь, а другая, Морана, послана въ обходъ нашего праваго крыла, но съ половины дороги обращена назадъ, когда Даву, узнавъ о неудачныхъ атакахъ Мюрата и Нея, возымѣлъ опасеніе, чтобы дивизія Морана не была отрѣзана. Такія упущенія были слѣдствіемъ отсутствія

Наполеона и недостатка въ единоначаліи, между тѣмъ какъ съ нашей стороны распоряжался самъ Главнокомандующій, прибывшій на поле вскорѣ послѣ начала сраженія и остававшійся въ дѣлѣ до конца.

Отъ возвратившагося послѣ сраженія адъютанта своего, посыланнаго наблюдать дѣйствія войскъ, Наполеонъ узналъ сколь убійственна была битва. Тотчасъ, ночью же, поѣхалъ онъ въ каретѣ на поле сраженія, осмотрѣлъ окрестности, наградилъ войска, раздалъ знамена полкамъ, которые ихъ не имѣли, и излилъ гнѣвъ на Жюно, поставляя ему въ вину, что Русская армія не потерпѣла совершеннаго пораженія. «Безполезное пролитіе крови до такой степе«ни поразило Наполеона,» говоритъ его секретарь, «что онъ рѣшился нейдти далѣе и остановиться въ «Смоленскѣ» (*). Наполеонъ уже раскаявался, за чѣмъ начиналъ войну, видя, что долженъ былъ, какъ мореходецъ въ безбрежномъ океанѣ, все болѣе и болѣе углубляться въ необозримое пространство Россіи, на коемъ наша армія, а съ нею и мнимая побѣда, подобно призракамъ скрывались и изчезали отъ глазъ его. Въ такомъ расположеніи духа возвратился онъ 8-го Августа съ поля сраженія на Смоленское пепелище, между тѣмъ, какъ Русская армія отступала къ Соловьеву двумя колоннами, одною, Тучкова 1-го отъ Лубина, другою, Дохтурова, изъ Прудища. Въ Соловьевѣ назначено было переходить обѣимъ

(*) Fain, Manuscrit de 1812, I.

колоннамъ черезъ Днѣпръ. Въ слѣдующей главѣ опишемъ дальнѣйшее движеніе армій, а здѣсь разскажемъ, что происходило въ отдѣльномъ отрядѣ Винцингероде, когда битвы кипѣли вокругъ Смоленска.

Прежде Смоленскаго сраженія, Винцингероде отправленъ былъ къ Порѣчью и Велижу для поисковъ надъ непріятелемъ, извѣщенія объ его движеніяхъ и содержанія сообщеній съ Графомъ Витгенштейномъ. Его отрядъ состоялъ изъ Казанскаго драгунскаго и 3-хъ казачьихъ полковъ. Прибывъ къ Велижу, онъ узналъ, что два непріятельскіе батальона занимали городъ, и вознамѣрился ударить на нихъ въ расплохъ. Нападеніе не удалось, потому, что непріятель, заблаговременно извѣщенный о нашемъ предпріятіи, взялъ мѣры осторожности. Отъ Велижа пошелъ отрядъ къ Усвяту, откуда Французы, съ приближеніемъ нашихъ, удалились безъ выстрѣла. Винцингероде расположился на нѣсколько дней въ Усвятѣ, и посылалъ въ разныя стороны партіи, приводившія безпрестанно Французскихъ бродягъ. Потомъ онъ пошелъ къ Витебску, пославъ Полковника Бенкендорфа къ Полоцку. Неожиданное появленіе Русскихъ произвело страхъ въ непріятельскихъ гарнизонахъ, занимавшихъ Витебскъ и Полоцкъ, куда во множествѣ спасались находившіеся въ окрестныхъ селеніяхъ залоги и фуражиры, коихъ въ семъ поискѣ захвачено 1000 человѣкъ. Къ указанію мѣстъ, гдѣ шатались Французскіе бродяги и стояли ихъ залоги,

а также къ доставленію свѣдѣній о непріятелѣ, много способствовали Евреи, оказывавшіе при всякомъ случаѣ особенную преданность къ Россіи. Край въ Витебской губерніи, по коему проходилъ Винцингероде, былъ въ безначаліи. Французскіе залоги, по прозьбѣ помѣщиковъ поставленные въ деревняхъ, не прекращали своеволія командъ и бродягъ. По неимѣнію средствъ къ обузданію страстей, они были простыми зрителями опустошенія, при чемъ и сами грабили.

По отступленіи армій отъ Смоленска, Винцингероде долженъ былъ прекратить поиски въ Витебской губерніи и находиться на одной высотѣ съ арміями. Онъ избралъ путь черезъ Порѣчье и Бѣлой. Едва вступилъ онъ въ предѣлы Смоленской губерніи, къ разъѣздамъ его, посланнымъ на Порѣчье, присоединились жители, и вмѣстѣ съ казаками нападали на непріятелей. Одинаковое рвеніе встрѣчалъ нашъ отрядъ во всѣхъ уѣздахъ Смоленской губерніи, гдѣ, въ тылу непріятельской арміи, толпы отсталыхъ Французовъ жгли, грабили и предавались всевозможнымъ неистовствамъ. Помѣщики, духовенство, купцы, крестьяне, соединялись съ отрядомъ Винцингероде для пораженія непріятеля. «Мы находили вездѣ,» говоритъ Бенкендорфъ, «самую возвышенную преданность, самое слѣпое повиновеніе и трогательные примѣры привязанности крестьянъ къ помѣщикамъ» (*).

(*) Изъ собственноручныхъ Записокъ Графа Бенкендорфа.

Изъ Бѣлаго Винцингероде пошелъ черезъ Покровъ и Воскресенскъ на Сычевку и Гжатскъ. Здѣсь раздраженіе народа достигало высшей степени. Женщины и дѣти удалялись въ лѣса; мужчины вооруженною рукою нападали на Французовъ, защищали церкви, жгли свои домы и жестокою смертію казнили непріятелей, попадавшихся имъ въ руки.

—

ГЛАВА VI.

ОТЪ СОЛОВЬЕВОЙ ПЕРЕПРАВЫ ДО ЦАРЕВА ЗАЙМИЩА.

—

Соединеніе Русскихъ армій у Умолья. — Намѣреніе принять тамъ сраженіе. — Пребываніе Наполеона въ Смоленскѣ. — Состояніе Смоленска. — Введеніе тамъ непріятелемъ управленіе. — Разговоръ Наполеона съ Тучковымъ. — Рѣшеніе Наполеона идти въ Москву. — Его повелѣнія отдѣльнымъ арміямъ и корпусамъ. — Главная непріятельская армія выступаетъ изъ Смоленска. — Отступленіе Русскихъ армій отъ Умолья къ Дорогобужу. — Намѣреніе сразиться при Вязьмѣ. — Причины отступленія. — Народная война. — Письмо Наполеона къ Императору Александру. — Отступленіе къ Цареву Займищу. — Изображеніе движеній непріятельской и Русской армій. — Прибытіе въ Царево Займище. — Назначеніе Князя Кутузова Главнокомандующимъ надъ всѣми арміями.

—

Послѣ сраженія при Лубинѣ, непріятель два дня не напиралъ на нашъ арріергардъ. 1-я армія продолжала маршъ къ Соловьевой переправѣ; 8-го Августа перешла по четыремъ мостамъ черезъ Днѣпръ,

и стала на половинѣ дороги къ Дорогобужу. Когда полки проходили по узкимъ мостамъ у Соловьева, увидѣли они шествіе чудотворнаго образа Смоленской Божіей Матери. Войско разступилось, благоговѣйно молясь Святой Иконѣ. На правомъ берегу Днѣпра, подъ командою Платова, остался арріергардъ, составленный изъ казаковъ, 4-хъ полковъ регулярной конницы и 6-ти егерскихъ. Платову велѣно было заслонять армію и содержать связь съ отрядомъ Винцингероде. Обозы, больные и раненые отправились изъ Духовщины въ Вязьму. 8-го Августа, 2-я армія была у Михалевки, и на слѣдующее утро пошла къ Дорогобужу, а 1-я армія, не доходя до сего города 8-ми верстъ, заняла позицію у Умолья, гдѣ простояла два дня. Барклай де-Толли располагалъ выждать тутъ непріятеля и принять сраженіе, для чего Князь Багратіонъ возвратился изъ Дорогобужа и сталъ на лѣвомъ крылѣ 1-й арміи. Намѣреніе Барклая де-Толли не отступать далѣе, казалось несомнѣннымъ. Онъ писалъ Графу Ростопчину:

«Нынѣшнее положеніе дѣлъ непремѣнно требуетъ, чтобы судьба наша рѣшена была генеральнымъ сраженіемъ. Я прежде сего полагалъ продолжать войну до окончательнаго составленія внутреннихъ ополченій, и посему надобно было вести войну общими движеніями, не на одномъ пространствѣ, гдѣ находятся 1-я и 2-я арміи, но на всемъ театрѣ войны, слѣдовательно 3-ею арміею надлежало бы исполнить дѣятельную часть операцій, дабы располагать

въ движеніяхъ силами всѣхъ трехъ армій, по примѣру непріятеля, который, пользуясь чрезвычайнымъ числомъ войскъ своихъ, движеніями своими принудилъ насъ къ отступленію. Находясь въ безъизвѣстности о 3-й арміи, и не имѣя довольнаго числа войскъ, чтобы одними движеніями прикрывать всѣ пункты, мы находимся въ необходимости возлагать надежду нашу на генеральное сраженіе. Всѣ причины, доселѣ воспрещавшія давать оное, нынѣ уничтожаются. Непріятель слишкомъ близокъ къ сердцу Россіи, и сверхъ того мы принуждены всѣми обстоятельствами взять сію рѣшительную мѣру, ибо въ противномъ случаѣ арміи были бы подвержены сугубой погибели и безчестію, и Отечество не менѣе того находилось бы въ той опасности, отъ которой, съ помощію Всевышняго, можемъ избавиться общимъ сраженіемъ, къ которому мы съ Княземъ Багратіономъ избрали позиціи у Умолья. Признаюсь, что число храбрыхъ солдатъ нашихъ уменьшилось во время бывшихъ почти ежедневныхъ дѣлъ, и въ генеральномъ сраженіи мы конечно будемъ имѣть большую потерю въ людяхъ, почему, представляя вамъ, въ какомъ положеніи находятся арміи наши, умоляю васъ извѣстнымъ усердіемъ вашимъ къ Отечеству спѣшить приготовленіемъ сколь можно скорѣе Московской военной силы, и собрать оную въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Москвы, дабы въ случаѣ нужды подкрѣпить наши арміи. По сей же причинѣ просилъ я Генерала Милорадовича, съ ввѣренными ему войсками, поспѣшить изъ Калуги, Можайска и Волоколамска выступить и расположиться близъ Вязьмы (*).»

(*) Отношеніе Барклая де-Толли Графу Ростопчину, отъ 10-го Августа, № 672.

Въ такомъ же смыслѣ писалъ Барклай де-Толли къ Графу Витгенштейну (*) и къ Милорадовичу, прося его поспѣшать изъ Калуги, Можайска и Волоколамска къ Вязьмѣ, гдѣ Милорадовичъ долженъ былъ составить резервъ (**). Тормасова убѣждалъ Барклай де-Толли «дѣйствовать быстро, безостановочно въ тылъ непріятелю, истреблять всѣ войска, «какія ему попадутся, и отнимая у непріятеля всякое продовольствіе, стараться довольствовать онымъ «3-ю западную армію, отъ коей теперь зависитъ «спасеніе Государства и Отечества.» Вскорѣ отмѣнено намѣреніе сразиться при Умольѣ. Главнокомандующій доносилъ Государю:

«Потеря 1-й арміи въ послѣднихъ сраженіяхъ весьма значительна. По этой причинѣ, и по тому уваженію, что въ случаѣ неудачи, арміи не имѣютъ за собою никакого подкрѣпленія, побуждаюсь всеподданнѣйше просить Ваше Величество о повелѣніи составить резервный корпусъ, который могъ бы мнѣ служить подкрѣпленіемъ, и на который я бы могъ отступить по Московской дорогѣ. На этотъ счетъ я уже писалъ къ Милорадовичу; между тѣмъ, чтобы предупредить случайности какого либо слишкомъ поспѣшнаго предпріятія, и имѣя предъ собою превосходнаго непріятеля, я буду вмѣстѣ съ Княземъ Багратіономъ стараться избѣгать генеральнаго сраженія. Однако же мы въ такомъ положеніи, что сомнѣваюсь въ этомъ

(*) Повелѣніе Графу Витгенштейну, отъ 10-го Августа, № 669.

(**) Отношеніе Милорадовичу, отъ 10-го Августа, № 673.

успѣть, но надѣюсь на Бога, на справедливость нашего дѣла и храбрость нашихъ войскъ.»

Пока наши стояли у Умолья въ раздумьи: принять ли сраженіе, или нѣтъ? Наполеонъ жилъ на пепелищѣ Смоленска, и провелъ тамъ четыре дня среди догаравшихъ церквей и домовъ. Жестокость пожара была такова, что изъ 2,250 обывательскихъ домовъ, лавокъ и заводовъ, уцѣлѣло только 350. Наполеонъ занялъ домъ Гражданскаго Губернатора. На другой день послѣ своего пріѣзда, 7-го Августа, онъ отправился въ соборъ. Дойдя до средины огромнаго храма, онъ снялъ шляпу; то же сдѣлали и всѣ окружавшіе его, бывшіе до тѣхъ поръ, подобно повелителю своему, съ покрытою головою. Ужасная картина представилась Наполеону. Не успѣвшіе спастись изъ города, и пожаромъ лишенные крова, жители искали убѣжища въ домѣ Божіей Матери Смоленскія Одигитріи. Тамъ взоры Наполеона встрѣтили матерей въ мукахъ разрѣшенія отъ бремени, больныхъ, боровшихся со смертію; вопли и стенанія оглашали церковь! Никому изъ страдальцовъ не простеръ Наполеонъ руки помощи, никого не утѣшилъ привѣтнымъ словомъ, но, какъ разсказываютъ очевидцы, только окинулъ несчастныхъ свирѣпымъ взглядомъ. Уходя, онъ приказалъ приставить къ собору часовыхъ, которые и находились у храма во все время непріятельскаго нашествія, доколѣ послѣдній Французскій часовой не былъ

снятъ, 5-го Ноября, 20-мъ егерскимъ полкомъ. Наполеонъ нѣсколько разъ ѣздилъ по разореннымъ окрестностямъ, гдѣ не оставалось и слѣдовъ прежняго благосостоянія, и прогуливался по испепеленному городу, безмолвно глядя, какъ его войска грабили догаравшіе домы и церкви, били и терзали беззащитныхъ соотечественниковъ нашихъ. Изъ казеннаго имущества достались въ добычу непріятелю одни губернскіе, давнихъ лѣтъ архивы. Для поднятія сихъ дѣлъ требовалось большое количество подводъ, въ которыхъ, въ послѣдніе дни пребыванія армій у Смоленска, оказался совершенный недостатокъ. Подводы доставлялись ежедневно въ армію не сотнями, но тысячами, отъ чего обыватели пришли въ такое оскудѣніе, что не только въ окрестностяхъ губернскаго города, но и въ удаленныхъ уѣздахъ, при занятіи ихъ непріятелемъ, вовсе не оставалось лошадей.

Сколько изъ 15,000 обывателей, составлявшихъ, до нашествія непріятеля, народонаселеніе Смоленска, находилось въ то время въ городѣ, съ достовѣрностью неизвѣстно. Съ исхода Іюля начали уѣзжать изъ Смоленска; переселеніе продолжалось до самаго отступленія нашей арміи. Очевидцы согласуются въ показаніи, что при занятіи Смоленска непріятелемъ было въ немъ до 1,000 человѣкъ старыхъ, больныхъ, младенцовъ и нѣсколько праздношатающихся, да ста два Литовскихъ погонщиковъ, которые везли за Русскою арміею разныя тяжести, и потомъ

отъ нея отдѣлились. Нашествіе не застало въ Смоленскѣ ни одного дворянина, кромѣ весьма малаго числа чиновниковъ, не успѣвшихъ спастись, ибо отъ Князя Багратіона тогда только было получено разрѣшеніе удаляться, когда 4-го Августа загорѣлось сраженіе. Одни были увѣрены, что города не сдадутъ; другіе хотѣли въ немъ оставаться до послѣдней возможности, и выйдти съ арріергардомъ, чему воспрепятствовало зажженіе Днѣпровскаго моста. Но всѣ, имѣвшіе несчастіе быть застигнутыми нашествіемъ, спасались потомъ изъ города, уходя пѣшкомъ (*).

Для управленія Смоленскою губерніею учреждена была Наполеономъ Верховная Коммиссія по гражданской части, подъ предсѣдательствомъ Французскаго интенданта Вильбланша. Военными Губернаторами были, сперва Коленкуръ, потомъ Генералы Шарпантье и Жомини. Кромѣ того учредили муниципалитетъ, изъ 10-ти членовъ и 30-ти чиновниковъ, исправлявшихъ должности переводчиковъ, писцовъ, казначеевъ и коммиссаровъ, употребляемыхъ для разъѣздовъ. По невозможности ввести какое либо устройство въ занятыхъ непріятелемъ уѣздахъ, откуда жители выѣхали, или разбѣжались по лѣсамъ, Французское управленіе должно было ограничиться заготовленіемъ продовольствія и отводомъ квартиръ. Всѣ 40 человѣкъ, поступившіе въ муниципалитетъ,

(*) Отношеніе Смоленскаго Гражданскаго Губернатора Барона Аша Сенатору Каверину, отъ 27-го Апрѣля, № 5,935.

большею частію по принужденію, были люди безъ имени, иностранные мастеровые, шляхтичи, выключенные изъ службы подъячіе.

Судя по явленіямъ, представившимся Наполеону съ перваго шага его на коренную Русскую землю, и въ самомъ Смоленскѣ, не трудно было ему заключать о томъ, что ожидало его далѣе. Онъ вознамѣрился сдѣлать Императору Александру мирныя предложенія, и избралъ для того Генералъ-Маіора Тучкова, перевезеннаго съ поля Лубинскаго сраженія въ Смоленскъ, гдѣ Французы поступали съ нимъ очень ласково, особенно Бертье, который, безъ всякой прозьбы, снабдилъ его бѣльемъ и деньгами. За Тучковымъ присланъ былъ съ вѣжливымъ приглашеніемъ адъютантъ Наполеона. Передъ домомъ Французскаго Императора толпилось множество военныхъ; при входѣ, по обѣимъ сторонамъ, стояли часовые верхомъ; лѣстница и переднія комнаты наполнены были генералами; у дверей кабинета находился лакей въ придворной ливреѣ. Когда Тучковъ вошелъ въ кабинетъ, Наполеонъ былъ вдвоемъ съ Бертье. У окна на столѣ лежала карта Россіи; движенія Русскихъ войскъ означены были воткнутыми на ней булавками съ зелёными головками, Французскихъ съ синими и другихъ цвѣтовъ. Наполеонъ стоялъ посреди комнаты, благосклонно отвѣчалъ на поклонъ плѣннаго и вступилъ съ нимъ въ слѣдующій разговоръ:

«Какого вы корпуса?» — «Втораго.» — «Это кор-«пусъ Багговута. Родня ли вамъ Тучковъ, коман-«диръ 3-го корпуса?» — «Родной братъ мой.» — «Я «не стану спрашивать о числѣ вашей арміи, а «скажу вамъ, что она состоитъ изъ 6-ти корпу-«совъ, каждый изъ двухъ дивизій въ 6 пѣхот-«ныхъ полковъ, въ полку по 2 батальона. Могу «опредѣлить даже число людей въ каждой ротѣ.» — «Вижу, что Ваше Величество очень хорошо обо «всемъ увѣдомлены.» — «Не мудрено,» отвѣчалъ Наполеонъ, «всякій день, съ самаго начала отступле-«нія вашего, мы беремъ плѣнныхъ; нѣтъ почти «ни одного Русскаго полка, изъ котораго у насъ «не было бы солдатовъ. Ихъ распрашиваютъ о чи-«слѣ людей, записываютъ отвѣты и такимъ обра-«зомъ составляютъ свѣдѣнія.» Помолчавъ, Наполеонъ продолжалъ: «Вы, господа, хотѣли войны, а не я; «знаю, у васъ говорятъ, будто я начинщикъ: это «неправда; я докажу вамъ, что я не хотѣлъ войны и «что вы меня къ ней принудили.» Тутъ онъ пу-стился въ пространное изложеніе своихъ поступковъ въ отношеніи къ Россіи, начиная съ Тильзитскаго мира, утверждалъ, что не онъ подалъ поводъ къ разрыву, что требованіе очистить Пруссію было для него обидно, что съ нимъ говорили, какъ съ побѣжденнымъ, словомъ, повторилъ всѣ тѣ несправедливыя жалобы, какими еще до нашествія своего укорялъ Россію. Потомъ говорилъ онъ о Лубинскомъ

дѣлѣ, и спросилъ: «Скоро ли дадите вы сраже-«ніе? или будете все отступать?» На отвѣтъ плѣннаго, что ему неизвѣстны намѣренія Главнокомандующаго, Наполеонъ началъ хвалить Русское войско и осуждать нашъ образъ войны. «Отступая «безпрестанно,» говорилъ онъ, «вы только опусто-«шаете свою собственную землю. За чѣмъ оставили «вы Смоленскъ и довели этотъ прекрасный городъ «до самаго несчастнаго положенія? Если хотѣли за-«щищать его, для чего не держались долѣе? Вы «могли отстаивать его еще очень долго. Если же «не имѣли этого намѣренія, за чѣмъ останавлива-«лись и сражались въ немъ? Развѣ только для без-«полезнаго разоренія города. Смоленскъ для меня «лучше всей Польши; онъ былъ всегда и останется «Русскимъ. Императора вашего я люблю, не смо-«тря на войну, но война ничего не значитъ. Госу-«дарственныя выгоды часто могутъ раздѣлять и род-«ныхъ братьевъ. Императоръ Александръ былъ «и будетъ другомъ моимъ. Знаетъ ли Онъ васъ «лично?»—«Надѣюсь,» отвѣчалъ Тучковъ, «я имѣлъ «счастіе служить въ гвардіи.» — «Можете ли вы пи-«сать къ Нему?»—«Никакъ нѣтъ; я никогда не «осмѣлюсь утруждать Императора письмами, осо-«бливо въ настоящемъ моемъ положеніи.» — «Но, «если вы не смѣете писать къ Императору, мо-«жете ли написать къ брату вашему то, что я «вамъ скажу.»—«Къ брату дѣло другое.»—«И такъ,

«вы меня обяжете, извѣстивъ его о моемъ съ вами «свиданіи, и порученіи написать ему, что онъ «сдѣлаетъ мнѣ большое удовольствіе, если самъ, «или черезъ Великаго Князя, или Главнокоман- «дующаго, какъ ему лучше покажется, доведетъ «до свѣдѣнія Государя, *что я ничего болѣе не «желаю, какъ заключить миръ*. Мы уже довольно «сожгли пороха и пролили крови; вѣдь когда ни- «будь должно же кончить? За что мы деремся? «Я не имѣю вражды противъ Россіи. О! еслибъ «вы были Англичане: parlez moi de cela,» (при сихъ словахъ онъ поднялъ вверхъ кулакъ). «Но «Русскіе мнѣ ничего не сдѣлали. Вы хотите деше- «во покупать кофе и сахаръ; очень хорошо: все «можно устроить такъ, что у васъ будутъ и кофе «и сахаръ; но если вы думаете, что меня легко раз- «бить, то я предлагаю: пусть изъ тѣхъ вашихъ ге- «нераловъ, кого болѣе другихъ уважаютъ, составятъ «военный совѣтъ, и они разсмотрятъ положеніе дѣлъ, «силы мои и ваши. Если они найдутъ на сторонѣ «вашей болѣе вѣроятностей къ побѣдѣ и возможно- «сти разбить меня, то назначьте: гдѣ и когда быть «сраженію? я на все готовъ. Если же, напротивъ, «всѣ вѣроятности успѣха признаны будутъ въ вы- «году мою, такъ какъ оно и дѣйствительно есть, «то зачѣмъ намъ долѣе проливать кровь по пусто- «му? Не лучше ли вступить въ переговоры о мирѣ «до потери сраженія, чѣмъ послѣ? Да и какія

«послѣдствія должно имѣть для васъ проигранное «сраженіе? Я займу Москву; и какія ни приняль «бы я мѣры для избавленія ея отъ разоренія, ничего «не поможетъ. Занятая непріятелемъ столица похожа «на женщину, потерявшую честь: что ни дѣлай послѣ, «но чести возвратить невозможно. Знаю у васъ гово«рятъ, что Россія не въ Москвѣ; тоже самое твердили «и Австрійцы объ Вѣнѣ, но когда я занялъ ее, они «заговорили иначе. И съ вами тоже случится. Столица «ваша Москва, а не Петербургъ, который не что иное, «какъ мѣстопребываніе вашихъ Монарховъ.»

Наполеонъ ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, и потомъ спросилъ Тучкова: «Вы Лифляндецъ?»— «Нѣтъ, я коренной Русскій, изъ окрестностей Мо«сквы.»—«Вы изъ Москвы?» сказалъ Наполеонъ съ особеннымъ выраженіемъ. «Вы-то, господа Москви«чи, хотите войны со мною? Но, какъ вы думаете: «еслибы Императоръ Александръ захотѣлъ за«ключить миръ со мною, можетъ ли Онъ это сдѣ«лать?»—«Кто жъ въ состояніи Ему воспрепятство«вать?» отвѣчалъ Тучковъ.—«А Сенатъ?»—«Сенатъ «у насъ никакой другой власти не имѣетъ, кромѣ «той, какую Государю угодно предоставить ему.» Повторивъ Тучкову предложеніе, написать брату своему все, что онъ говорилъ, Наполеонъ просилъ его также о помѣщеніи въ письмѣ, что наши Главно«командующіе дурно поступаютъ, забирая съ собою при отступленіи всѣ земскія власти, чѣмъ дѣлаютъ

болѣе вреда Россіи, нежели Наполеону, который отъ того ничего не терпитъ и никакой нужды въ нихъ не имѣетъ. «Меня увѣряли,» сказалъ онъ, «что въ Россіи я пропаду съ голода, но теперь вижу, что это пустое опасеніе. Въ Россіи поля такъ «же хорошо обработаны, какъ въ Германіи; мудре«но пропасть съ голода въ землѣ, гдѣ всѣ поля по«крыты хлѣбомъ. Сверхъ того, у меня есть по«движной магазинъ изъ 10,000 новозокъ; его до«статочно для продовольствія арміи.» Продержавъ Тучкова около часа, Наполеонъ, отпуская его, велѣлъ ему возвратить шпагу и совѣтовалъ не огорчаться. «Плѣнъ вашъ,» сказалъ онъ, «безчестья «вамъ сдѣлать не можетъ: такъ какъ вы взяты, бе«рутъ только тѣхъ, кто бываетъ впереди, но не «тѣхъ, кто остается назади.» Согласно съ желаніемъ Наполеона, Тучковъ написалъ брату своему о происходившемъ разговорѣ и показывалъ письмо Маршалу Бертье, который отправилъ его въ нашу главную квартиру. Оттуда представили письмо Императору. Отвѣтомъ Наполеону было презрительное молчаніе (*).

О намѣреніи Наполеона остановиться на зиму въ Смоленскѣ мнѣнія различны. Нѣкоторые увѣряютъ, что довольный занятіемъ обширнаго пространства отъ Нѣмана до Днѣпра, онъ не хотѣлъ идти далѣе, но имѣлъ въ виду устроить лежавшія у него въ тылу области такимъ образомъ, чтобы можно было

(*) Изъ Записокъ Тучкова.

извлечь изъ нихъ обильные источники подкрѣпленій, и проведя зиму въ Смоленскѣ, весною, съ обновленными силами, продолжать наступленіе къ Москвѣ, если между тѣмъ миръ не будетъ заключенъ. Сіе мнѣніе не доказано. Въ справедливости его тѣмъ болѣе можно усомниться, что для приведенія въ исполненіе сихъ мнимыхъ, различныхъ предположеній, потребовалось бы много времени, а между тѣмъ наступила бы осень, забушевали бы вьюги и непогоды, и непріятельская армія, какъ корабль въ зимнюю пору, была бы охвачена льдами, прикованная ими на восемь мѣсяцовъ къ бездѣйствію. Сверхъ того, продолжительное отсутствіе Наполеона изъ Франціи не было совмѣстно съ его положеніемъ. Война не прекращалась на Пиренейскомъ полуостровѣ и принимала для него невыгодный оборотъ. Данники его, Нѣмецкіе владѣтели, и новые подданные въ Италіи, Голландіи, даже въ самой Франціи, изнуряемые налогами, рекрутскими наборами и самоуправствомъ, хотя молча, однако же съ тайнымъ ропотомъ несли ярмо завоевателя. Заглушить неудовольствія, наложить печать безмолвія на негодующихъ, могли только новыя побѣды; бездѣйствіе, на которое обрекъ бы себя Наполеонъ въ Смоленскѣ, ослабило бы его могущество, не основанное на законномъ наслѣдствѣ, а потому непрочное, и свѣяло бы съ умовъ очарованіе его неодолимости, державшее въ повиновеніи данниковъ его и вселявшее къ нему во всей Европѣ

безусловную покорность. Кромѣ восклицанія, вырвавшагося у него при обозрѣніи Лубинскаго поля сраженія, никакой оффиціальный поступокъ Наполеона въ четырехъ-дневное пребываніе его въ Смоленскѣ не обнаруживаетъ намѣренія его прекратить на нѣкоторое время военныя дѣйствія. Напротивъ, изъ различныхъ повелѣній, отданныхъ имъ въ Смоленскѣ, видна его рѣшимость идти далѣе внутрь Россіи, желаніе быстротою движенія не дать Русской арміи времени умножить свои силы. Онъ надѣялся разбить ее и занятіемъ Москвы разстроить всѣ наши средства обороны, предупредить вооруженіе народнаго ополченія, привесть въ отчаяніе Россію и принудить Императора Александра вступить въ переговоры. «Насъ ожидаетъ миръ,» сказалъ онъ своимъ приближеннымъ; «черезъ недѣлю мы заключимъ его. Бывъ такъ близко къ цѣли, не о чемъ размышлять. Пойдемъ въ Москву!» (*).

Предпринимая сей новый походъ, Наполеонъ обратилъ особенное вниманіе на прикрытіе своего непомѣрно длиннаго пути дѣйствій, и сдѣлалъ слѣдующія къ тому распоряженія: Князю Шварценбергу повторилъ приказаніе о неослабномъ напорѣ на Тормасова, и писалъ ему: «Подкрѣпленія, идущія, какъ говорятъ, отъ Дуная къ Тормасову, еще далеки. Вы можете проникнуть до Кіева, между тѣмъ, какъ мы двинемся на Москву. Особенно наблюдайте,

(*) Fain, Manuscrit de 1812, II, 243.

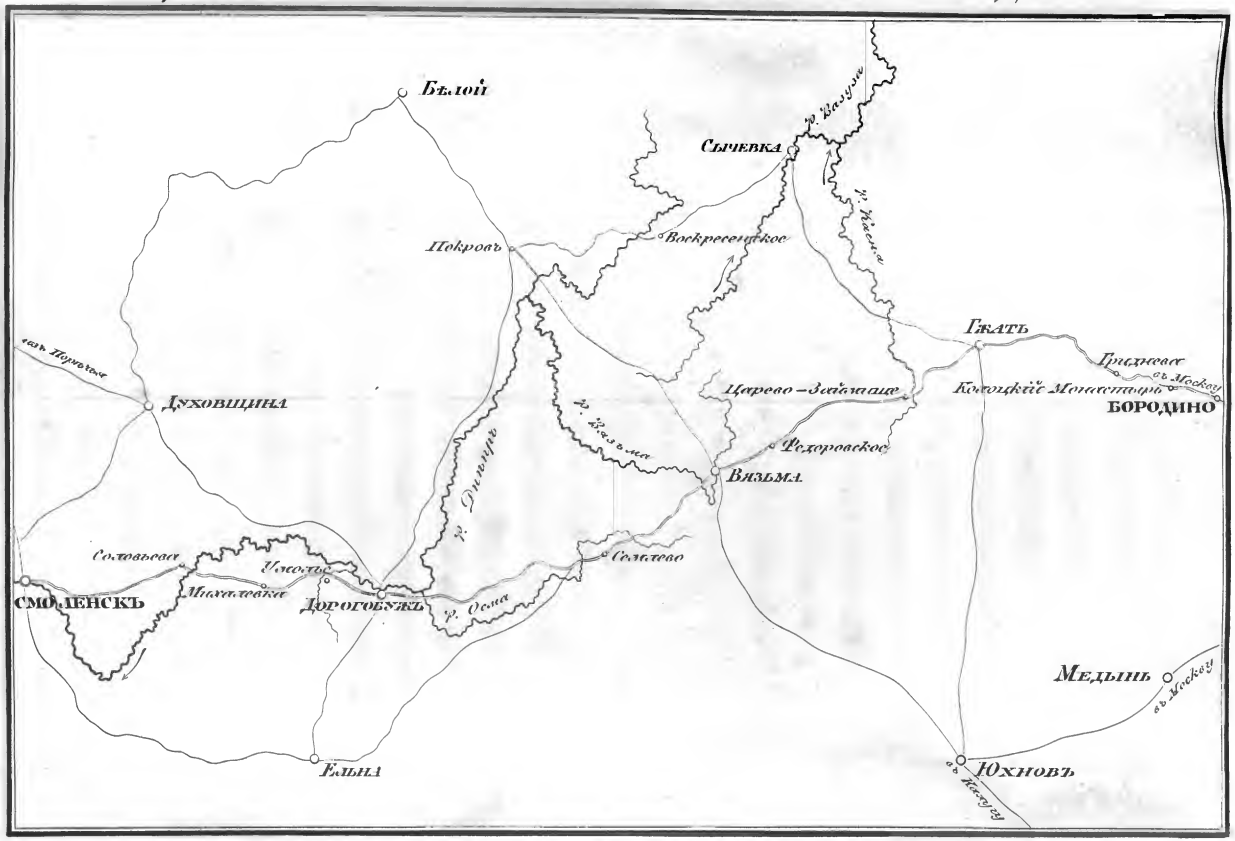
«чтобы стоящія противъ васъ Русскія войска не пошли «на меня.» «Надѣюсь,» писалъ Наполеонъ Сенъ-Сиру, «что вы удержите Графа Витгенштейна. У васъ «два корпуса; слѣдственно вы довольно сильны вос- «претить ему всякое наступательное движеніе.» Повелѣніе Макдональду было слѣдующаго содержанія: «По сю пору, дѣла, происходившія на правомъ ва- «шемъ крылѣ между Удино и Графомъ Витгенштей- «номъ, препятствовали вамъ осаждать Ригу. Теперь «не заботьтесь больше объ нихъ. Настало время на- «чать ваше важное движеніе на нижней Двинѣ. «Осадный паркъ изъ Тильзита двинулся на соедине- «ніе съ вами. Выступайте со всѣмъ корпусомъ къ «Ригѣ и обложите ее. Нетерпѣливо ожидаю донесе- «нія вашего о покореніи ея и возможности дѣйство- «вать вамъ тогда на Петербургъ.» Виктору дано повелѣніе перейдти черезъ Нѣманъ и вступить въ Россію. Его назначеніе состояло въ охраненіи дорогъ отъ Вильны къ Смоленску, черезъ Могилевъ и Минскъ, и сообщеній съ главною Французскою арміею. Онъ имѣлъ порученіе наблюдать за тѣмъ, чтобы какія либо изъ нашихъ войскъ не ускользнули отъ бдительности Сенъ-Сира и Князя Шварценберга, и не пробрались въ тылъ Наполеона. Въ данномъ ему повелѣніи сказано: «Когда Макдональдъ овладѣетъ «Ригою, можете и вы соединенно съ Сенъ-Сиромъ «угрожать Петербургу, въ то время, когда мы бу- «демъ въ Москвѣ. Но, если Сенъ-Сиръ претерпитъ

«пораженіе, подкрѣпите его на Двинѣ. Выключая «сего случая, не теряйте изъ вида дороги отъ Смо«ленска до Москвы: она должна быть постояннымъ «предметомъ вашихъ попеченій.» Сверхъ того Наполеонъ приказалъ Виктору составлять резервъ главной арміи, выступавшей къ Москвѣ, и писалъ ему: «Ес«ли дорога отъ Смоленска до моей главной кварти«ры будетъ пресѣчена Русскими, то вамъ должно «тотчасъ очистить ее и, въ случаѣ нужды, даже «идти къ намъ. Можетъ быть, я не найду мира «тамъ, гдѣ ищу его; но тогда, опираясь на вашъ «резервъ, буду въ состояніи отступить безопасно и «не торопясь.» Резервная армія Ожеро, въ 50,000 человѣкъ, стоявшая на Одерѣ, также получила приказаніе подвинуться ближе къ границамъ Россіи. Одна его дивизія, Луазона, была уже въ Кенигсбергѣ, другая въ Данцигѣ, 3-я пошла въ Ковно, 4-я въ Варшаву, остальныя двѣ расположились между Вислою и Одеромъ. Войскамъ, бывшимъ въ Гамбургѣ, и тѣмъ, которыя подъ командою Монсея стояли на Эльбѣ, приказано приблизиться къ Одеру. Первые батальоны когортъ національной гвардіи получили повелѣніе идти изъ Франціи къ крѣпостямъ на Рейнѣ и Эльбѣ. Наконецъ, въ дополненіе сего огромнаго ополченія, объявленъ во Франціи новый рекрутскій наборъ. Распоряженія Наполеона въ Смоленскѣ представляютъ развитіе самаго обширнаго военнаго предпріятія, какого никогда еще не бывало. Не успѣвъ до Смоленска

побѣдить Русскихъ тѣми войсками, съ коими Наполеонъ перешелъ черезъ Нѣманъ, онъ отряжаетъ Князя Шварценберга къ Кіеву, Макдональду велитъ взять Ригу, и потомъ совокупно съ Сенъ-Сиромъ угрожать Петербургу; ставитъ въ Бѣлоруссіи Виктора; на всемъ протяженіи Европы, уступами, подвигаетъ за собою резервы, а самъ ломится къ Москвѣ, прямо въ сердце Россіи. Разославъ повелѣнія, выѣхалъ онъ, 11-го Августа, изъ Смоленска къ арміи.

Уже наканунѣ авангардъ его, два дня не тревожившій Русской арміи, подошелъ къ Соловьеву, когда мосты были сняты и послѣдніе казаки переходили въ бродъ черезъ Днѣпръ. Французы бросились преслѣдовать Донцовъ, но Платовъ удержалъ непріятеля батареями съ лѣваго берега Днѣпра. Французы приблизились въ силахъ къ рѣкѣ, выдвинули батареи, и подъ ихъ прикрытіемъ начали строить мосты. Платовъ отступилъ къ Михалевкѣ, гдѣ, послѣ полудня 10-го Августа, завязалось жаркое арріергардное дѣло, продолжавшееся до вечера. Непріятель былъ удержанъ. Слѣдующій день прошелъ безъ кровопролитія. Русскіе укрѣпляли позицію при Умольи, а Наполеонъ подвигалъ изъ Смоленска всѣ корпуса своей главной арміи. Даву, Ней, Жюно, гвардія и резервная кавалерія шли столбовою дорогою, Понятовскій правѣе, Вице-Король отъ Духовщины къ Дорогобужу. Движеніе Вице-Короля, угрожавшее обходомъ нашему правому крылу,

Карта действий отъ Смоленска до БОРОДИНА.



побудило Барклая де-Толли не принимать сраженія въ Умольи (*). Ночью, съ 11-го на 12-е Августа, обѣ наши арміи отступили къ Дорогобужу, гдѣ Барклай де-Толли и Князь Багратіонъ провели все утро въ обозрѣніи мѣстности. Она найдена слишкомъ тѣсною. Начали исправлять недостатки позиціи и укрѣплять ее. Намѣреніе ожидать непріятеля и здѣсь вскорѣ отмѣнено, когда получены донесенія, что Французы начинаютъ обходить фланги. Два дня арміи продолжали отступленіе, и 14-го остановились при Семлевѣ. Ночью, 13-го, по отступленіи казаковъ, Мюратъ вошелъ въ Дорогобужъ, опустѣлый, но не сожженный. Французы бросились отыскивать съѣстные припасы, и ничего не нашли въ погребахъ и амбарахъ: все было вывезено жителями. Изъ мщенія, Французы зажгли Дорогобужъ. Поелику непріятель не сильно тѣснилъ арріергардъ, войскамъ дано было отдохновеніе. Начальника Инженеровъ Трузсона и Генералъ-Квартирмейстера Толя послали въ Вязьму, съ приказаніемъ: «отыскать и укрѣпить «такую позицію, гдѣ 20-ти или 25-ти тысячный «корпусъ могъ бы держаться противъ непріятеля, «между тѣмъ, какъ имѣя сей городъ въ нашей власти, арміи могли бы въ то же время дѣйствовать «наступательно» (**). Въ укрѣпленномъ лагерѣ при

(*) *Карта дѣйствій отъ Смоленска до Бородина, № 37.*

(**) Повелѣніе Генералу Трузсону, отъ 13-го Августа, № 686.

Вязьмѣ намѣревались оставить Милорадовича, который долженъ былъ вскорѣ прибыть туда (*). И такъ, на сей разъ, Вязьма была назначена мѣстомъ, гдѣ думали дать отпоръ. Барклай де-Толли доносилъ Государю:

«Кажется, теперь настала минута, гдѣ война можетъ принять благопріятнѣйшій видъ, потому, что непріятель, не взирая на его усилія соединить всѣ силы, даже корпусъ Понятовскаго, который оставилъ Рогачевъ, Могилевъ и все пространство, имъ занимаемое, чтобы сблизиться съ Наполеономъ, слабѣетъ на каждомъ шагу, по мѣрѣ того, какъ подается впередъ, и въ каждомъ сраженіи съ нами. Напротивъ того, наши войска подкрѣпляются резервомъ, который Милорадовичъ ведетъ къ Вязьмѣ. Теперь мое намѣреніе поставить у этого города въ позиціи 20 или 25,000 человѣкъ, и такъ ее укрѣпить, чтобы этотъ корпусъ былъ въ состояніи удерживать превосходнаго непріятеля, чтобы съ большею увѣренностью можно было дѣйствовать наступательно. Этому до сихъ поръ препятствовали важныя причины: главнѣйшая та, что доколѣ обѣ арміи не были подкрѣплены резервами, онѣ составляли почти единственную силу Россіи противъ превосходнаго и хитраго непріятеля. Слѣдовательно, надобно по возможности сохранять армію и не подвергать ихъ пораженію, чтобы дѣйствовать вопреки намѣренію непріятеля, который соединилъ всѣ свои силы для рѣшительнаго сраженія. Донынѣ мы имѣли счастіе достигать

(*) Отношеніе Барклая де-Толли Князю Багратіону, отъ 14-го Августа, № 687.

нашей цѣли, не теряя непріятеля изъ вида. Мы его удерживали на каждомъ шагу, и, вѣроятно, этимъ принудимъ его раздѣлить его силы. И такъ, вотъ минута, гдѣ наше наступленіе должно начаться (*).

Въ скоромъ времени возвратились изъ Вязьмы Трузсонъ и Толь. «Отъ Семлева до Вязьмы и близъ нея,» доносили они, «нигдѣ нѣтъ позиціи, вездѣ лѣса и «покрытыя кустами горы, но въ 10-ти верстахъ за «Вязьмою, по большой Московской дорогѣ, есть до«вольно выгодная позиція, и, посредствомъ нѣсколь«кихъ редутовъ, можно укрѣпить ее» (**). Извѣстіе сіе было тѣмъ неблагопріятнѣе, что надлежало отступать и отъ Вязьмы, города, по своему положенію, весьма важнаго въ военномъ отношеніи, ибо въ Вязьмѣ сходятся дороги изъ Бѣлаго и Калуги, изъ сѣверной и полуденной Россіи. 15-го Августа обѣ арміи соединились при Вязьмѣ; арріергардъ перешелъ черезъ Осму и имѣлъ кровопролитное дѣло. Всѣ войска арріергарда и 32 орудія находились въ дѣйствіи, и нѣсколько разъ обращали назадъ непріятеля, переходившаго черезъ Осму въ бродъ. Платовъ тогда только отступилъ, когда къ Французскому авангарду начали подходить значительныя подкрѣпленія. Наполеонъ ускорялъ движенія своихъ корпусовъ, шедшихъ за авангардомъ. Разгромленіе Русской арміи

(*) Донесеніе изъ Семлева, отъ 14-го Августа.

(**) Отношеніе Барклая-де-Толли Князю Багратіону, отъ 14-го Августа, № 687.

становилось для него необходимостью: вокругъ разгаралась народная война. По мѣрѣ того, какъ Наполеонъ подавался впередъ, находилъ онъ край все болѣе и болѣе опустѣлымъ. Хотя нашествіе непріятеля застало Смоленскую губернію въ расплохъ, но жители, безъ всякаго сторонняго внушенія, сдѣлали все то, что могла произвесть самая горячая любовь къ Отечеству. Безъ руководства и совѣта, добровольно и единодушно, народъ рѣшился не поддаваться врагамъ. Исполненіе сей мысли было различно, но мысль у всѣхъ была одна: ничто не доставайся непріятелю и не имѣть ему ни пріюта, ни покоя! Каждый дѣлалъ то, что умѣлъ. Одни, взявъ съ собою только самое нужное, что можно было уложить на телегу, или унести на себѣ, и предавъ остальное имущество огню, отправились за арміею, или въ сосѣднія губерніи; другіе, ничего не истребляя, но оставя деревни пустыми, ушли въ лѣса, построили шалаши, и рѣшились: одни скрываться, другіе защищаться, а отважнѣйшіе сами нападать на злодѣевъ. Никто не дѣлалъ распоряженій о вооруженіи народа, а народъ уже дѣйствовалъ, какъ кто умѣлъ. Пожары распространялись. Города и селенія на столбовой дорогѣ, изъ которыхъ почти въ каждомъ держался нашъ арріергардъ, были предаваемы пламени, или Русскими войсками, или непріятельскими, или самими жителями. Горѣли и окрестныя волости, верстъ на 20, куда, для отысканія

припасовъ, ходили Французскіе фуражиры и толпы бродягъ, число коихъ увеличивалось ежедневно отъ недостатка въ продовольствіи. Весь осиротѣвшій край преданъ былъ разоренію.

Идя среди огня и опустошенія, Наполеонъ возымѣлъ нелѣпую мысль: предложить Императору о возвращеніи въ занятые Французами города Губернаторовъ и властей. Этого мало. Онъ сталъ увѣрять Императора Александра въ дружбѣ и уваженіи. Къ изъявленію такихъ притворныхъ чувствованій подалъ ему поводъ слѣдующій случай. Для полученія извѣстій о взятомъ въ плѣнъ Тучковѣ, послали переговорщикомъ Поручика Орлова. Отправляя его обратно, Наполеонъ самъ началъ диктовать къ Барклаю де-Толли письмо, которое Бертье долженъ былъ подписать. Оно было слѣдующаго содержанія:

«Гвардіи Офицеръ Орловъ, присланный для узнанія о Генералѣ Тучковѣ, ошибкою былъ направленъ изъ авангарда въ Смоленскъ, когда совершались движенія арміи, а потому его возвращаютъ съ нашей правой передовой цѣпи, идущей на Вязьму. Теперь онъ вѣроятно прибылъ. Но я уже сообщилъ извѣстіе о Генералѣ Тучковѣ и отправилъ его письмо. Онъ здоровъ и поѣхалъ въ Мецъ.»

Здѣсь Наполеонъ взялъ перо, и написалъ самъ все, что слѣдуетъ далѣе:

«При семъ случаѣ, возобновляю сдѣланное вамъ прежде предложеніе размѣнять плѣнныхъ, учредить сообщенія между воюющими арміями и опредѣлить правила, какъ

поступать съ переговорщиками. Его Величество съ соболѣзнованіемъ видитъ несчастія края, и желалъ бы, чтобы Россійскій Императоръ приказалъ Губернаторамъ оставаться на мѣстахъ, гдѣ они могли бы пещись о жителяхъ и имуществахъ, и тѣмъ уменьшать зло, причиняемое войною. Такое обыкновеніе принято во всѣхъ войнахъ. Дѣлая вамъ сіе предложеніе, я исполняю обязанность, пріятную для сердца моего Монарха. Я показывалъ это письмо Императору Наполеону, и онъ велѣлъ мнѣ просить васъ кланяться отъ него Императору Александру, если Его Величество при арміи, или съ первымъ отправляемымъ вами донесеніемъ. Скажите Государю, что ни случайности войны и никакое обстоятельство не могутъ измѣнить уваженія и дружбы, питаемыхъ къ Нему Императоромъ Наполеономъ.»

16-го Августа обѣ наши арміи отошли отъ Вязьмы къ Федоровскому, намѣреваясь на другой день продолжать отступленіе къ Цареву Займищу, гдѣ найдена была позиція. Мюратъ сильно напиралъ на арріергардъ, поступившій въ тотъ день подъ начальство Коновницына, на мѣсто Платова. Наши удержались передъ Вязьмою до ночи. На слѣдующее утро армія тронулась въ Царево Займище; Коновницынъ отступилъ отъ Вязьмы. Небольшое число жителей, оставшихся въ городѣ, раздавало войску всѣ припасы, какіе еще у нихъ находились; потомъ, на разсвѣтѣ, когда проходили послѣдніе полки арріергарда, жители зажгли городъ. Французская артиллерія, не имѣя возможности проѣхать улицами,

между горящихъ домовъ, пошла въ обходъ, вмѣстѣ съ пѣхотою и конницею. Отсталые пустились грабить Вязьму, въ виду коей стоялъ Коновницынъ. Завязалось опять упорное дѣло на нѣсколько часовъ. Къ вечеру наши отступили и остановились въ 18-ти верстахъ впереди Царева Займища. Во время арріергарднаго дѣла прибылъ Наполеонъ въ Вязьму, приказалъ тушить пожаръ, укрощать грабежъ, и потомъ поѣхалъ въ авангардъ. Главная Французская армія расположилась у Вязьмы; на лѣвомъ крылѣ Вице-Король, въ селеніи Новомъ, на правомъ, по дорогѣ изъ Сычевки, при селѣ Покровскомъ, сталъ Понятовскій.

Отъ Лубина до Царева Займища не удалось Французамъ ни разу оттѣснить Русскій арріергардъ прежде времени, назначеннаго къ нашему отступленію; мы не потеряли ни одного орудія, не бросили ни одной повозки. Для ночлега арріергардъ останавливался на мѣстахъ привольныхъ, между тѣмъ, какъ Французскій авангардъ долженъ былъ располагаться на ночь часто въ мѣстахъ безлѣсныхъ и безводныхъ. Боковые корпуса, Вице-Короля и Понятовскаго, безъ проводниковъ и топографическихъ картъ, шли ощупью. Боясь, что колонны могутъ заблудиться, непріятели ставили по дорогѣ конные ведеты вмѣсто верстовыхъ столбовъ, которые были нашими срубливаемы. Въ то время, когда Русскія войска, подымаясь въ походъ съ разсвѣтомъ,

при наступленіи жаровъ отдыхали, Французы, утомленные зноемъ при построеніи разоренныхъ мостовъ, и потомъ сраженіемъ до ночи, приходили въ изнуреніе. Фуражиры ихъ нерѣдко возвращались съ пустыми руками; недостатокъ въ продовольствіи увеличивалъ бродяжничество. Полковые командиры и офицеры, видя, что съ каждымъ шагомъ край становится безлюднѣе, брали, гдѣ могли, повозки и рогатый скотъ, такъ, что начиная отъ Смоленска, обозы составили толпы, почти столь же огромныя, какъ и самая армія. Позади тянулись отсталые, безлошадные, раненые, больные. Для снисканія пріюта сворачивали въ стороны, и заблуждались на проселочныхъ дорогахъ. Въ тылу арміи происходили великіе безпорядки; голодные бродяги нападали на товарищей своихъ, возвращавшихся съ добычею. Особенно обувь износилась совершенно; многіе шли босикомъ. Безпрестанное житье на бивакахъ и утомительные марши не позволяли думать объ опрятности.

Отступленіе Русской арміи представляло другое зрѣлище. Она отступала со всѣмъ населеніемъ окрестныхъ мѣстъ, окруженная пожарами, истребленіемъ. Со всѣхъ сторонъ выѣзжали на дороги обозы крестьянскихъ телегъ и помѣщичьихъ экипажей. Поселяне и помѣщики искали защиты въ сосѣдствѣ арміи. Иные, брели за нею съ прострѣленными членами. Горящіе города и села, покинутыя жилища, все болѣе и болѣе возжигали огнь

мщенія въ арміи и народѣ. Духовенство ближнихъ къ дорогѣ церквей, съ иконами и хоругвями, окруженное частію своихъ прихожанъ, съ поникшими и непокровенными главами, шло посреди полковъ стройныхъ, но безмолвныхъ и печальныхъ. Кто могъ равнодушно смотрѣть на безпрерывные пожары, удаляющійся народъ, храмы Божіи, разрушаемые нечестіемъ, Вѣру отцовъ своихъ поруганную, Россію, казавшуюся безсильною! Желаніе сраженія сдѣлалось столь же общимъ, пламеннымъ въ арміи, какъ и во всей Россіи. Помыслы и молитвы всѣхъ устремлены были къ одному: положить конецъ отступленію, удержать стремленіе враговъ въ сердце Государства.

Въ такомъ расположеніи духа пришли войска, 17-го Августа, къ Цареву Займищу. «Здѣсь,» доносилъ Главнокомандующій Государю, «сталъ я съ «обѣими арміями въ позиціи, и рѣшился ожидать «атаки непріятельской.» Опять начали строить укрѣпленія и готовиться къ сраженію, но войска не надѣялись уже на близкую встрѣчу съ врагами. Поколебалась довѣренность къ Главнокомандующему, а разногласіе его съ Княземъ Багратіономъ, начавшееся со времени повторенныхъ движеній отъ Смоленска къ Руднѣ, достигло высшей степени (*).

(*) Донесеніе Князя Багратіона Государю, отъ 17-го Августа, № 476. Письма къ Императору Начальниковъ Главнаго Штаба армій: Ермолова, отъ 10-го Августа, изъ села Андреева, и Графа Семъ-При, отъ 8-го Августа, изъ Михайловки.

Впрочемъ, сраженіе не зависѣло уже отъ Барклая де-Толли, ибо черезъ нѣсколько часовъ по вступленіи арміи въ лагерь при Царевомъ Займищѣ, получено было извѣстіе о Высочайшемъ повелѣніи: быть Князю Кутузову Главнокомандующимъ надъ всѣми арміями, и о скоромъ его прибытіи къ войскамъ. На рескриптъ, коимъ Императоръ по сему случаю удостоилъ Барклая де-Толли, онъ отвѣчалъ: «Всякій вѣрноподданный и истинный слуга Госу«даря и Отечества долженъ ощущать истинную ра«дость, при извѣстіи о назначеніи новаго Главно«командующаго всѣми арміями, который уполномо«ченъ всѣ дѣйствія вести къ одной цѣли. Примите, «Всемилостивѣйшій Государь, выраженіе радо«сти, которою я исполненъ. Возсылаю мольбы, что«бы успѣхъ соотвѣтствовалъ намѣреніямъ Вашего «Величества. Что касается до меня, то я ничего «инаго не желаю, какъ пожертвованіемъ жизни до«казать готовность мою служить Отечеству во вся«комъ званіи и достоинствѣ.» Такъ кончилось главное начальство Барклая де-Толли надъ первыми двумя арміями. Заключимъ описаніе времени его предводительства собственными его словами, писанными Государю, наканунѣ прибытія Князя Кутузова: «Не намѣренъ я теперь, когда наступаютъ «рѣшительныя минуты, распространяться о дѣйстві«яхъ ввѣренной мнѣ арміи. Успѣхъ докажетъ: «могъ ли я сдѣлать что либо лучшее для спасенія

«Государства. Еслибы я руководимъ былъ слѣпымъ,
«безумнымъ честолюбіемъ, то, можетъ быть, Ваше
«Императорское Величество изволили бы полу-
«чать донесенія о сраженіяхъ, и не взирая на то
«непріятель находился бы подъ стѣнами Москвы,
«не встрѣтя достаточныхъ силъ, которыя были бы
«въ состояніи ему сопротивляться.»

—

ГЛАВА VII.

НАЗНАЧЕНІЕ КНЯЗЯ КУТУЗОВА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМЪ ВСѢМИ АРМІЯМИ, И СВИДАНІЕ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА СЪ ШВЕДСКИМЪ НАСЛѢДНЫМЪ ПРИНЦОМЪ.

Причины назначенія Главнокомандующаго надъ всѣми арміями.—Сужденія Комитета.—Назначеніе Князя Кутузова.—Высочайшіе рескрипты Князю Кутузову, и другимъ Главнокомандующимъ.—Отбытіе Государя въ Або.—Цѣль свиданія съ Шведскимъ Наслѣднымъ Принцомъ.—Договоръ 18-го Августа. — Отправленіе Финляндскаго корпуса въ Ревель. — Предложеніе объ уступкѣ Аландскихъ острововъ. — Отвѣтъ Государя. — Письмо Шведскаго Принца. — Назначеніе и сила Финляндскаго корпуса.

Повсемѣстное недовѣріе къ Барклаю де-Толли, и разномысліе его съ Княземъ Багратіономъ омрачали виды на будущее. Сверхъ того, кромѣ двухъ армій, порученныхъ начальству сихъ Генераловъ, находились еще отдѣльныя арміи и корпуса, въ 17-ти губерніяхъ составлялось ополченіе, вся Россія

вооружалась. Недоставало только главнаго надъ всѣми силами Предводителя для направленія ихъ къ одной общей цѣли. Необходимость въ верховномъ вождѣ становилась все болѣе и болѣе ощутительною. Сужденіе о столь важномъ дѣлѣ передано было Императоромъ Комитету, составленному изъ Генералъ-Фельдмаршала Графа Салтыкова, Генераловъ: Вязмитинова, Графа Аракчеева и Балашева, и Дѣйствительныхъ Тайныхъ Совѣтниковъ Князя Лопухина и Графа Кочубея. 5-го Августа, въ день Смоленскаго сраженія, въ 7 часовъ по полудни, собрались они въ домѣ Графа Салтыкова и совѣщались до 10-ти часовъ съ половиною. Дабы поставить Комитетъ въ извѣстность о положеніи дѣлъ, сообщены ему были донесенія Главнокомандующихъ и разныя частныя письма, полученныя изъ арміи. По выслушаніи тѣхъ и другихъ, Комитетъ единогласно призналъ, что «недѣятельность въ военныхъ операціяхъ «происходила отъ недостатка надъ всѣми арміями «положительной единоначальной власти, и сколь не«выгодно такое раздробленіе, столь напротивъ необ«ходимо общее ея соединеніе.» Основывая сіе заключеніе «на положеніи обстоятельствъ вообще, и на «томъ, что по дѣйствію разныхъ армій на значи«тельномъ пространствѣ, онѣ обязаны всегда со«глашать свои движенія и дѣйствія одна съ дру«гою,» Комитетъ находилъ необходимо нужнымъ: «1), Назначить надъ всѣми войсками одного общаго

«Главнокомандующаго; 2), назначеніе его должно «быть основано на извѣстныхъ опытахъ въ военномъ «искуствѣ, отличныхъ талантахъ, на довѣріи общемъ «и на старшинствѣ» (*). Потомъ разсуждали: кого предложить въ Главнокомандующіе, и называли нѣсколькихъ Генераловъ: Бенигсена, Князя Багратіона, Тормасова, и жившаго давно въ отставкѣ Графа Палена, но находили, что ни одинъ изъ нихъ не соотвѣтствовалъ вполнѣ тѣмъ условіямъ, какія требовались для занятія мѣста верховнаго предводителя. Судебъ исполненное имя Кутузова было произнесено послѣднее, но за то, едва только его выговорили, прекратились пренія. Всѣ члены Комитета признали, что одинъ Кутузовъ соединялъ въ себѣ качества, содѣлывающія его достойнымъ великаго назначенія, какъ по старшинству, такъ и по заслугамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ положили мнѣніемъ: предоставить одному Кутузову власть, постановленную Учрежденіемъ о большой дѣйствующей арміи, и велѣть начальникамъ губернскихъ ополченій доносить ему объ успѣхѣ вооруженія и о мѣстахъ, гдѣ уже собрано было земское войско.

Единогласное опредѣленіе Комитета было отголоскомъ общаго мнѣнія всего Государства о Кутузовѣ. Онъ командовалъ тогда Петербургскимъ Ополченіемъ, занимался имъ отъ всей души, присутствовалъ при пріемѣ ратниковъ, вооруженіи и обмундированіи

(*) Подлинныя слова изъ журнала Комитета.

ихъ, дѣлалъ имъ лично наставленія и увѣщанія. Глядя на него, когда онъ съ важностью засѣдалъ въ Казенной Палатѣ и Комитетахъ Ополченія, и входилъ во всѣ подробности формированія бородатыхъ воиновъ, можно было подумать, что онъ никогда не стоялъ на высокихъ ступеняхъ почестей и славы, не бывалъ посломъ Екатерины и Павла, не предводительствовалъ арміями, и степень начальника земскаго ополченія почиталъ цѣлью своего самолюбія. А между тѣмъ, какъ простой зритель, онъ издалека смотрѣлъ на борьбу народовъ, на повсемѣстное отступленіе армій, съ которыми полвѣка дѣлилъ на ратномъ полѣ труды, славу, неудачи, всѣ случайности перемѣнчиваго счастія на войнѣ. Но, по мѣрѣ того, какъ Наполеонъ подавался впередъ и передъ нимъ все уступало, взоры Россіи устремлялись на Кутузова; его имя было у всѣхъ на языкѣ, изъ глубины сердца призывали его на защиту родины. Онъ получалъ безъименныя письма, въ которыхъ изъявляли прискорбіе о бездѣйствіи его. За нѣсколько дней передъ его назначеніемъ, Императоръ возвелъ его въ Княжеское достоинство, и сія награда была вообще принята предвѣстницею того, что скоро откроется полководцу поприще, на которомъ Отечество жаждало видѣть его.

8-го Августа, послѣ обѣда, Государь велѣлъ Кутузову пріѣхать на Каменный Островъ, и объявилъ ему, что назначаетъ его въ Главнокомандующіе

надъ всѣми арміями и ополченіями. Кутузовъ, какъ онъ самъ въ тотъ вечеръ разсказывалъ въ тѣсномъ кругу своихъ родныхъ, «принялъ повелѣніе изъ устъ «Императора съ христіанскимъ смиреніемъ, какъ «призваніе свыше.»—«Я не оробѣлъ» говорилъ онъ, «и съ помощію Божіею надѣюсь успѣть, но слушая «Государя, я былъ растроганъ новымъ назначе- «ніемъ моимъ.» Въ тотъ же день Князь Кутузовъ удостоенъ слѣдующимъ рескриптомъ.

«Князь Михаилъ Иларіоновичъ!

«Настоящее положеніе военныхъ обстоятельствъ Нашихъ дѣйствующихъ армій, хотя и предшествуемо было начальными успѣхами, но послѣдствія оныхъ не открываютъ еще той быстрой дѣятельности, съ каковою надлежало бы дѣйствовать на пораженіе непріятеля. Соображая сіи послѣдствія и извлекая истинныя тому причины, Я нахожу нужнымъ назначеніе надъ всѣми дѣйствующими арміями одного общаго Главнокомандующаго, котораго избраніе, сверхъ воинскихъ дарованій, основывалось бы и на самомъ старшинствѣ. Извѣстныя военныя достоинства ваши, любовь къ Отечеству и неоднократные опыты отличныхъ вашихъ подвиговъ пріобрѣтаютъ вамъ истинное право на сію Мою довѣренность. Избирая васъ для сего важнаго дѣла, Я прошу Всемогущаго Бога, да благословитъ дѣянія ваши къ славѣ Россійскаго оружія, и да оправдаетъ тѣмъ счастливыя надежды, которыя Отечество на васъ возлагаетъ.»

Ко всѣмъ главнокомандующимъ: Тормасову, Князю

Багратіону, Барклаю де-Толли и Чичагову отправлены слѣдующіе, одинаковаго содержанія рескрипты;

«Разныя важныя неудобства, происшедшія послѣ соединенія двухъ армій, возлагаютъ на Меня необходимую обязанность назначить одного надъ всѣми оными Главнаго Начальника. Я избралъ для сего Генерала отъ Инфантеріи Князя Кутузова, которому и подчиняю всѣ четыре арміи. Въ слѣдствіе чего предписываю вамъ со ввѣренною вамъ арміею состоять въ точной его командѣ. Я увѣренъ, что любовь ваша къ Отечеству и усердіе къ службѣ откроютъ вамъ и при семъ случаѣ путь къ новымъ заслугамъ, которыя Мнѣ весьма пріятно будетъ отличать подлежащими наградами.»

Исполнились надежды, давно питаемыя Россіею, и о коихъ упомянуто также въ Высочайшемъ рескриптѣ Кутузову. Надежды не были тщетны. Въ четыре мѣсяца Кутузовъ одержалъ совершеннѣйшее торжество, о какомъ лѣтописи когда либо упоминали, промчалъ славу Россійскаго оружія въ отдаленнѣйшіе предѣлы свѣта и пріуготовилъ избавленіе Европы. Возведеніе его на степень главнаго предводителя праздновала Россія съ такою радостью, какой она еще не ощущала со времени вторженія непріятелей. Никогда голосъ Имперіи не былъ столь единодушенъ и рѣшителенъ. Достоинство, признаваемое въ полководцѣ цѣлымъ народомъ, не есть ѳиміамъ лести: это изліяніе чувствъ 50-ти милльоновъ человѣкъ къ представителю ихъ

славы. Поколѣніе 1812-го года выросло, возмужало въ громкое, волшебное царствованіе Екатерины; отъ вождя временъ Ея ждало оно побѣдъ, и заранѣе вѣнчало безсмертіемъ того, о комъ Державинъ въ пророческомъ духѣ вѣщалъ:

Смерть сквозь главу его промчалась,
Но жизнь его цѣла осталась:
Самъ Богъ его на подвигъ блюлъ! (*)

На другой день послѣ назначенія Князя Кутузова, Императоръ отправился въ Або, для свиданія съ Наслѣднымъ Шведскимъ Принцомъ. При началѣ войны писалъ къ нему Государь о желаніи Своемъ лично съ нимъ познакомиться, но обстоятельства не дозволяли Его Величеству совершить своего намѣренія прежде Августа мѣсяца. Императора сопровождали Графы Румянцовъ и Аракчеевъ, Генералъ-Адъютантъ Кутузовъ и Флигель-Адъютантъ Чернышевъ. 12-го Августа, въ 6 часовъ послѣ обѣда, прибылъ Императоръ въ Або, остановился въ домѣ Бремера, на большой площади, и былъ встрѣченъ Генералъ-Губернаторомъ, Сенатомъ и чиновниками разныхъ управленій. Радостные клики гремѣли повсюду, и возобновлялись при каждомъ появленіи Государя. По два дня городъ былъ

(*) Стихи сіи относятся къ чудесной ранѣ Кутузова, полученной имъ на Крымскомъ полуостровѣ. Пуля пробила у него лѣвый високъ, и вылетѣла въ правый, пройдя позади глазъ.

иллюминованъ (*). Празднествъ никакихъ не было. Государь сказалъ депутаціи гражданъ, что «по «смутнымъ обстоятельствамъ не считаетъ совмѣстнымъ «принять приглашеніе на приготовленный городомъ «балъ.» На слѣдующее утро Его Величество былъ на разводѣ, въ Сенатѣ, въ походномъ лазаретѣ, и ѣздилъ на дрожкахъ по городу и за заставу. Три дня Императоръ ожидалъ Принца, и часто прогуливался одинъ по морскому берегу. 15-го, въ 7 часовъ вечера, прибылъ Наслѣдный Принцъ на фрегатѣ Яррамасѣ. У Шлосса онъ сѣлъ на Русскій катеръ и плылъ вверхъ по рѣкѣ къ назначенному для Его Высочества дому Ландегевдинга.

Цѣль свиданія Государя съ Наслѣднымъ Принцомъ состояла въ укрѣпленіи союза Россіи съ Швеціею. Личное знакомство и дружба Монарховъ суть самыя надежныя поруки добраго между ними согласія и прочности существующихъ между ними договоровъ. Симъ правиломъ руководствовался Императоръ Александръ во все Свое царствованіе, и постоянно съ полнымъ успѣхомъ, чему конечно способствовали Его обворожительныя свойства, убѣдительное краснорѣчіе и правота дѣла, которая была всегда на Его сторонѣ. Черезъ два дня, 18-го Августа, подписали въ Або договоръ, долженствовавшій распространить условія союза съ Швеціею, заключеннаго

(*) Абовскія оффиціяльныя вѣдомости № 101, $^{15}/_{27}$-го Августа 1812-го года.

24-го Марта (*). Главныя статьи договора были слѣдующія: 1), Россія обязывалась выставить 35,000 человѣкъ, вмѣсто 15-ти, или 20,000, назначенныхъ въ трактатѣ 24-го Марта, для высадки въ Германію и покоренія Норвегіи. Изъ числа 35,000 прибыть на берега Шоніи 25,000-мъ, въ концѣ Сентября, а если можно и скорѣе; остальнымъ же 10,000-мъ въ Ноябрѣ. 2), Немедленно по прибытіи 25,000 Русскихъ въ Шонію, обязывалась Швеція открыть военныя дѣйствія высадкою въ Зеландію и Датскіе острова. 3), Если Датскій Король не уступитъ добровольно Норвегіи, не согласится присоединить своихъ войскъ къ Русскимъ и Шведскимъ, и, слѣдственно, надобно будетъ вооруженною рукою напасть на Зеландію, то Россія всѣ права свои на завоеваніе сей области уступаетъ Швеціи. 4), Въ случаѣ заключенія съ Наполеономъ мира, на основаніи котораго предѣлы Россіи распространились бы до Вислы, Швеція обязывалась признать такое разширеніе нашихъ границъ. 5), Россія давала Швеціи въ заемъ 1,500,000 рублей, частію деньгами, частію мукою и зерновымъ хлѣбомъ, съ обязательствомъ получить

(*) «Il est nécessaire de donner un plus grand développement aux stipulations du traité d'alliance du 24 Mars, afin d'acélérer l'époque, où S. M. le roi Suède put opérer une diversion sur le continent de l'Allemagne en faveur de l'armée Russe.»

обратно сію сумму черезъ 16 мѣсяцовъ послѣ присоединенія Норвегіи къ Швеціи.

Изъ договора 18-го Августа видно, что дѣйствія противъ Даніи были отложены до исхода Сентября. На то были разныя причины: 1), Ни Русскія войска въ 25-ти тысячномъ составѣ, какъ трактатомъ опредѣлялось, ни Шведскія, не были готовы. 2), Надобно было снестись предварительно съ Лондонскимъ Дворомъ о дѣйствіяхъ противъ Датчанъ и Норвегіи. 3), Бывшая тогда въ самомъ разгарѣ война въ Россіи не дозволяла помышлять о какомъ либо постороннемъ предметѣ, кромѣ усиленія нашихъ армій, дѣйствовавшихъ противъ Наполеона. Коль скоро истина сія была признана, то уже не трудно было извлечь изъ нея и послѣдствія. Разсуждая, что въ продолженіе шести недѣль, на которыя отсрочивалась высадка въ Зеландію, находившійся въ Финляндіи корпусъ, подъ начальствомъ Графа Штейнгеля, оставался празднымъ, положили перевезть его немедленно въ Ригу, и употребить тамъ до 1-го Октября, а къ сему сроку возвратить его на прежнее мѣсто и отдать въ распоряженіе Шведскаго Принца. Предложеніе объ отправленіи войскъ нашихъ изъ Финляндіи къ Ригѣ на шесть недѣль, было сдѣлано самимъ Наслѣднымъ Принцомъ, и принято Государемъ съ большимъ удовольствіемъ, совершенно согласуясь съ видами Его Величества. Однако, желая на будущее

время быть правымъ, еслибы Графъ Штейнгель не успѣлъ къ 1-му Октября возвратиться въ Финляндію, Государь замѣтилъ о невозможности навѣрное опредѣлить время, когда симъ войскамъ можно будетъ отплыть обратно изъ Риги, ибо введя ихъ единожды на театръ войны, завязавъ ихъ тамъ въ дѣла, не легко будетъ воротить. Такое замѣчаніе было неопровержимо, а превосходство силъ Наполеоновыхъ содѣлывало необходимымъ ставить противъ него сколько можно больше войскъ, не раздробляя ихъ дальнимъ походомъ въ Данію. Отъ Стокгольмскаго Двора не могло ускользнуть, что для самаго пріобрѣтенія Норвегіи должно было ему предварительно способствовать Россіи въ успѣхѣ и борьбѣ ея съ Наполеономъ.

Скрѣпленіе дружества съ Швеціею, слѣдственно обезпеченіе Россіи со стороны Финляндіи, и возможность употребить Финляндскій корпусъ тамъ, гдѣ въ немъ настояла надобность, были непосредственныя слѣдствія пребыванія Государя въ Або. Въ продолженіе онаго предстояло Императору испытаніе, явившее вновь Его непоколебимое намѣреніе удержать въ самое тяжкое время честь и достояніе Россіи. Съ самаго прибытія своего въ Швецію, Наслѣдный Принцъ особенно дорожилъ дружбою Государя, но вмѣстѣ съ тѣмъ, видя выгоды союза его для Россіи, возымѣлъ мысль просить о вознагражденіи. Не желая лично объясняться съ Императоромъ

о предметѣ, для Его Величества непріятномъ, обратился онъ къ Флигель-Адъютанту Чернышеву, привыкши говорить съ нимъ откровенно, когда еще былъ Французскимъ Маршаломъ. Онъ призвалъ его къ себѣ и сказалъ: «Отсрочивъ походъ въ Норвегію «и предоставя въ распоряженіе Императора Але«ксандра корпусъ Графа Штейнгеля, надѣюсь на «взаимность. Императоръ имѣетъ случай оказать «мнѣ великодушіе и явить Швеціи пользу, извлекае«мую ею изъ союза съ Россіею, сдѣлавъ самую ни«чтожную уступку—Аландскіе острова.» Чернышевъ тотчасъ доложилъ о семъ предложеніи Государю, и получилъ повелѣніе отвѣчать Принцу, что «хотя «Императоръ и дорожитъ его дружбою и тѣсною «связью съ Швеціею, однако же не уступитъ ни *аршина «земли*, даже еслибы довелось Ему удалиться въ Си«бирь и тамъ сражаться за неприкосновенность Импе«ріи.» Если хотимъ постигнуть всю великость отвѣта, должно знать, что за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ Государь получилъ донесеніе о паденіи Смоленска!

Три дня продолжалось свиданіе въ Або. 18-го Августа, въ 5 часовъ по полудни, Наслѣдный Принцъ отправился обратно въ Стокгольмъ; черезъ часъ потомъ выѣхалъ Государь, и прибылъ въ Петербургъ 21-го Августа. До какой степени личное знакомство сдружило Государя съ Наслѣднымъ Принцомъ, свидѣтельствуютъ слѣдующія слова изъ перваго послѣ свиданія письма его къ Императору, отъ 4-го

Сентября. «Минуты,» говоритъ онъ, «проведенныя «съ Вашимъ Величествомъ въ Або, и разговоры «наши оставили въ душѣ моей впечатлѣнія, навсегда «неизгладимыя. Желаю имѣть случай доказать Ва«шему Величеству всю полноту чувствованій, «Вамъ посвященныхъ, и счастливъ надеждою уви«дѣть желанія мои осуществленными» (*).

Стоявшія въ Финляндіи войска назначались на первый случай для освобожденія Риги отъ осады, и должны были отплыть въ Ревель на военныхъ и купеческихъ судахъ изъ Гельзингфорса, съ Аландовъ и изъ Або. По высадкѣ въ Ревелѣ, они поступали подъ начальство Рижскаго Военнаго Губернатора Эссена. «Отъ того вы получите такое усиленіе,» сказано въ Высочайшемъ рескриптѣ Эссену, «что Я не со«мнѣваюсь въ успѣхахъ вашихъ и поверхности надъ «непріятелемъ, силы котораго, по всѣмъ извѣстіямъ, «весьма въ посредственномъ числѣ въ окрестностяхъ «Риги и Митавы.» Государь велѣлъ Эссену, по прибытіи войскъ изъ Финляндіи, непремѣнно овладѣть непріятельскою осадною артиллеріею и освободить

(*) «Les instants que j'ai passés à Abo près de Votre Ma«jesté, mes entretiens avec Elle, ont laissé dans mon ame «des impressions, dont elle conservera éternellemens le «souvenir. Je ne désire, Sire, que l'occasion de prouver «à Votre Majesté tout l'étendue des sentimens que je «Lui ai voués, et je suis heureux de l'espérance de «voir mes voeux se réaliser un jour.»

крѣпость отъ формальной осады (*). Число войскъ, отправленныхъ изъ Финляндіи, превышало 17,000 человѣкъ (**). Пѣхотнымъ и егерскимъ полкамъ десантнаго корпуса велѣно быть въ одномъ дѣйствующемъ батальонѣ, такимъ образомъ, что 2-й батальонъ каждаго полка сдавалъ въ выступающій 1-й всѣхъ своихъ рядовыхъ, отъ чего роты 1-го батальона были въ двойномъ комплектѣ людей. Штабъ, оберъ и унтеръ-офицеры и музыканты расформированныхъ батальоновъ оставлены въ Финляндіи для новаго укомплектованія (***).

(*) Высочайшій рескриптъ отъ 20-го Августа, № 90.

(**) Изъ Гельзингфорса полки конные: Финляндскій драгунскій и казачій Лощилина. Пѣхота, 6-й дивизіи: Азовскій, Низовскій и 3-й егерскій. 21-й дивизіи: Невскій, Петровскій, Литовскій; 2 роты артиллеріи. Изъ Або: пѣхотный Подольскій. Съ Аланда полки: Брянскій, 2-й и 44-й егерскіе, и рота артиллеріи. Всего 325 штабъ и оберъ-офицеровъ, 821 унтеръ-офицеровъ и музыкантовъ, 14,719 рядовыхъ, 1,184 нестроевыхъ, 1,279 человѣкъ конницы.

(***) Высочайшій рескриптъ Графу Штейнгелю, отъ 18-го Августа, № 74.

ГЛАВА VIII.

ПЕРВЫЯ ДѢЙСТВІЯ КНЯЗЯ КУТУЗОВА.

—

Отъѣздъ Князя Кутузова изъ Петербурга. — Прибытіе въ Гжатскъ.— Письмо къ Графу Ростопчину. — Донесеніе Государю. — Числительная сила арміи. — Рескриптъ Государя. — Повелѣнія Тормасову и Чичагову. — Составленіе новаго штаба. — Воззваніе къ Смольянамъ.

—

Черезъ два дня послѣ отъѣзда Государя изъ Петербурга въ Або, Князь Кутузовъ отправился въ армію, 11-го Августа, въ воскресенье. Около дома его, на Дворцовой набережной Невы, отъ Гагаринской пристани до Прачешнаго моста, толпился народъ. Часовъ въ 9, Князь Кутузовъ сѣлъ въ карету, но отъ тѣсноты принужденъ былъ ѣхать шагомъ. Отвсюду раздавались пожеланія счастливаго пути и побѣды. Князь поѣхалъ въ Казанскій Соборъ, гдѣ слушалъ молебенъ, стоя на колѣняхъ. Протоіерей Іоаннъ окропилъ его святою водою, подалъ ему честный

и животворящій Крестъ Господень, и на блюдѣ образъ Казанской Божіей Матери. Кутузовъ возложилъ на себя образъ. Въ нѣсколько минутъ церковь наполнилась народомъ, желавшимъ проводить своего вождя, не предчувствуя, что Кутузову оставалось жить не болѣе восьми мѣсяцовъ, и что по прошествіи сего времени, только хладные останки полководца будутъ покоиться въ томъ самомъ храмѣ, гдѣ онъ теперь, готовясь къ исполинскому подвигу, грядя на бой съ Наполеономъ и западною Европою, призывалъ на помощь Всевышняго. Выходя изъ церкви, Князь Кутузовъ сказалъ священникамъ: «Молитесь обо мнѣ; меня посылаютъ на великое дѣло!»

На первой станціи, въ Ижорѣ, Князь Кутузовъ встрѣтилъ курьера изъ арміи, и узнавъ отъ него о паденіи Смоленска, сказалъ: «Ключъ къ Москвѣ взятъ!» Подробности Смоленскаго сраженія были въ тотъ же вечеръ переданы ему ѣхавшимъ изъ арміи въ Петербургъ Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ (*). По всей дорогѣ, жители городовъ и селеній стекались около Князя Кутузова и напутствовали его благословеніями. 12-го пріѣхалъ онъ въ Крестцы, 15-го въ Вышній Волочокъ, рано поутру 16-го въ Торжокъ, гдѣ встрѣтилъ Генерала Беннигсена, который по разномыслію съ Барклаемъ

(*) По отъѣздѣ изъ арміи Цесаревича, принялъ начальство надъ 5-мъ, или гвардейскимъ корпусомъ, Генералъ-Лейтенантъ Лавровъ.

де-Толли, возвращался изъ главной квартиры въ Петербургъ. Князь Кутузовъ объявилъ ему Высочайшее повелѣніе ѣхать обратно въ армію. Онъ встрѣтилъ также Генерала Фуля, но не пригласилъ его съ собою. Изъ Торжка Князь поворотилъ на Старицу и Зубцовъ, въ намѣреніи выѣхать на столбовую Смоленскую дорогу у Гжатска. По мѣрѣ приближенія его къ сему городу, болѣе и болѣе обнаруживались признаки губительной войны. Помѣщики и поселяне Смоленской губерніи тысячами спасались отъ непріятельскаго нашествія. Одни съ имуществомъ, другіе безъ всего, въ рубищѣ, тянулись ко Ржеву, Волоколамску и далѣе, кочуя подлѣ дороги, на поляхъ. Отрадно было несчастнымъ появленіе Князя Кутузова. Нѣсколько разъ останавливался онъ, стараясь утѣшать безпріютныхъ. Старцы заставляли внуковъ лобызать стопы его; матери поднимали грудныхъ младенцовъ; только и слышно было: «Спаси «насъ! Побей супостата!» 17-го Августа, въ 11 часовъ утра, Князь Кутузовъ былъ въ виду Гжатска. Въ 5-ти верстахъ отъ сего города, множество жителей, вышедшихъ ему на встрѣчу, остановили его карету, выпрягли лошадей и везли ее на себѣ до приготовленнаго для него дома купца Церевитинова.

Въ Гжатскѣ Князь Кутузовъ занялся отправленіемъ отвѣтовъ и разрѣшеній на запросы и донесенія, съ которыми ожидали его курьеры, присланные изъ разныхъ мѣстъ. Самое

примѣчательное изъ его писемъ было слѣдующее къ Графу Ростопчину:

«Письмо ваше прибыло со мною въ Гжатскъ сей часъ, въ одно время. Не видавшись еще съ командовавшимъ доселѣ арміями Военнымъ Министромъ, и не будучи еще достаточно извѣстенъ о всѣхъ средствахъ, въ нихъ имѣющихся, не могу ничего сказать положительнаго о будущихъ предположеніяхъ на счетъ дѣйствія армій. Не рѣшенъ еще вопросъ: потерять ли армію или потерять Москву? По моему мнѣнію, съ потерею Москвы соединена потеря Россіи. Теперь я обращаю все мое вниманіе на приращеніе арміи, и первымъ усиліемъ для оной будутъ прибывающія войска Милорадовича, около 15,000 составляющія. Ираклій Ивановичъ Марковъ извѣщаетъ меня, что уже 11 полковъ военнаго Московскаго ополченія выступили къ разнымъ пунктамъ. Для сего надежнаго оплота желательно бы было имѣть ружья съ принадлежностями, и я, усмотрѣвъ изъ вѣдомостей, вами при отношеніи ко мнѣ приложенныхъ, что въ Московскомъ арсеналѣ есть годныхъ 11,945 ружей и слишкомъ 2,000 мушкетовъ и карабиновъ, да требующихъ нѣкоторой починки ружей, мушкетовъ и штуцеровъ слишкомъ 18,000, покорно просилъ бы васъ, тѣми средствами, какія вы заблагоразсудите, приказать починкою исправить, а я какъ о сихъ, такъ и о первыхъ узнаю отъ Военнаго Министра, буде не назначено имъ другаго какого либо употребленія, можетъ быть употреблю на ополченіе, и васъ не умедлю о томъ увѣдомить. Вызовъ 80,000, сверхъ ополченія, вооружающихся добровольно сыновъ Отечества, есть черта, доказывающая духъ Россіянина

и довѣренность жителей Московскихъ къ Начальнику, ихъ оживляющему. Вы, безъ сомнѣнія, оный поддержите такъ, чтобы армія въ довѣренности успѣховъ своихъ, могла при случаѣ ими воспользоваться, и тогда прошу васъ направлять ихъ къ Можайску.»

Изъ Гжатска Князь Кутузовъ отправился на купеческихъ лошадяхъ въ Царево Займище, гдѣ въ тотъ день, армія имѣла роздыхъ. Поздоровавшись съ поставленнымъ для него почетнымъ карауломъ, онъ сказалъ, смотря на солдатъ: «Можно ли все отступать съ такими молодцами?» Потомъ, при восклицаніяхъ восторга, объѣхалъ онъ войска, не въ видѣ вновь прибывшаго начальника, но какъ будто бы онъ при нихъ находился съ начала войны, какъ полный распорядитель, давнишній начальникъ ихъ, почти не было полка и генерала, которые не служили бы подъ начальствомъ его. Притомъ онъ имѣлъ въ предводительствѣ многолѣтній навыкъ и давно искусился въ служеніи на высшихъ степеняхъ государственнаго дѣйствованія. На ясномъ небѣ взвился огромный орелъ и парилъ надъ Кутузовымъ: куда онъ, туда и орелъ. Князь снялъ свою бѣлую фуражку, привѣтствовалъ царя пернатыхъ, какъ вѣстника успѣховъ, и провозгласилъ: Ура! Полки повторили восклицаніе. Лагерь огласился взаимными поздравленіями съ пріѣздомъ Кутузова, какъ съ вѣрнымъ залогомъ побѣды. Кто могъ, спѣшилъ ему на встрѣчу. Даже солдаты, шедшіе съ котлами за водою,

по обыкновенію вяло и тихо, узнавъ о его прибытіи, побѣжали къ рѣкѣ, съ крикомъ: Ура! воображая, что уже гонятъ непріятеля. Тотчасъ явилась поговорка: «Пріѣхалъ Кутузовъ бить Французовъ.» Всѣ взоры и сердца обратились къ полководцу, Русскому по имени и свойствамъ. Его пріѣздъ, во время самаго неблагопріятнаго положенія дѣлъ, воскресилъ упадшій духъ, оживилъ въ войскахъ самосознаніе непобѣдимости.

Новый періодъ войны начался — единоначаліемъ. Главнокомандующіе отдѣльными арміями подчинились одному лицу и заняли мѣста второстепенныя. Всѣ дѣйствія совокупились во вновь прибывшемъ 67-ми лѣтнемъ полководцѣ. Послѣдуемъ за каждымъ его шагомъ, за каждою его мыслью, ибо всѣ распоряженія происходили отъ него одного. Онъ былъ врагъ совѣтовъ, не требовалъ мнѣній посторонннихъ, и былъ совершенно развязанъ въ своихъ дѣйствіяхъ. При отправленіи его изъ Петербурга не было дано ему письменнаго операціоннаго плана: Императоръ разрѣшилъ его вести войну по собственному усмотрѣнію. Одно строжайше воспретилъ Онъ: вступать въ переговоры съ Наполеономъ, и приказалъ еще, при благополучномъ оборотѣ войны, занимая нашими войсками западныя губерніи, поступать кротко съ тѣми несчастными ихъ жителями, которые въ отношеніи къ Россіи забыли долгъ вѣрноподданныхъ. Въ сихъ чертахъ кто не узнаетъ

Императора Александра? Неумолимъ къ Наполеону—милосердъ къ безоружнымъ.

Осмотрѣвъ войско и мѣстоположеніе, Князь Кутузовъ приказалъ отступить изъ Царева Займища къ Гжатску. Причины отступленія и другія обстоятельства изложены имъ въ слѣдующемъ, первомъ, донесеніи его отъ 19-го Августа:

«Я нашелъ, что многіе полки отъ частыхъ сраженій весьма истощились, потому, что только одинъ вчерашній день прошелъ безъ военныхъ дѣйствій. Я принялъ намѣреніе недостающее число людей пополнить приведенными вчера Генераломъ Милорадовичемъ, и впредь прибыть имѣющими войсками, пѣхоты 14,587, конницы 1,002 человѣка, такъ, чтобы они были распредѣлены по полкамъ, потому что это войско ненадежно, состоя изъ рекрутовъ, и имѣя большой недостатокъ въ Штабъ- и Оберъ-Офицерахъ. Я предпочелъ отправить обратно назадъ Штабъ, Оберъ и унтеръ-офицеровъ, а барабанщиковъ и всѣхъ рядовыхъ обратить къ укомплектованію старыхъ полковъ, потерпѣвшихъ въ сраженіяхъ. Для удобнѣйшаго укомплектованія, велѣлъ я изъ Гжатска отступить на одинъ маршъ, и смотря по обстоятельствамъ еще на другой, чтобы на вышеупомянутомъ основаніи присоединить къ арміи отправляемыхъ изъ Москвы въ довольномъ количествѣ ратниковъ. Къ тому же, мѣстоположеніе при Гжатскѣ я нашелъ невыгоднымъ. Усилясь такимъ образомъ, какъ чрезъ укомплектованіе потерпѣвшихъ войскъ, такъ и чрезъ пріобщеніе къ арміи нѣкоторыхъ полковъ, формированныхъ Княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ,

и части Московской милиціи, въ состояніи буду для спасенія Москвы отдаться на произволъ сраженія, которое однакоже предпринято будетъ со всѣми осторожностями, какихъ важность обстоятельствъ требовать можетъ. Имѣющуюся нынѣ съ арміею Смоленскую милицію, и часть Московской, въ готовность пришедшую, употребить я намѣренъ такимъ образомъ, что пріобщу ихъ къ регулярнымъ войскамъ, не съ тѣмъ, чтобы ими оныя комплектовать, но чтобы ихъ употреблять можно тамъ было иногда къ составленію съ пиками 3-й шеренги, или ставить ихъ за батальонами малыми резервами, для отвода раненыхъ, или для сохраненія ружей послѣ убитыхъ, для дѣланія редутовъ и другихъ полевыхъ работъ, наипаче замѣщать мѣста при обозахъ, дабы уже тамъ ни одного солдата держать нужды не было. При семъ должно взять ту осторожность, чтобы внушить имъ, что ихъ состояніе отъ того ни мало не перемѣнится, что они остаются временными воинами, и что все, отъ Вашего Императорскаго Величества имъ обѣщанное, сохранится свято; сіе готовъ я утвердить имъ и присягою.»

Числительная сила 1-й и 2-й армій заключалась, по строевому рапорту, представленному Княземъ Кутузовымъ при первомъ донесеніи Государю, въ 95,734 человѣкахъ. Въ томъ же донесеніи онъ говоритъ, что по свѣдѣніямъ, какія нашелъ онъ въ арміи, полагали у Наполеона 165,000 человѣкъ, но что, по его мнѣнію, столько войскъ у непріятеля быть не можетъ. Князь Кутузовъ просилъ также о присоединеніи къ арміи части

резервовъ, формировавшихся въ низовыхъ губерніяхъ. Въ отвѣтъ, Государь удостоилъ Князя Кутузова слѣдующимъ рескриптомъ:

«Соображаясь съ присланными отъ васъ рапортами, нахожу: 1), Что наличное число людей въ арміяхъ показывается кавалеріи и пѣхоты 95,734 человѣка, поступаютъ изъ корпуса Милорадовича 15,589, собранныхъ изъ разныхъ мѣстъ 2000, что и составляетъ 113,323 человѣка; сверхъ того не включены въ рапортахъ находящіеся въ отдѣльныхъ отрядахъ полки, съ коими уповательно число арміи составлять будетъ 120,000 человѣкъ. 2), Мнѣніе ваше, полагающее донесеніе о состояніи непріятельскихъ силъ въ 165,000 увеличеннымъ, оставляетъ Меня въ пріятной увѣренности, что вышеозначенное число усердныхъ Русскихъ воиновъ, подъ предводительствомъ опытнаго и прозорливаго полководца, поставитъ преграду дальнему вторженію наглаго врага, и увѣнчавъ васъ безсмертною славою, предастъ имя ваше потомству, какъ избавителя Москвы, а ввѣренное вамъ воинство украсится вѣчными лаврами. 3), Касательно упоминаемаго вами распоряженія о присоединеніи отъ Князя Лобанова-Ростовскаго новоформируемыхъ полковъ, Я нахожу оное къ исполненію невозможнымъ, по неготовности еще сихъ полковъ, а особливо по необходимости имѣть устроенное войско для образованія и содержанія новаго рекрутскаго набора, по коему поступаетъ до 180,000 рекрутовъ, которыхъ и предполагается содержать и образовать при сихъ новоформируемыхъ полкахъ, безъ чего и самый сборъ рекрутовъ учинится невозможнымъ.

Посему Я нахожу необходимымъ, дабы вы формируемыхъ Княземъ Лобановымъ и Генералъ-Лейтенантомъ Клейнмихелемъ полковъ въ армію не требовали на первый случай, а по мѣрѣ приготовленія рекрутовъ, они будутъ немедленно доставляться во ввѣренныя вамъ арміи, коихъ усиленіе нынѣ можете произвести, помѣщая въ оныя внутреннія ополченія. Московская сила, съ приписанными къ ней губерніями, составляетъ до 80,000 человѣкъ, кои не перемѣняя ни своего предназначенія, ни одежды, могутъ весьма служить въ арміяхъ, даже бывъ размѣщены при регулярныхъ полкахъ (*).»

Князь Кутузовъ извѣстилъ Тормасова и Чичагова о своемъ прибытіи къ войскамъ и намѣреніи принять генеральное сраженіе. Посланныя къ нимъ повелѣнія были слѣдующаго содержанія:

1), Тормасову:

«Вы согласиться со мною изволите, что въ настоящія критическія для Россіи минуты, тогда, какъ непріятель находится въ сердцѣ Россіи, въ предметъ дѣйствій вашихъ не можетъ уже входить защищеніе и сохраненіе отдаленныхъ нашихъ Польскихъ провинцій. Но совокупныя силы 3-й арміи и Дунайской должны обратиться на отвлеченіе силъ непріятельскихъ, устремленныхъ противу 1-й и 2-й армій. А посему, собравъ къ себѣ всѣ силы Генерала Эртеля, у Мозыря находящіяся, и Генерала Сакена въ Житомирѣ, идти съ ними вмѣстѣ съ вашею арміею и дѣйствовать на правый флангъ непріятеля. За симъ Адмиралъ Чичаговъ, перешедшій уже со всею

(*) Высочайшій рескриптъ, отъ 24-го Августа, № 80.

арміею, сего мѣсяца 17-го числа, Днѣстръ у Каменца, приметъ на себя всѣ тѣ обязанности, которыя доселѣ въ предметъ вашихъ операцій входили, и занимая дѣйствіями своими пункты, нынѣ вами оставляемые, содержа безпрерывную коммуникацію съ вами, операціями своими содѣйствовать долженъ всѣми силами общей цѣли, о чемъ я ему съ симъ пишу. Съ симъ нарочнымъ буду я ожидать увѣдомленія вашего о тѣхъ мѣрахъ, какія вы по сему предпринять изволите, о пунктахъ вашихъ операцій, равно и свѣдѣнія о состояніи настоящихъ силъ вашихъ.»

2), Извѣщая Чичагова о данномъ Тормасову назначеніи, Князь Кутузовъ присовокупилъ:

«Прибывъ къ арміи, я нашелъ непріятеля въ сердцѣ древней Россіи, такъ сказать, подъ Москвою. Настоящій мой предметъ есть спасеніе Москвы самой, а потому не имѣю нужды изъяснять, что сохраненіе нѣкоторыхъ отдаленныхъ Польскихъ провинцій ни въ какое сравненіе съ спасеніемъ древней столицы Москвы и самихъ внутреннихъ губерній не входитъ.»

Таковы были главныя распоряженія Князя Кутузова на счетъ четырехъ подвѣдомственныхъ ему армій. Даннаго имъ Графу Витгенштейну повелѣнія, въ дѣлахъ не отыскалось. Касательно внутренняго управленія первыхъ двухъ армій, поступившихъ подъ его непосредственное начальство, онъ объявилъ, приказомъ отъ 18-го Августа, что Князь Багратіонъ и Барклай де-Толли сохраняютъ власть, присвоенную имъ по званію Главнокомандующихъ. Лично при себѣ

составилъ онъ особенный Штабъ, и велѣлъ Бенингсену состоять при немъ «на такомъ основаніи, «какъ начальники главныхъ штабовъ относительно «къ каждому изъ Главнокомандующихъ арміями.» Полковникъ Кайсаровъ былъ назначенъ Дежурнымъ Генераломъ, а Генералъ-Маіоръ Вистицкій Генералъ-Квартирмейстеромъ 1-й и 2-й армій; въ послѣдствіи мѣсто его занялъ Полковникъ Толь. Окончивъ первоначальныя распоряженія, Князь Кутузовъ обратился къ доблестнымъ, злополучнымъ Смольянамъ, въ слѣдующемъ печатномъ объявленіи:

«Достойные Смоленскіе жители, любезные соотечественники! Съ живѣйшимъ восторгомъ извѣщаюсь я отвсюду о безпримѣрныхъ опытахъ въ вѣрности и преданности вашей къ Престолу Августѣйшаго Монарха Нашего и къ любезнѣйшему Отечеству. Въ самыхъ лютѣйшихъ бѣдствіяхъ своихъ показываете вы непоколебимость своего духа. Вы исторгнуты изъ жилищъ вашихъ, но вѣрою и вѣрностію твердыя сердца ваши связаны съ нами священными, крѣпчайшими узами единовѣрія, родства и единаго племени. Врагъ могъ разрушить стѣны ваши, обратить въ развалины и пепелъ имущества, наложить на васъ тяжкія оковы, но не могъ и не возможетъ побѣдить и покорить сердецъ вашихъ. Таковы Россіяне! Царство Россійское издревле было едина душа и едино тѣло. Оно всегда подвигалось волею своихъ Самодержцовъ и пламенною любовію къ нимъ и къ Отечеству своему. Да подкрѣпитъ Всевышній многотерпѣніе ваше, любезнѣйшіе и достойнѣйшіе соотечественники! Да услышитъ

моленія ваши, да поможетъ вамъ свергнуть съ себя иго, и да водворитъ паки во единое семейство миръ, тишину, славу и благоденствіе, коими доселѣ мы наслаждались! »

—

Глава IX.

ОТЪ ЦАРЕВА ЗАЙМИЩА ДО БОРОДИНА.

—

Отступленіе отъ Царева Займища къ Бородину.—Мѣстность Бородина. — Диспозиція. — Приготовленія Наполеона къ сраженію. — Движеніе непріятелей изъ Гжатска. — Дѣло 24-го Августа. — Числительная сила и нравственное состояніе воюющихъ армій.

—

Позади Князя Кутузова, до Москвы, не было болѣе регулярныхъ войскъ. Хотя формированіе земской силы 2-го округа, губерній: Тульской, Калужской, Рязанской, Владимірской, Ярославской и Тверской, приходило къ окончанію, но ополченія еще не выступали изъ предѣловъ своихъ губерній. У нихъ, какъ и у ополченій Смоленскаго и Московскаго, полки котораго не всѣ еще присоединились къ арміи, почти не было огнестрѣльнаго оружія. Вообще они едва имѣли подобіе военнаго устройства. За мѣсяцъ взятые отъ сохи, отуманенные быстрымъ переходомъ

отъ пашни въ станъ воинскій, обутые въ лапти, съ кольями вмѣсто пикъ, они горѣли усердіемъ сразиться, но еще нельзя было вести ихъ въ правильный бой съ опытными, закаленными въ битвахъ полками Наполеона. На скорое содѣйствіе отдѣльныхъ армій Князю Кутузову также не можно было полагаться, по причинѣ отдаленности ихъ: Тормасовъ стоялъ за Стыремъ, Графъ Витгенштейнъ находился противъ Полоцка, Чичаговъ переправлялся черезъ Днѣстръ. Отъ Гжатска до Москвы не находилось ни крѣпости, ни укрѣпленнаго лагеря, гдѣ бы удобно было, хотя на короткое время, удержать превосходнаго непріятеля, или, пользуясь ими, маневрировать. Слѣдственно: оставалось избрать выгодное мѣсто для сраженія, котораго требовали, не только благо Государства, но и самая честь Россійскаго оружія, дать битвою отпоръ Наполеону, и потомъ дѣйствовать по обстоятельствамъ. Съ сею цѣлью Князь Кутузовъ послалъ офицеровъ отыскивать позиціи, и потомъ, 19–го Августа, армія выступила изъ Царева Займища. Въ тотъ же день прошла она черезъ Гжатскъ и ночевала при деревнѣ Ивашковой; 20–го продолжала отступленіе къ Дурыкину; 21–го къ Колоцкому монастырю, и 22–го потянулась къ Можайску. Во время сихъ маршей Князь Кутузовъ пополнилъ полки резервами, приведенными Милорадовичемъ, и поручилъ ему начальство надъ двумя корпусами: Багговута и Графа Остермана. Генераламъ

приказано отослать къ полкамъ кавалеристовъ и казаковъ, бывшихъ у нихъ на посылкахъ, и ограничиться конвоями, опредѣленными полевымъ учрежденіемъ. Всѣмъ чинамъ подтверждено: ни подъ какимъ видомъ не имѣть обозовъ болѣе того числа, какое назначено каждому. Между тѣмъ, посланные въ тылъ арміи офицеры донесли, что, не доходя 11-ти верстъ до Можайска, отыскано крѣпкое мѣсто, при селѣ, имя котораго развѣ тогда изгладится изъ памяти вѣковъ, когда померкнетъ солнце— говоримъ о селѣ Бородинѣ.

Рано поутру, 22-го Августа, опередивъ армію, Князь Кутузовъ прибылъ въ Бородино, объѣхалъ окрестности и нашелъ ихъ соотвѣтствующими своимъ намѣреніямъ. Бородинская позиція пересѣкается на двое большою Смоленскою дорогою. Правое крыло примыкаетъ къ роще, между Москвою рѣкою и впадающею въ нее рѣчкою Колочею; лѣвый флангъ оканчивается въ кустахъ у деревни Утицы, на старой Смоленской дорогѣ, ведущей изъ Гжатска, черезъ село Ельню, въ Можайскъ. Фронтъ позиціи, занимая протяженіемъ около 7-ми верстъ, до Бородина прикрытъ Колочею, извивающеюся по глубокому оврагу, далѣе ручьемъ Семеновскимъ, и кустами, между Утицею и Семеновскимъ, и составляетъ выдавшійся при Бородинѣ тупой уголъ. Мѣстоположеніе, образуя общую покатость, склоняющуюся съ лѣваго крыла на правое, къ Москвѣ рѣкѣ

и устью Колочи, представляетъ нѣсколько возвышенныхъ холмовъ у деревни Шевардино, въ 1,000 саженяхъ впереди лѣваго фланга. Желая не дать непріятелю возможности овладѣть симъ пунктомъ, обозрѣвать все расположеніе Россійскихъ войскъ, и имѣть вмѣстѣ съ тѣмъ удобство дѣйствовать во флангъ наступающимъ по большой дорогѣ къ Бородину колоннамъ, Князь Кутузовъ велѣлъ на курганѣ у Шевардина построить пяти-угольный редутъ, на 12 батарейныхъ орудій, который однако же не былъ совсѣмъ оконченъ. Для обезпеченія праваго крыла, построили передъ лѣсомъ, близъ Москвы рѣки, три отдѣльныя укрѣпленія, да для обороны переправы черезъ Колочу, на большой Смоленской дорогѣ, насыпали батарею у Горокъ, прикрытую другою батареею, ниже ея въ 300-хъ саженяхъ. Въ центрѣ, на курганѣ между Бородинымъ и Семеновскимъ, построенъ большой люнетъ, на 18 орудій, названный въ послѣдствіи батареею Раевскаго. Цѣль сего укрѣпленія была обстрѣливать весь скатъ къ ручью Семеновскому, и кусты по лѣвому берегу его, доставляя фланговую оборону Бородину. Лѣвѣе Семеновскаго устроили три флеша, для прикрытія слабѣйшаго пункта позиціи и поддержанія стрѣлковъ, долженствовавшихъ занимать оврагъ передъ фронтомъ и кусты по нацравленію къ Утицѣ. Главная квартира расположилась въ селѣ Татариновѣ. На плодоносныхъ поляхъ Бородина закипѣли инженерныя

работы; ряды штыковъ засверкали среди жатвы; конница, пѣхота и артиллерія занимали свои мѣста. «Здѣсь наконецъ остановимся!» думалъ каждый изъ насъ. Предчувствіе не обмануло.

Всѣ частные и казенные обозы отправлены за 6 верстъ за Можайскъ; при полкахъ оставлены только патронные ящики, по одной лазаретной каретѣ въ батальонѣ и генеральскіе экипажи. Корпуснымъ Командирамъ велѣно озаботиться устройствомъ свободнаго сообщенія между войсками. Диспозиція, подписанная Княземъ Кутузовымъ, 24-го Августа, заключалась въ слѣдующемъ:

«Присоединивъ къ себѣ всѣ подкрѣпленія, прибывшія отъ Калуги и Москвы, армія ожидаетъ наступленія непріятеля при Бородинѣ, гдѣ и дастъ ему сраженіе. 2-й, 4-й, 6-й и 7-й пѣхотные корпуса, и 27-я дивизія составляютъ коръ-де-баталь и располагаются въ двѣ линіи. За каждымъ изъ нихъ становится по кавалерійскому корпусу:

За 2-мъ пѣхотнымъ 1-й кавалерійскій.
— 4-мъ ——— 2-й ———
— 6-мъ ——— 3-й ———
— 7-мъ ——— 4-й ———

Въ центрѣ ордръ-де-баталь, за кавалерійскими корпусами, станутъ резервы, въ батальонныхъ колоннахъ, на полныхъ дистанціяхъ, въ двѣ линіи, а именно: 3-й пѣхотный корпусъ, а за нимъ гвардія и сводные гренадерскіе батальоны 4-й, 7-й, 1-й и 3-й дивизій. Вторая гренадерская дивизія и сводные гренадерскіе батальоны 2-й арміи

становятся за 4-мъ кавалерійскимъ корпусомъ и составляютъ резервъ 2-й арміи. Всѣ кирасирскіе полки обѣихъ армій во время дѣйствія расположатся позади гвардейскаго корпуса въ полковыхъ колоннахъ; артиллерія, остающаяся при резервахъ, составляетъ резервную артиллерію. Начальники въ коръ-де-баталь: правый флангъ, изъ 2-го и 4-го корпусовъ, подъ командою Милорадовича; центръ, изъ 6-го корпуса, подъ командою Дохтурова; лѣвый флангъ, изъ 7-го корпуса и 27-й дивизіи, подъ командою Князя Горчакова. Главнокомандующіе арміями командуютъ, какъ и прежде, войсками, ихъ арміи составляющими, то есть: Барклай де-Толли правымъ крыломъ и центромъ, а Князь Багратіонъ лѣвымъ флангомъ; Князь Голицынъ 1-й командуетъ 1-ю и 2-ю кирасирскими дивизіями, кои соединить вмѣстѣ въ колоннахъ за гвардіею.

«Въ семъ боевомъ порядкѣ намѣренъ я привлечь на себя силы непріятельскія, и дѣйствовать сообразно его движеніямъ. Не въ состояніи будучи находиться во время сраженія на всѣхъ пунктахъ, полагаюсь на извѣстную опытность Гг. Главнокомандующихъ, и потому предоставляю имъ дѣлать соображенія дѣйствій на пораженіе непріятеля. Возлагая все упованіе на помощь Всесильнаго и на храбрость и неустрашимость Россійскихъ воиновъ, при счастливомъ отпорѣ непріятельскихъ силъ, дамъ собственныя повелѣнія на преслѣдованіе его, для чего и ожидать буду безпрестанныхъ рапортовъ о дѣйствіяхъ, находясь за 6-мъ корпусомъ. При семъ случаѣ неизлишнимъ почитаю представить Гг. Главнокомандующимъ, что резервы должны быть сберегаемы сколь можно долѣе, ибо тотъ генералъ, который сохранитъ еще резервъ, не побѣжденъ.

На случай наступательнаго движенія, оное производить въ сомкнутыхъ колоннахъ къ атакѣ, стрѣльбою отнюдь не заниматься, но дѣйствовать быстро холоднымъ ружьемъ. Въ интервалахъ между пѣхотными колоннами имѣть нѣкоторую часть кавалеріи, также въ колоннахъ, которыя бы подкрѣпляли пѣхоту. На случай неудачнаго дѣла, Генераломъ Вистицкимъ открыты нѣсколько дорогъ, которыя онъ Гг. Главнокомандующимъ укажетъ, и по коимъ арміи должны будутъ отступать. Сей послѣдній пунктъ единственно для свѣдѣнія Гг. Главнокомандующихъ.»

При отступленіи нашей арміи отъ Царева Займища, Наполеонъ продолжалъ наступательное движеніе. 19-го Августа, авангардъ его занялъ Гжатскъ, въ ту же ночь Французами сожженный (*). Спустя день, Наполеонъ вступилъ въ Гжатскъ. Здѣсь узналъ онъ о прибытіи Князя Кутузова къ Русской арміи, и заключилъ, что новый Главнокомандующій не станетъ, подобно своимъ предшественникамъ, уклоняться отъ сраженія. Увѣренный, что пробилъ часъ битвы, Наполеонъ остановился на два дня въ Гжатскѣ, готовясь къ бою. Гвардіи отданъ слѣдующій приказъ: «Ваши желанія исполняются; мы приближаемся къ сраженію; вы пожнете новые лавры. Императоръ полагается на васъ, какъ на гранитную стѣну. Онъ съ вами, и успѣхъ несомнителенъ. Готовьтесь! Да здравствуетъ Императоръ!» (**)

(*) «Gjatsk était intact quand les français y entrèrent.» Chambray, Histoire de l'Expédition de Russie, II, 36.

(**) Этотъ приказъ, подписанный Маршаломъ Лефевромъ,

Корпуснымъ командирамъ строжайше велѣлъ Наполеонъ имѣть подъ ружьемъ какъ можно болѣе войскъ, и присоединить къ полкамъ всѣхъ отсталыхъ и находившихся при обозахъ, сдѣлать перекличку, осмотрѣть полки инспекторскимъ смотромъ, представить вѣдомости о наличномъ состояніи войскъ, лошадей, снарядовъ, показать людей, которые въ теченіе 5-ти дней могли прибыть къ арміи, то есть, находившихся въ ближнихъ командировкахъ. Для свободнаго движенія колоннъ, велѣно обозамъ съ продовольствіемъ, генеральскимъ и офицерскимъ экипажамъ, идти позади артиллеріи, и не находиться къ авангарду ближе семи верстъ, подъ опасеніемъ быть сожженными. Исполненіе приказанія оказалось невозможнымъ. Генералы и офицеры, боясь въ дальнѣйшемъ своемъ слѣдованіи встрѣтить недостатокъ въ продовольствіи для себя и своихъ войскъ, везли необъятное количество повозокъ. Въ примѣръ строгости, Наполеонъ сжегъ при себѣ двѣ повозки чиновниковъ его штаба.

Всего болѣе затрудненій предстояло Наполеону въ сборѣ къ сраженію множества солдатъ, находившихся позади арміи и при обозахъ. Пока непріятель шелъ по Литвѣ и Бѣлоруссіи, находилъ онъ обывателей, и употреблялъ ихъ въ погонщики, но со вступленія въ Смоленскую губернію очутился

найденъ въ отбитыхъ у непріятеля бумагахъ, и хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

въ безлюдной пустынѣ. Литовцы и Бѣлорусцы бѣжали отъ обозовъ, куда надобно было отряжать людей изъ полковъ. Для фуражировки приходилось назначать большія команды, и онѣ удалялись на немалое разстояніе отъ полковъ, находя селенія на столбовой дорогѣ пустыми или разоренными. Въ понятіи Французовъ и ихъ союзниковъ, Смоленскъ составлялъ рубежъ, гдѣ кончится Польша и начинается Россія. Потому, переступя за Смоленскъ, почитали они себя въ землѣ непріятельской, полагали насильственные поступки позволительными и предавались всячески неистовствамъ. На пути своемъ, они ничего не щадили, грабили и жгли. Подлѣ домовъ раскладывали бивачные огни и не гасили ихъ, подымаясь съ ночлеговъ. Домы и биваки загарались; пламень распространялся по селеніямъ и городамъ. Часто непріятели подкладывали огонь единственно изъ удовольствія вредить, не оставляя за собою ничего, кромѣ пепла, въ отмщеніе за то, что нигдѣ не находили жителей. Безпорядковъ никто не прекращалъ, и солдаты предавались имъ, какъ будто имѣя на то разрѣшеніе начальства (*). Въ церквахъ помѣщались, безъ разбора, люди, лошади, обозы.

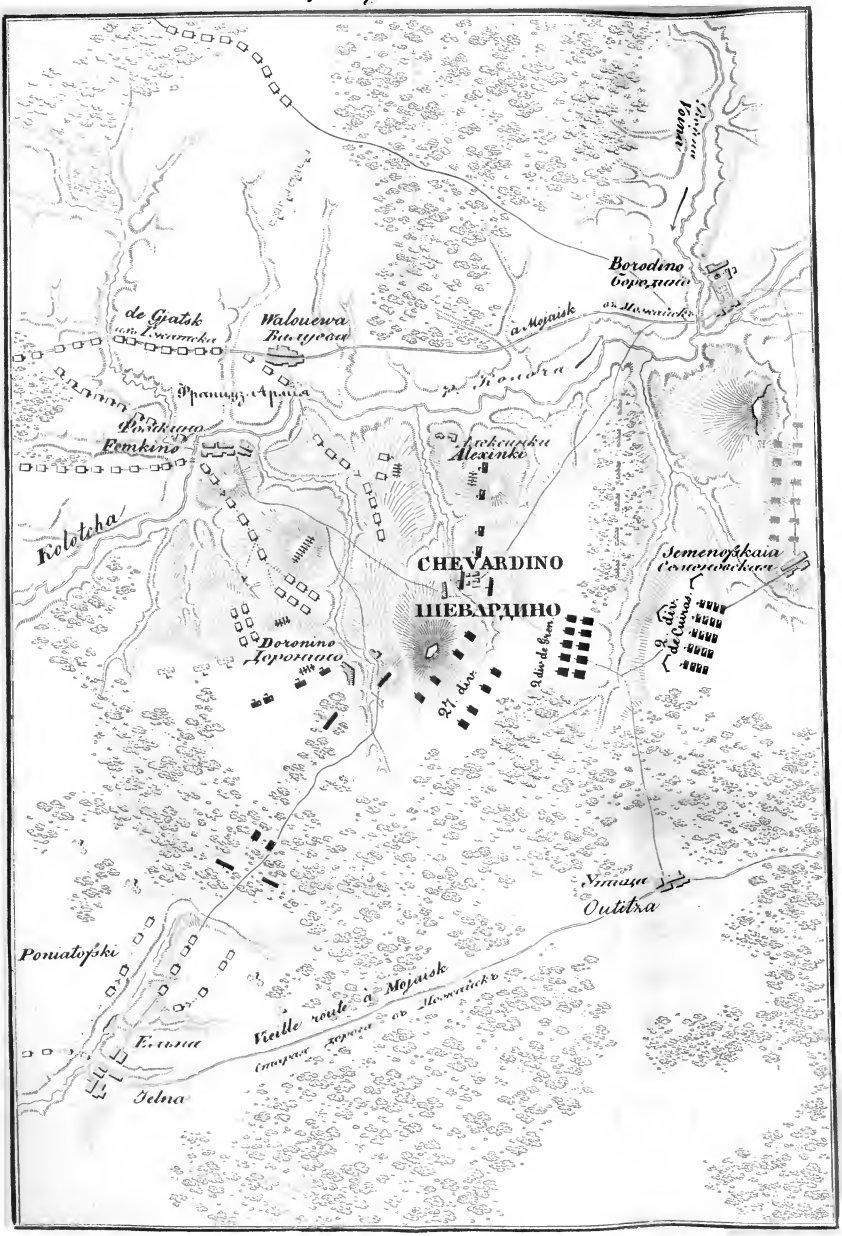
Послѣ двухъ-дневныхъ приготовленій къ сраженію, Наполеонъ выступилъ изъ Гжатска, ведя армію

(*) «Le désordre n'étant point reprimé, le soldat s'y livroit, «comme s'il y étoit autorisé, et le pays devenoit la proie «des flammes.» Chambray, Expédition de Russie, I, 58.

въ прежнемъ боевомъ порядкѣ: Вице-Король былъ на лѣвомъ крылѣ; Понятовскій на правомъ; остальные корпуса слѣдовали столбовою дорогою, за авангардомъ, состоявшимъ подъ начальствомъ Мюрата. 23-го Августа, Мюратъ атаковалъ Коновницына, расположеннаго съ арріергардомъ у Гриднева, въ 15-ти верстахъ отъ Бородина. Коновницынъ долго не уступалъ ни шага, пока, подъ вечеръ, Вице-Король не показался на его правомъ крылѣ. Тогда, пользуясь темнотою, онъ отошелъ къ Колоцкому монастырю. Въ слѣдующее утро, непріятели продолжали наступленіе и опять атаковали Коновницына. На его подкрѣпленіе Князь Кутузовъ послалъ 1-й кавалерійскій корпусъ Уварова. Коновницынъ явился къ Уварову, какъ старшему его въ чинѣ. Уваровъ отвѣчалъ: «Не «время считаться старшинствомъ; вамъ порученъ арріергардъ; я присланъ вамъ на помощь; приказывайте!» Сначала Коновницынъ оборонялся успѣшно. Изюмскій гусарскій полкъ, вмѣстѣ съ казаками, опрокинулъ три Французскіе эскадрона и изрубилъ ихъ. Однако, при появленіи Вице-Короля, который, какъ и наканунѣ, обходилъ нашъ правый флангъ, Коновницынъ принужденъ былъ отступить и приблизиться къ Бородину. Полки арріергарда начали входить въ составъ корпусовъ, къ коимъ принадлежали, и вступая на позицію, открывали взорамъ непріятеля Русскую армію, устроенную въ боевой порядокъ. Доступъ къ ней преграждался редутомъ при Шевардинѣ. Наполеонъ

N. 37

Планъ атаки редута при **ШЕВАРДИНѢ.**



приказалъ овладѣть имъ. Защита редута, какъ отдѣльнаго укрѣпленія, была бы съ нашей стороны безъ цѣли, еслибы Князь Кутузовъ не имѣлъ надобности выиграть нѣсколько времени, приводя къ окончанію инженерныя работы, начатыя на позиціи.

Непріятель шелъ большою дорогою и полями, въ трехъ колоннахъ, державшихся на одной высотѣ. Часа въ два по полудни, Французы начали переходить Колочу у Фомкина и Валуева, и направляться на редутъ (*). Понятовскій слѣдовалъ туда же отъ Ельны. Въ Шевардинскомъ редутѣ было 12 батарейныхъ орудій. Войска, назначенныя для обороны его, подъ начальствомъ Князя Горчакова, состояли изъ 27-й дивизіи, пяти гренадерскихъ полковъ, 5-го егерскаго, двухъ сводныхъ гренадерскихъ батальоновъ, двухъ драгунскихъ полковъ и 2-й кирасирской дивизіи. Князю Горчакову надобно было защищать редутъ, вправо деревню Шевардино и влѣво лѣсъ, на старой Смоленской дорогѣ. Завязалась перестрѣлка. Державшись болѣе часа, наши егеря и фланкеры отступили, когда непріятель, подъ личнымъ управленіемъ Наполеона, пошелъ на укрѣпленіе колоннами, предшествуемый огнемъ многочисленной артиллеріи. Чрезмѣрное превосходство силъ, двинувшихся въ атаку, заставило Князя Горчакова ввести тотчасъ въ дѣло гренадеровъ, но пока они подходили, редутъ и стоявшія

(*) *Планъ атаки редута при Шевардинѣ, № 38.*

для его обороны войска были засыпаны ядрами, гранатами, картечами, пулями. Французскія колонны ворвались въ укрѣпленіе, но торжество ихъ было непродолжительно. Гренадерскіе полки, имѣя впереди священниковъ, въ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, скоро поравнялись съ укрѣпленною батареею и выгнали изъ нея непріятеля. Завязался рукопашный бой. То наши опрокидывали Французовъ, то Французы подавали насъ назадъ. Два раза непріятель вторгался въ редутъ, но не могъ въ немъ утвердиться. Кровопролитіе продолжалось до вечера. Редутъ, село Шевардино и лѣсъ на лѣвомъ крылѣ, остались окончательно за нами.

Съ наступленіемъ мрака пальба съ непріятельской стороны затихла. Когда совсѣмъ смерклось, послышалось намъ между редутомъ и Шевардинымъ приближеніе войскъ. Сперва нельзя было въ темнотѣ увидѣть числа ихъ. Загорѣвшіеся въ расположеніи непріятельскомъ стоги сѣна озарили свѣтомъ своимъ густую колонну, направлявшуюся косвенно въ правый флангъ нашъ. Князь Горчаковъ послалъ за 2-ю кирасирскою дивизіею, а Невѣровскому съ 27-ю дивизіею велѣлъ остановить Французовъ, которые въ темнотѣ не могли видѣть Русскихъ войскъ. Невѣровскій приказалъ бывшему впереди полку ссыпать порохъ съ полокъ, и подойдя къ непріятелю ударить въ штыки. Приказаніе исполнено въ мертвой тишинѣ. Взятые

внезапно во флангъ, Французы оробѣли, остановились, побѣжали. Наши смѣшались съ врагами, кололи и гнали ихъ. Подоспѣла 2-я кирасирская дивизія и довершила пораженіе непріятеля, принужденнаго въ бѣгствѣ своемъ бросить 5 орудій. Три подбитыя пушки остались на мѣстѣ, двѣ вывезены кирасирами (*). Сраженіе прекратилось. Къ полуночи замѣтили снова приближеніе Французскихъ колоннъ. Долѣе удерживать редутъ стало безполезно, по отдаленности его отъ позиціи. Главнокомандующій велѣлъ Князю Горчакову отступить.

Во время сего дѣла, происходившаго 24-го Августа, Князь Кутузовъ прибылъ изъ Татариновой на поле сраженія. Онъ сѣлъ на скамейку, которую всегда за нимъ возили, часто пересылался съ Княземъ Багратіономъ, находившимся въ огнѣ, внимательно обозрѣвалъ мѣстоположеніе и оставался на полѣ, доколѣ не утихла пальба. Ночь освѣтила новые пожары. 25-го Августа прошло спокойно въ обѣихъ арміяхъ, за исключеніемъ картечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ, посылаемыхъ иногда въ непріятельскихъ всадниковъ, нѣсколько разъ подъѣзжавшихъ къ намъ для обозрѣній. Съ укрѣпленныхъ высотъ нашихъ, особенно съ колокольни Бородина, видно было, какъ Французы все болѣе и болѣе подавались вправо, какъ лѣса наполнялись ихъ стрѣлками, и артиллерія, пробираясь разными тропами,

(*) Донесеніе Князя Кутузова, отъ 25-го Августа.

выѣзжала на холмы и пригорки. Замѣчая скопленіе непріятелей на нашемъ лѣвомъ крылѣ, Князь Кутузовъ сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны въ размѣщеніи войскъ и приказалъ: своднымъ гренадерскимъ батальонамъ второй арміи, Графа Воронцова, занять укрѣпленіе у Семеновскаго; за Графомъ Воронцовымъ, во второй линіи, стать 27-й дивизіи, Невѣровскаго; позади Семеновскаго 2-й гренадерской дивизіи, Принца Мекленбургскаго; корпусу Тучкова, подкрѣпленному 7,000 Московскаго ополченія, отдѣлиться изъ резерва, и стать, не доходя до Утицы на старой Смоленской дорогѣ, которая была въ верстѣ отъ нашего лѣваго крыла, и проходя черезъ лѣсъ, склонялась въ тылъ позиціи. Остальные полки ополченій Смоленскаго и Московскаго размѣщены позади линій, для поданія помощи раненымъ. Четыре егерскихъ полка посланы въ лѣсъ и кусты между Утицею и Семеновскимъ, охранять связь между корпусомъ Тучкова и 2-ю арміею. Главную квартиру свою Князь Кутузовъ перенесъ изъ Татаринова въ Горки.

Въ продолженіе 25-го Августа Наполеонъ дѣлалъ лично обозрѣнія нашей позиціи. Подъѣхавъ къ Шевардинскому редуту, гдѣ наканунѣ происходило дѣло, онъ спросилъ: сколько полонено Русскихъ? «Они «не сдаются въ плѣнъ,» отвѣчалъ одинъ изъ бывшихъ въ дѣлѣ генераловъ: «Ils se font tuer.» — «Eh «bien! nous les tuerons,» возразилъ Наполеонъ. Въ сихъ

словахъ заключается ключъ къ его распоряженіямъ, состоявшимъ въ слѣдующемъ: Понятовскому наступать по старой Смоленской дорогѣ, стараясь обходить наше лѣвое крыло. Для главнаго удара назначались корпуса Даву, Нея и Жюно, подкрѣпленные гвардіею и порученные Мюрату кавалерійскіе корпуса Монбрена, Нансути и Латуръ-Мобура. Они должны были взять укрѣпленія передъ Семеновскимъ, обрушиться на наше лѣвое крыло, опрокинуть его, или запереть въ колѣно, образуемое Колочею и Москвою рѣкою. Вице-Королю, бывшему съ своимъ пѣхотнымъ корпусомъ и кавалерійскимъ Груши на лѣвомъ крылѣ, велѣно овладѣть сначала Бородинымъ, для удержанія оттуда наступательныхъ движеній, какія могъ сдѣлать Князь Кутузовъ своимъ центромъ, или правымъ крыломъ. При дальнѣйшихъ успѣхахъ Даву, Нея, Жюно и трехъ находившихся съ ними кавалерійскихъ корпусовъ, Вице-Король долженъ былъ перейдти Колочу, атаковать нашу курганную батарею и довершить пораженіе Русской арміи прорывомъ центра ея. На артиллерійскаго Генерала Сорбье возложилъ Наполеонъ открыть огонь въ 6 часовъ утра изъ 62-хъ орудій и тѣмъ дать общій сигналъ къ началу сраженія. Послѣ того, со всѣми гаубицами гвардейской артиллеріи, быть въ готовности двинуться туда противъ нашихъ укрѣпленій, куда надобность потребуетъ. Начальнику артиллеріи 3-го корпуса приказано выставить

орудій и 16 гаубицъ противъ курганной батареи, а начальнику артиллеріи 4-го корпуса открыть огонь изъ батареи, устроенной противъ Бородина. Гвардіи прибыть къ 5-ти часамъ къ Шевардинскому редуту и расположиться влѣво за редутомъ, по бригадно: молодой гвардіи въ первой линіи, гвардейской кавалеріи во второй, старой гвардіи въ третьей. Гвардейской артиллеріи стать на лѣвомъ флангѣ гвардіи. Великимъ числомъ войскъ, обращенныхъ на полутораверстное пространство между Бородинымъ и лѣсомъ, надѣялся Наполеонъ сломить стоявшихъ тамъ Русскихъ, и отбросить ихъ отъ Московской дороги, прежде нежели Князь Кутузовъ успѣетъ подкрѣпить свои боевыя линіи. Не смотря на рѣшительность всѣхъ распоряженій, на увѣренность въ побѣдѣ, обнаруживаемую Наполеономъ въ разговорахъ съ разными генералами, онъ не пренебрегъ мѣрами осторожности, и приказалъ соорудить нѣсколько полевыхъ укрѣпленій. Войскамъ далъ онъ необходимый передъ сраженіемъ отдыхъ. Стоявшая на лѣвомъ крылѣ конница отправилась поить лошадей въ Москвѣ рѣкѣ, и узнавъ имя рѣки провозгласила его съ восторгомъ. Мгновенно восторгъ разнесся по непріятельскому стану, и донесли о семъ открытіи Наполеону. Онъ отвѣчалъ: «По имени этой рѣки назо«вемъ завтрашнюю побѣду.»

О числѣ непріятельскихъ войскъ, участвовавшихъ въ Бородинскомъ сраженіи, Французское Правительство

не издало въ свѣтъ оффиціяльныхъ свѣдѣній. У насъ есть только клочки, или отрывки строевыхъ рапортовъ, перехваченныхъ во время бѣгства непріятелей. Показанія иностранныхъ писателей разнорѣчивы. Одинъ полагаетъ Наполеонову армію въ 120,000, другой въ 130,000, третій въ 140,000 человѣкъ. Къ опредѣленію числительной силы Наполеона при Бородинѣ можетъ послужить повелѣніе его, данное при переходѣ черезъ Днѣпръ при Расаснѣ и Хоминѣ. Выступая къ Смоленску, онъ писалъ одному маршалу, что въ главной арміи подъ ружьемъ 200,000 человѣкъ, но Французскіе писатели утверждаютъ, что тогда было только 185,000 человѣкъ. Положимъ, что, по своему обыкновенію, Наполеонъ преувеличилъ число войскъ, а сочинители уменьшили оное, и что при переходѣ черезъ Днѣпръ состояло на лицо 190,000 человѣкъ. Убавя изъ сего числа 15,000 убитыхъ и раненыхъ въ сраженіяхъ, бывшихъ въ окрестностяхъ Смоленска, заболѣвшихъ, оставленныхъ на этапахъ и разбредшихся отъ полковъ, выходитъ, что у Наполеона было подъ Бородинымъ болѣе 170,000 человѣкъ. Князь Кутузовъ полагалъ непріятеля съ небольшимъ въ 160,000, и въ слѣдствіе сего разсчета дѣлалъ свои распоряженія. Русскихъ было: 113,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 15,000 рекрутовъ, и тысячь 15 Ополченія, о числительной силѣ коего вѣрныхъ свѣдѣній нѣтъ.

Наступавшее сраженіе не могло походить на битву обыкновенную, долженствовало носить на себѣ отпечатокъ особенный. Съ одной стороны, народы всей Европы, различные обычаями, нравами, языками, стремились сломить послѣднюю препону для довершенія всемірнаго преобладанія завоевателя, и, можетъ быть, для водруженія знаменъ его за Уралomъ. Съ другой стороны стояли Русскіе, родные по чувству и крови, а за ними были могилы предковъ, Москва, Царскій тронъ, Вѣра отцовъ, права человѣчества. Князь Кутузовъ объѣхалъ войска и говорилъ съ ними просто, но языкомъ доступнымъ до глубины души. Симбирскому пѣхотному полку, напримѣръ, сказалъ онъ: «Вамъ придется защищать «землю родную, послужить вѣрой и правдой до по«слѣдней капли крови. Каждый полкъ будетъ упо«требленъ въ дѣло. Васъ будутъ смѣнять, какъ ча«совыхъ, черезъ каждые два часа. Надѣюсь на васъ. «Богъ намъ поможетъ; отслужите молебенъ.» Единодушное: ура! сопровождало вождя отъ одной колонны къ другой. Передъ вечеромъ понесли по лагерю икону Смоленской Божіей Матери и совершили молебствіе. Начальники и солдаты укрѣпились молитвою, готовясь противостать полчищамъ, алкавшимъ разгромить Россію. Князь Кутузовъ не отдалъ приказа, какими обыкновенно предваряютъ войска о сраженіи. Но плодовитое воображеніе Французовъ составило какое-то пѣлѣпое воззваніе, будто бы

при молебнѣ объявленное Княземъ Кутузовымъ (*). Въ уста его влагаютъ разглагольствованіе о мечѣ Архангела Гавріила, о ковчегѣ Господнемъ, поносныя рѣчи противъ Наполеона. Князь Кутузовъ не имѣлъ надобности воспламенять въ груди своихъ подчиненныхъ негодованія къ непріятелю. Не время было витійствовать. Огненная черта, означавшая шествіе Наполеона, зарево пожаровъ, каждый вечеръ освѣщавшее небосклонъ, явственно свидѣтельствовали о злодѣйствахъ враговъ, краснорѣчивѣе приказовъ говорили намъ о мщеніи за оскорбленное Отечество.

Солдаты точили штыки и отпускали сабли; артиллеристы передвигали орудія, избирая для нихъ выгоднѣйшія мѣста, Генералы и полковые начальники говорили солдатамъ о великомъ значеніи наступавшаго дня. Одинъ изъ нихъ сказалъ: «Вѣдь «придется же умирать подъ Москвою: такъ не все «ли равно лечь здѣсь?» Наступилъ вечеръ; поднялся вѣтеръ и съ воемъ гудѣлъ по бивакамъ. Съ безупречною совѣстью, Русскіе дремали вокругъ дымящихся огней. Сторожевыя цѣпи одна другой протяжно пересылали отголоски. На облачномъ небѣ изрѣдка искрились звѣзды. Все было спокойно въ нашемъ лагерѣ. Но ярче обыкновеннаго блистали огни непріятельскіе, и въ станѣ ихъ раздавались восклицанія, въ привѣтствіе Наполеону, разъѣзжавшему

(*) Vaudoncourt, Mémoires pour servir à la guerre entre la France et la Russie en 1812, 180.

по корпусамъ. Разноплеменная армія, завлеченная въ дальныя страны хитростями честолюбца, имѣла нужду въ возбужденіи. Надобно было льстить и потакать страстямъ. Наполеонъ не щадилъ ни вина, ни громкихъ словъ, ни улещеній. Его озабочивала только мысль: не отступитъ ли Князь Кутузовъ безъ сраженія? Окончивъ обозрѣніе нашей позиціи, 25-го числа, и отдавъ послѣднія приказанія, онъ расположился въ своей палаткѣ, влѣво отъ столбовой дороги, между Бородинымъ и Валуевымъ. Ночью неоднократно посылалъ Наполеонъ узнавать: не отходятъ ли Русскіе назадъ? и каждый разъ изъявлялъ радость, когда доносили ему, что огни Русскихъ горятъ и слышанъ шумъ въ нашемъ лагерѣ. Удостовѣрясь въ достиженіи своихъ желаній, сраженіи, за коимъ устремлялся отъ Нѣмана, и которое наконецъ обрѣталъ на берегахъ Москвы рѣки, онъ продиктовалъ приказъ, для прочтенія на слѣдующее утро въ каждомъ эскадронѣ и въ каждой ротѣ. Безпокоенъ былъ сонъ Наполеона. Часто будилъ онъ дежурнаго Генералъ-Адъютанта, призывалъ его къ себѣ, говорилъ съ нимъ о случайностяхъ войны, спрашивалъ его мнѣнія: надѣется ли онъ на побѣду? и наконецъ сказалъ: «Надобно испить чашу, налитую въ Смоленскѣ!»

—

ГЛАВА X.

БОРОДИНСКОЕ СРАЖЕНІЕ.

—

Прибытіе Князя Кутузова на поле сраженія. — Пріѣздъ Наполеона къ войскамъ. — Атака Бородина. — Нападеніе на лѣвое крыло. — Вторичное нападеніе. — Князь Багратіонъ сосредоточиваетъ всѣ свои силы. — Третье нападеніе. — Дѣйствія на старой Смоленской дорогѣ. — Жестокій бой на лѣвомъ крылѣ. — Атака курганной батареи. — Смерть Кутайсова. — Четвертое нападеніе на Князя Багратіона. — Рана его. — Кавалерійскія атаки. — Русская конница атакуетъ лѣвое непріятельское крыло. — Слѣдствіе атаки. — Новое размѣщеніе войскъ. — Дѣйствія противъ нашего центра. — Кавалерійскія атаки. — Дѣйствія на оконечности лѣваго крыла. — Окончаніе битвы.

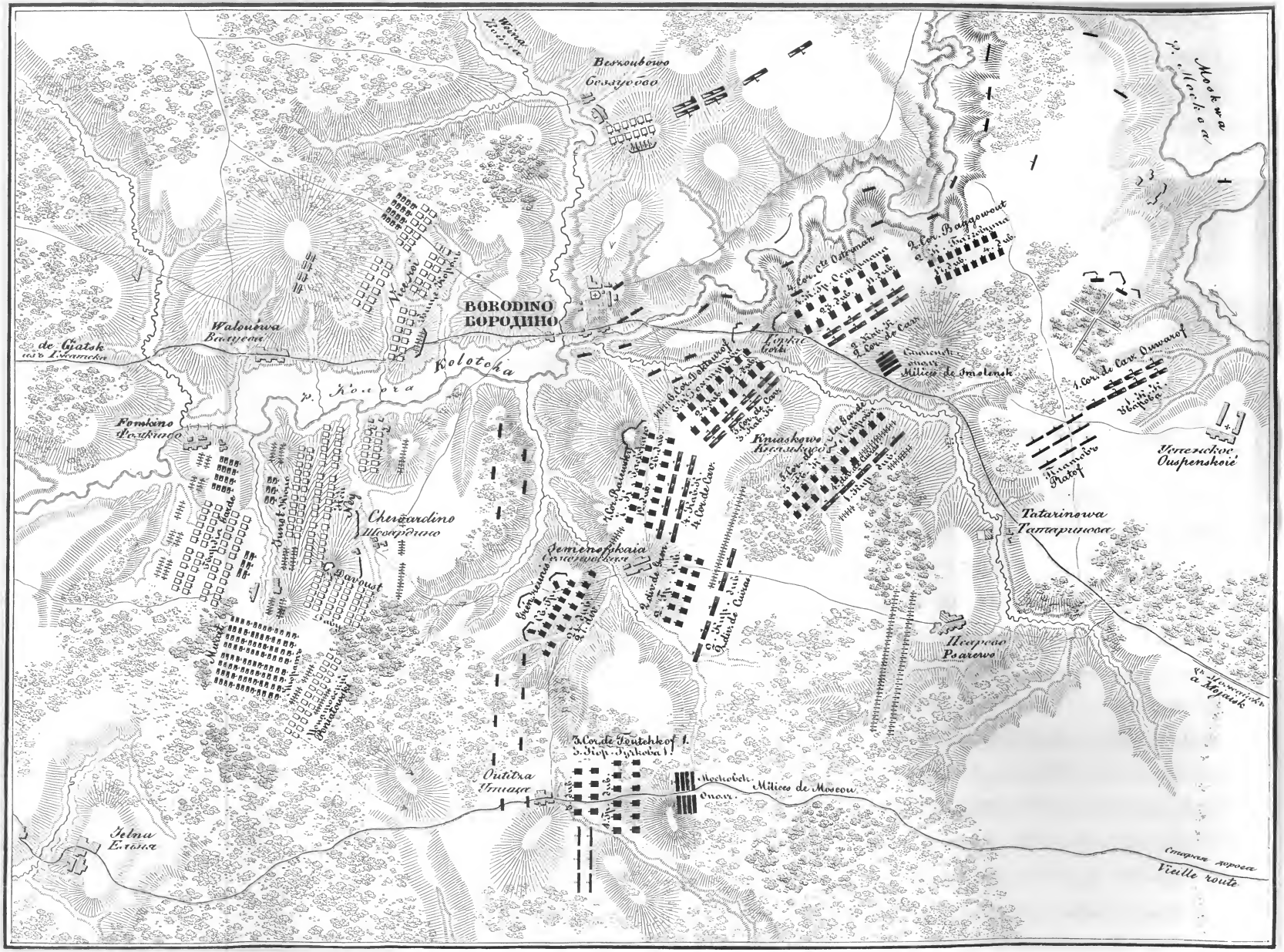
—

Глубокая тишина лежала на Бородинскомъ полѣ, въ ночь съ 25-го на 26-е Августа. Передъ разсвѣтомъ, 26-го, первый выстрѣлъ былъ пущенъ изъ Русскаго тяжелаго орудія, съ батареи впереди Семеновскаго, когда во мракѣ показалось, что непріятель приближается. Но враги еще не двигались и послѣ перваго выстрѣла все смолкло. Услыша гулъ

пушки, Князь Кутузовъ, уже давно бодрствовавшій, не предупредивъ своей главной квартиры, только что пробуждавшейся отъ сна, поѣхалъ одинъ на батарею, за деревнею Горками. Остановясь на возвышеніи, онъ обозрѣвалъ, при свѣтѣ догаравшихъ бивачныхъ огней, бранное поле и армію, становившуюся въ ружье. Вскорѣ собрались вокругъ него адъютанты, офицеры его штаба и нѣсколько генераловъ, начальствовавшихъ войсками, стоявшими вблизи. Такъ же рано, какъ Князь Кутузовъ, когда еще свѣтъ не боролся со тьмою, вышелъ изъ своей палатки Наполеонъ и поѣхалъ къ Шевардину. Войско строилось въ боевой порядокъ. Пробили сборъ; ротные и эскадронные командиры, собравъ вокругъ себя солдатъ, читали имъ слѣдующій приказъ, наканунѣ сочиненный самимъ Наполеономъ: «Настало «желанное вами сраженіе! Побѣда зависитъ отъ «васъ; она намъ нужна и доставитъ изобиліе, спо«койныя квартиры и скорое возвращеніе въ отече«ство! Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при «Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ, Смоленскѣ, и «самое позднее потомство съ гордостью будетъ го«ворить о подвигахъ вашихъ; да скажутъ о васъ: «и онъ былъ въ великой битвѣ подъ стѣнами Мо«сквы!» Заря занялась, туманъ разсѣялся, блеснулъ первый лучъ солнца. «Вотъ солнце Аустерлица!» сказалъ Наполеонъ. — «Пріемлемъ предвѣщаніе!» воскликнули клевреты его. Заколебались густыя

N.39.

План сражения при БОРОДИНѢ. (въ началѣ).



непріятельскія колонны. У Семеновскаго загремѣла канонада и въ Бородинѣ закипѣла ружейная пальба. Наше лѣвое крыло и центръ были атакованы единовременно (*).

Въ Бородинѣ стоялъ гвардейскій егерскій полкъ, съ 24-го Августа, для способствованія въ то время переправы арріергарда черезъ Колочу. Ему велѣно было удерживать Бородино, какъ можно долѣе. Въ селѣ находились 2 батальона; 3-й содержалъ передовую цѣпь (**) и былъ вдругъ атакованъ со всѣхъ сторонъ дивизіею Дельзона, изъ корпуса Вице-Короля. Пользуясь туманомъ, дивизія скрытно подошла къ Бородину. Завидя, съ батареи у Горокъ, превосходство силъ непріятельскихъ, Барклай де-Толли велѣлъ егерямъ отступить. Только что его адъютантъ проскакалъ небольшое пространство между Горками и Бородинымъ, и подъѣхалъ къ полку, градъ пуль посыпался на егерей. 3-й батальонъ ударилъ въ штыки, но былъ обращенъ къ первымъ двумъ, стоявшимъ въ боевомъ порядкѣ, и построился за ними. Непріятель, остановленный на нѣсколько мгновеній, продолжалъ наступать. Егеря очистили Бородино, отошли за мостъ и начали ломать его, но тѣснимые цѣлою дивизіею, не успѣли его истребить вовсе. Французскіе стрѣлки появились на правомъ

(*) *Планъ сраженія при Бородинѣ, № 39.*

(**) Рапортъ Полковаго Командира Бистрома Генералъ-Лейтенанту Лаврову, отъ 31-го Августа, № 656.

берегу Колочи и покушались атаковать 12-ти пушечную батарею, защищавшую мостъ. Нападеніе было отбито, но батарею велѣно отвезти назадъ. Для удержанія непріятеля, начинавшаго въ силахъ переходить черезъ Колочу, посланы Полковникъ Карпенковъ съ 1-мъ и Полковникъ Вуичъ съ 19-мъ егерскими полками. Карпенковъ построилъ батальоны въ колонны, за бугромъ, скрытно, на пистолетный выстрѣлъ отъ непріятеля, и когда гвардейскіе егеря отходили назадъ, быстро выдвинулъ полкъ на гребень бугра и далъ мѣткій залпъ. Дымъ выстрѣловъ клубился еще передъ лицомъ ошеломленныхъ нечаяннымъ залпомъ Французовъ, когда наши ударили въ штыки. Непріятель бросился къ мосту, но не могъ перейдти черезъ него всею колонною, потому что гвардейскіе егеря, при отступленіи своемъ сняли болѣе десятка мостовинъ. Оставшихся на нашемъ берегу Французовъ приперли къ рѣкѣ и истребили до послѣдняго. Потомъ Карпенковъ послалъ стрѣлковъ за Колочу, но получилъ приказаніе возвратить ихъ и истребить мостъ до тла; онъ исполнилъ повелѣніе подъ сильнымъ огнемъ.

Нападеніе на Бородино было только ложное, предпринятое Наполеономъ съ цѣлью скрыть его настоящее намѣреніе обрушиться на лѣвое крыло Русской арміи. Здѣсь атака поручена была Даву, Нею и Жюно, подкрѣпляемымъ тремя кавалерійскими корпусами, подъ главнымъ начальствомъ Мюрата. Впереди

шли три дивизіи Даву: одна, Компана, слѣдовала по опушкѣ лѣса; другая Дезе, проходила черезъ самый лѣсъ и кустарники; 3-я, Фріана, была въ резервѣ. Мѣстоположеніе препятствовало быстрому наступленію. Непріятелю надлежало пробираться черезъ лѣсъ, гдѣ не было дорогъ. Миновавъ лѣсъ, Французы начали строиться въ колонны къ атакѣ. Построеніе совершалось подъ нашими картечными выстрѣлами, и головы колоннъ, показывавшіяся передъ нашими укрѣпленіями, были останавливаемы выстрѣлами артилеріи и егерей, разсыпанныхъ въ лѣсу. Нѣсколько главныхъ начальниковъ непріятельскихъ нашлись принужденными удалиться съ поля сраженія. При началѣ дѣла, ударило Компана осколкомъ гранаты. Онъ сдалъ команду Дезе, который вскорѣ былъ опасно раненъ. Его мѣсто заступилъ присланный отъ Наполеона Генералъ-Адъютантъ Раппъ, но и его не пощадилъ Русскій свинецъ. Въ тоже время, самъ корпусный командиръ, Даву, упалъ съ лошади, пробитой ядромъ, и получилъ сильную контузію. Онъ скоро оправился, но не могъ замѣнить своихъ раненыхъ дивизіонныхъ генераловъ. Отъ убыли начальниковъ произошло въ его корпусѣ колебаніе, и атаки его были не совсѣмъ успѣшны (*).

(*) «Il y eut de l'indécision dans le premier corps de Davoust. Son «attaque ne produisit pas tout l'effet qu'on en devoit atten«dre,» говоритъ одинъ изъ адъютантовъ Наполеона, Гурго, въ сочиненіи: Examen critique de l'Hist. de Ségur, 218, 220.

Такъ уничтожено первое покушеніе Наполеона въ главномъ пунктѣ предположеннаго имъ нападенія. Въ 7 часовъ, онъ велѣлъ возобновить атаку съ гораздо большею силою. Ней вступилъ на лѣвый флангъ Даву; корпусъ Жюно, отданный въ распоряженіе Нея, сталъ во вторую линію; Мюратъ двинулъ три кавалерійскіе корпуса; Нансути долженъ былъ подкрѣплять Даву, Монбренъ Нея, Латуръ-Мобуръ слѣдовать въ резервѣ. Видя невозможность дивизіямъ Графа Воронцова и Невѣровскаго устоять противъ столь великихъ силъ, какія развертывались въ его глазахъ, Князь Багратіонъ послалъ за 3-ю дивизіею, Коновницына, находившеюся съ Тучковымъ на старой Смоленской дорогѣ, взялъ нѣсколько батальоновъ изъ 2-й линіи Раевскаго, бывшаго правѣе отъ него, подвинулъ изъ резерва 2-ю гренадерскую дивизію, Принца Мекленбургскаго, и поставилъ ее влѣво отъ Семеновскаго, придвинулъ 2-ю кирасирскую дивизію, Дуки, къ лѣвому флангу Принца. Словомъ, Князь Багратіонъ стянулъ къ угрожаемому мѣсту всѣ войска, бывшія у него подъ рукою, и послалъ просить Князя Кутузова о немедленномъ подкрѣпленіи. Кутузовъ отправилъ къ нему Генералъ-Маіора Бороздина, съ тремя полками 1-й кирасирской дивизіи, Его и Ея Величества и Астраханскимъ, Полковника Храповицкаго, съ полками лейбъ-гвардіи Измайловскимъ и Литовскимъ, батарейныя роты Его Высочества и Графа Аракчеева, и Полковника Козена,

съ 8-ю орудіями гвардейской конной артиллеріи. Тогда же Князь Кутузовъ велѣлъ 2-му корпусу, Багговута, идти съ праваго крыла къ центру и на лѣвый флангъ, и до прибытія 2-го корпуса двинулъ изъ резерва нѣсколько батарей къ Семеновскому.

Между тѣмъ Ней, Даву, Жюно и Мюратъ повели атаку, подкрѣпляемую 130-ми орудіями, съ которыхъ, съ самаго начала сраженія, не умолкала пальба, большею частію изъ гаубицъ. Русская артиллерія и пѣхота, выждавъ Французовъ, первая на картечный, вторая на ружейный выстрѣлъ, поразили ихъ убійственнымъ огнемъ, но не остановили ихъ стремленія. Графъ Воронцовъ, занимавшій редуты, долженъ былъ первый выдержать весь натискъ непріятеля. Его сопротивленіе не могло быть продолжительно, судя по великому числу нападавшихъ; онъ сражался до тѣхъ поръ, пока его дивизія не была истреблена (*). Во время борьбы съ Графомъ Воронцовымъ, Французы бросались между батареями, стараясь взять ихъ въ тылъ. Стоявшая во 2-й линіи дивизія Невѣровскаго пошла въ штыки; кирасиры Дуки, нѣсколько полковъ драгуновъ и улановъ вспомоществовали пѣхотѣ, и сраженіе сдѣлалось тутъ общимъ. Даву и Ней нѣсколько разъ посылали къ Наполеону просить

(*) «Ma résistance ne pouvait pas être longue, mais elle «ne cessa, pour ainsi dire, qu'avec l'existence de ma di«vision.» Собственныя слова Графа Воронцова, въ описаніи дѣйствій его подъ Бородинымъ.

подкрѣпленія. Наполеонъ отвѣчалъ, что еще слишкомъ рано вводить въ дѣло свѣжія войска. Онъ велѣлъ усилить огонь съ батарей своего лѣваго крыла, въ центрѣ около Бородина и на всемъ протяженіи боевой линіи. По превосходству позиціи, Русскія батареи отвѣчали успѣшно.

На оконечность нашего лѣваго крыла двинулся Понятовскій, рано поутру, по старой Смоленской дорогѣ, вытѣснилъ нашихъ стрѣлковъ изъ Утицы, занялъ сію деревню и атаковалъ 1-ю гренадерскую дивизію. Нападеніе было отбито. Непріятель возобновилъ атаку и заставилъ Тучкова отступить къ высотамъ за Утицею. Понятовскій послѣдовалъ за нимъ, атаковалъ высоту и овладѣлъ ею. Здѣсь кончились успѣхи непріятеля. Уже заблаговременно, при первомъ нападеніи Понятовскаго, Тучковъ просилъ о подкрѣпленіи, имѣя только одну дивизію, ибо другая, Коновницына, была отправлена на помощь второй арміи, къ Семеновскому. Князь Кутузовъ отрядилъ къ Тучкову 17-ю дивизію, Олсуфьева, изъ корпуса Багговута, только что переведеннаго съ лѣваго крыла въ центръ арміи. Когда 17-я дивизія пришла къ мѣсту своего назначенія, Тучковъ рѣшился прогнать непріятеля съ кургана. Графъ Строгоновъ, съ четырьмя гренадерскими полками, съ одной стороны, Олсуфьевъ, съ Вильманстрандскимъ и Бѣлозерскимъ, съ другой, и самъ Тучковъ, съ Павловскимъ гренадерскимъ, ударили въ штыки. Уступленная

нами высота была отнята у непріятеля, но Тучковъ заплатилъ за успѣхъ жизнью. Прострѣленный насквозь пулею, онъ скончался черезъ три недѣли. Послѣ него принялъ начальство Багговутъ. Понятовскій отступилъ, и нѣсколько часовъ ограничивался канонадою, опасаясь быть завлеченнымъ въ засаду и не имѣя сообщеній съ главною арміею Наполеона.

Происходившее на старой Смоленской дорогѣ составляетъ отдѣльное дѣйствіе Бородинскаго сраженія. Обратимся къ Князю Багратіону, стоявшему въ кровопролитномъ бою. Войска обѣихъ сторонъ и подходившія къ нимъ подкрѣпленія конницы и пѣхоты, бросались на батареи; взаимныя усилія Русскихъ и непріятелей возобновлялись яростно. Сколько ни отбивали непріятелей, но они, смыкаясь, валили впередъ и овладѣли укрѣпленіями. Подоспѣлъ Коновницынъ. Не давъ Французамъ утвердиться, онъ кинулся на нихъ съ своею дивизіею. «Презирая «всю жестокость непріятельскаго огня,» говоритъ онъ въ донесеніи, «полки пошли на штыки, и съ «словомъ: ура! опрокинули Французовъ, привели въ «крайнее замѣшательство ихъ колонны, и заняли «высоту, съ самаго начала сраженія упорно защи«щаемую» (*). Трупы убитыхъ и раненыхъ тысячами покрывали оспориваемыя батареи и окрестности. Изъ нашихъ Генераловъ, были ранены, первый

(*) Донесеніе Коновницына Князю Кутузову, отъ 19-го Сентября, № 56.

Графъ Воронцовъ, потомъ Князь Горчаковъ и Принцъ Мекленбургскій. Командиръ сводной гренадерской бригады, Князь Каптакузинъ, исхитившій изъ рукъ непріятельскихъ нѣсколько орудій, убитъ. Командиръ Астраханскаго гренадерскаго полка, Буксгевденъ, истекая кровью отъ полученныхъ трехъ ранъ, пошелъ впередъ и палъ на батареѣ. Полковникъ Монахтинъ, исполненный высокихъ дарованій, указывая колоннѣ на батарею, сказалъ: «Ребята! представьте себѣ «что это Россія, и отстаивайте ее грудью богатыр«скою!» Картечь повергла его полумертвымъ на землю. Генералъ-Маіоръ Тучковъ 4-й, соединявшій съ прекрасною наружностью душу пламенную, умъ, обогащенный всѣми плодами просвѣщенія, съ знаменемъ въ рукѣ, повелъ свой Ревельскій полкъ на непріятеля, но едва ступилъ онъ нѣсколько шаговъ, пуля поразила его въ грудь. Не знаю, найдется ли примѣръ случившагося съ Тучковыми. Три родные брата, достигнувъ до генеральскихъ чиновъ, пройдя безвредно многія войны, почти въ одно время кончили свое поприще: одинъ, израненный, полоненъ близъ Смоленска; двое пали подъ Бородинымъ. Мать ихъ лишилась зрѣнія отъ слезъ, а юная прекрасная супруга одного изъ падшихъ братьевъ соорудила на Бородинскомъ полѣ обитель и удалилась въ нее отъ свѣта.

При началѣ боя на нашемъ лѣвомъ крылѣ, Вице-Король стоялъ въ наблюдательномъ положеніи близъ

Бородина, но когда Даву, Ней и Жюно, завязали бой на нашихъ укрѣпленіяхъ, получилъ отъ Наполеона повелѣніе прорвать нашъ центръ. Онъ поручилъ защиту Бородина дивизіи Дельзона, послалъ кавалерійскую дивизію Орнано на правый берегъ Войны, для наблюденія за правымъ крыломъ Русской арміи, а съ остальными тремя дивизіями своего корпуса и кавалеріею Груши сталъ переходить черезъ Колочу, направляясь противъ курганной батареи, защищаемой Раевскимъ. Ее прикрывали четыре пѣхотные полка 26-й дивизіи, Паскевича; впереди два полка 12-й дивизіи, находившейся, по болѣзни Колюбякина, подъ начальствомъ Васильчикова, занимали кустарникъ; три егерскіе полка стояли въ резервѣ. Раевскій расположилъ войска такимъ образомъ, что при появленіи непріятеля къ кургану, могъ взять Французскія колонны съ обоихъ флангов (*). Къ распоряженіямъ Раевскаго, Паскевичъ присовокупилъ приказаніе Начальнику артиллеріи своей дивизіи, Шульману, не свозить орудій съ батареи, а только, при сближеніи непріятеля, отослать назадъ лошадей и зарядные ящики (**). На лѣвомъ флангѣ Раевскаго стоялъ 3-й кавалерійскій корпусъ, подъ командою Барона Крейца.

Когда войска Вице-Короля стали подходить

(*) Донесеніе Раевскаго Дохтурову, изъ Луковки, отъ 11-го Сентября, № 280.

(**) Со словъ Генералъ-Фельдмаршала Князя Варшавскаго.

къ батареѣ, съ ними завязалась перестрѣлка въ кустарникахъ. Оттѣснивъ нашихъ стрѣлковъ, Французы двинулись на батарею; 18 орудій ея и стоявшія по сторонамъ артиллерійскія роты поражали ихъ сильнымъ огнемъ. Непріятель не колебался. Выстрѣлы по немъ ежеминутно становились чаще, заряды истощались, наконецъ дымъ закрылъ непріятелей: нельзя было видѣть ни успѣховъ, ни разстройства ихъ, и «вдругъ головы Французскихъ колоннъ, безъ выстрѣла, перелѣзли чрезъ брустверъ (*).» Непріятель не могъ употребить захваченныхъ имъ 18-ти орудій, ибо при нихъ не было зарядовъ, но по обѣимъ сторонамъ взятой ими батареи Французы стали подвозить орудія, для пораженія отступавшихъ войскъ Раевскаго. Еще нѣсколько минутъ промедленія, и непріятель успѣлъ бы утвердиться въ срединѣ нашей боевой черты. Заднія колонны его спѣшили, удвоивали шагъ, но не могли придти въ настоящую пору. Ермоловъ и Графъ Кутайсовъ, незадолго передъ тѣмъ посланные Княземъ Кутузовымъ съ разными порученіями на лѣвый флангъ, поравнялись съ батареею, когда она только что перешла во власть Французовъ. «Высота,» говоритъ Ермоловъ, «повелѣвающая всѣмъ «пространствомъ, гдѣ устроены были обѣ арміи, и «18 орудій, доставшихся непріятелю, были слишкомъ важнымъ обстоятельствомъ, чтобы не испытать возвращенія сдѣланной потери. Я предпринялъ

(*) Донесеніе Раевскаго Дохтурову, отъ 11-го Сентября, № 280.

«это. Нужна была дерзость и мое счастье, и я «успѣлъ. Взявъ только батальонъ Уфимскаго пѣ«хотнаго полка (*), я остановилъ бѣгущихъ, и тол«пою, въ образѣ колонны, повелъ ихъ на курганъ и «ударилъ въ штыки (**).» Въ то самое время Паскевичъ пошелъ на штыки въ лѣвый флангъ непріятеля, находившагося за редутомъ, а Васильчиковъ въ правый. «Во мгновеніе ока,» пишетъ Раевскій, «опрокинули они непріятельскія колонны и гнали «ихъ до кустарниковъ, столь сильно, что едвали кто «изъ Французовъ спасся (***).» Пока Паскевичъ и Васильчиковъ атаковали и кололи непріятеля по сторонамъ батареи, Ермоловъ устилалъ вершину кургана вражескими трупами. «Французы,» замѣчаетъ Раевскій, «были сами причиною своей неудачи, не «устроя резерва для подкрѣпленія колонны, шедшей «на приступъ» (****). На батареѣ полонили исколотаго штыками Генерала Бонами. Желая спастись отъ смерти, онъ назвался Неаполитанскимъ Королемъ, и въ первую минуту повѣрили ему. Прискакавшій со взятой батареи Адъютантъ доложилъ Князю Кутузову о взятіи Мюрата въ плѣнъ. Всѣ вокругъ Главнокомандующаго закричали: «Ура!» Умѣряя общую

(*) Маіора Демидова.

(**) Донесеніе Ермолова Барклаю де-Толли, отъ 20-го Сентября, № 152.

(***) Донесеніе Раевскаго Дохтурову, отъ 11-го Сентября, № 280.

(****) Изъ Записокъ Раевскаго.

радость, онъ сказалъ: «Подождемъ подтвержденія.» Вскорѣ привели плѣннаго и обнаружилась истина.

Возвращеніемъ батареи, краткое время бывшей во власти Французовъ, возстановили дѣло въ центрѣ, но уронъ, понесенный нами въ людяхъ, былъ весьма великъ. Вице-Король осыпалъ выстрѣлами батарею и окрестность. Невознаградимою потерею была смерть Графа Кутайсова. Во время общей атаки нашихъ на курганъ, онъ отдѣлился вправо, пожалъ руку Паскевичу, повелъ пѣхоту въ штыки и болѣе не возвращался. Вскорѣ прибѣжала его лошадь; по окровавленному на ней сѣдлу заключили о смерти Кутайсова. Ему было только 28 лѣтъ, но Отечество уже веселилось его быстрыми шагами на поприщѣ славы. Общимъ голосомъ признаваемы были въ немъ способности необыкновенныя. Его смерть имѣла важныя послѣдствія на весь ходъ сраженія, лишивъ 1-ю армію начальника артиллеріи, въ такой битвѣ, гдѣ преимущественно дѣйствовали орудія. Отъ неизвѣстности сдѣланныхъ Кутайсовымъ распоряженій, многія роты, разстрѣлявъ заряды, не знали откуда ихъ пополнить, и противъ батарейныхъ Французскихъ орудій дѣйствовали у насъ, въ иныхъ мѣстахъ, легкія. Когда въ послѣдствіи заходила рѣчь о Бородинскомъ сраженіи, Князь Кутузовъ обыкновенно говаривалъ, что если не одержанъ полный успѣхъ, на какой, по своимъ соображеніямъ, могъ онъ надѣяться, тому причиною была смерть Кутайсова.

Отъ великой убыли въ людяхъ, два раза перемѣняли орудія на отбитой батареѣ. Для прислуги брали солдатъ изъ пѣхотныхъ полковъ. Еще полтора часа продолжалъ непріятель покушенія на батарею. На ней распоряжался Ермоловъ; Раевскій командовалъ прикрывавшими ее войсками, «и,» по словамъ его, «держался до тѣхъ поръ противъ «повторенныхъ атакъ, пока убитыми и ранеными «не приведенъ былъ въ совершенное ничтожество» (*). Тогда отвели назадъ разстроенный корпусъ Раевскаго. Мѣсто его заступила 24-я дивизія, Лихачева (**). Ермоловъ сдалъ ему батарею, отправился на лѣвый флангъ и былъ раненъ (***). Во все продолженіе повторенныхъ нападеній на батарею, Крейцъ, съ 3-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, нѣсколько разъ ходилъ въ атаку на пѣхоту и конницу, то успѣшно, то неудачно. Онъ получилъ три раны, но оставался во фронтѣ, пока въ рубкѣ не былъ сброшенъ съ лошади. На семъ мѣстѣ войска наши были усилены 4-ю пѣхотною дивизіею Принца Евгенія Виртембергскаго, корпуса Багговута, передвинутаго съ праваго крыла къ лѣвому. При переходѣ туда, 4-я дивизія поравнялась съ курганною батареею въ то время, когда непріятели овладѣли высотою, и была назначена отбить батарею. Сего

(*) Донесеніе Раевскаго Дохтурову, отъ 11-го Сентября, № 280.

(**) Донесеніе Барклая де-Толли Князю Кутузову.

(***) Донесеніе Ермолова Барклаю де-Толли.

подвига ей не удалось совершить, ибо наши вырвали уже высоту изъ рукъ непріятельскихъ. Дивизію подвинули влѣво; она отбила нѣсколько кавалерійскихъ атакъ и черезъ два часа раздѣлилась; съ одною частью Принцъ Евгеній пошелъ на лѣвый флангъ, а другая осталась въ центрѣ.

Немного прежде атаки Вице-Короля на Раевскаго, Наполеонъ поставилъ болѣе 400 орудій. Подъ ихъ защитою густыя колонны пѣхоты и конницы возобновили напоръ на Князя Багратіона. Болѣе 300 соединенныхъ съ нашей стороны орудій и сближенный резервъ приготовились принять непріятеля, дали ему подойдти и открыли жесточайшій огонь; но Французы смѣло стремились впередъ, отвагою своею вынуждая похвалы у самого Князя Багратіона. Когда одинъ Французскій полкъ, осыпаемый картечами, продолжалъ идти безъ выстрѣла, неся ружья подъ курокъ, Князь Багратіонъ воскликнулъ: «Браво!» Видя невозможность остановить непріятеля ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ, онъ приказалъ выступить къ нимъ на встрѣчу. Всѣ наши колонны лѣваго крыла двинулись въ штыки. Завязался кровопролитнѣйшій ручной бой: истощились всѣ усилія храбрости; нельзя было различить Французовъ отъ своихъ. Конный, пѣхотинецъ, артиллеристъ, въ пылу сраженія всѣ перемѣшались; бились штыками, прикладами, тесаками, банниками; попирая ногами падшихъ, громоздились на тѣлахъ убитыхъ и раненыхъ.

Непріятельскіе всадники, увлеченные запальчивостью, были захвачены даже въ нашихъ гвардейскихъ полкахъ. Только резервы оставались съ обѣихъ сторонъ въ отдаленіи, неподвижны. Черепокъ чиненаго ядра ударилъ Князя Багратіона въ правую ногу и пробилъ переднюю часть берцовой кости. Боготворимый войсками, онъ хотѣлъ утаить отъ нихъ боль и превозмочь ее, но теченіе крови измѣнило ему. Зрѣніе его помрачилось; онъ едва не упалъ съ лошади. Удаляясь съ поля славы, Князь Багратіонъ безпрестанно обращалъ взоръ на мѣсто сраженія. Коновницынъ, оставшись послѣ него старшимъ, послалъ къ Раевскому, пригласить его въ Семеновское для принятія команды. Раевскій отвѣчалъ невозможностью отлучиться, пока не отразитъ направленной на него атаки Вице-Короля, и просилъ Коновницына дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами, обѣщая пріѣхать къ нему скоро (*). Между тѣмъ, Князь Багратіонъ, не успѣвъ еще выѣхать изъ-подъ непріятельскихъ выстрѣловъ, заботился о распоряженіяхъ, посылалъ къ Коновницыну узнавать о происходившемъ и останавливался въ ожиданіи отвѣта.

Слѣдствіемъ ужаснаго боя на лѣвомъ крылѣ было уступленіе непріятелю укрѣпленій, защищенныхъ Русскими нѣсколько часовъ съ геройскимъ мужествомъ. Успѣху Французовъ способствовали превосходство ихъ въ числѣ и рана Князя Багратіона,

(*) Изъ Записокъ Раевскаго.

лучшаго изъ нашихъ боевыхъ Генераловъ. Его львиная храбрость, величавое спокойствіе, быстрыя соображенія, получали полное развитіе въ пылу сѣчи, составлявшей стихію Багратіона. Съ удаленіемъ главнаго начальника прекратилась общая, необходимая связь въ дѣйствіяхъ, не направляемыхъ болѣе одною мыслью, одною волею. Коновницынъ отвелъ войско за Семеновскій оврагъ и занялъ ближнія высоты. На нихъ, въ одинъ мигъ взвезли батареи, и на самое короткое время удержали наступленіе Французовъ. Прибылъ Герцогъ Александръ Виртембергскій, до тѣхъ поръ находившійся подлѣ Князя Кутузова, и посланный имъ на лѣвый флангъ при первомъ извѣстіи о ранѣ Князя Багратіона. Вскорѣ потомъ поручено начальство надъ 2–ю арміею безстрашному защитнику Смоленска, Дохтурову.

Овладѣвъ укрѣпленіями впереди Семеновскаго, Наполеонъ распространилъ свои успѣхи далѣе. Онъ приказалъ Мюрату, съ кавалерійскими корпусами Нансути и Латуръ – Мобура, атаковать наше лѣвое крыло, обойдти его, отрѣзать отъ войскъ, стоявшихъ на старой Смоленской дорогѣ, и такимъ образомъ утвердить за собою побѣду. Громимая Русскими батареями, непріятельская конница стройно подвигалась впередъ. Успѣхъ ея казался Наполеону несомнѣннымъ. Любуясь порядкомъ, съ какимъ кавалерійскіе корпуса шли на проломъ, сперва шагомъ, потомъ рысью, наконецъ понеслись во весь опоръ,

захлопалъ онъ въ ладоши, восклицая: «Ils y vont! Ils y vont!» Французы шли прямо на полки лейбъ-гвардіи Измайловскій и Литовскій, примыкавшіе къ лѣвому флангу дивизіи Коновницына. Полки построились въ кареи, и допустивъ Французскихъ кирасировъ на ближайшій выстрѣлъ, открыли баталный огонь. Латы, не придавая мужества Французамъ, были слабою защитою. Враги показали тылъ. Конные гренадеры покусились исправить неудачу кирасировъ, но, принятые одинаковымъ образомъ, имѣли равную участь: ихъ опрокинули. Нѣсколько конныхъ гренадеровъ, осмѣлившись доскакать до кареевъ, за дерзость свою наказаны штыками. Третья атака была такъ же безуспѣшна, какъ и первыя двѣ. Еслибы въ Русскихъ рядахъ хотя на самое короткое время водворился безпорядокъ, или наши оробѣли, сраженіе было бы проиграно. Громады непріятельской конницы только и ждали поры броситься опрометью и обрушиться на насъ всею своею тяжестью. Въ промежутки атакъ, ядра и картечи сыпались на гвардейскіе полки, почитавшіе нападенія кавалеріи настоящимъ отдохновеніемъ, ибо, хотя на время, избавлялись отъ выстрѣловъ артилеріи. Полковникъ Кутузовъ, командовавшій Измайловскимъ полкомъ, за ранами старшихъ, Храповицкаго, Козлянинова и Мусина-Пушкина, доносилъ: «Истребляя ряды наши, непріятельскій огонь не «производилъ въ нихъ никакого безпорядка. Ряды

«смыкались и были повѣряемы съ такимъ хладно-«кровіемъ, какъ бы находились внѣ выстрѣловъ (*).» Командиръ Литовскаго полка, Удомъ, выстрѣливъ батальнымъ огнемъ, закричалъ: ура! пошелъ на штыки и гналъ непріятеля до ближней высоты. «По ожесточенію солдатъ,» говоритъ Удомъ, «въ плѣнъ никого не взяли (**).» Такіе подвиги не могли совершаться безъ большихъ потерь. Въ Литовскомъ полку, изъ 1,733–хъ человѣкъ, убито, ранено и безъ вѣсти пропало 953.

Во время атакъ, Дохтуровъ и Коновницынъ были въ гвардейскихъ кареяхъ. Первый изъ нихъ говоритъ въ донесеніи Князю Кутузову: «Измайловскій «и Литовскій полки оказали достойную Русскихъ «храбрость. Необыкновеннымъ своимъ мужествомъ, «они удерживали стремленіе непріятелей и поража-«ли ихъ повсюду штыками.» Вотъ слова Коновницына: «Не могу съ довольною похвалою отозваться «Вашей Свѣтлости о примѣрной неустрашимости, «оказанной въ сей день полками лейбъ–гвардіи Ли-«товскимъ и Измайловскимъ. Прибывши на лѣвый «флангъ, непоколебимо выдерживали они наисиль-«нѣйшій огонь непріятельской артиллеріи; осыпае-«мые картечами ряды ихъ, не смотря на потерю,

(*) Донесеніе Полковника Кутузова Генералъ–Лейтенанту Лаврову, отъ 11-го Сентября.

(**) Донесеніе Полковника Удома Генералу Коновницыну, Августа 31-го, № 462.

«пребыли въ наилучшемъ устройствѣ, и всѣ чины, «отъ перваго до послѣдняго, одинъ передъ другимъ, «являли рвеніе свое умереть, прежде нежели усту- «пить непріятелю. Три большія кавалерійскія атаки «непріятельскихъ кирасировъ и конныхъ гренаде- «ровъ на оба полка сіи отражены были съ невѣро- «ятнымъ успѣхомъ; не смотря на то, что кареи бы- «ли совсѣмъ окружены, непріятель съ крайнимъ «урономъ прогнанъ огнемъ и штыками. Однимъ «словомъ, полки Измайловскій и Литовскій, по- «крыли себя въ виду всей арміи неоспоримою «славою. Ставлю себѣ за счастіе, что мнѣ пре- «доставлено свидѣтельствовать о подвигахъ ихъ «передъ Вашею Свѣтлостію.»

Французскіе кирасиры и конные гренадеры все еще носились вокругъ кареевъ гвардіи, 3-й дивизіи и остатковъ отъ дивизій Принца Мекленбургскаго, Графа Воронцова и Невѣровскаго. Нѣсколько эскадроновъ доскакивали даже до бывшихъ въ резервѣ полковъ Преображенскаго и Семеновскаго. Едва приближались непріятели, командовавшій сими полками Баронъ Розенъ, съ барабаннымъ боемъ, велъ ихъ впередъ, встрѣчая кавалерію штыками (*), и она, не отваживаясь идти противъ штыковъ, возвращалась. Пораженіе непріятеля было довершено кирасирскими полками Его и Ея Величества, Екатеринославскимъ, Орденскимъ и Астраханскимъ. Они ходили

(*) Донесеніе Лаврова Дохтурову, отъ 3-го Сентября, № 1,116.

неоднократно въ атаку, врѣзывались въ пѣхоту, при чемъ полкъ Его Величества отбилъ 2 орудія (*). Дѣйствовали и другіе полки кавалерійскихъ дивизій: Дуки, Графа Сиверса, Дорохова. Въ сумотохѣ каждый полковой командиръ распоряжался какъ умѣлъ, какъ внушало ему усердіе. Но сила войскъ нашихъ, при всемъ ихъ мужествѣ, начинала истощаться. Наше ослабленіе не скрылось отъ Наполеона. Въ подкрѣпленіе кавалерійскихъ атакъ Мюрата послалъ онъ молодую гвардію. Назначенная рѣшить участь сраженія, гвардія тронулась, но едва прошла небольшое разстояніе, Наполеонъ неожиданно замѣтилъ на своемъ лѣвомъ флангѣ появленіе Русской конницы, отступленіе колоннъ Вице-Короля, бѣготню и тревогу въ обозахъ и въ тылу арміи. Остановивъ молодую гвардію, Наполеонъ самъ отправился къ Вице-Королю, желая узнать о причинѣ замѣчаемаго у него смятенія. Оно произошло слѣдующимъ образомъ:

Незадолго до начатія атаки, въ которой раненъ Князь Багратіонъ, и нападенія на батарею Раевскаго, Князь Кутузовъ безпрестанно получалъ донесенія о покушеніи непріятелей противъ нашего лѣваго крыла. Онъ былъ подлѣ батареи на Горкахъ, немного лѣвѣе столбовой дороги. Желая лично удостовѣриться въ справедливости донесеній, Князь Кутузовъ взъѣхалъ на пригорокъ, осыпаемый обломками

(*) Рапортъ Генералъ-Маіора Бороздина Барклаю де-Толли, отъ 7-го Сентября, № 8.

гранатъ, летавшими во всѣ направленія. На волоскѣ была жизнь того, на комъ лежала надежда Россіи. Тщетно уговаривали его спуститься съ пригорка, и когда никакія убѣжденія не дѣйствовали на Кутузова, адъютанты взяли его лошадь за узду и вывели его изъ-подъ выстрѣловъ. Слѣдствіемъ сего личнаго обозрѣнія были два отданныя Кутузовымъ приказанія: 1), Милорадовичу, съ стоявшимъ на правомъ крылѣ 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, Графа Остермана, и 2-мъ кавалерійскимъ, Корфа, сблизиться къ центру; 2), Платову, съ казаками, и Уварову, съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, переправиться въ бродъ черезъ Колочу, выше Бородина, и атаковать лѣвое крыло непріятеля. Симъ движеніемъ Князь Кутузовъ надѣялся развлечь вниманіе Наполеона и оттянуть часть силъ его отъ нашего лѣваго крыла.

Мѣстоположеніе для дѣйствій 1-го кавалерійскаго корпуса, Уварова, было невыгодно. Надлежало переходить черезъ оврагъ и рѣчку, и потомъ подыматься на другой берегъ. Деревня, на лѣвой сторонѣ, и лѣсъ, на правой, были заняты непріятельскою пѣхотою. Переправясь черезъ Колочу, Уваровъ возложилъ первую атаку на Графа Орлова-Денисова, съ полками Лейбъ-гусарскимъ, Лейбъ-казачьимъ и Елисаветградскимъ гусарскимъ. Графъ Орловъ-Денисовъ долженъ былъ спуститься въ ровъ и выстроить полки на противолежащемъ высокомъ берегу, подъ огнемъ непріятельской артиллеріи. Онъ одолѣлъ

всѣ препятствія, и пустился въ атаку на стоявшую вблизи Французскую пѣхоту. Отстрѣливаясь, пѣхота поспѣшно отошла назадъ. Находившаяся при ней батарея едва успѣла отступить. Елисаветградскій гусарскій полкъ отбилъ два орудія, но не могъ увезть ихъ. Уваровъ предпринялъ вторичную атаку. Она не удалась, потому, что непріятель успѣлъ усилить пѣхоту, построившуюся въ кареи. Въ одномъ изъ нихъ принужденъ былъ искать спасенія самъ Вице-Король, прискакавшій изъ центра, гдѣ онъ велѣлъ прекратить нападенія, и откуда послалъ часть войскъ на лѣвый берегъ Колочи. Князь Кутузовъ, смотря на дѣйствія Уварова съ Горской батареи, приказалъ ему отступить, замѣтивъ, что цѣль, для которой послана кавалерія, была достигнута, то есть, что войска непріятельскія стали подаваться на лѣвое крыло ихъ. Не взирая на повелѣніе, Уваровъ не отходилъ еще нѣсколько времени, и разными движеніями давалъ видъ, будто намѣренъ возобновить атаку. Онъ отошелъ обратно на позицію, когда получилъ вторичное приказаніе. Платовъ находился правѣе Уварова. Казаки перешли въ бродъ черезъ Войну, разсыпались въ тылу непріятельскомъ, и произвели такую тревогу, что бывшіе тамъ обозы, въ величайшемъ безпорядкѣ, обратились въ бѣгство (*). По отступленіи Уварова, отошелъ назадъ и Платовъ.

(*) «Dans les broussailles voisines de la grande route, on «apperçoit une foule de charretiers, de domestiques et

Дѣйствія Платова и Уварова имѣли чрезвычайно важное вліяніе на участь сраженія и вполнѣ оправдали ожиданія Князя Кутузова. Лѣвый флангъ нашъ былъ оттѣсненъ, укрѣпленія впереди Семеновскаго взяты, Наполеонъ уже отдалъ повелѣніе молодой гвардіи двинуться для подкрѣпленія кавалерійскихъ корпусовъ, возобновлявшихъ съ бѣшенствомъ одну атаку за другою, и приказалъ Вице-Королю атаковать курганную батарею. Вдругъ измѣнился видъ дѣлъ. Наполеонъ велѣлъ гвардіи остановиться и Вице-Королю не идти въ атаку на батарею Раевскаго. Этого мало. Вице-Король и самъ Наполеонъ, завидя кавалерію Платова и Уварова, и произведенную ими тревогу на лѣвомъ крылѣ и въ тылу, понеслись къ берегамъ Войны, желая удостовѣриться въ силахъ, какія Князь Кутузовъ отрядилъ для обхода ихъ и нападенія. Тѣмъ, кто находился въ Бородинскомъ сраженіи, конечно, памятна та минута, когда по всей линіи непріятеля уменьшилось упорство атакъ, огонь видимо сталъ слабѣе, и намъ, какъ тогда кто-то справедливо замѣтилъ, «можно было свободнѣе вздохнуть.» Здѣсь одна изъ главныхъ причинъ, лишившихъ Наполеона возможности воспользоваться побѣдою, уже склонявшеюся на его сторону. Столь счастливый

«de chariots, qui se précipitent dans le plus grand «désordre. Tout annonce que le vice-roi est vivement «attaqué dans sa position de Borodino.» Fain, Manuscrit de 1812, 11, 27.

оборотъ былъ непосредственнымъ слѣдствіемъ превосходнаго маневра Князя Кутузова — маневра, до сихъ поръ неоцѣненнаго достойнымъ образомъ.

Былъ третій часъ по полудни, когда Наполеонъ возвратился съ береговъ Войны къ Шевардину, гдѣ стоялъ онъ отъ ранняго утра. Онъ приказалъ ограничиться пальбою изъ орудій противъ нашего лѣваго крыла, и обратился противъ центра, въ намѣреніи овладѣть курганною батареею. Но центръ нашъ былъ уже обезпеченъ прибытіемъ корпусовъ Графа Остермана и Корфа, переведенныхъ туда съ праваго фланга. Графъ Остерманъ сталъ въ первой линіи, между курганомъ и Семеновскимъ, гдѣ сначала сраженія находился корпусъ Раевскаго. Позади расположились полки Преображенскій и Семеновскій; за ними 2-й и 3-й кавалерійскіе корпуса; въ послѣдней линіи Кавалергардскій и Лейбъ-Гвардіи Конный полки. Дохтуровъ, съ остатками второй арміи, и войсками, въ теченіе утра отправленными къ ней на подкрѣпленіе, примыкалъ правымъ флангомъ къ Графу Остерману, лѣвымъ стоя косвенно по направленію къ старой Смоленской дорогѣ. Дивизіи, составлявшія собственно корпусъ Дохтурова: 24-я, Лихачева, занимала курганную батарею, 7-я, Капцевича, стояла правѣе отъ нея.

Въ такомъ положеніи были Русскія войска, обставленныя артиллеріею, когда началось второе дѣйствіе сраженія. Съ правой стороны и по протяженію

всей нашей линіи, били Французскія орудія, дѣйствовавшія противъ центра и курганной батареи, съ лѣвой артиллерія, размѣщенная Наполеономъ на позиціи, отнятой у Князя Багратіона. «Этого неудоб-«ства,» говоритъ Барклай де-Толли въ донесеніи Князю Кутузову, «нельзя было избѣжать, отъ того, «что надлежало сдѣлать преграду непріятельскимъ ус-«пѣхамъ и удерживать остальныя, занимаемыя нами «мѣста. Въ противномъ случаѣ, должны бъ мы были «оставить курганную батарею. Въ семъ положеніи,» присовокупляетъ Барклай де-Толли, «наши храбрыя «войска выдержали страшный огонь съ удивитель-«нымъ мужествомъ» (*). Самое пылкое воображеніе не въ состояніи представить сокрушительнаго дѣйствія происходившей здѣсь канонады. Гранаты лопались въ воздухѣ и на землѣ, ядра гудѣли, сыпались со всѣхъ сторонъ, бороздили землю рикошетами, ломали въ щепы и дребезги все встрѣчаемое ими въ своемъ полетѣ. Выстрѣлы были такъ часты, что не оставалось промежутка между ударами; они продолжались безпрерывно, подобно неумолкающему раскату грома. Нѣкоторыя артиллерійскія роты наши, прибывшія изъ резерва, простоявъ короткое время на одномъ мѣстѣ, теряли прислугу и ящики; приходилось вывозить орудія изъ дѣла на двухъ лошадяхъ. Съ небольшимъ въ часъ убито въ конной ротѣ

(*) Донесеніе Барклая де-Толли Князю Кутузову, отъ 26-го Сентября.

Никитина 90 человѣкъ и 113 лошадей. Недоставало людей для поднятія орудій на передки. Изъ пѣхоты брали солдатъ для прислуги ; ратниковъ ополченія сажали верхомъ на артиллерійскихъ лошадяхъ. Чугунъ дробилъ, но не колебалъ груди Русскихъ, лично оживляемыхъ присутствіемъ Барклая де-Толли, Милорадовича и Графа Остермана. Наперерывъ другъ передъ другомъ становились они на мѣстахъ, гдѣ преимущественно пировала смерть. Завидя Барклая де-Толли тамъ, гдѣ ложилось множество ядеръ, Милорадовичъ сказалъ: «Барклай хочетъ меня удивить!» поѣхалъ еще далѣе, подъ перекрестные выстрѣлы Французскихъ батарей, и велѣлъ подать себѣ завтракъ. Графъ Остерманъ, сильно оконтуженный, долженъ былъ удалиться съ поля сраженія; оба дивизіонные начальника его корпуса, два брата Бахметевы, ранены; одному изъ нихъ оторвало ногу.

Въ намѣреніи воспользоваться губительнымъ дѣйствіемъ артиллеріи, Наполеонъ повелъ кавалеріійскія атаки. Кирасиры и уланы понеслись на корпусъ Графа Остермана. «Наша пѣхота,» говоритъ Барклаій де-Толли, «встрѣтила ихъ съ удивительною твер«достію, подпустила на 60 шаговъ и открыла такоій «дѣятельный огонь, что непріятель былъ опрокинутъ «и искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Особенно отличились «34-й егерскій и Перновскій полки» (*). Послѣдній

(*) Донесеніе Барклая де-Толли Князю Кутузову, отъ 26-го Сентября.

самъ пошелъ на непріятельскую кавалерію, опрокинулъ ее и побѣжалъ за нею; гренадеры первой шеренги бросали въ догонку Французовъ ружья со штыками. Это было въ 4 часа по полудни. Полки 2-го кавалерійскаго корпуса, Сумскій и Маріупольскій гусарскіе, за ними Иркутскій и Сибирскій драгунскіе, преслѣдовали и гнали непріятеля до самыхъ его резервовъ, и только принятые пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, обращены назадъ. Непріятельская конница преслѣдовала нашу, прорвалась сквозь интервалы пѣхотныхъ кареевъ и зашла въ тылъ 7-й и 11-й пѣхотныхъ дивизій; но «эта безподобная пѣхота,» какъ Барклай де-Толли называетъ ее въ своемъ донесеніи, «нимало не разстроиваясь, встрѣтила «Французовъ батальнымъ огнемъ.» Между тѣмъ конные полки 2-го корпуса вновь собрались, пошли въ атаку, опрокинули непріятеля, и принудили его отступить за пѣхоту. Французы скрылись на время изъ вида. Табуны лошадей безъ всадниковъ, разметавъ гривы, ржали, бѣгали посреди мертвыхъ и раненыхъ; по полю разбросаны были подбитыя орудія, остовы ящиковъ.

Вскорѣ замѣчены у Французовъ новыя приготовленія къ атакѣ. Конница ихъ опять показалась впереди пѣхоты, въ колоннахъ. Тутъ необходимы были послѣднія съ нашей стороны усилія. Барклай де-Толли послалъ за полками Кавалергардскимъ и Конно-Гвардейскимъ; они, изъ всей Русской кавалеріи,

одни не были еще введены въ дѣло. Услышавъ привезенное къ командовавшему сими полками Генералъ-Маіору Шевичу приказаніе идти впередъ, отборные латники огласили воздухъ радостными восклицаніями. Пока они подвигались, непріятельская конница, предводимая Коленкуромъ, заступившимъ мѣсто Монбрена, убитаго при атакѣ редутовъ нашего лѣваго крыла, врубилась въ пѣхоту 24-й дивизіи, прикрывавшую курганную батарею, а пѣхотныя колонны Вице-Короля подошли подъ самый курганъ. Бывшія на немъ орудія, послѣ окончательнаго залпа, умолкли. Непріятельская пѣхота взбиралась на валъ со всѣхъ сторонъ; ее опрокидывали штыками въ ровъ, наполнившійся трупами убитыхъ; свѣжія колонны заступали мѣста и съ новою яростію лѣзли умирать; наши встрѣчали ихъ съ равнымъ ожесточеніемъ и сами падали вмѣстѣ съ врагами. Наконецъ, бывшая въ головѣ Французовъ, Саксонская конница, Тильмана, ворвалась въ редутъ съ тыла. За Саксонцами мчался весь корпусъ Коленкура. Груды тѣлъ лежали внутри и внѣ окопа; почти всѣ храбрые его защитники пали. Однимъ изъ послѣднихъ выстрѣловъ, пущенныхъ съ нашей батареи, убитъ Коленкуръ. Начальникъ 24-й дивизіи, Лихачевъ, не смотря на полученныя имъ раны, искалъ смерти въ рядахъ непріятеля. Замѣтя въ немъ генерала, Французы уважили его мужество и предпочли полонить его. Лихачева тотчасъ представили Наполеону и онъ возвратилъ ему шпагу.

Покореніе курганной батареи было послѣднимъ усиліемъ истощенныхъ силъ непріятельскихъ. Ихъ конница двинулась еще на пѣхоту 4–го корпуса и 7–й дивизіи. Барклай де–Толли успѣлъ присоединить къ Кавалергардскому и Конно – Гвардейскому полкамъ остатки 2–го и 3–го кавалерійскихъ корпусовъ, чрезвычайно претерпѣвшихъ отъ дѣйствія артиллеріи и безчисленныхъ атакъ (напримѣръ, въ Сибирскомъ драгунскомъ полку оставалось только 120–ть человѣкъ и 3 офицера; старшимъ былъ поручикъ). Участь сраженія зависѣла отъ отпора въ семъ пунктѣ. Барклай де–Толли лично велъ войска. Онъ ѣхалъ впереди ихъ, въ полномъ генеральскомъ мундирѣ и шляпѣ съ чернымъ перомъ. На встрѣчу къ ему шла непріятельская конница и скоро начался бой. Одна атака слѣдовала за другою, и поле битвы осталось наконецъ за нами. Къ 5–ти часамъ непріятель, нѣсколько разъ опрокинутый и съ новою яростію возобновлявшій нападенія, отступилъ. Милорадовичъ расположилъ батареи на картечный выстрѣлъ противъ курганной батареи, на случай, еслибы непріятель вознамѣрился идти еще впередъ, но онъ не двигался.

Узнавъ объ успѣхѣ, одержанномъ въ центрѣ, то есть, о взятіи батареи Раевскаго, Понятовскій возобновилъ нападенія. Начальствовавшій противъ него Багговутъ, послѣ довольно жаркаго дѣла, отступилъ къ вершинѣ ручья Семеновскаго. Къ отступленію

побудили его двѣ причины: 1), Извѣстіе, что лѣвое крыло наше, съ коимъ ему надлежало находиться въ связи, отведено за Семеновскій оврагъ; 2), Появленіе въ кустарникахъ, на правомъ его флангѣ, Вестфальскихъ войскъ корпуса Жюно, угрожавшихъ отрѣзать его отъ арміи. Что касается до лѣваго фланга арміи, гдѣ предводительствовалъ Дохтуровъ, всѣ усилія Французовъ, дѣйствія ихъ артиллеріи и многочисленныя атаки кавалеріи не могли сбить его съ занятой имъ позиціи. Съ нашей стороны не было ни маневровъ, ни движеній: отстрѣливались, отбивали атаки, между тѣмъ какъ Дохтуровъ, сидя на барабанѣ посреди войскъ, подавалъ имъ примѣръ хладнокровія необыкновеннаго. Часовъ въ шесть по всему полю только ревѣла канонада до наступленія мрака. Изнуреніе обѣихъ воевавшихъ арміи положило естественный предѣлъ дѣйствіямъ ихъ. Послѣднею вспышкою сраженія можетъ почесться дѣло, загорѣвшееся въ Семеновскомъ. Около девяти часовъ вечера непріятель овладѣлъ симъ селеніемъ, но былъ вытѣсненъ штыками лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка. Глубокая темнота лѣтняго вечера спустилась на гробовую равнину, безмолвную, какъ огнедышущая гора безъ изверженій.

—

Глава XI.

Слѣдствія Бородинскаго сраженія.

—

Упорство Бородинскаго сраженія. — Князь Кутузовъ. — Князь Багратіонъ. — Барклай де-Толли. — Потеря и трофеи обоюдныхъ армій. — Наполеонъ въ Бородинѣ. — Расположеніе войскъ послѣ сраженія. — Причины отступленія отъ Бородина. — Распоряженія къ отступленію. — Состояніе непріятельской арміи. — Донесеніе Князя Кутузова о Бородинскомъ сраженіи.

—

«Съ нынѣшнимъ днемъ и Эйлауское сраженіе «сравниться не можетъ,» сказалъ Князю Кутузову Беннигсенъ, во время Бородинской битвы. Сущность ея совершенно опредѣляютъ слова Князя Кутузова въ донесеніи Государю: «Батареи переходили изъ «рукъ въ руки, и кончилось тѣмъ, что непріятель «съ превосходными силами не выигралъ ни на шагъ «земли.» Слишкомъ 170,000 человѣкъ, 20 лѣтъ искусившихся въ войнѣ, жившихъ только войною, подъ предводительствомъ полководца, не знавшаго

пораженій, бились со 113,000 Русскихъ, не хотѣвшихъ пережить порабощенія отчизны. Въ продолженіе 15-ти часовъ все устремлено было къ взаимному сокрушенію армій, заключавшихъ въ себѣ цвѣтъ народонаселенія отъ устьевъ Таго и подошвы Везувія до отдаленныхъ краевъ Сибири, или, по выраженію Державина:

Тутъ Сѣверъ съ Западомъ сражался
И ударялся громъ о громъ.

Мѣдь и чугунъ оказывались недостаточными къ смертельному истребленію. Раскаленныя пушки не выдерживали дѣйствія пороха, разрывались и лопались. Пальба огнестрѣльныхъ орудій, звукъ барабановъ, восклицанія побѣдителей, стенанія раненыхъ, ржаніе лошадей, вопли умирающихъ, произносимые на всѣхъ Европейскихъ языкахъ крики командованія, угрозъ, отчаянія, лютое ожесточеніе сражавшихся, превратили поле Бородинское въ обитель ада. Не помогли Наполеону великое превосходство въ числѣ войскъ, бѣшенство нападеній, неумолкавшій огонь семи сотъ орудій, противъ насъ гремѣвшихъ. Конечно, нигдѣ не показывали Русскіе болѣе равнодушія въ опасностяхъ, болѣе терпѣнія, твердости, презрѣнія смерти, какъ при Бородинѣ. Они горѣли личною ненавистью къ врагамъ, сражались съ полнымъ убѣжденіемъ, что дѣло идетъ о всей отечественной славѣ минувшихъ вѣковъ, о всей настоящей народной чести, о будущей судьбѣ

и предпазначеніи Россіи. Успѣхъ, долгое время сомнительный, и всегда болѣе льстившій непріятелю, не ослабилъ духа войскъ и воззвалъ къ напряженіямъ, едва ли не превосходившимъ силы человѣческія. Въ Бородинѣ все было испытано, до чего можетъ возвыситься воинъ. Преданность къ Государю, любовь къ Отечеству никогда не имѣли достойнѣйшихъ жертвъ. Повиновеніе безпредѣльное, строгость въ соблюденіи порядка, гордое чувство быть защитникомъ святой Руси никогда не являли болѣе славныхъ примѣровъ. Европа очами сыновъ своихъ убѣдилась въ Бородинѣ, что Русскіе могутъ скорѣе пасть съ оружіемъ въ рукахъ, нежели остаться побѣжденными.

Хладнокровіе ни на минуту не измѣняло Князю Кутузову. Его великая заслуга подъ Бородинымъ состояла въ рѣшимости принять сраженіе и искуствѣ, съ какимъ онъ противодѣйствовалъ усиліямъ непріятеля. Куда Наполеонъ ни замышлялъ обрушиться, гдѣ ни думалъ сломить Русскихъ, вездѣ, во время, въ урочную пору, подоспѣвали подкрѣпленія нашимъ войскамъ. Не довольствуясь однимъ отпоромъ нападеній, Князь Кутузовъ атаковалъ лѣвый флангъ Наполеона, и сіе наступательное движеніе имѣло на все дѣло благотворнѣйшее вліяніе. Ни ужасныя потери арміи, ни остервененіе непріятеля, ни исполинская слава Наполеона, исполнявшая умъ и воображеніе каждаго, ничто не колебало Кутузова. Молча

слѣдилъ онъ ходъ битвы, сохраняя совершенное спокойствіе духа, внимательно выслушивая привозимыя къ нему донесенія, не торопливо отдавая повелѣнія. Не оставляла его надежда удержать, опрокинуть Наполеона, и онъ хотѣлъ даже атаковать его въ слѣдующій день, о чемъ писалъ Дохтурову и Графу Ростопчину. Приказаніе Дохтурову, диктованное мнѣ Княземъ Кутузовымъ, часу въ 5-мъ послѣ полудня, при взрывѣ лопавшихся вокругъ него гранатъ, было слѣдующаго содержанія: «Я изъ всѣхъ движеній не-«пріятеля вижу, что онъ не менѣе насъ ослабѣлъ «въ сіе сраженіе, и потому, завязавши уже дѣло съ «нимъ, рѣшился я сегодня всѣ войска устроить въ «порядокъ, снабдивъ артиллерію новыми зарядами, «завтра возобновить сраженіе съ непріятелемъ.» Еще прежде отправленія повелѣній Дохтурову, Князь Кутузовъ послалъ къ нему Раевскаго, для предупрежденія его о намѣреніи своемъ атаковать на другой день непріятеля. Слѣдующее письмо къ Графу Ростопчину писано часа два позже, когда атаки непріятельскія совсѣмъ прекратились и гудѣвшая канонада утихла: «Сегодня было весьма жаркое и «кровопролитное сраженіе. Съ помощію Божіею, Рус-«ское войско не уступило въ немъ ни шагу, хотя «непріятель въ весьма превосходныхъ силахъ дѣй-«ствовалъ противу него. Завтра надѣюсь, возлагая «мое упованіе на Бога и Московскую Святыню, съ «новыми силами съ нимъ сразиться. Отъ васъ

«зависитъ доставить мнѣ изъ войскъ, подъ на-«чальствомъ вашимъ состоящихъ, столько, сколь-«ко можно будетъ» (*). Тогда же Князь Кутузовъ подозвалъ къ себѣ одного изъ стоявшихъ возлѣ него офицеровъ, Граббе (**), и сказалъ ему: «Поѣзжай отъ лѣваго фланга до праваго, «поздравь всѣхъ съ отраженіемъ непріятеля и «предвари, что завтра атакуемъ.» Войско было восхищено вѣстію предположеннаго нападенія; отъ радости бросались въ объятія вѣстника и снимали его съ лошади.

Оба Главнокомандующіе, Князь Багратіонъ и Барклай де-Толли явили себя достойными помощниками Князя Кутузова. По преклонности лѣтъ и великимъ лежавшимъ на немъ обязанностямъ, Кутузовъ не могъ и не долженъ былъ находиться вездѣ, гдѣ кипѣла сѣча. Доколѣ роковой ударъ не сразилъ Князя Багратіона, Французы не могли пріобрѣсть надъ нимъ перевѣса. Мюратъ, Даву, Ней и Жюно не были въ состояніи оттѣснить его. Впослѣдніе удаляясь съ поля сраженія, Князь Багратіонъ видѣлъ, что наши редуты не были взяты, что знамена Александра еще развѣвались на твердыняхъ, гдѣ наканунѣ были они водружены. Когда привезли его на перевязочное мѣсто, и Лейбъ-Медикъ Вилліе началъ

(*) Мѣсто сраженія при селѣ Бородинѣ, 26-го Августа 1812-го года, № 76.

(**) Нынѣ Генералъ-Лейтенантъ.

перевязывать рану, онъ встрѣтилъ раненаго Барклаева Адъютанта (*), возвращавшагося въ дѣло, подозвалъ его къ себѣ, и слабѣющимъ голосомъ поручилъ ему увѣрить Барклая де-Толли въ своемъ искреннемъ уваженіи. Не одинъ Князь Багратіонъ, но и вся армія примирились съ Барклаемъ де-Толли въ Бородинѣ. Врядъ ли осталось въ центрѣ опасное мѣсто, гдѣ онъ не распоряжался бы, полкъ, не ободренный словами и примѣромъ его. Подъ нимъ убито и ранено пять лошадей; изъ адъютантовъ и ординарцовъ его весьма не многіе уцѣлѣли. Велико было прежде негодованіе противъ Барклая де-Толли, но въ Бородинѣ общее мнѣніе рѣшительно склонилось на его сторону. Уже нѣсколько недѣль не привѣтствовали его войска обычнымъ восклицаніемъ, но въ Бородинѣ отъ каждаго полка гремѣло ему: ура! Однако же хвала, воздаваемая его безстрашію, не могла искоренить изъ души его горести упрековъ, какими прежде его осыпали. Глубоко чувствовалъ онъ оскорбленіе и искалъ смерти, желая пожертвованіемъ жизни искупить примиреніе съ укорявшею его Россіею. Въ письмѣ къ Императору, за день до Бородинскаго сраженія, онъ говорилъ: «Государь! Съ тѣмъ большею откровенностію пи«шу сіи строки, что мы теперь наканунѣ кровопро«литнаго и рѣшительнаго сраженія, въ которомъ, «можетъ быть, удастся мнѣ найдти совершеніе

(*) Барона Аѳсенштерна, нынѣ Генералъ-Маіора.

«моихъ желаній» (*). Послѣ сраженія Барклай де-Толли не таилъ своей скорби, зачѣмъ непріятельскій свинецъ не сразилъ его! Онъ писалъ Императору: «Что касается лично до меня, то съ твердо«стью покоряюсь моему жребію. 26-го Августа не «сбылось мое пламеннѣйшее желаніе: Провидѣніе «пощадило жизнь, для меня тягостную» (**).

Наша потеря убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими, считая всѣхъ, выбывшихъ изъ строя 24-го и 26-го Августа, составляла болѣе 55,000 человѣкъ. По вѣдомости, представленной Дежурнымъ Генераломъ 1-й арміи, Кикинымъ, убыль ея въ оба дня была слѣдующая:

	Генераловъ.	Штабъ Офицеровъ.	Оберъ-Офицеровъ.	Унтеръ-Офицеровъ.	Солдатъ.	Нестроевыхъ.	Итого.
Убито	3	28	185	440	8,536	60	9,252
Ранено	14	198	1025	1293	16,507	189	19,226
Безъ вѣсти пропало	1	3	43	219	9,707	55	10,028
Итого въ 1-й арміи	18	229	1253	1952	34,750	304	38,506

Подобнаго исчисленія о 2-й арміи не находится.

(*) Донесеніе изъ Татариново, отъ 24-го Августа.

(**) Донесеніе изъ Красной Пахры, отъ 11-го Сентября.

Ея Главнокомандующій, Начальникъ Главнаго Штаба Графъ Сенъ-При, офицеры дежурства и множество частныхъ начальниковъ были ранены, слѣдственно не кому было составлять вѣдомостей. Сверхъ того, двѣ недѣли послѣ Бородина были безпрестанные переходы, уступленіе Москвы, и такое тревожное время, что невозможно было заниматься письменными дѣлами, тѣмъ болѣе, что 2-я армія почти всегда находилась въ арріергардѣ и въ виду непріятеля. Тогда было время дѣйствія — не письма. Примѣрно полагать можно потерю 2-й арміи слишкомъ въ 20,000 человѣкъ. Нѣкоторыя ея части были совсѣмъ разстроены; напримѣръ, въ сводныхъ гренадерскихъ батальонахъ Графа Воронцова находилось передъ началомъ сраженія 4,000 человѣкъ, а черезъ нѣсколько часовъ осталось только 300; изъ 18-ти Штабъ-Офицеровъ, 15 выбыло изъ строя, осталось во фронтѣ 3, но и изъ тѣхъ двое ранены (*). Огромная растрата людей въ Бородинѣ, 24-го и 26-го Августа, около 60,000 человѣкъ, не подлежитъ сомнѣнію еще и по слѣдующему вычету. Передъ Бородинскимъ сраженіемъ было у насъ подъ ружьемъ 113,000, а по прибытіи въ Тарутино 52,343 человѣка, (кромѣ 7,690 рекрутовъ, присоединившихся къ арміи во время движенія отъ Бородина къ Тарутину), слѣдственно, разница въ 61,000. Изъ нихъ надобно полагать отъ 3-хъ до 4-хъ

(*) Изъ свѣдѣній, полученныхъ отъ Графа Воронцова.

тысячь убитыми и ранеными въ дѣлахъ, случившихся между Бородинымъ и Тарутинымъ, а также слабыхъ и запоздавшихъ выходомъ изъ Москвы; остальные за тѣмъ 57 или 58,000 содѣлались жертвою страшнаго побоища. Уронъ Французовъ, какъ то доказывается частію рапортами, отбитыми у нихъ во время войны, частію показаніями плѣнныхъ генераловъ, простирался до 50,000 человѣкъ, въ томъ числѣ убитыми и ранеными 43 генерала. Поутру потеря ихъ была гораздо болѣе нашей, потому что они атаковали батареи, обороненныя рвами и палисадами, но послѣ полудня, когда они овладѣли уже укрѣпленіями, огонь ихъ былъ несравненно губительнѣе нашего, ибо Русскія войска долго стояли подъ перекрестными выстрѣлами, какъ неподвижныя стѣны. Трофеи съ обѣихъ сторонъ почти равны. У непріятеля отбито 13 орудій; нами потеряно 15; сверхъ того, у насъ подбито 37 пушекъ, да взорванныхъ и доставшихся непріятелю зарядныхъ ящиковъ 111 (*). Въ плѣнъ взято нами до 1,000 человѣкъ, и столько же непріятелемъ. По ожесточенію обѣихъ воевавшихъ сторонъ, плѣнныхъ много быть не могло; даже безоружныхъ прикалывали, какъ у насъ, такъ и у непріятеля. Въ самомъ пылу сраженія, Милорадовичъ и Раевскій давали червонцы тѣмъ изъ нижнихъ чиновъ, которые не убивали плѣнныхъ и приводили

(*) Изъ свѣдѣній Артиллерійскаго Департамента.

ихъ живыми. По изгнаніи непріятелей изъ Россіи, на Бородинскомъ полѣ сожжено человѣческихъ тѣлъ, 58,521, да конскихъ труповъ, 35,478 (*).

Непріятель сражался, какъ можно было ожидать отъ арміи, образованной въ побѣдоносныхъ станахъ, и отъ битвы, долженствовавшей довершить всѣ прежніе успѣхи, увѣнчать двадцатилѣтнія торжества и упрочить владычество Наполеона, но счастіе измѣнило своему наперстнику: Русскіе остались непобѣжденными. Недоумѣвая, какъ объяснить то, что послѣ невѣроятныхъ усилій своихъ, превосходя насъ болѣе чѣмъ 50,000 человѣкъ, непріятели не нанесли конечнаго пораженія Русской арміи, Французы утверждаютъ, что мужеству войскъ не соотвѣтствовали распоряженія Наполеона, и подъ Бородинымъ нельзя было узнать его. «Съ самаго на«чала сраженія,» говоритъ одинъ Французскій писатель, «Наполеонъ оставался на одномъ мѣстѣ, про«хаживаясь съ Бертье взадъ и впередъ. Вопреки «своему обыкновенію, онъ былъ нерѣшителенъ. Из«вѣстіе о наступленіи Багратіона увеличило его сму«щеніе. Онъ совѣтуется съ Бертье и не отдаетъ при«казаній. Присланный отъ Нея офицеръ повторяетъ «нѣсколько разъ, что нельзя терять ни минуты, что «Ней будетъ сокрушенъ. Наполеонъ приказываетъ «объявить молодой гвардіи повелѣніе идти впередъ.

(*) Донесеніе Можайскаго Уѣзднаго Стряпчаго, отъ 20-го Мая 1836-го года, № 85.

«Адъютантъ ѣдетъ; Наполеонъ ворочаетъ его и снова «совѣтуется съ Бертье; наконецъ посылаетъ къ Нею «дивизію Фріана. Отъ его колебанія потеряно пол-«часа, что имѣло великое вліяніе на сраженіе и «слѣдственно на участь самого Наполеона» (*). Другой писатель говоритъ, что Наполеонъ отвѣчалъ генераламъ, просившимъ подкрѣпленій: «Я вижу луч-«ше васъ; сраженіе еще не началось; оно разгорится «черезъ два часа. День дологъ; надобно умѣть вы-«жидать; дѣла не приняли еще настоящаго развитія. «Почти во весь день Наполеонъ сидѣлъ или тихо «прохаживался подлѣ Шевардинскаго редута, далеко «отъ сраженія, которое едва было видно ему, съ «тѣхъ поръ, какъ войска спустились съ высотъ. Онъ «не безпокоился, когда паши принуждены были от-«ступать, и только движеніемъ руки выражалъ свою «покорность судьбѣ, когда поминутно извѣщали его «о смерти лучшихъ генераловъ. Потомъ вставалъ, «дѣлалъ нѣсколько шаговъ, вновь садился. Всѣ смо-«трѣли на него съ удивленіемъ. Прежде, въ рѣши-«тельныя минуты, видна была въ немъ спокойная «дѣятельность, но подъ Можайскомъ обнаруживались «какое-то тяжелое спокойствіе, вялость, бездѣйствіе. «Одни приписывали упадокъ духа слѣдствію силь-«ныхъ ощущеній, другіе полагали, что онъ сдѣлал-«ся ко всему равнодушенъ, даже къ самымъ сражені-«ямъ. Наконецъ, съ большею справедливостью должно

(*) Chambray, Histoire de l'Expédition de Russie, II, 66.

«отнести его нравственное состояніе къ ослабленному здоровью и тайнымъ страданіямъ» (*).

Иные Французскіе Историки, умалчивая о болѣзненныхъ припадкахъ Наполеона, и даже не вѣря его недугу, говорятъ, что Русскіе были несокрушены потому, что нападенія на насъ производились несвоевременно и подкрѣпленія приходили къ Французамъ не въ надлежащую пору. Но они забываютъ, что сраженіе зависѣло столько же отъ нападающаго, сколько и отъ того, кто защищается. Когда Кутузовъ удостовѣрился въ нападеніи превосходныхъ силъ на Князя Багратіона, онъ подкрѣпилъ его кирасирами, гвардіею, артиллеріею, дивизіею Коновницына. Когда Понятовскій сталъ тѣснить Тучкова, подоспѣлъ Багговутъ. Когда корпусъ Раевскаго былъ разстроенъ, на смѣну его явился Графъ Остерманъ. Неумѣстно оспоривать великія воинскія дарованія Наполеона, но справедливость требуетъ указать и на мудрыя распоряженія Князя Кутузова, поддержанныя несокрушимою храбростію Русскаго войска. Со стороны Наполеона не было никакихъ маневровъ. Дѣйствія его походили на приступъ крѣпости, защищенной желѣзною грудью и стойкостью Русскихъ, Упорный, ожесточенный бой и снова нападеніе, снова бой и снова отраженіе. Изъ всѣхъ обвиненій, взводимыхъ Французами на Наполеона за Бородинское

(*) Ségur, Histoire de Napoléon et de la grande armée en 1812. II, 382.

сраженіе, открывается только собственное сознаніе непріятелей въ суетности надеждъ ихъ побѣдить въ Бородинѣ, хотя, впрочемъ, Наполеонъ возымѣлъ послѣ предлогъ приписать побѣду себѣ, ибо слѣдствіемъ сраженія было занятіе имъ Москвы. Убѣдительнымъ доказательствомъ, что Наполеонъ не одержалъ побѣды, служатъ два обстоятельства: 1), по окончаніи сраженія Французы отошли назадъ съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ застала ихъ вечерняя темнота, даже съ курганной батареи и изъ села Бородина, слѣдственно, уступили намъ поле сраженія, и 2), до 11-го часа слѣдующаго утра, армія ихъ не трогалась съ мѣста въ ожиданіи, что Князь Кутузовъ атакуетъ ее.

У Наполеона оставалось еще неприкосновенными отъ 20-ти до 25-ти тысячь гвардіи; артиллерія его гвардейскаго корпуса была въ огнѣ; изъ ея 180-ти орудій только 30 находились въ резервѣ. Гвардейская пѣхота и конница Наполеона стояли весь день при Шевардинѣ, сберегаемыя для сраженія, долженствовавшаго, по мнѣнію Наполеона, быть подъ Москвою. Въ вечеру, послѣ окончанія Бородинской битвы, онъ сказалъ Генералъ-Интенданту арміи, Дюмасу: «Будутъ удивляться, за чѣмъ я не употре«билъ резервовъ для пріобрѣтенія значительнѣйшихъ «успѣховъ, но мнѣ надобно сохранять резервы, и «нанесть ими рѣшительный ударъ въ сраженіи, ко«торое непріятель дастъ намъ подъ Москвою. Сегодня

«успѣхъ обезпеченъ, а потому мнѣ должно помы-«шлять объ участи всего похода и для этой цѣли «сберегать резервы» (*). Князь Кутузовъ не ввелъ въ огонь 6-ти полковъ: четырехъ егерскихъ, бывшихъ подъ начальствомъ Полковника Потемкина на крайнемъ правомъ флангѣ, и Преображенскаго и Семеновскаго; они стояли подъ ядрами и лишились 59-ти человѣкъ убитыми и ранеными (**). Орудій было у насъ въ резервѣ гораздо болѣе, нежели у непріятеля. Нѣсколько ротъ артиллеріи нашей не участвовали въ дѣлѣ. Сверхъ того, въ Можайскѣ, въ 11-ти верстахъ отъ сраженія, стояли 84 орудія, готовыя двинуться по первому приказанію. Лошади подъ ними были уже запряжены; офицеры и солдаты, смотря съ Можайскихъ высотъ на дымъ сраженія, и внимая перекатамъ пальбы, рвались отъ нетерпѣнія летѣть на бой.

Послѣ окончанія сраженія, Наполеонъ началъ стягивать назадъ войска (***); Князь Кутузовъ поѣхалъ въ Татариново, и велѣлъ Барклаю де-Толли оставаться на полѣ и распоряжаться приготовленіями къ бою на завтрашній день (****). Войска стали

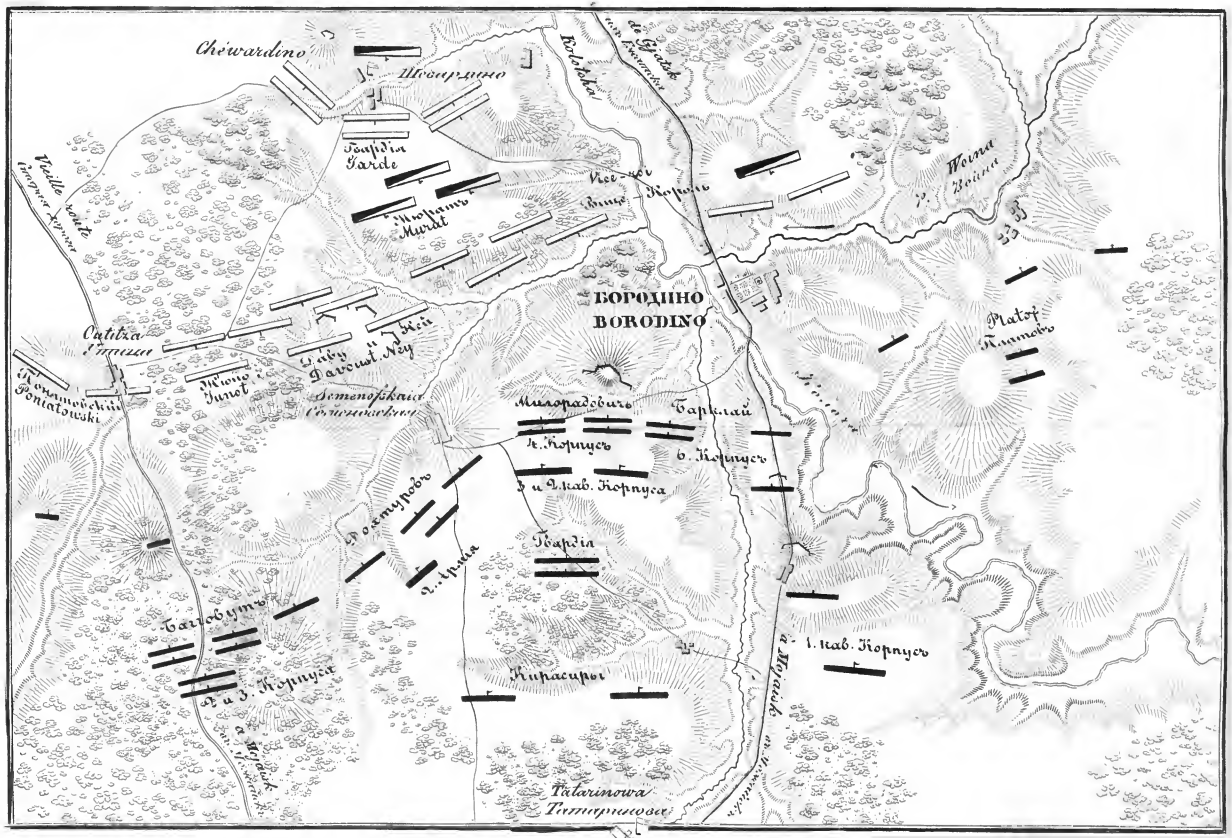
(*) Souvenirs du comte Mathieu Dumas, III, 441.

(**) Въ Преображенскомъ 37, въ Семеновскомъ 22 человѣка.

(***) Донесеніе Барклая де-Толли Князю Кутузову, отъ 26-го Сентября.

(****) Письменное о томъ повелѣніе Князя Кутузова находится у Генерала Графа Закревскаго, состоявшаго тогда при Барклаѣ де-Толли.

Расположеніе войскъ ПОСЛѢ Бородинскаго сраженія



слѣдующимъ образомъ (*): правый флангъ 6-го корпуса, Дохтурова, на столбовой дорогѣ при Горкахъ, гдѣ предполагали ночью построить сомкнутый редутъ. На лѣвомъ крылѣ 6-го корпуса сталъ 4-й, поступившій, по причинѣ контузіи Графа Остермана, подъ начальство Милорадовича. Ему велѣно было занять курганъ, гдѣ днемъ находилась батарея Раевскаго (**). Дохтурову поручено собрать пѣхоту 2-й арміи, между 4-мъ корпусомъ и старою Смоленскою дорогою. На этой дорогѣ былъ Багговутъ съ пѣхотными корпусами 2-мъ и 3-мъ. За пѣхотою расположились кавалерійскіе корпуса; позади ихъ, противъ центра, пѣшая гвардія и кирасиры.

До 11-го часа вечера, Князь Кутузовъ не отмѣнялъ повелѣній къ возобновленію сраженія. Повѣряя непріятельское положеніе, наши патрули открывали Французскіе передовые посты отступающими все далѣе и далѣе. Посланный, поздно вечеромъ, патрульный офицеръ 1-го егерскаго полка донесъ, что онъ не нашелъ непріятеля на батареѣ Раевскаго. Того же полка унтеръ-офицеру, съ 10-ю рядовыми, приказано было перебресть черезъ Колочу, ниже моста, поутру истребленнаго. Черезъ полчаса они возвратились и донесли, что въ Бородинѣ

(*) *Расположеніе войскъ послѣ Бородинскаго сраженія, № 40.*

(**) Донесеніе Барклая де-Толли Князю Кутузову, отъ 26-го Сентября.

нѣтъ непріятеля, а за селеніемъ, не въ дальнемъ разстояніи, замѣтна конная цѣпь Французовъ. При такихъ обстоятельствахъ, когда Наполеонъ отошелъ назадъ, Князь Кутузовъ не находилъ причинъ оставлять поля сраженія, но къ отступленію побудили его донесенія Дохтурова объ убыли людей во 2-й арміи. Въ 11 часовъ доложили о пріѣздѣ Дохтурова. Кутузовъ вышелъ къ нему на встрѣчу и при всѣхъ сказалъ: «Поди ко мнѣ, «мой герой, и обними меня. Чѣмъ можетъ Госу«дарь вознаградить тебя?» Онъ повелъ его въ особенную горницу, и переговоривъ съ нимъ, велѣлъ артиллеріи тотчасъ отступать за Можайскъ, пѣхотѣ и кавалеріи, по краткомъ отдыхѣ, идти туда же. Войска раздѣлены были на 4 колонны; 1-я поручена Дохтурову, 2-я Милорадовичу, 3-я Платову; 4-я состояла исключительно изъ артиллеріи.

Отступленіе было необходимо, и по огромной убыли въ людяхъ, и для сближенія съ подкрѣпленіями, формировавшимися за Москвою, между тѣмъ какъ Наполеонъ, слѣдуя за нами, часъ отъ часу ослабѣвалъ въ силахъ. Истины сіи были очевидны, но вопросъ состоялъ въ томъ: куда отступать, на Москву, или Верею и Боровскъ, для перенесенія театра войны къ Калугѣ, въ томъ предположеніи, что и Наполеонъ свернетъ тогда вправо, остановитъ движеніе на Москву и послѣдуетъ за нашею арміею? «Надобно идти по Московской дорогѣ,»

сказалъ Князь Кутузовъ. «Если непріятель и зай-
«метъ Москву, то онъ въ ней расплывется, какъ
«губка въ водѣ, а я буду свободенъ дѣйствовать,
«какъ захочу.» Намѣреніе Князя Кутузова было:
отвести армію за Можайскъ, и приведя ее тамъ по
возможности въ устройство, ожидать, что укажутъ
обстоятельства. Во всѣ стороны, на утомленныхъ
лошадяхъ, отправились съ приказаніями офицеры
генеральнаго штаба. Мелкій холодный дождь кро-
пилъ землю. Дулъ осенній вѣтеръ. Тускло и рѣдко
горѣли огни на кровавой равнинѣ. Начальники съ
трудомъ собирали вокругъ себя людей, разметан-
ныхъ огненнымъ вихремъ, бушевавшимъ весь день.
Съ запекшеюся на лицахъ и мундирахъ кровью, по-
крытые пылью и порохомъ, солдаты и офицеры
отыскивали свои полки, находили знамена, но не
встрѣчали множества товарищей. Были полки, по-
ступившіе подъ команду поручиковъ. Слабый и не-
внятный говоръ прерывался только стономъ раненыхъ:
одни просили помощи, другіе призывали смерть. Од-
нако же, не смотря на утомленіе войскъ, приказаніе
къ отступленію было принято съ грустью, какъ вѣсть
неожиданная, ибо всѣ были исполнены желаніемъ и
твердою надеждою сразиться на другой день.

Какъ въ Татариновѣ Князь Кутузовъ, такъ въ
своей палаткѣ, близъ Шевардина, Наполеонъ полу-
чалъ донесенія объ ужасныхъ потеряхъ. Не вѣря,
чтобы столь кровопролитный бой не доставилъ

ему болѣе трофеевъ, онъ нѣсколько разъ приказывалъ пересчитывать отбитыя орудія и плѣнныхъ. Послѣднихъ допрашивали о духѣ и силахъ Русскаго войска. По свидѣтельству непріятеля, наши плѣнные были ужасно раздражены и ожесточены; вмѣсто требуемыхъ отъ нихъ отвѣтовъ, они произносили ругательства. Раненые дрожали отъ гнѣва, бросали на Французовъ презрительные взгляды, отказывались отъ перевязки ранъ. Казаки нарушали спокойствіе Наполеона, подъѣзжая къ непріятельской арміи; появленіе ихъ принудило нѣсколько Французскихъ дивизій, изъ предосторожности противъ ночнаго нападенія, становиться въ ружье. При одной изъ такихъ тревогъ, гвардія Наполеона торопливо построила каре вокругъ его шатра. Опасаясь, что истина огласится въ раболѣпной ему Европѣ, Наполеонъ спѣшилъ диктовать извѣстіе о Бородинскомъ сраженіи, и, какъ обыкновенно поступалъ въ своихъ бюллетеняхъ, гдѣ ложь гналась за ложью, представилъ битву въ самомъ искаженномъ видѣ. Но станъ непріятельскій не походилъ на станъ побѣдителей, какими Наполеонъ хотѣлъ изобразить свои войска. Они провели холодную ночь безъ огня, посреди падшихъ соратниковъ, тревожимые Донцами, и терпѣли недостатокъ въ пищѣ, получа за нѣсколько дней до сраженія строгое запрещеніе отлучаться отъ знаменъ для добыванія продовольствія. Пройдя великое пространство

земли и испытавъ множество трудовъ для принужденія Русскихъ къ сраженію, они выдержали бой на смерть, и увидѣли, что ихъ усилія и пролитая ими кровь не были увѣнчаны побѣдою, что война должна еще длиться, а съ нею нужды и лишенія всякаго рода. Непріятель, по собственному своему сознанію, былъ послѣ Бородина «пораженъ оцѣпенѣніемъ» (*).

И Князь Кутузовъ въ ту ночь не смыкалъ глазъ. Сдѣлавъ распоряженія объ отступленіи арміи, отвозѣ раненыхъ, продовольствіи, присылкѣ изъ Москвы снарядовъ, принималъ онъ Барклая де-Толли и особенно долго бесѣдовалъ съ Беннигсеномъ. Потомъ, на разсвѣтѣ, диктовалъ онъ донесеніе Государю. По какому-то странному предубѣжденію полагаютъ, что онъ изобразилъ Императору Бородинское сраженіе рѣшительною побѣдою, и писалъ будто Наполеонъ отступилъ на 15 верстъ. Кутузовъ ни однимъ словомъ не упоминалъ о побѣдѣ и отступленіи Французовъ, а только говорилъ объ упорности битвы, мужествѣ войскъ, великой потерѣ и намѣреніи своемъ отойдти за Можайскъ. Вотъ слово въ слово, что онъ писалъ Императору:

«Послѣ донесенія моего о томъ, что непріятель 24-го числа производилъ атаку важными силами на лѣвый флангъ нашей арміи, 25-е число прошло въ томъ, что

(*) «L'armée étoit frappée de stupeur.» Chambray, Histoire de l'Expédition de Russie, II, 82.

онъ не занимался важными предпріятіями, но вчерашняго числа, пользуясь туманомъ, въ 4 часа, съ разсвѣтомъ, направилъ всѣ свои силы на лѣвый флангъ нашей арміи. Сраженіе было общее и продолжалось до самой ночи; потеря съ обѣихъ сторонъ велика: уронъ непріятельскій, судя по упорнымъ его атакамъ на нашу укрѣпленную позицію, долженъ весьма нашъ превосходить. Войска Вашего Императорскаго Величества сражались съ неимовѣрною храбростію: батареи переходили изъ рукъ въ руки, и кончилось тѣмъ, что непріятель нигдѣ не выигралъ ни на шагъ земли съ превосходными своими силами. Ваше Императорское Величество изволите согласиться, что послѣ кровопролитнѣйшаго и 15-ть часовъ продолжавшагося сраженія, наша и непріятельская арміи не могли не разстроиться, и за потерею, сей день сдѣланною, позиція, прежде занимаемая, естественно стала обширнѣе и войскамъ невмѣстная, а потому, когда дѣло идетъ не о славѣ выигранныхъ только баталій, но вся цѣль устремлена на истребленіе Французской арміи, ночевавъ на мѣстѣ сраженія, я взялъ намѣреніе отступить 10 верстъ, что будетъ за Можайскомъ, и собравъ разстроенныя баталіею войска, освѣжа мою артиллерію и укрѣпивъ себя ополченіемъ Московскимъ, въ тепломъ упованіи на помощь Всевышняго и на оказанную неимовѣрную храбрость нашихъ войскъ, увижу я, что могу предпринять противу непріятеля. Къ сожалѣнію, Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ раненъ пулею въ лѣвую ногу; Генералъ-Лейтенанты Тучковъ, Князь Горчаковъ, Генералъ-Маіоры

Бахметевы, Графъ Воронцовъ, Кретовъ, ранены (*). У непріятеля взяты плѣнные и пушки и одинъ бригадный генералъ. Теперь ночь, и не могу еще разобраться: есть ли съ нашей стороны таковая потеря.»

(*) Къ симъ Генераламъ, и тѣмъ, о коихъ упомянуто въ описаніи сраженія, надобно присовокупить еще 4-хъ раненыхъ Генералъ-Маіоровъ: Графа Ивелича, Росси, Цыбульскаго и Алексополя.

Глава XII.

Происшествія въ Петербургѣ.

—

Радость въ Петербургѣ. — Рескриптъ Князю Кутузову. — Награды. — Повелѣніе объ устройствѣ арміи. — Письмо Графа Либена къ Барону Гарденбергу.

—

Донесеніе Князя Кутузова получили въ Петербургѣ въ день Святаго Александра Невскаго. Государь, обѣ Императрицы, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, Великіе Князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ и Великая Княжна Анна Павловна слушали въ Невскомъ монастырѣ обѣдню. По окончаніи литургіи, Управлявшій Военнымъ Министерствомъ Князь Горчаковъ читалъ привезенное отъ Князя Кутузова донесеніе. Потомъ совершено благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Тезоименитство Государя, 12 лѣтъ славимое благодарною Россіею, никогда не было праздновано съ такимъ восторгомъ, какъ въ тотъ

день. Хотя Князь Кутузовъ вовсе не упоминалъ о побѣдѣ, однако же одно то, что наконецъ дано сраженіе, ожиданіе котораго почти три мѣсяца томило сердца, считали уже счастливымъ событіемъ. Оно служило доказательствомъ возможности нашимъ арміямъ бороться съ Наполеономъ и отражать его нападенія. Печатной реляціи еще не было обнародовано, а изустная молва преувеличивала успѣхъ, какъ преувеличивала послѣдствія отступленія нашихъ армій. Всѣ жители Петербурга предавались усладительной надеждѣ и ликовали; встрѣчавшіеся на улицахъ обнимали другъ друга, полагая, что Отечество спасено. Государь удостоилъ Князя Кутузова слѣдующимъ рескриптомъ:

«*Князь Михаилъ Иларіоновичъ*!

«Знаменитый вашъ подвигъ въ отраженіи главныхъ силъ непріятельскихъ, дерзнувшихъ приблизиться къ древней Нашей Столицѣ, обратилъ на сіи новыя заслуги ваши Мое и всего Отечества вниманіе. Совершите начатое толь благоуспѣшно вами дѣло, пользуясь пріобрѣтеннымъ преимуществомъ и не давая непріятелю оправляться. Рука Господня да будетъ надъ вами и надъ храбрымъ Нашимъ воинствомъ, отъ котораго Россія ожидаетъ славы своей, а вся Европа своего спокойствія. Въ вознагражденіе достоинствъ и трудовъ вашихъ, возлагаемъ Мы на васъ санъ Генералъ-Фельдмаршала, жалуемъ вамъ единовременно сто тысячь рублей, и повелѣваемъ супругѣ вашей Княгинѣ быть Двора Нашего

Статсъ-Дамою. Всѣмъ бывшимъ въ семъ сраженіи нижнимъ чинамъ, жалуемъ по 5-ти рублей на человѣка. Мы ожидаемъ отъ васъ особаго донесенія о сподвизавшихся съ вами главныхъ начальникахъ, а вслѣдъ за онымъ и обо всѣхъ прочихъ чинахъ, дабы по представленію вашему сдѣлать имъ достойную награду.»

Главныя награжденія за Бородинское сраженіе были пожалованы слѣдующія: Князю Багратіону 50,000 рублей единовременно, Барклаю де-Толли орденъ Св. Георгія 2-й степени, Милорадовичу и Дохтурову алмазные знаки ордена Св. Александра Невскаго, тотъ же орденъ безъ брильянтовъ Графу Остерману и Раевскому. Въ Генералъ-Лейтенанты произведены: Бахметевъ, Корфъ, Васильчиковъ, Невѣровскій, Дороховъ, Графъ Строгоновъ и Принцъ Мекленбургскій. Орденъ Св. Георгія 3-й степени получили: Капцевичъ, Лавровъ, Князь Голицынъ, Бороздины 1-й и 2-й, Князь Горчаковъ, Принцъ Евгеній Виртембергскій, Лаптевъ, Костенецкій, Олсуфьевъ, Фокъ, Графъ Сиверсъ, Кретовъ и Левенштернъ. Шпаги съ алмазами: Герцогъ Александръ Виртембергскій, Принцъ Ольденбургскій, Коновницынъ, Князь Шаховской, Графъ Ожаровскій и Панчулидзевъ. Орденъ Св. Анны 1-й степени: Князь Гурьяловъ, Ермоловъ, Цвиленевъ, Паскевичъ, Графъ Воронцовъ, Баронъ Розенъ, Вистицкій, Шевичъ, Дука, Ивашевъ и Ферстеръ. Кромѣ тѣхъ, кто по особымъ представленіямъ получилъ орденъ Св. Георгія 4-го класса,

награждены имъ по удостоенію Кавалерской Думы 35 штабъ и оберъ-офицеровъ (*).

Вмѣстѣ съ рескриптомъ, Государь далъ Князю Кутузову различныя повелѣнія объ устройствѣ арміи, во все Его царствованіе составлявшемъ постоянный, неизмѣнный предметъ Его попеченій: 1), Нѣкоторое число пѣхотныхъ и кавалерійскихъ дивизій изъ первыхъ двухъ армій употребить на укомплектованіе остальныхъ, такъ, чтобы полки сохраняемыхъ дивизій были приведены въ комплектное состояніе офицерами и нижними чинами. Упраздненные полки, за оставленіемъ въ нихъ по 60-ти человѣкъ, съ приличнымъ числомъ оберъ и унтеръ-офицеровъ и барабанщиковъ, отправить во Владиміръ къ Князю Лобанову-Ростовскому, для укомплектованія рекрутами и потомъ возвращенія ихъ въ армію. «Симъ средствомъ,» сказано въ рескриптѣ, «сохраненныя дивизіи будутъ комплектны, а разстроенные полки «будутъ имѣть средство себя преобразовать, равномѣрно и обозы въ арміи убавятся, потому что остануться единственно принадлежащіе къ сохраненнымъ «дивизіямъ. Недостатокъ въ генералахъ и штабъ-«офицерахъ будетъ также меньше ощутителенъ «уменьшеніемъ числа дивизій и полковъ» (**). 2), По причинѣ убыли въ штабъ-офицерахъ, Государь предоставилъ Фельдмаршалу сдѣлать по двумъ

(*) Приказъ Князя Кутузова, 19-го Декабря.

(**) Высочайшій рескриптъ, № 109.

первымъ арміямъ производство до Полковничьяго чина, и «непремѣнно требовалъ,» чтобы онъ производилъ не смотря на старшинство, а только по отличію и храбрости (*). 3), На счетъ конницы было за годъ до войны поставлено правиломъ: всѣмъ кавалерійскимъ полкамъ имѣть лишній годовой ремонтъ строевыхъ лошадей, для чего суммы и фуражъ были отпущены полкамъ. Однако военное Министерство не имѣло надзора за исполненіемъ. Во многихъ полкахъ оказались, или неполное число ремонтовъ, или неспособныя къ службѣ лошади, а резервные эскадроны не имѣли довольно лошадей для укомплектованія находившейся въ арміяхъ кавалеріи, начинавшей слабѣть отъ сильныхъ переходовъ и сраженій. Въ слѣдствіе того Императоръ велѣлъ учредить кавалерійскіе депо и предоставилъ Князю Кутузову взять подъ квитанціи изъ Москвы и губерній Московской, Калужской и ближнихъ уѣздовъ Тверской, способныхъ на службу лошадей, комплектуя ими полки (**).

Съ сими повелѣніями Государь послалъ въ армію Флигель-Адъютанта Чернышева. Онъ повезъ съ собою также начертанныя Императоромъ, еще прежде Бородинской битвы, предположенія о дѣйствіяхъ всѣхъ армій вообще и сосредоточеніи большихъ силъ на Березинѣ, въ тылу Наполеона. На семъ планѣ, какъ увидимъ въ послѣдствіи, основаны

(*) Высочайшій рескриптъ, № 108.

(**) Высочайшій рескриптъ, 24-го Августа.

были главныя направленія армій. Цѣль его состояла въ недопущеніи Наполеона вырваться изъ Россіи. Возымѣвъ уже тогда исполинскую мысль уничтожить Наполеона, или свергнуть его съ престола, Государь приглашалъ къ содѣйствію Пруссію и Австрію, и приказалъ, бывшему передъ войною посланникомъ въ Берлинѣ, Графу Ливену снестись о семъ предметѣ съ Прусскимъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ, Барономъ Гарденбергомъ. Письмо къ нему Графа Ливена, предварительно утвержденное собственною рукою Государя, было слѣдующаго содержанія:

«Искреннее сожалѣніе мое при разлукѣ съ вами, столь же дружески вами самими изъявленное, равно какъ почтительная привязанность моя къ Августѣйшему Монарху вашему, возбуждаютъ во мнѣ желаніе воспользоваться первымъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы поручить себя вашему воспоминанію и побесѣдовать съ вами о моемъ Отечествѣ, обращающемъ нынѣ на себя взоры и участіе всей Европы, и вполнѣ заслуживающемъ ея удивленіе блистательными опытами приверженности къ своему Государю и почти сверхъестественными усиліями для содѣйствія Его видамъ. Причислять васъ къ разряду тѣхъ людей, пораженное воображеніе коихъ доступно только страху, значило бы оскорблять васъ. Думать, что я могу легкомысленно взирать на способы, собранные противъ моего Отечества, значило бы оскорблять меня.

«Императору, Всемилостивѣйшему Государю моему, извѣстны были матеріяльныя силы непріятеля. Если желаніе сохранить миръ довело дѣла до вторженія

въ наши области, то сіе кратковременное пожертвованіе вознаграждается тою выгодою, что арміи Наполеона завлечены на поприще, удаленное отъ своихъ пособій, и воззваніемъ къ народу, который съ излишествомъ доставилъ способы возстановить съ нашей стороны перевѣсъ силъ, немпнуемо долженствующій отразить успѣшно нападеніе столь же несправедливое, сколь огромны были средства для приведенія его въ исполненіе. Наша система войны состояла въ старавіи не подвергать отдѣльныхъ армій случайностямъ; необходимость сосредоточенія ихъ заставила насъ отступать. Сперва мы полагали сразиться подъ Смоленскомъ, но потомъ мы отмѣнили сіе намѣреніе, желая присоединить къ арміи подкрѣпленія, и наконецъ остановились на Можайскихъ равнинахъ. Здѣсь подошли къ арміи резервный корпусъ Генерала Милорадовича и Московское ополченіе. 24-го Августа былъ славный для насъ авангардный бой; 26-го произошло кровопролитное сраженіе, продолжавшееся 15 часовъ. Всѣ усилія Наполеона прорвать наши линіи были отражены съ величайшимъ мужествомъ. Его армія принуждена была уступить намъ поле сраженія. Москва стояла подъ оружіемъ, готовая принять его, еслибы побѣда осталась за нимъ.

«Во время отступленія Главной арміи мы одержали побѣду въ четырехъ сраженіяхъ и останавливали на правомъ флангѣ усилія Маршала Удино, поддерживаемаго Баварцами. Генералъ Тормасовъ пріобрѣлъ значительные успѣхи у Кобрина и Пружанъ, и привлекъ на себя корпусъ Саксонцовъ и Австрійцовъ. Главная армія, Тормасовъ и Графъ Витгенштейнъ уже одни въ состояніи противостать непріятелю, но у насъ находятся еще въ резервѣ

силы, равныя дѣйствующимъ. Дунайская армія, состоящая изъ 50,000 человѣкъ отличныхъ войскъ, приближается къ Луцку. Корпусъ Дюка де-Ришелье, идущій изъ Крыма, примкнетъ къ ней на маршѣ. Ей предшествуютъ три дивизіи, Сакена, Рата и Эртеля. Въ сихъ трехъ дивизіяхъ болѣе 40,000 человѣкъ. Двѣ дивизіи, до 20,000 человѣкъ, посажены на суда въ Финляндіи и отправлены къ мѣстамъ, близкимъ къ театру войны. Въ Петербургѣ 15,000 гарнизона регулярныхъ войскъ и 25,000 ополченія. Они выступаютъ для присоединенія къ арміи. 12 новыхъ полковъ, формируемыхъ внутри Имперіи, скоро получатъ такое же назначеніе; въ 17-ти губерніяхъ набирается болѣе 200,000 человѣкъ ополченія. Такова наша внутренняя сила. Она существуетъ не на бумагѣ, но на самомъ дѣлѣ, ибо общее одушевленіе превзошло всѣ разсчеты вѣроятія и дозволило собрать по 10-ти человѣкъ со 100, между тѣмъ, какъ народъ привыкъ давать по большей мѣрѣ по 5-ти съ 500. Симъ воспользовались только въ 17-ти губерніяхъ, сберегая казенныя селенія и другія области Имперіи для сильныхъ рекрутскихъ наборовъ въ регулярную армію. Съ такими средствами, при патріотическомъ порывѣ народа и твердости духа Государя, ни сколько нельзя сомнѣваться въ благопріятномъ окончаніи войны. Представивъ вамъ положеніе нашихъ силъ, я долженъ присовокупить несомнѣнное участіе Шведскаго Принца. Любовь народа даетъ ему обширныя средства, и они будутъ употреблены для диверсіи, усиленія коей можно ожидать отъ ненависти, внушаемой чужеземнымъ и тиранскимъ игомъ.

«Наполеонъ недавно обнаружилъ миролюбивое расположеніе, сдѣлавъ намъ предложенія, прежде движенія своего

къ Можайску (*). Не заключаетъ ли въ себѣ такой поступокъ безмолвнаго сознанія въ опасности его положенія? Не доказываетъ ли онъ, что ни матеріяльныя силы, ни довѣріе къ счастію, издавна ему благопріятному, не ослѣпляютъ его на счетъ опасности его положенія? Онъ далеко зашелъ въ непріятельскую землю, къ народу, готовому явить тѣ же опыты любви къ отечеству, какими ознаменовалась Испанія. Императоръ Александръ, не внимая предложеніямъ его, рѣшился продолжать войну, *когда и обѣ столицы Его были бы заняты непріятелемъ.* Сія рѣшимость, внушая Его подданнымъ новую довѣренность, еще болѣе возбуждаетъ и усиливаетъ ихъ пламенный восторгъ. Императоръ желаетъ утвердить на прочныхъ основаніяхъ независимость и благоденствіе Своей Имперіи; но Его цѣль не будетъ достигнута, если Пруссія и Австрія не займутъ снова мѣста въ ряду независимыхъ Государствъ. Здѣсь выгоды наши одинаковы съ вашими. Сила обстоятельствъ могла увлечь васъ на сторону, противную симъ выгодамъ, но настало время намъ объясниться. Завлекши непріятеля во внутрь Имперіи, мы доставили вамъ свободу воли и дѣйствія, а собственное ваше благо и спасеніе цѣлой Европы предписываютъ вамъ воспользоваться ею. Соединитесь съ Австріею, и содѣйствуйте сей высокой цѣли. Мы не требуемъ отъ васъ раскрытія намъ тайны вашихъ связей съ Вѣнскимъ Дворомъ, и готовы дать вамъ всякое удостовѣреніе, что и въ переговорахъ съ непріятелемъ, и въ военныхъ дѣйствіяхъ на Сѣверѣ будемъ поступать согласно съ вашими выгодами. Сердце Императора извинило Пруссію

(*) Изъ Смоленска, черезъ Генерала Тучкова.

въ соединеніи ея съ врагами Россіи. Его Величество охотно изгладитъ воспоминаніе о семъ союзѣ, и если бы можно было ниспровергнуть одно изъ Государствъ, воздвигнутыхъ рукою Наполеона, то Россія не себѣ, но союзникамъ своимъ желала бы доставить сію добычу. Представьте Австріи очевидность нашихъ общихъ выгодъ; укажите ей *паденіе Наполеона и свободу Европы*, какъ непосредственныя послѣдствія того, что вы и Австрія покинете союзъ съ Франціею, и убѣдитесь *въ единствѣ твердой воли Императора и Его народа принесть всѣ возможныя жертвы свободѣ и независимости Россіи, и тѣмъ упрочить независимость всей Европы.*

«Зная меня, вы повѣрите, что я не сталъ бы изъясняться въ такомъ смыслѣ, не бывъ достаточно на то уполномоченъ. Путь, которымъ письмо мое дойдетъ къ вамъ, кажется мнѣ удобнымъ для доставленія вашего отвѣта. На всякой случай надлежало бы снабдить Генерала Іорка подробнѣйшими наставленіями; сношенія съ нимъ могутъ быть содержимы въ тайнѣ. Если Король рѣшится дать ему инструкцію, то было бы весьма важно не медлить. Силы наши на Двинѣ получаютъ значительное приращеніе, и военныя дѣйствія не могутъ быть остановлены переговорами, развѣ только направленіе обоюдныхъ силъ послужитъ шагомъ къ вѣрному сближенію. Почитаю себя счастливымъ, имѣя нынѣ возможность явить вамъ доказательство моего уваженія и довѣренности, а вашему Августѣйшему Монарху опытъ моей преданности и постояннаго усердія къ его священной особѣ. Я поручился здѣсь за ваше сердце и правила. Только всеобщій переворотъ, потрясшій всю Европу, могъ сдѣлать нужными подобныя увѣренія.»

Отношеніе сіе къ Прусскому Двору и общій планъ военныхъ дѣйствій, для прегражденія Наполеону возвращенія изъ Россіи, были отправлены изъ Петербурга, первое въ Берлинъ, а послѣдній къ Князю Кутузову, въ одинъ и тотъ же день, 30-го Августа, когда Наполеонъ ломился къ Москвѣ, въ полной увѣренности заключить тамъ блистательный миръ. Не только въ понятіи Наполеона, но въ глазахъ Европы, даже Россіи, паденіе Москвы почиталось тогда несомнѣннымъ ручательствомъ, что наше Отечество низойдетъ на чреду второстепенныхъ Государствъ. Только наше земное Провидѣніе, Александръ, мыслилъ иначе. Въ великомъ удаленіи Наполеона отъ источниковъ подкрѣпленій, въ стремленіи его внутрь Имперіи, въ воспламененіи Своихъ вѣрныхъ подданныхъ и собственной готовности для продолженія войны не щадить даже обѣихъ столицъ, предвидѣлъ Государь зарю счастливой будущности и подвигалъ всѣ средства обрушить гибель на главу врага. Не довольствуясь симъ, Александръ уже указывалъ Австріи и Пруссіи на паденіе Наполеона. Послѣдній изъ Монарховъ твердой земли признавши Наполеона Императоромъ, Александръ былъ первый, объявившій необходимость свергнуть Наполеона съ престола для блага Европы. И въ какое время произнесъ Онъ роковой приговоръ надъ неукротимымъ завоевателемъ? Когда опредѣлилъ Онъ обратить въ ничтожество ни кѣмъ дотолѣ непобѣжденнаго? Въ то

время, когда въ Россіи, отъ Нѣмана до Москвы рѣки и отъ Стыри до Двины развѣвались вражескія знамена, когда Москвѣ, Петербургу и Кіеву угрожало нашествіе, и полуденную Россію опустошала моровая язва. Исторія не представляетъ ничего выше сего подвига. Онъ переживетъ самый гранитъ, воздвигнутый ИМПЕРАТОРОМЪ НИКОЛАЕМЪ ПАВЛОВИЧЕМЪ въ изъявленіе признательности спасеннаго Александромъ Отечества!

—

ГЛАВА XIII.

ОТЪ БОРОДИНА ДО МОСКВЫ.

—

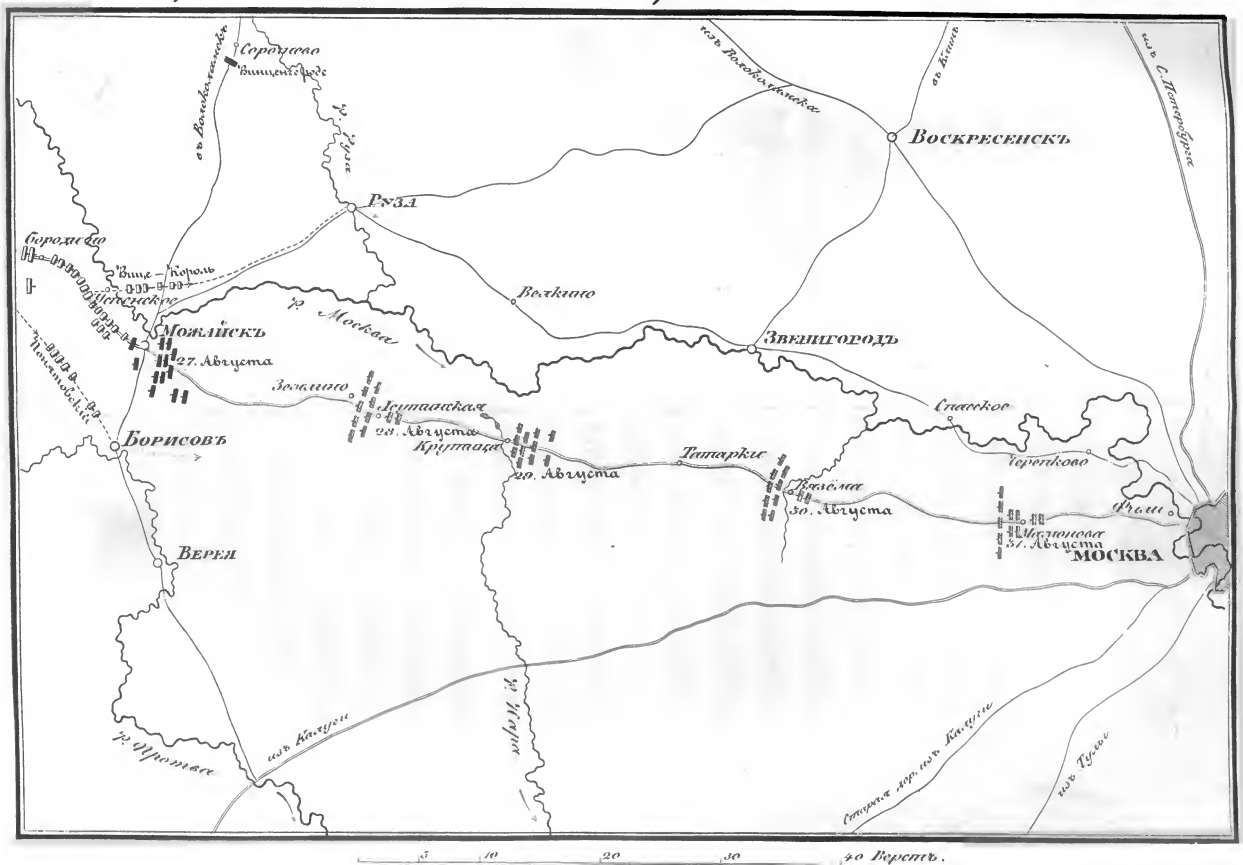
Наполеонъ обозрѣваетъ поле сраженія. — Наступленіе непріятеля. — Русскій лагерь подъ Можайскомъ. — Отступленіе отъ Можайска. — Причины отступленія. — Приближеніе арміи къ Москвѣ. — Письма Князя Кутузова къ Графу Ростопчину. — Наполеонъ останавливается въ Можайскѣ. — Его распоряженія. — Опасенія Князя Кутузова за правое крыло арміи. — Дѣйствія отряда Барона Винцингероде. — Распоряженія Князя Кутузова на счетъ устройства арміи.

—

Сумрачно было на Бородинскомъ полѣ утро 27-го Августа. Скоро послѣ полуночи тронулась артиллерія; за нею, часа черезъ три, потянулись къ Можайску пѣхота и конница. Когда разсвѣло, оставался на полѣ только арріергардъ, въ тотъ день бывшій, въ послѣдній разъ, подъ начальствомъ Платова. Непріятели стояли неподвижно. Часу въ 8-мъ отдѣлилась отъ ихъ лагеря толпа всадниковъ. Они взъѣхали на высоты передъ нашимъ арріергардомъ

N. 41.

Карта дѣйствій отъ Бородина до МОСКВЫ.



и остановились; потомъ, изъ этой толпы понеслись въ разныя стороны офицеры. Тутъ находился Наполеонъ; явственно видѣли мы его при помощи зрительной трубки Полковника Потемкина, содержавшаго передовую цѣпь Платова. Наполеонъ дѣлалъ обозрѣніе лично. Ни одно изъ многочисленныхъ полей сраженій, въ теченіе безпримѣрнаго военнаго поприща его, не представляло ему столь ужаснаго зрѣлища. Куда ни обращалъ онъ взоръ, вездѣ лежали груды человѣческихъ труповъ и убитыхъ лошадей, умирающіе, раненые. Земля была смочена потоками крови, усѣяна обломками оружія. Единственнымъ признакомъ жизни являлись ползавшіе раненые воины и подстрѣленныя лошади, бродившія по юдоли смерти.

Когда Наполеонъ лично удостовѣрился, что Князь Кутузовъ не готовится къ атакѣ, ожидаемой Французами, и что Русскіе отступаютъ отъ Бородина, двинулся онъ впередъ, около полудня 27-го Августа (*). Мюратъ пошелъ съ авангардомъ, столбовою дорогою къ Можайску; за нимъ слѣдовали въ нѣкоторомъ разстояніи гвардія и корпуса Даву и Нея. Жюно оставленъ былъ на полѣ сраженія для уборки раненыхъ и учрежденія порядка въ тылу арміи. Вице-Король переправился въ селѣ Успенскомъ черезъ Москву рѣку и потянулся на Рузу;

(*) *Карта дѣйствій отъ Бородина до Москвы, № 42.*

Понятовскій пошелъ вправо, на Борисовъ. Наполеонъ хотѣлъ перенесть къ вечеру свою главную квартиру въ Можайскъ, и для того велѣлъ авангарду, пройдя городъ, расположиться въ 7-ми верстахъ за нимъ. Русскія войска все утро отходили назадъ, и послѣ полудня стали лагеремъ за Можайскомъ, 1-я армія на правомъ крылѣ, 2-я на лѣвомъ. Арріергардъ занялъ городъ, имѣя приказаніе держаться въ немъ, какъ можно долѣе, для выигрыша времени къ отправленію раненыхъ, коими были наполнены домы и улицы, по недостатку подводъ для перевоза ихъ. По той же причинѣ оставлено много раненыхъ на полѣ сраженія и на дорогѣ отъ Бородина до Можайска. Гражданское начальство Московской губерніи оправдывалось передъ Княземъ Кутузовымъ въ недостаткѣ подводъ, тѣмъ, что ближніе къ театру войны уѣзды губерніи Московской отошли въ военное вѣдомство, а армейское управленіе находило мало жителей въ селеніяхъ, ибо большая часть крестьянъ разбѣжалась по лѣсамъ, страшась нашествія кровожадныхъ непріятелей. Въ самый день Бородинскаго сраженія, громомъ своимъ оглашавшаго великое пространство, жители выходили изъ деревень на поле, прислушивались къ выстрѣламъ, ложились на землю, стараясь слышать ихъ внятнѣе. Другіе становились на колѣни, моля Бога благословить Россійское оружіе. Священники совершали крестные ходы и увѣщевали

прихожанъ переносить съ смиреніемъ гнѣвъ Божій. Какое умилительное зрѣлище представлялъ великій народъ Русскій, цѣлый вѣкъ почитавшій себя непобѣдимымъ, потому что всегда бывалъ торжествующимъ, а теперь въ молитвѣ ожидавшій отъ Всемогущаго Бога рѣшенія своей участи!

Часу въ 4-мъ послѣ полудня, Мюратъ показался передъ Можайскомъ. Онъ повелъ атаку, но не могъ сбить нашего арріергарда и выполнить даннаго ему порученія занять Можайскъ и расположиться за нимъ въ 7-ми верстахъ. Обозъ главной квартиры Наполеона, слѣдовавшій за авангардомъ Мюрата, долженъ былъ возвратиться къ Бородину. Можайскъ остался за нами, и непріятель не дѣлалъ никакихъ усиленныхъ напряженій для овладѣнія имъ. Наполеонъ провелъ ночь въ селѣ Кривушѣ, въ 6-ти верстахъ отъ Можайска. Во время арріергарднаго дѣла, Князь Кутузовъ былъ на полѣ, и нѣсколько разъ посылалъ высматривать, въ какомъ положеніи находятся Французскія войска. Узнавъ, что нѣкоторыя кавалерійскія колонны ихъ, еще не оправившись послѣ побоища, составлены были изъ сборныхъ войскъ, то есть, что въ одномъ и томъ же фронтѣ гусаръ стоялъ возлѣ улана, кирасиръ подлѣ коннаго егеря, онъ сказалъ: «Каково мы ихъ потрясли «вчера?» Князь Кутузовъ не разсудилъ оставаться долѣе у Можайска, за неимѣніемъ времени привесть армію въ устройство, и продолжалъ, 28-го Августа,

отступленіе къ Землину и Лутинскому. Непріятель напиралъ сильнѣе, нежели наканунѣ. Платовъ отступилъ слишкомъ поспѣшно, и подвелъ Мюрата версты за три къ нашему лагерю. Недовольный Атаманомъ, Князь Кутузовъ назначилъ на его мѣсто Милорадовича, который съ того времени оставался постоянно передовымъ стражемъ арміи во всю Отечественную войну, и послѣ, до сраженія при Бауценѣ. Съ появленіемъ Милорадовича въ арріергардѣ, усиленномъ свѣжими войсками (*), близкій гулъ выстрѣловъ уже не безпокоилъ арміи. Милорадовичъ умѣлъ удерживать отъ нея непріятеля верстахъ въ 30-ти, иногда и далѣе. Слѣдуя за нашими войсками, Мюратъ вступилъ въ Можайскъ 28-го числа. За нимъ вскорѣ прибылъ Наполеонъ изъ Кривуши. По выѣздѣ его изъ сего села, Французы сожгли бывшій тамъ господскій домъ. Въ слѣдующій день, 29-го Августа, наша армія продолжала отступленіе до Крутицы. Натискъ непріятеля становился сильнѣе. Мюратъ, подкрѣпленный корпусомъ Даву, стремительно атаковалъ Милорадовича. Завязалось самое жаркое дѣло, но Мюратъ былъ отбитъ, послѣ чего шелъ уже съ большею осторожностію за нашимъ арріергардомъ, и до Москвы оставался внѣ пушечнаго

(*) Кромѣ казаковъ, въ составъ арріергарда поступили: 1-й кавалерійскій корпусъ Уварова, полки егерскіе: 4, 33, 30, 48, 11 и 36, и пѣхотные: Бутырскій, Томскій, Софійскій и Любавскій.

выстрѣла. Въ семъ дѣлѣ раненъ Принцъ Гессенъ-Филипстальскій, только что прибывшій въ Россію съ письмомъ своего дяди, Курфирста Гессенъ-Кассельскаго, котораго Наполеонъ, послѣ Іенскаго сраженія, лишилъ престола. Курфирстъ писалъ Государю, что посылаетъ своего племянника служить подъ знаменами того Монарха, на Котораго Германскіе владѣтели возлагали свое единственное упованіе. Послѣдствія доказали, что надежды угнетенныхъ, поруганныхъ Наполеономъ владѣтелей не были тщетны.

Причины, побуждавшія Князя Кутузова къ отступленію, изложены въ слѣдующемъ донесеніи его Государю, отъ 29-го Августа. Оно было послѣднее, представленное Его Величеству до уступленія Москвы.

«Баталія 26-го числа была самая кровопролитнѣйшая изъ всѣхъ тѣхъ, которыя въ новѣйшихъ временахъ извѣстны. Мѣсто баталіи нами одержано совершенно, и непріятель ретировался тогда въ ту позицію, изъ которой пришелъ насъ атаковать. Но чрезвычайная потеря и съ нашей стороны сдѣланная, особливо тѣмъ, что переранены самые нужные генералы, принудила меня отступить по Московской дорогѣ. Сегодня нахожусь я въ деревнѣ Нарѣ, и долженъ отступить еще, потому, что ни одно изъ тѣхъ войскъ, которыя ко мнѣ для подкрѣпленія слѣдуютъ, еще не сблизились, а именно: 3 полка въ Москвѣ, сформированные подъ ордеромъ Клейнмихеля, и полки формированія Князя Лобанова-Ростовскаго, которые приближаются къ Москвѣ.»

30-го Августа, когда въ Петербургѣ праздновали отпоръ, данный непріятелю въ Бородинѣ, армія снялась съ лагеря при Крутицѣ и пошла къ Вяземѣ. Въ слѣдующій день продолжала она маршъ къ Мамонову, въ одномъ переходѣ отъ Москвы, сохраняя все еще твердую надежду на неминуемое, близкое сраженіе. Въ семъ сладостномъ для нея упованіи укрѣпилъ ее отданный Княземъ Кутузовымъ въ Мамоновѣ, 31-го Августа, приказъ, начинавшійся такъ: «Не безизвѣстно каждому изъ начальниковъ, что ар«мія Россійская должна имѣть рѣшительное сраже«ніе подъ стѣнами Москвы.» Дѣйствительно, на всемъ пути отъ Бородина до Мамонова, Князь Кутузовъ не переставалъ помышлять о средствахъ вступить въ бой. Доказательствомъ тому служатъ слѣдующія письма его къ Графу Ростопчину. Отъ 27-го Августа, изъ Жукова, Князь Кутузовъ писалъ Графу Ростопчину: «Намѣреніе мое состоитъ въ томъ, что«бы притянувъ къ себѣ столько способовъ, сколько «можно только получить, у Москвы выдержать рѣ«шительную, можетъ быть, битву. Помощи, кото«рыя требую я, различны, и потому отправляю «Полковника Князя Кудашева оныя вамъ предста«вить лично, и просить, чтобы все то, что можетъ «дать Москва въ разсужденіи войскъ, прибавки ар«тиллеріи, снарядовъ и лошадей, и прочаго имѣема«го ожидать отъ вѣрныхъ сыновъ Отечества, все бы «то было пріобщено къ арміи, ожидающей сразиться

«съ непріятелемъ. И къ кому же надежнѣе могу «я во всѣхъ сихъ нуждахъ обратиться, какъ не къ «извѣстному любовію и усердіемъ достойному пред- «водителю древней Столицы?» — Отъ 28-го Августа, изъ Шелковки: «Вручителя сего, Ротмистра Графа «Апраксина (*), отправилъ я къ вамъ для повторе- «нія покорной моей прозьбы о доставленіи, если «можно, сегоднишняго же числа, на курьерскихъ «лошадяхъ, сколько можно болѣе кирокъ и лопа- «токъ, въ дополненіе уже присланныхъ въ армію.» — Отъ 30-го Августа, изъ Вяземы: «Мы приближаем- «ся къ генеральному сраженію у Москвы, но мысль, «что не буду имѣть способовъ къ отправленію ране- «ныхъ на подводахъ, устрашаетъ меня. Бога ради «прошу помощи скорѣйшей отъ васъ!» — Другое отъ того же числа: «Отправляя нарочнаго съ повторе- «ніемъ прежнихъ моихъ прозьбъ, приношу еще слѣ- «дующую: вышлите съ полученія сего столько ба- «тарейныхъ орудій, сколько есть въ Московскомъ «арсеналѣ, съ ящиками и зарядами, на обыватель- «скихъ лошадяхъ, съ тѣмъ, чтобы они какъ можно «скорѣе къ арміи прибыли. Да, прежде просилъ я «выслать на 500 орудій комплектъ зарядовъ, то на- «добно скорѣе выслать въ то число на 200 батарей- «ныхъ и на 200 легкихъ орудій снарядовъ.» — Тре- тье, отъ того же числа: «Прошу васъ приказать, «сколь можно скорѣе, прислать въ армію тысячу

(*) Нынѣ Сенаторъ.

«топоровъ и тысячу лопатъ, для дѣланія засѣкъ, такъ «же выслать изъ Москвы всѣхъ выздоровѣвшихъ, «устроя ихъ въ порядокъ, при офицерахъ.»—Четвертое, тоже отъ 30-го Августа: «Я нахожусь при Вя«земѣ, но такъ какъ здѣсь позиціи никакой нѣтъ, «то отправился Генералъ Беннигсенъ назадъ пріис«кать мѣсто, гдѣ бы удобнѣе еще дать баталію.»

Не столько нужна была позиція, какъ нужны были свѣжія войска; но они ни откуда не приходили, а съ 50,000 человѣкъ, выведенныхъ изъ Бородина, какъ можно было рѣшиться на сраженіе противъ 100,000, ведомыхъ Наполеономъ? Оставалось одно средство вступить въ бой: высматривать, не разобщитъ ли Наполеонъ своихъ силъ, и напасть на который либо изъ отдѣльныхъ его корпусовъ, но Наполеонъ держалъ войска въ совокупности, и не являлось случая покуситься на частное, или отдѣльное пораженіе ихъ. Между тѣмъ Наполеонъ, изнемогая отъ простуды, остановился на три дня въ Можайскѣ. Здѣсь далъ онъ отдохновеніе арміи, велѣлъ привести ее въ устройство, готовиться къ новому сраженію, полагая, что Князь Кутузовъ будетъ упорствовать въ защитѣ Москвы, и ускорялъ подвозъ артиллерійскихъ снарядовъ, имѣя въ нихъ недостатокъ, ибо въ Бородинѣ сдѣлано было изъ непріятельскихъ орудій 91,000 выстрѣловъ (*).

Какъ передъ выступленіемъ изъ Смоленска, такъ

(*) Fain, Manuscrit de 1812, II, 86.

и теперь, передъ движеніемъ на Москву, Наполеонъ обращалъ особенное вниманіе на свой путь сообщеній. Онъ велѣлъ корпусу Жюно оставаться въ Можайскѣ и прикрывать дорогу къ Смоленску; Виктору, имѣвшему порученіе охранять главныя сообщенія, Наполеонъ писалъ: «Кутузовъ хочетъ воспрепятствовать намъ занятіе Москвы и употребить всѣ средства выгнать насъ изъ нея, если мы туда войдемъ. Потому мнѣ должно помышлять объ усиленіи арміи въ Москвѣ, по мѣрѣ получаемыхъ Русскими войсками подкрѣпленій. Атакованный въ сердцѣ, непріятель не будетъ болѣе защищаться на окопечностяхъ. Теперь не время разсылать, направо и налѣво, въ Витебскъ и Минскъ, подкрѣпленія, маршевые батальоны и эскадроны, и людей, приходящихъ къ вамъ по одиначкѣ. Направляйте все на Смоленскъ, и оттуда, въ случаѣ нужды, посылайте на Москву; а вы съ вашимъ корпусомъ будьте готовы слѣдовать туда же для соединенія со мною» (*). 30-го Августа Наполеонъ выѣхалъ изъ Можайска въ селеніе Татарки, отъ Можайска въ 42-хъ верстахъ. Здѣсь провелъ онъ ночь, и на слѣдующее утро велѣлъ только авангарду идти впередъ, а прочимъ корпусамъ остановиться, возымѣвъ опасеніе: не двинулся ли Князь Кутузовъ противъ праваго его крыла, или не пошелъ на его сообщенія? Такимъ образомъ, черезъ пять дней послѣ Бородинскаго боя,

(*) Fain, Manuscrit de 1812.

Наполеонъ потерялъ изъ вида Русскихъ—новое доказательство разстройства непріятелей въ Бородинѣ, замедлившее ихъ движеніе и принудившее Наполеона, какъ говорилъ Князь Кутузовъ: «идти ощупью.» Наконецъ, удостовѣрясь, что Русская армія не сходила съ столбовой дороги, выѣхалъ Наполеонъ, 31-го Августа, изъ Татарокъ въ Вязему, и приказалъ войскамъ продолжать наступательное, мгновенно пріостановленное движеніе.

И Князь Кутузовъ опасался за свое правое крыло, замѣтя слабость напора на Милорадовича, и узнавъ о появленіи непріятеля въ значительномъ числѣ около Рузы. «Подозрѣваю,» писалъ Князь Кутузовъ Милорадовичу, «что Наполеонъ, не преслѣдуя живо «нашего арріергарда, даетъ время войскамъ своимъ «обойдти его. Вамъ нужно сколько можно не выпу- «скать изъ виду непріятеля и открывать силы его, «ибо, если онъ отдалитъ отъ себя большія силы на «правый нашъ флангъ, а васъ не горячо преслѣдуя, «дастъ возможность быть въ нѣкоторомъ отъ насъ «отдаленіи, тогда, не подвергаясь опасности, чтобы «онъ успѣлъ прибыть на помощь, можно будетъ «атаковать боковой его корпусъ и истребить. Храб- «рость войскъ арріергарда, подъ искуснымъ вашимъ «командованіемъ, отдаляетъ отъ арміи безпокойствіе. «Теперь, приближающимся намъ къ Москвѣ, гдѣ «должно быть сраженіе, рѣшающее успѣхи кампа- «ніи и участь Государства, на нѣкоторое время

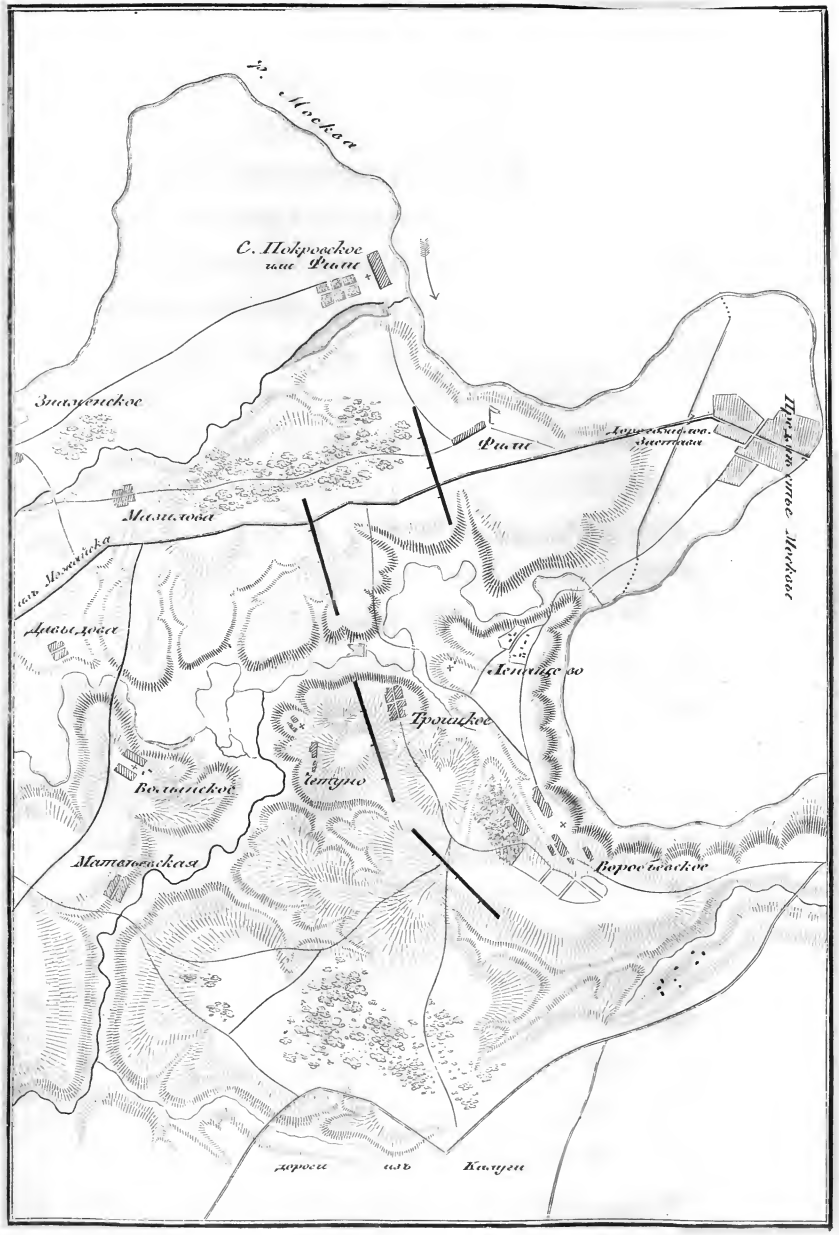
«непріятеля удержать должно, сколь возможно. Ар-
«мія произвесть должна работы, распредѣлить при-
«спѣвающія на усиленіе ея войска: на все надобно
«время.» Тогда же Князь Кутузовъ писалъ Ростоп-
чину: «По свѣдѣніямъ, ко мнѣ дошедшимъ, непрія-
«тель 28-го числа ночевалъ въ Рузѣ, а о силахъ его
«утвердительно знать невозможно; иные полагаютъ
«на сей дорогѣ цѣлый корпусъ въ 20,000, другіе
«менѣе. Непріятель, за отдѣленіемъ сихъ войскъ,
«находится въ 15-ти верстахъ передо мною, въ ви-
«ду моего арріергарда, и сегоднишній день не ата-
«куетъ. Сіе можетъ продолжить онъ и завтра, въ
«томъ желаніи, чтобы армія моя оставалась здѣсь, а
«между тѣмъ, сдѣлавъ форсированный маршъ на
«Звенигородъ и раздавивъ отрядъ Винцингероде, со-
«стоящій изъ 2,000 кавалеріи, 500 пѣхоты и 2-хъ
«пушекъ, возымѣть дерзкое намѣреніе на Москву.
«Войска мои, не смотря на кровопролитное, бывшее
«26-го числа сраженіе, остались въ такомъ почтен-
«номъ числѣ, что не только въ силахъ противить-
«ся непріятелю, но даже ожидать и поверхности
«надъ онымъ. Но между тѣмъ непріятельскій кор-
«пусъ находится нынѣ на Звенигородской дорогѣ.
«Не ужели не найдетъ онъ гроба своего отъ дру-
«жины Московской, когда бы осмѣлился посяг-
«нуть на столицу Московскую по сей дорогѣ, куда
«отступитъ и Винцингероде?»

Находясь съ отрядомъ вправо отъ арміи, и на

одной съ нею высотѣ, и прибывъ въ село Сорочнево, на дорогѣ изъ Можайска въ Волоколамскъ, Винцингероде узналъ о Бородинскомъ сраженіи отъ Французовъ, шатавшихся по деревнямъ для отысканія пищи и захватываемыхъ казаками. Онъ тотчасъ поѣхалъ за приказаніями къ Князю Кутузову, и по возвращеніи въ Сорочнево, повелъ отрядъ на Рузу, уже занятую непріятелями. Полагая ихъ не въ значительномъ числѣ, онъ велѣлъ атаковать ихъ, но подойдя ближе, увидѣлъ по правую сторону города обширный непріятельскій лагерь Вице-Короля. Французы, встревоженные появленіемъ отряда Винцингероде въ ихъ тылу, стали въ ружье, а наши дождавшись ночи, обошли Рузу, вступили въ Велкинѣ на дорогу, между Рузою и Звенигородомъ, и симъ движеніемъ предупредили непріятеля на пути въ Москву. Когда Вице-Король тронулся впередъ, Винцингероде, замедляя сколько можно маршъ его, отступилъ къ Звенигороду, перешелъ въ Спаскомъ черезъ Москву рѣку и потянулся къ Черепкову. Здѣсь получилъ онъ повелѣніе явиться въ главную квартиру, бывшую въ Филяхъ, сдавъ начальство надъ отрядомъ Полковнику Бенкендорфу. Во время движенія Винцингероде проселками отъ Рузы къ Черепкову, мрачныя осеннія ночи освѣщались пожарами. Крестьяне зажигали деревни, стога сѣна и скирды хлѣба; отвсюду подымавшійся къ небу пламень долженъ былъ возвѣстить Наполеону

N.42.

План позиции при МОСКВЕ.



объ участи, ожидавшей его въ Москвѣ; но завоеватель былъ увлеченъ рокомъ!

Въ заключеніе остается упомянуть о мѣрахъ, касательно состава арміи, принятыхъ Княземъ Кутузовымъ во время движенія отъ Бородина до Москвы. Милорадовичъ былъ назначенъ командовать 2-ю арміею, на мѣсто Князя Багратіона; Князь Шаховской 3-ю дивизіею, вмѣсто Коновницына, замѣнившаго Тучкова 1-го въ командованіи 3-мъ корпусомъ; Чоглоковъ 11-ю дивизіею, вмѣсто Бахметева 1-го; Лаптевъ 23-ю дивизіею, вмѣсто Бахметева 2-го; Фокъ 24-ю дивизіею, вмѣсто Лихачева. 2-й и 3-й кавалерійскіе корпуса составили одинъ, подъ начальствомъ Корфа. Кавалерійскимъ полкамъ приказано образовать меньшее число эскадроновъ, но комплектныхъ, а пѣхотнымъ полкамъ, въ которыхъ осталось менѣе 300 человѣкъ, не дѣлиться на 2 батальона, но сводить людей въ одинъ. Для замѣщенія офицерскихъ ваканцій, Князь Кутузовъ далъ на волю полкамъ и артиллерійскимъ ротамъ выбрать достойнѣйшихъ къ производству портупей-прапорщиковъ, подпрапорщиковъ, даже унтеръ-офицеровъ, и велѣлъ объ удостоенныхъ представить списки. 14,000 человѣкъ Московскаго ополченія росписаны по армейскимъ полкамъ, для составленія 3-й шеренги. Если-бы, по числу старыхъ рядовыхъ, оказалось ратниковъ больше, нежели на 3-ю шеренгу нужно, то велѣно было ставить ратниковъ за дивизіями

въ резервахъ, колоннами, и употреблять ихъ для командировокъ, а во время сраженія для отвода раненыхъ. Постигая всю важность, какую должны были имѣть ополченія, еслибы война долго продлилась, Князь Кутузовъ обращался съ ними особенно благосклонно. Распредѣляя дружины по армейскимъ полкамъ, онъ отдалъ въ приказѣ: «Всѣмъ чинамъ «и лицамъ принимать воиновъ ополченія не яко «солдатъ, постоянно въ сіе званіе опредѣленныхъ, «но яко на время представившихся на защиту «Отечества. Воины Московскаго ополченія одеждъ «своихъ не перемѣняютъ, бородъ не брѣютъ; од«нимъ словомъ: остаются въ прежнемъ ихъ со«стояніи, и по исполненіи священной обязанности «возвратятся въ свои домы» (*).

(*) Приказъ 30-го Августа, № 14.

ГЛАВА XIV.

ЛАГЕРЬ ПОДЪ МОСКВОЮ.

—

Совѣщаніе на Поклонной горѣ. — Позиція передъ Москвою. — Военный совѣтъ въ Филяхъ. — Рѣшеніе оставить Москву. — Свозъ запасовъ на Калужскую дорогу.

—

Сентября 1-го, армія выступила изъ Мамонова къ Москвѣ. Здѣсь, по общему убѣжденію, должно было произойдти сраженію, побѣдить или пасть. Князь Кутузовъ опередилъ армію, осмотрѣлъ избранную наканунѣ Беннигсеномъ позицію впереди Москвы, и остановился на Поклонной горѣ, гдѣ встрѣтилъ его Графъ Ростопчинъ. Вокругъ Князя Кутузова собрались первенствующіе Генералы. Зрѣлище было величественное. На Поклонной горѣ соединились защитники Россіи, и совѣщались въ виду Москвы, разстилавшейся, среди яснаго, осенняго утра, во всей красотѣ своей, со всѣми

воспоминаніями Отечественной славы. Мысль: оставить Москву безъ боя, еще была чужда, но очаровательная надежда удержать непріятеля передъ столицею продолжалась не долго. Одинъ за другимъ возвращались посланные Княземъ Кутузовымъ для осмотра окрестностей, Генералы Беннигсенъ, Барклай де-Толли и Ермоловъ, и Полковники Толь, Мишо и Кроссаръ (*), всѣ единогласно говорили о невозможности принять сраженіе на избранной Беннигсеномъ позиціи. Она пересѣкается рытвинами и излучистою рѣчкою, затрудняющею сообщенія (**). Можно было построить на ней мосты, но они не являлись удобными для переправы, ибо перейдя ихъ, надлежало подниматься на крутые холмы. Позиція, препятствовавшая быстрому передвиженію войскъ съ одного мѣста на другое, была также слишкомъ пространна для арміи, ослабленной Бородинскимъ сраженіемъ. Позади, въ самомъ близкомъ разстояніи находились столица и Москва рѣка, на которой стояло 8 пловучихъ мостовъ, но при столь крутыхъ берегахъ, что доступные пѣхотѣ, они были затруднительны для переправы конницы и артиллеріи. Къ симъ неудобствамъ присоединялось еще то обстоятельство, что въ случаѣ неудачнаго сраженія,

(*) Французскій эмигрантъ и полковникъ Австрійской службы, за три дня пріѣхавшій изъ Испаніи въ нашу главную квартиру; онъ былъ въ Испанскомъ мундирѣ.

(**) *Планъ позиціи при Москвѣ, № 43.*

арміи надлежало проходить черезъ одинъ изъ обширнѣйшихъ въ свѣтѣ городовъ, отъ чего трудно было соблюсти порядокъ на маршѣ. Случись подобная позиція въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Москвы, даже въ одномъ маршѣ, ее оставили бы при первомъ взглядѣ, но въ виду Москвы медлили, совѣщались и придумывали: нѣтъ ли хоть какого нибудь средства дать сраженіе? Иначе и случиться не могло. По тогдашнему общему образу мыслей всѣ жертвы казались ничтожны въ сравненіи съ спасеніемъ Москвы. Въ такихъ обстоятельствахъ не могли не быть продолжительны соображенія, попеременно представлявшіяся на Поклонной горѣ. Очевиднымъ недостаткамъ позиціи думали помочь многочисленною артиллеріею и полевыми укрѣпленіями, которыя Беннигсенъ приказалъ строить рано поутру, еще прежде прибытія Князя Кутузова. Но пока сооружались редуты и утро проходило въ совѣщаніяхъ, окрестность покрывалась пыльными облаками, а изъ-за нихъ показывались головы колоннъ, артиллерія и обозы: армія начала прибывать изъ Мамонова. Выслушивая различныя предложенія, Князь Кутузовъ не произносилъ рѣшительнаго мнѣнія, всегда держась правила древняго полководца, не хотѣвшаго, чтобы и подушка его знала о его намѣреніяхъ. Желая болѣе скрыть свои мысли объ оставленіи Москвы, которое онъ, конечно, уже положилъ въ умѣ, Князь Кутузовъ, выслушавъ Начальника

Главнаго Штаба 1-й арміи Ермолова, говорившаго съ жаромъ о невозможности принять на позиціи сраженіе, взялъ его за руку, и пощупавъ пульсъ, спросилъ: «Здоровъ ли ты?» Около полудня Князь Кутузовъ уѣхалъ съ Поклонной въ Фили, не объявивъ своего рѣшенія. Послѣднія слова его были обращены къ Принцу Евгенію Виртембергскому. Онъ сказалъ ему по французски: «Въ этомъ дѣлѣ мнѣ надобно «полагаться только на самого себя, каковъ бы я «ни былъ, уменъ или простъ (*).»

День склонялся къ вечеру, однако же не было еще отдано приказаній, ни къ сраженію, ни къ оставленію Москвы. Часу въ пятомъ, Фельдмаршалъ приказалъ созвать въ свою главную квартиру, деревню Фили, Беннигсена, Барклая де-Толли, Дохтурова, Уварова, Графа Остермана, Раевскаго, Коновницына, Ермолова, Кайсарова и Толя. Милорадовичъ не былъ приглашенъ, по невозможности отлучиться отъ арріергарда. Беннигсена ждали долго. Пріѣхавъ, онъ началъ вопросомъ: «Выгоднѣе ли сражаться передъ «Москвою или оставить ее непріятелю?» Князь Кутузовъ замѣтилъ, что предварительно надобно объяснить положеніе дѣлъ, и подробно изобразивъ неудобства позиціи, сказалъ: «Доколѣ будетъ суще«ствовать армія и находиться въ состояніи проти«виться непріятелю, до тѣхъ поръ останется надежда

(*) «Ici, ma tête, fut-elle bonne ou mauvaise, ne doit ce«pendant s'aider que d'elle-même.»

«счастливо довершить войну, но по уничтоженіи «арміи, и Москва и Россія потеряны.» Потомъ сдѣлалъ онъ другой вопросъ: «Ожидать ли нападенія въ «неудобной позиціи, или отступить за Москву?»

Въ преніи, возникшемъ при разрѣшеніи сего вопроса, главными дѣйствующими лицами были Беннигсенъ и Барклай де-Толли, какъ старшіе въ чинахъ послѣ Князя Кутузова. Они совершенно различествовали въ своихъ мнѣніяхъ. Доводы ихъ сохранились въ донесеніяхъ, представленныхъ ими Государю, ибо журнала, или протокола происходившаго въ Филяхъ военнаго совѣта, составлено не было. По выслушаніи предложеннаго Княземъ Кутузовымъ вопроса, Барклай де-Толли объявилъ, что для спасенія Отечества главнымъ предметомъ было сохраненіе арміи. «Въ занятой нами позиціи,» сказалъ онъ, «насъ навѣрное разобьютъ, и все, что не достанется «непріятелю на мѣстѣ сраженія, будетъ потеряно «при отступленіи черезъ Москву. Горестно оставить «столицу, но если мы не лишимся мужества и бу«демъ дѣятельны, то овладѣніе Москвою приготовитъ «гибель Наполеону.» Беннигсенъ возразилъ: «Обдума«ны ль послѣдствія, могущія произойдти отъ усту«пленія Москвы и сопряженныхъ съ тѣмъ безчислен«ныхъ потерь для казны и частныхъ лицъ? Обсуж«дено ли впечатлѣніе, какое произведетъ событіе «сіе на народный духъ, имѣющій столь сильное влія«ніе на средства продолжать войну? Приняты ль

«въ уваженіе затрудненія и опасности, предстоящія ар-«міи и артиллеріи при проходѣ черезъ Москву, когда «непріятель будетъ идти по нашимъ пятамъ? Стыд-«но оставить столицу безъ выстрѣла. Если мы рѣ-«шимся отступить, то никто не повѣритъ, что Боро-«динское сраженіе нами выиграно, когда послѣд-«ствіемъ его окажется потеря Москвы. Не будетъ ли «это сознаніемъ, что мы проиграли сраженіе? Какое «дѣйствіе произведетъ занятіе Москвы непріятелемъ «на Иностранные Дворы и вообще въ чужихъ кра-«яхъ? Развѣ послѣ уступленія Москвы наша армія «придетъ въ лучшее устройство, потому что вѣдь «надобно же будетъ гдѣ нибудь намъ остановиться? «Я не постигаю, за чѣмъ думаютъ о неминуемомъ «пораженіи и потерѣ артиллеріи, между тѣмъ какъ, «послѣ Бородинскаго сраженія, мы въ отношеніи къ «непріятелю имѣемъ ту выгоду, что получили раз-«ныя подкрѣпленія. Мы тѣ же Русскіе, которые съ «примѣрною храбростію вездѣ сражались. 26-го Ав-«густа понесли мы значительный уронъ, но убыль «непріятеля не меньше нашей; если наша армія раз-«строилась, то и непріятельская не въ лучшемъ по-«ложеніи. Винцингероде уже извѣстилъ насъ, что «Наполеонъ отрядилъ Вице-Короля на Рузу, для «обхода нашего фланга. Мы знаемъ также, что дру-«гой корпусъ обходитъ насъ слѣва. Потому я пред-«лагаю: собрать ночью всѣ силы на лѣвомъ кры-«лѣ, и идти на центръ Наполеона, ослабленный

«корпусами, посланными обходить насъ. Мы разобьемъ «центръ его и тогда два корпуса, отряженные Фран«цузами въ обходъ, не только будутъ въ бездѣй«ствіи, но въ необходимости, чтобъ не быть отрѣ«занными, помышлять о поспѣшномъ соединеніи съ «главными своими силами. Если же намъ придется «отступить послѣ сраженія, то должно идти на ста«рую или новую Калужскую дорогу, для угроженія «сообщеніямъ непріятеля.» Барклай де-Толли отвѣчалъ: «Надлежало ранѣе помышлять о наступатель«номъ движеніи, и сообразно тому расположить ар«мію. На то было еще время поутру, при пер«вомъ моемъ объясненіи съ Генераломъ Беннигсе«номъ о невыгодахъ позиціи; теперь уже поздно. «Въ ночной темнотѣ трудно различать войска, скры«тыя въ глубокихъ рвахъ, а между тѣмъ непріятель «можетъ ударить на насъ. Армія потеряла большое «число генераловъ и штабъ-офицеровъ; многими «полками командуютъ капитаны, бригадами неопыт«ные штабъ-офицеры. По свойственной ей храбро«сти, армія можетъ сражаться въ позиціи и отразить «нападеніе, но не въ состояніи исполнить движе«нія въ виду непріятеля. Я предлагаю отступить къ «Владиміру и Нижнему Новугороду.»

Съ Беннигсеномъ согласились Дохтуровъ, Уваровъ, Коновницынъ и Ермоловъ; съ Барклаемъ де-Толли Графъ Остерманъ и Толь, который предложилъ, оставя позицію, расположить армію правымъ крыломъ

къ деревнѣ Воробьевой, а лѣвымъ къ новой Калужской дорогѣ, въ направленіи между деревнями Шатиловою и Вороповою, и потомъ, если обстоятельства потребуютъ, отступить къ старой Калужской дорогѣ (*). Графъ Остерманъ сказалъ: «Москва «не составляетъ Россіи; наша цѣль не въ одномъ за«щищеніи столицы, но всего Отечества, а для спа«сенія его главный предметъ есть сохраненіе арміи.» Совѣщаніе приходило къ концу, когда пріѣхалъ Раевскій. По приказанію Фельдмаршала, Ермоловъ объяснилъ ему о чемъ шло дѣло. Раевскій сказалъ: «Если позиція отнимаетъ у насъ возможность пользо«ваться всѣми нашими силами, если уже рѣшено дать «сраженіе, то выгоднѣе идти на встрѣчу непріятеля, «чѣмъ ожидать его. Это есть лучшее средство раз«строить планъ его атаки, но для подобнаго пред«пріятія войска наши не довольно привычны къ ма«неврамъ, и потому мы можемъ на малое только «время замедлить вторженіе Наполеона въ Москву. «Отступленіе послѣ сраженія черезъ столь обширный «городъ довершитъ разстройство арміи.

«Россія не въ Москвѣ, среди сыновъ она.

«Слѣдовательно, болѣе всего должно беречь вой«ска. Мое мнѣніе: оставить Москву безъ сраженія, «но я говорю, какъ солдатъ. Князю Михаилу Ила«ріоновичу предоставлено судить, какое вліяніе въ «политическомъ отношеніи произведетъ извѣстіе

(*) Изъ Записокъ Графа Толя.

«о взятіи Москвы» (*). Выслушавъ различныя мнѣнія, Фельдмаршалъ заключилъ засѣданіе слѣдующими словами: «Съ потерею Москвы не потеряна Рос«сія. Первою обязанностью поставляю сохранить «армію и сблизиться съ войсками, идущими къ намъ «на подкрѣпленіе. Самымъ уступленіемъ Москвы «приготовимъ мы гибель непріятелю. Изъ Москвы я «намѣренъ идти по Рязанской дорогѣ. Знаю, отвѣт«ственность обрушится на мнѣ, но жертвую собою «для блага Отечества.» Сказавъ, онъ всталъ со стула и присовокупилъ: «Приказываю отступать.» Для принятія на себя великой отвѣтственности въ потерѣ столицы, надобно было имѣть болѣе мужества, чѣмъ при рѣшеніи подъ стѣнами ея дать сраженіе. Изъ всѣхъ Русскихъ генераловъ, одинъ Кутузовъ могъ оставить непріятелю Москву, не повергнувъ Государства въ глубокое уныніе. Событіе тяжело пало на душу Русскихъ, однако же, послѣ перваго поразительнаго впечатлѣнія, произведеннаго имъ на всѣ сословія, почитали его не малодушіемъ, не опрометчивостію, но мѣрою неизбѣжною, ибо такъ оно было признано Кутузовымъ, пользовавшимся неограниченнымъ вѣрованіемъ Россіи въ его умъ и прозорливость. При семъ случаѣ неоспоримо вновь подтвердилась великая истинна, что въ Отечественной войнѣ Кутузовъ былъ сущею необходимостью для Россіи.

Военный совѣтъ продолжался долго. Неописанно

(*) Изъ Записокъ Раевскаго.

было наше любопытство узнать объ его рѣшеніи. Наконецъ, во мракѣ вечера, отворились двери избы занятой Фельдмаршаломъ. Одинъ за другимъ начали выходить оттуда Генералы, и мало по малу, сперва шопотомъ, разгласилось намѣреніе Кутузова оставить Москву. Изъ памяти очевидцовъ никогда не изгладится скорбь, овладѣвшая сердцами. Стыдно было глядѣть другъ на друга. Съ Москвою сопряжены были понятія о славѣ, достоинствѣ, даже самобытности Отечества. Ея отдача врагамъ казалась сознаніемъ въ безсиліи защищать Россію. Продолжительное отступленіе отъ Нѣмана, неразлучныя съ нимъ трудности, кровопролитныя сраженія въ теченіе трехъ мѣсяцовъ, пылавшіе, преданные на расхищеніе враговъ города и селенія, были жертвы тяжкія, но жертвы, принесенныя, мнилось, для сохраненія Москвы, а не для потери ея. Чѣмъ сильнѣе были надежды развѣдаться подъ ея стѣнами съ нахлынувшею на насъ Европою, тѣмъ поразительнѣе была вѣсть о разрушеніи общихъ ожиданій, удаленіи часа кровавой расплаты. Казалось, съ оставленіемъ Москвы исчезла та опредѣлительная цѣль, для которой вели войну, настежь растворялись двери въ Отечество, и Россія падала, сокрушалась подъ ударами ожесточенныхъ враговъ. Таковы были обуревавшія насъ мысли. Вникнувъ въ нихъ, потомство пойметъ слезы, засверкавшія на глазахъ нашихъ, когда мы узнали о намѣреніи Кутузова

не припимать сраженія подъ Москвою. Чувство брало верхъ надъ разсудкомъ.

По окончаніи совѣта, Фельдмаршалъ остался одинъ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по избѣ, когда вошелъ къ нему офицеръ, находившійся при немъ 20 лѣтъ безотлучно (*). Пользуясь правомъ свободнаго съ нимъ разговора, онъ старался разсѣять его и заводилъ рѣчь о разныхъ предметахъ. Слова его оставались безъ отвѣта. «Гдѣ же мы остановимся!» спросилъ онъ наконецъ. Будто пробужденный вопросомъ, Фельдмаршалъ подошелъ къ столу, сильно ударилъ объ него, и сказалъ съ жаромъ: «Это мое дѣло; но «ужь доведу я проклятыхъ Французовъ, какъ въ «прошломъ году Турковъ, до того, что они будутъ «ѣсть лошадиное мясо!» Недолго продолжалось волненіе Фельдмаршала. Онъ скоро успокоился и приказалъ: 1), Обозамъ тотчасъ идти на Рязанскую дорогу; за ними, послѣ полуночи, слѣдовать артиллеріи, потомъ пѣхотѣ и конницѣ. 2), Милорадовичу, по возможности, удерживать непріятеля, давая арміи время пройдти черезъ Москву, и 3), Винцингероде обратиться съ отрядомъ на Ярославскую дорогу. Потомъ призвалъ онъ Генералъ-Интенданта Ланского и сказалъ ему: «Распорядись продовольствіемъ.»—«Но «куда мы идемъ?» спросилъ Ланской.—«На Рязан«скую дорогу.»—«Трудно подвезти туда запасы; они «всѣ около Калуги.»—«А развѣ у Рязани ничего нѣтъ?»

(*) Полковникъ Шнейдеръ.

спросилъ Фельдмаршалъ. — «Прикажите, такъ бу-«детъ,» отвѣчалъ Ланской, «но жаль, если продо-«вольствіе погибнетъ, или не дойдетъ до насъ.»— «Подумаю,» сказалъ Князь Кутузовъ, «а ты приди «ко мнѣ завтра, когда мы пріѣдемъ на мѣсто (*).» Запрещеніе Князя Кутузова перевозить продовольствія на Рязанскую дорогу, куда онъ выступалъ отъ Москвы, подаетъ поводъ къ заключенію о намѣреніи его идти на Калужскую дорогу, куда, послѣ Бородина, 29-го Августа, велѣлъ онъ направлять хлѣбные запасы. Тогда же Князь Кутузовъ извѣстилъ Графа Ростопчина объ оставленіи Москвы, о чемъ до тѣхъ поръ таилъ отъ него. Всю ночь Князь Кутузовъ былъ чрезвычайно печаленъ, и по свидѣтельству самаго любимаго имъ офицера, Кайсарова (**), нѣсколько разъ плакалъ. Какъ Полководецъ, онъ видѣлъ необходимость уступить врагамъ Москву, какъ Русской, могъ ли онъ не болѣть о ней?

(*) Со словъ Ланского, бывшаго въ послѣдствіи Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

(**) Нынѣ Генералъ отъ Инфантеріи.

—

ГЛАВА XV.

СОСТОЯНІЕ МОСКВЫ.

—

Москва послѣ отбытія Государя.—Видъ Москвы мирной измѣняется.—Непоколебимая вѣрность народа.—Высылка иностранцовъ. — Афишки Графа Ростопчина. — Проповѣдь Августина. — Москва послѣ взятія Смоленска.—Отправленіе изъ Москвы казеннаго имущества и выѣздъ жителей.—Заботливость Императрицы Маріи Ѳеодоровны.—Извѣстіе о Бородинскомъ сраженіи.—Отъѣздъ жителей изъ Москвы увеличивается.—Воззваніе идти на Три Горы.—Митрополитъ Платонъ.—Москва 1-го Сентября.—Письмо Князя Кутузова объ отдачѣ Москвы.—Оставленіе столицы.

—

Въ Москвѣ еще не знали о произнесенномъ надъ нею приговорѣ, не воображали, чтобы Русское войско могло не сразиться за матерь городовъ Русскихъ, не искупить ее кровью, или не погребсти себя подъ ея развалинами. Но прежде нежели представимъ въ какомъ состояніи застала Москву вѣсть объ ея горькой участи, опишемъ дни, предшествовавшіе ея плѣненію.

Съ отбытіемъ Государя изъ Москвы, 19-го Іюля, радостное волненіе, обыкновенно сопровождающее

пребываніе Монарховъ въ древней столицѣ, прекратилось и уступило мѣсто тишинѣ и размышленію. Начали вокругъ себя оглядываться. Не было страха, но появилась весьма понятная заботливость о будущемъ. Вмѣстѣ съ сыпавшимися отвсюду пожертвованіями раждалась мысль объ опасности, мысль еще неопредѣленная, потому что былъ цѣлъ Смоленскъ, почитаемый въ народномъ повѣрьи неодолимымъ оплотомъ, котораго не допустятъ перешагнуть непріятелю. Для Москвы не предполагали опасности; никто не помышлялъ уѣзжать изъ нея и вывозить имущество: только изъ предосторожности приготовляли къ отправленію нѣкоторыя казенныя вещи, для перевоза коихъ наняты были суда въ Коломнѣ. Отъ 26-го Іюля Графъ Ростопчинъ доносилъ Императору: «Въ городѣ до такой степени спокойно, что должно «удивляться. Причиною безстрашія суть ненависть «къ Наполеону и надежда въ скоромъ времени уви«дѣть его уничтоженнымъ. Государь! Вашъ народъ— «образецъ храбрости, терпѣнія, добродушія.»

Вскорѣ видъ Москвы мирной сталъ измѣняться. На улицахъ двигались военныя тяжести и артиллерія, приходившія изъ внутреннихъ губерній, или отправляемыя въ армію. Мастеровые были завалены подрядами на поставку для резервныхъ войскъ и ополченія сѣделъ, мундировъ, бѣлья, обуви, обозовъ. Госпитали и частные домы наполнялись ранеными, привозимыми съ разныхъ полей сраженія. Вездѣ

встрѣчались офицеры въ мундирахъ ополченія, ратники въ смурыхъ кафтанахъ, съ крестами на фуражкахъ, и надписью, которая была выраженіемъ всеобщаго чувства въ Россіи: «За Вѣру и Царя.» Сближеніе театра войны къ Смоленской губерніи не произвело особеннаго впечатлѣнія на Москву, хотя ее печалили слухи, часто противорѣчившіе одни другимъ, но согласные въ томъ, что нашествіе враговъ все ближе и ближе подвигается къ Днѣпру. Когда въ исходѣ Іюля воюющія арміи остановились на двѣ недѣли близъ Смоленска, въ Москвѣ были увѣрены, что дальнѣйшее стремленіе непріятелей внутрь Россіи будетъ удержано, и начали привыкать къ мысли, что Наполеонъ стоитъ близъ Смоленска. Спокойствіе въ городѣ содѣлывало ненужными всякія особенныя мѣры, хотя, впрочемъ, были приняты нѣкоторыя предосторожности, напримѣръ, отрѣзали у большихъ колоколовъ веревки, чтобы нельзя было ударить въ набатъ. Послѣдствія показали, что и сія мѣра была лишняя. Въ Москвѣ, какъ и во всей коренной Россіи, не нашлось предателей, надъ которыми должно гремѣть проклятію въ потомствѣ. Изъ 200,000 жителей Москвы только одинъ 23-хъ лѣтній молодой человѣкъ подвергся законному осужденію за составленіе пасквильнаго сочиненія. По разсмотрѣнію дѣла Сенатомъ, оказалось, что и этотъ молодой человѣкъ «поступилъ изъ одной вѣтренности (*).»

(*) Слова изъ Сенатскаго опредѣленія.

Народъ возненавидѣлъ иностранцовъ и обижалъ ихъ на улицахъ, равно какъ и тѣхъ, кто говорили на иностранныхъ языкахъ, а не по Русски. Въ Москвѣ жило тогда 3,600 Французовъ; Правительство оказывало имъ возможную защиту. Гдѣ найдется земля, въ которой такое число Французовъ, бывшихъ въ городѣ, угрожаемомъ нашествіемъ Французской арміи, могли бы жить, не только спокойно, но даже занимаясь торговлею и промыслами? Изъ нихъ только 43, замѣченныхъ особенно по дурному поведенію и вредному образу мыслей (*), «выборная каналья изъ каналій (**),» были отправлены водою въ Саратовъ. Въ числѣ ихъ находились актеры, ремесленники, аффористы, и 14 воспитателей юношества, учителей и гувернеровъ. Высылка Французскихъ бездѣльниковъ изъ Москвы не была мѣрою, принятою начальствомъ произвольно, но основывалась на Высочайшемъ положеніи, состоявшемся 2-го Іюля, въ лагерѣ при Дриссѣ, объ иностранцахъ вообще. Симъ положеніемъ опредѣлялось: 1), Въ губерніяхъ оставить только тѣхъ иностранцовъ, въ благонадежности которыхъ Губернаторъ приметъ на себя отвѣтственность, что они, ни личными внушеніями, ни другими средствами не могутъ подать

(*) Отношеніе Графа Ростопчина Министру Полиціи, отъ 18-го Августа.

(**) Собственныя слова Графа Ростопчина изъ отношенія къ тому же, отъ 23-го Августа.

повода къ нарушенію спокойствія, или къ совращенію съ пути Русскихъ подданныхъ. 2), Всѣхъ иностранцовъ, которые окажутся неблагонадежными, выслать за границу моремъ. 3), Тѣхъ изъ нихъ, коихъ отправленіе за границу сочтется неумѣстнымъ, по уваженію, что разглашеніями въ чужихъ краяхъ о внутреннемъ нашемъ положеніи, они могутъ подать поводъ къ неблагопріятнымъ и невыгоднымъ для Россіи послѣдствіямъ, выслать во внутреннія губерніи.

Въ печатныхъ объявленіяхъ, написанныхъ простымъ, но сильнымъ слогомъ, Графъ Ростопчинъ бесѣдовалъ съ жителями и сообщалъ имъ извѣстія изъ армій. Главное достоинство его объявленій, или, какъ ихъ называли, афишекъ, состояло въ томъ, что они согрѣвали теплую любовь къ Престолу и возбуждали къ непріятелю ненависть и презрѣніе. Несправедливо возражали, что слогъ афишекъ былъ неприличенъ въ обнародованіяхъ отъ имени Главнокомандующаго столицею. Просвѣщенные люди не имѣли надобности въ побужденіяхъ на подвигъ, внушаемый святымъ долгомъ любви къ Отечеству, а потому простонародныя объявленія должны были въ сердцахъ нисшихъ сословій воспалять Русское молодечество. Читая одну изъ первыхъ афишекъ, Государь сказалъ о Графѣ Ростопчинѣ: «C'est l'homme de «la chose.» Для образца приведемъ слѣдующее объявленіе; изъ него можно судить въ какомъ смыслѣ написаны были и другія:

«Слава Богу! Все у насъ въ Москвѣ хорошо и спокойно. Хлѣбъ не дорожаетъ и мясо дешевѣетъ. Одного всѣмъ хочется, чтобы злодѣя побить, и то будетъ. Станемъ Богу молиться, да воиновъ снаряжать, да въ армію ихъ отправлять. А за насъ предъ Богомъ заступники: Божія Матерь и Московскіе чудотворцы, предъ свѣтомъ милосердый Государь нашъ Александръ Павловичъ, а предъ супостаты христолюбивое воинство; а чтобы скорѣе дѣло рѣшить, Государю угодить, Россію одолжить и Наполеону насолить, то должно имѣть послушаніе, усердіе и вѣру къ словамъ начальниковъ, и они рады съ вами и жить и умереть. Когда дѣло дѣлать, я съ вами; на войну идти, передъ вами, а отдыхать, за вами. Не бойтесь ничего; нашла туча, да мы ее отдуемъ; все перемелется, мука будетъ, а берегитесь одного: пьяницъ, да дураковъ; они распустя уши шатаются, да и другимъ въ уши въ расплохъ надуваютъ. Иной вздумаетъ, что Наполеонъ за добромъ идетъ, а его дѣло кожу драть: обѣщаетъ все, а выйдетъ ничего. Солдатамъ сулитъ фельдмаршальство, нищимъ золотыя горы, а всѣхъ ловитъ за виски, да въ тиски, и пошлетъ на смерть; убьютъ либо тамъ, либо тутъ. А для сего и прошу, если кто изъ нашихъ, или изъ чужихъ, станетъ его выхвалять и сулить и то и другое, то какой бы онъ ни былъ, за хохолъ, да на съѣзжую: тотъ кто возьметъ, тому честь, слава и награда, а кого возьмутъ, съ тѣмъ я раздѣлаюсь, хоть пяти пядей будь во лбу; мнѣ на то и власть дана и Государь изволилъ приказать, беречь матушку Москву, а кому жъ беречь мать, какъ не дѣткамъ! Ей Богу, братцы, Государь на васъ, какъ на Кремль надѣется, а я

за васъ присягнуть готовъ. Не введите въ слово. А я вѣрный слуга Царской, Русской баринъ, и православный Христіанинъ. Вотъ моя и молитва: Господи Царю Небесный! Продли дни благочестиваго земнаго Царя нашего! Продли благодать Твою на православную Россію, продли мужество Христолюбиваго воинства, продли вѣрность и любовь къ Отечеству православнаго Русскаго народа! Направь стопы воиновъ на гибель враговъ, просвѣти и укрѣпи ихъ силою Животворящаго Креста, чело ихъ охраняюща, и симъ знаменіемъ побѣдиши.»

Духовенство, въ проповѣдяхъ, врачевало унылыя души. Какъ говорили пастыри церкви, можетъ послужить примѣромъ слѣдующій отрывокъ изъ проповѣди, произнесенной Преосвященнымъ Августиномъ, 28-го Іюля, въ Успенскомъ Соборѣ:

«Храбрый Россійскій народъ! Воззри на святые гробы опочивающихъ здѣсь угодниковъ Божіихъ. Нетлѣнныя тѣлеса ихъ, сіи залоги любви и чудодѣйствія Божія, ввѣрены благочестію твоему. Возстани, возстани на охраненіе Святыни, благоговѣйно тобою чтимыя, возстани на защищеніе алтарей Бога твоего. Поборай по Господѣ и Господь поборетъ по тебѣ. Вооружись на спасеніе достоянія своего, женъ и дѣтей своихъ; пріими щитъ вѣры и упованія на Бога спасающаго; облецыся въ броню правды и мужества. Не предаждь законовъ отеческихъ; вѣрностію къ Царю посрами лесть врага, мужествомъ сокруши силы его. Россіяне! Аще будете съ Господемъ, дерзайте, стойте и зрите, спасеніе еже отъ Господа: Господь бо поборетъ по насъ!»

Взятіе Смоленска огромило Москву, какъ будто для враговъ отверзся путь въ столицу. Таково было и на всю Россію вліяніе извѣстія о паденіи Смоленска. Вотъ собственныя слова Государя: «La «perte de Smolensk produisit un effet moral immense sur «tout l'empire (*).» «Народъ,» доносилъ Графъ Ростопчинъ, «менѣе испуганъ, нежели раздраженъ; «онъ видитъ себя униженнымъ и готовъ отмстить «за свою обиду. Москва и вѣрные ея жители соеди- «нятся съ арміями на защиту наслѣдія Вашего «Величества и Вашей славы. Никто не согласится «пережить вѣчный стыдъ (**).» Каждый день, съ утра до вечера, во всѣ заставы, кромѣ Дорогомиловской, тянулись вереницы каретъ, колясокъ, повозокъ и нагруженныхъ телегъ. Бывали дни, когда на иной заставѣ прописывали по 2000 выѣзжавшихъ экипажей. На баркахъ также отправляли имущество. «Я взялъ свои мѣры,» продолжаетъ Графъ Ростопчинъ, «чтобы ничего здѣсь не осталось, если не- «пріятель дойдетъ до Москвы, но начну уклады- «вать, когда непріятель будетъ около Вязьмы. На- «родъ Вашего Величества можетъ служить при- «мѣромъ вѣрности и повиновенія.» Какъ непреложное доказательство, что Смоленскъ уже во власти враговъ, прибыла въ Москву икона Смоленской Божіей Матери, и поставлена сперва въ первой

(*) Письмо Государя къ Барклаю де-Толли, отъ 24-го Ноября.

(**) Донесеніе отъ 13-го Августа.

отъ въѣзда церкви Св. Василія Неокесарійскаго, откуда потомъ понесли ее два Архимандрита въ Успенскій Соборъ. Впереди шли хоругви; за ними духовенство. Синодальные пѣвчіе пѣли канонъ Божіей Матери. Изъ каждой церкви, мимо которой слѣдовало шествіе, духовенство выходило на срѣтеніе со Крестами; звонили въ колокола; народъ восклицалъ: «Матерь Божія, спаси землю Русскую!»

Пала Вязьма. Для отвоза изъ Москвы казеннаго имущества вытребованы подводы изъ всѣхъ уѣздовъ, кромѣ прилегавшихъ къ Смоленской губерніи, гдѣ онѣ были нужны для арміи. Присутственныя мѣста и учебныя заведенія тронулись изъ Москвы въ Казань; оставался только Сенатъ. На улицахъ всюду видны были отправлявшіеся обозы; въ домахъ укладывали вещи цѣнныя. Министры и начальники различныхъ управленій посылали изъ Петербурга одно приказаніе за другимъ о мѣрахъ предосторожности и способахъ отправленія. Неограниченна была заботливость общей Матери Русскихъ сиротъ, Императрицы Маріи Ѳеодоровны, о заведеніяхъ Ея Величества. Безъ сердечнаго умиленія нельзя читать распоряженій Ея. Вотъ между прочимъ собственноручныя строки Государыни къ Начальнику Опекунскаго Совѣта, Сенатору Лунину: «Не скрываю душевной Моей скорби о зло-«получныхъ обстоятельствахъ, принуждающихъ васъ, «съ заведеніями, которыми Я столько утѣшалась,

«искать убѣжища внѣ священныхъ стѣнъ Москвы; «но да будетъ воля Того, Кто испытуетъ Вѣру «нашу въ Него. Увѣрьте всѣхъ родителей, что дѣти «ихъ для насъ святой залогъ, которыхъ мы будемъ «защищать какъ нашихъ собственныхъ (*).»

Горестны были обстоятельства, но Москвичи не унывали. Графъ Ростопчинъ доносилъ: «Жители требуютъ «оружія и оно готово, но я имъ вручу его наканунѣ «дня, который долженъ будетъ рѣшить участь Моск- «вы. Если Провидѣніе опредѣлило Наполеону въ нее «войдти, то онъ не найдетъ ничего для удовлетворе- «нія своего корыстолюбія. Деньги будутъ вывезены; «вещи зарыты. Армія и Москва соединятся во едино «для спасенія Россіи. Сегодня 5,000 человѣкъ идутъ «къ арміи; они выступаютъ, какъ на праздникъ (**).» Въ половинѣ Августа составилось ополченіе. Передъ выступленіемъ изъ Москвы собралось оно у Спасскихъ казармъ, куда прибылъ управлявшій Московскою Митрополіею Викарій Августинъ благословить воиновъ. Послѣ молебнаго пѣнія и водосвятія, совершенныхъ при стеченіи многочисленнаго народа, пастырь кропилъ ратниковъ святою водою, говоря: «Господь силъ съ вами! Господь поборетъ по васъ!» Не было у Ополченія знамени. Преосвященный взялъ изъ приходской церкви Спаса во Спасской хоругвь и вручилъ ее земскому войску, предрекая побѣду.

(*) Рескриптъ Сенатору Лунину, отъ 19-го Августа.

(**) Донесеніе отъ 14-го Августа.

Назначеніе Кутузова Главнокомандующимъ арміями произвело въ Москвѣ общій восторгъ, и возродило увѣренность въ скорую и рѣшительную битву. Когда узнали, что Кутузовъ остановился впереди Можайска, всѣ жители столицы были измучены ожиданіемъ близкаго сраженія, долженствовавшаго опредѣлить участь Москвы, а съ нею, по тогдашнему образу мыслей, и жребій Государства. Народъ только ожидалъ слова отъ Графа Ростопчина, алкая идти на смерть, еслибы въ слѣдствіе сраженія было нужно защищать Москву (*). Въ самый день Бородинской битвы, когда бываетъ крестный ходъ изъ Успенскаго Собора въ Срѣтенскій монастырь, носили туда икону Смоленской Божіей Матери, вмѣстѣ съ Чудотворнымъ Образомъ Владимірской Богородицы. Молили Божественную Заступницу осѣнить вновь Россію своимъ покровомъ, подобно тому, какъ при нашествіи Тамерлана, когда онъ уже дошелъ до Ельца, и послѣ принесенія Владимірской иконы въ столицу, бѣжалъ, никѣмъ не гонимый. Томимые нетерпѣніемъ узнать скорѣе вѣсти изъ арміи, многіе выходили за Дорогомиловскую заставу, и останавливали курьеровъ, которые обыкновенно и въ улицахъ бывали по нѣскольку разъ задерживаемы и осыпаемы вопросами. Наконецъ привезли въ Москву извѣстіе, что загорѣлось общее сраженіе.

(*) Отношеніе Графа Ростопчина Министру Полиціи, отъ 23-го Августа.

Въ два часа по полудни 26-го Августа, Князь Кутузовъ послалъ къ Графу Ростопчину слѣдующее письмо: «Прошу васъ ради Бога, Графъ Ѳедоръ Василье-«вичъ, прикажите къ намъ немедленно изъ арсе-«нала прислать на 500 орудій комплектныхъ заря-«довъ, болѣе батарейныхъ.» Внизу была приписка собственной руки Фельдмаршала. «Сраженіе самое «кровопролитное. Будемъ удерживать. По сю-пору «идетъ порядочно.» Передъ окончаніемъ битвы, Князь Кутузовъ послалъ къ Графу Ростопчину курьера съ другимъ письмомъ, увѣдомляя о намѣреніи своемъ возобновить сраженіе въ слѣдующій день. Отъ одного конца Москвы до другаго, загремѣло: «Побѣда! Побѣда!» Спѣшили къ Иверской Божіей Матери служить благодарственные молебны. Казалось вѣрнымъ, что удержатъ непріятеля. Извѣщая о Бородинскомъ сраженіи въ печатномъ объявленіи, Графъ Ростопчинъ присовокупилъ: «Православные! Будьте спокойны; кровь «нашихъ проливается за спасеніе Отечества; наша «готова, и если придетъ время, мы подкрѣпимъ «войска. Богъ укрѣпитъ силы наши, и злодѣй поло-«житъ кости свои въ землѣ Русской.»

Радость о данномъ непріятелю отпорѣ была кратковременна. Скоро вѣсть объ отступленіи арміи отъ Бородина достигла до Москвы. Не прошло трехъ дней, и жертвы Бородинскаго побоища начали вдвигаться въ стѣны столицы. По улицамъ тянулись

нескончаемые ряды повозокъ съ ранеными. Когда повозки останавливались, Москвичи клали въ нихъ деньги, хлѣбъ, спѣшили обмывать запекшіяся язвы храбрыхъ, обвязывали ихъ платками, полотенцами. Лафертовскій дворецъ былъ главнымъ пристанищемъ раненыхъ. Для услажденія ихъ скорби не доставало утѣшенія Вѣры. Августинъ отправилъ къ нимъ духовенство съ чудотворными иконами Иверской и Смоленской Божіей Матери. Посреди страдальцовъ совершены молебное пѣніе и водосвятіе. Труженики оставляли скорбное ложе и прекращали стоны, исторгаемые болью. Лишенные ногъ ползли, другіе тащились на костыляхъ приложиться къ Подательницѣ отрадъ и окропиться святою водою, какъ будто предчувствуя, что благодатное посѣщеніе для многихъ изъ нихъ было напутствіемъ смерти. Усердіе Бородинскихъ воиновъ при священномъ дѣйствіи было таково, что иконы возвратились въ храмы уже ночью.

Увеличилось число отъѣзжавшихъ. На пути своемъ часто должны были они слушать упреки крестьянъ за оставленіе столицы. «Куда бѣжите? аль Москва «въ невзгодьи вамъ не мила?» говорили крестьяне удалявшимся изъ нея. Одного казеннаго имущества вывезено изъ Москвы на 63,000 подводъ. Въ ночи съ 30-го на 31-е отправили въ Нижній-Новгородъ колодниковъ, на которыхъ потомъ Наполеонъ безстыдно взвалилъ зажженіе Москвы. Пустѣла столица, но остававшіеся въ ней не робѣли и толпились

у арсенала, гдѣ продавалось всякое оружіе дешевою цѣною: ружье и карабинъ по 2 и по 3 рубля, сабля, пика, кортикъ по рублю и дешевле. «Народъ «Москвы и окрестностей,» писалъ Графъ Ростопчинъ отъ 29-го Августа (*), «будетъ драться отчаянно въ «случаѣ приближенія нашей арміи, которая теперь «уже въ 87-ми верстахъ отсюда.» Главными дѣйствовавшими въ Москвѣ лицами были Архіерей, Сенатъ и Графъ Ростопчинъ. Народъ смотрѣлъ на нихъ, ждалъ, что они станутъ дѣлать, внималъ проповѣдямъ перваго, читалъ воззванія послѣдняго. До 29-го Августа, Сенатъ не закрывалъ присутствія, что во многомъ способствовало къ успокоенію жителей, ибо въ мнѣніи Русскаго народа, со времени Петра Великаго, Сенатъ сохраняетъ особенную важность. Полагая, что Князь Кутузовъ дастъ сраженіе подъ Москвою, Графъ Ростопчинъ и Преосвященный согласились идти на Три Горы, съ крестнымъ ходомъ, для приготовленія и благословенія народа и воинства къ рѣшительной битвѣ. Достопамятное воззваніе, изданное по сему случаю Графомъ Ростопчинымъ, было слѣдующаго содержанія:

«Братцы! сила наша многочисленна и готова положить животъ, защищая Отечество, и не впустить злодѣя въ Москву. Но должно пособить, и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжкій своихъ выдавать. Москва наша мать. Она насъ поила, кормила и обогатила. Я васъ призываю именемъ

(*) Отношеніе Министру Полиціи.

Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли Русской. Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ, и конные и пѣшіе; возьмите только на три дни хлѣба; идите со крестомъ; возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ на Трехъ Горахъ; я буду съ вами; вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ, кто не отстанетъ; вѣчная память, кто мертвой ляжетъ; горе на страшномъ судѣ, кто отговариваться станетъ!»

Прибылъ изъ Виѳаніи въ Москву 75-ти-лѣтній Митрополитъ Платонъ. По обширному уму, окрыленному теплою вѣрою, и увлекательному краснорѣчію, былъ онъ предметомъ благоговѣйнаго почитанія паствы, и не хотѣлъ оставить ея въ тогдашнемъ бѣдствіи. Хотя онъ изнемогалъ подъ бременемъ лѣтъ и болѣзней, и уже былъ уволенъ отъ управленія епархіею, однако думалъ, что его присутствіе необходимо въ столицѣ, для укрѣпленія сердецъ, колебавшихся между страхомъ и надеждою. Разнесся слухъ, что самъ Платонъ выйдетъ на Три Горы. Мысль сія таилась въ сердцѣ архипастыря, но языкъ его уже коснѣлъ, глаза тускнули, и онъ едва могъ передвигать ноги. Старецъ скорбѣлъ о безсиліи своемъ. Прибытіе его въ Москву обнаружило только послѣдній порывъ любви его къ Отечеству. Услышавъ о движеніи войскъ нашихъ отъ Можайска къ Москвѣ, Платонъ встревожился, цѣлый день не вкушалъ пищи, но не хотѣлъ выѣзжать изъ Москвы. Говорили ему, что армія отступаетъ къ Москвѣ, а непріятель

идетъ слѣдомъ за нею, что для спасенія Россіи, можетъ быть, и Москва будетъ уступлена, но Платонъ твердилъ: «Что враги мнѣ сдѣлаютъ?» и оставался въ Москвѣ, тогда, какъ таборы непріятельскіе были уже недалеко отъ Дорогомиловской заставы. Августинъ пріѣхалъ къ Митрополиту и убѣждалъ его удалиться. Долго не соглашался Платонъ. Наконецъ, онъ упалъ на колѣни передъ образомъ Спасителя, молился со слезами, самъ не могъ встать: его подняли; карета уже была готова; его посадили въ нее и повезли, вечеромъ 31-го Августа, съ Троицкаго подворья прямо въ Виѳанію.

Прошелъ Августъ. «До 26-го числа,» доносилъ Графъ Ростопчинъ, «я употребилъ всѣ средства къ «успокоенію жителей и ободренію общаго духа, но «поспѣшное отступленіе арміи, приближеніе непріятеля и множество прибывающихъ раненыхъ, коими «наполнялись улицы, произвели ужасъ. Видя самъ, «что участь Москвы зависитъ отъ сраженія, я рѣшился содѣйствовать отъѣзду малаго числа остававшихся жителей. Головою ручаюсь, что Бонапартъ найдетъ Москву столь же опустѣлою, какъ Смоленскъ. «Все вывезено, Коммиссаріатъ, Арсеналъ. Теперь занимаюсь ранеными; ежедневно привозятъ ихъ до «1,500» (*). Донесеніе свое Графъ Ростопчинъ заключилъ слѣдующими словами, которыя суть самое вѣрное изображеніе чувствованій, исполнявшихъ тогда всѣхъ Русскихъ, Монарха и подданныхъ Его:

(*) Донесеніе отъ 1-го Сентября.

«Да будетъ слово: «*миръ*, далеко отъ Вашего Величе-«ства. Русскіе возпріимутъ свое мѣсто во вселенной, «и Вы восторжествуете надъ Вашимъ врагомъ. Мо-«жетъ быть, это сбудется скоро. Ваши подданные «проливаютъ кровь и не скорбятъ. Господь Богъ не «введетъ Васъ во искушеніе. Вы будете избавите-«лемъ свѣта.» Благодаря Графа Ростопчина за дѣй-ствія его, Государь отвѣчалъ: «Вамъ легко предста-«вить себѣ все, что во Мнѣ происходитъ. Но Меня «не оставляетъ надежда на Провидѣніе, мужество «нашихъ войскъ и духъ нашего достопочтеннаго на-«рода. Съ постоянствомъ и помощію Божіею, мы по-«боремъ чудовище, которое губитъ Европу.»

Настало 1-е Сентября, день предшествовавшій плѣненію столицы. Отъ ранняго утра видѣли въ Москвѣ сооруженіе укрѣпленій близъ Поклонной горы, скопленіе у Дорогомиловской заставы войскъ, коими покрывалась вся окрестность; наконецъ, при закатѣ солнца, зажглись бивачные огни. Зарево ихъ освѣщало до половины неба, такъ, что отъ него на Московскихъ улицахъ было свѣтло. Народъ не сомнѣвался въ близкомъ сраженіи. Тысячи спѣшили въ арсеналъ за оружіемъ. Въ тотъ день его раздавали даромъ. Кто не хотѣлъ идти въ арсеналъ, отдавалъ послѣднія деньги за оружіе, продававшееся чрезвычайно высокою цѣною. Августинъ совершалъ литургію въ Успенскомъ Соборѣ. Во время служенія, онъ проливалъ слезы, вмѣстѣ со всѣми предстоявшими.

Соборъ былъ полонъ молельщиковъ и рыданія. Обрекаясь умереть за родину, многіе напутствовали себя пріобщеніемъ Святыхъ Таинъ. Духовенство готовилось, съ хоругвями и иконами, идти на Три Горы, куда стекались для защиты Москвы, вооруженные кто чѣмъ могъ, ружьями, пиками, топорами, крича въ одинъ голосъ: «Да здравствуетъ батюшка «Александръ Павловичъ!» (*) Къ вечеру, на сборномъ мѣстѣ было уже множество народа, ожидавшаго тамъ Графа Ростопчина и Преосвященнаго. Другія толпы тѣснились около подворья Архіерейскаго, говоря, что непріятель уже вступаетъ въ Москву. Въ такомъ положеніи была вѣрная Москва, когда въ 8 часовъ Графу Ростопчину вручили слѣдующее письмо отъ Князя Кутузова, отправленное послѣ военнаго совѣта въ Филяхъ: «Непріятель, отдѣливъ «колонны свои на Звенигородъ и Боровскъ, и невы«годное здѣшнее мѣстоположеніе, вынуждаютъ меня «съ горестію Москву оставить. Армія идетъ на Ря«занскую дорогу. По сему покорно прошу васъ при«слать мнѣ съ симъ же адъютантомъ моимъ Монтре«зоромъ (**) сколько можно болѣе полицейскихъ офи«церовъ, которые могли бы армію проводить чрезъ «разныя дороги на Рязанскую.»

Исполнивъ повелѣніе Фельдмаршала, Графъ

(*) Изъ рукописныхъ записокъ очевидца, Бестужева-Рюмина.

(**) Нынѣ Генералъ-Лейтенантъ.

Ростопчинъ приказалъ всѣмъ воинскимъ командамъ и вѣдомствамъ выступать изъ Москвы, снявъ предварительно караулы, что было сдѣлано въ 4-мъ часу по полуночи. Всѣ подводы, какія только можно было найдти, употребили для отвоза больныхъ и раненыхъ. Полиціи и пожарной командѣ съ трубами велѣно отправиться во Владиміръ. Посланы чиновники разбивать бочки съ виномъ на винномъ дворѣ, и жечь на Москвѣ рѣкѣ всѣ барки съ частнымъ и казеннымъ имуществомъ, которыя не успѣютъ уйдти до вступленія непріятеля. Тогда же, Августинъ, весь вечеръ ожидавшій отъ Графа Ростопчина увѣдомленія, въ какое время назначаетъ онъ быть крестному ходу на Три Горы, получилъ отъ него извѣстіе о рѣшеніи Князя Кутузова оставить Москву. Среди темноты осенней ночи, Августинъ взялъ изъ Успенскаго Собора Владимірскую Богоматерь, а изъ часовни отъ Воскресенскихъ воротъ Иверскую, и уѣхалъ съ ними изъ города, поручивъ бѣдствующую столицу небесному покровительству. На улицахъ, отъ выѣзжавшихъ поспѣшно экипажей, столь было шумно, что словъ человѣческихъ разслушать было не можно. Тѣснота была превеликая, и при томъ, одинъ другаго старался опередить (*). Вокругъ столицы пылали села, деревни, биваки. Огромное зарево

(*) Записка Николаевскаго - Прервинскаго Архимандрита, выѣхавшаго изъ Москвы вмѣстѣ съ Преосвященнымъ Августиномъ.

разливалось во мракѣ. По Владимірской дорогѣ тянулись обозы и раненые, толпились пѣшіе и конные. По ней ѣхалъ Архипастырь съ иконами, и слышалъ укоризны отъ встрѣчавшихся крестьянъ, за оставленіе паствы, подобно наемнику. То былъ патріотическій ропотъ Русскихъ: силу и могущество Государства полагали они въ Москвѣ. «Когда ужь не устояла Мо-«сква,» говорили православные, «гдѣ устоять Россіи!»

—

ГЛАВА XVI.

ОСТАВЛЕНІЕ МОСКВЫ.

—

Вступленіе войскъ въ Москву. — Смятеніе въ улицахъ. — Благонравіе народа. — Войско и народъ выходятъ за городъ. — Князь Кутузовъ у Коломенской заставы. — Затруднительное положеніе арріергарда.—Отправленіе Акинфова переговорщикомъ.— Разговоръ съ нимъ Мюрата. — Условіе, заключенное съ непріятелемъ. — Москва открывается передъ взорами Наполеона. — Онъ подъѣзжаетъ къ Дорогомиловской заставѣ. — Дополненіе къ условію о прекращеніи военныхъ дѣйствій. — Непріятель вступаетъ въ Москву.—Народъ встрѣчаетъ его въ Кремлѣ выстрѣлами.—Смѣлыя дѣйствія Милорадовича.—Движеніе отряда Винцингероде. — Покинутые въ Москвѣ снаряды, оружіе, доспѣхи воинскіе.— Число оставшихся въ Москвѣ раненыхъ и жителей.

—

До зари, 2-го Сентября, въ понедѣльникъ, обозы и артиллерія вступили въ Дорогомиловскую заставу; на разсвѣтѣ послѣдовали за ними пѣхота и конница. «Идемъ въ обходъ,» говорили солдаты. Помышляя о новой встрѣчѣ съ непріятелемъ, они

не знали, что въ тотъ день назначалось не испытаніе мужеству ихъ на полѣ ратномъ, но скорбное испытаніе любви къ Отечеству. Часу въ 8-мъ поутру, Фельдмаршалъ, спокойный, величавый въѣхалъ верхомъ въ городъ, куда ночью безъ позволенія никто не могъ изъ лагеря отлучаться. Стоявшимъ у заставы жителямъ, Князь Кутузовъ сказалъ: «Головою ручаюсь, что непріятель погибнетъ въ «Москвѣ!» За заставою, оборотясь къ своей свитѣ, Князь Кутузовъ спросилъ: «Кто изъ васъ знаетъ «Москву?» Вызвался любимый его ординарецъ, Князь Голицынъ (*), и по приказанію Фельдмаршала провелъ его по бульварамъ до Яузскаго моста, такими улицами, гдѣ почти никого не было.

Ранѣе обыкновеннаго началъ сходиться народъ на улицахъ и площадяхъ, особенно тамъ, гдѣ проходила армія; прочія части города уподоблялись пустынѣ: на нихъ не видно было ни души. Войска скоро узнали настоящую цѣль движенія, шли въ глубокомъ молчаніи, не теряли духа, не роптали, но на лицахъ замѣтно было огорченіе; въ рядахъ отзывался тихій, унылый говоръ. Жители смотрѣли на полки безмолвно, а иные укоряли ихъ, за чѣмъ они не отразили непріятеля. Многіе изъ простолюдиновъ сомнѣвались, что непріятель идетъ вслѣдъ за нами. Надобно было убѣждать ихъ въ истинѣ

(*) Нынѣ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, бывшій Губернскій Предводитель во Владимірѣ.

честнымъ словомъ, даже клятвою. Удостовѣрясь въ справедливости нашихъ словъ, каждый спѣшилъ уходить. Недостатокъ въ лошадяхъ былъ общій. Ни за какія деньги нельзя было нанять ихъ. Цѣлыя семейства бродили по улицамъ, спрашивая: въ которую сторону безопаснѣе направить путь? Суетились, бѣгали, сами не зная куда, потому что предварительно не было повѣщено объ оставленіи города. Старались уносить съ собою свое лучшее имущество, и въ торопяхъ, вмѣсто вещей цѣнныхъ, брали вещи ничего не стоящія. Упрямство нѣкоторыхъ Москвичей отвергать приближеніе непріятеля простиралось до того, что вѣрили небылицамъ. За нѣсколько дней разнеслись слухи о прибытіи въ Петербургъ и движеніи къ Москвѣ Англійскаго вспомогательнаго корпуса. Слухи сіи до такой степени усилились, что при вступленіи первыхъ непріятельскихъ войскъ въ Московскія заставы, были слышны голоса: «Вотъ «Англичане! Они идутъ выручать насъ.»

Большая часть лавокъ и магазиновъ были заперты; въ остальныхъ укладывали товары, заколачивали ихъ въ ящики, вязали въ тюки, зарывали въ землю. Почти всѣ домы стояли опустѣлые; иные отворенные настежь, что подавало поводъ къ шалостямъ, которыхъ было однако же мало. Вообще, за немногими исключеніями, неизбѣжными въ подобныхъ обстоятельствахъ, никакое безчиніе не нарушало общественнаго спокойствія во время прохода

арміи Москвою. Горестные часы сіи были истиннымъ торжествомъ благонравія Русскаго народа. Вообразите обширнѣйшій городъ въ Европѣ, гдѣ не было тогда ни карауловъ, ни властей, и посреди его народъ, ожидавшій всѣхъ ужасовъ отъ кровожаднаго непріятеля. И никто не предавался грабежу, или своеволію; толпились въ церквахъ, становились по улицамъ на колѣни передъ образами. Наступило время обѣдни, и хотя не раздавался благовѣсть, однако же въ немногихъ церквахъ не было молящихся. Генералы и офицеры, заливаясь слезами, принимали во храмахъ благословеніе духовенства. Священникъ Николоямской церкви (*), мимо коей шла одна колонна, стоялъ на паперти, въ облаченіи, съ иконою Святаго Николая, напрестольнымъ крестомъ и зажженными свѣчами. Онъ окроплялъ святою водою войско, осѣнявшее себя знаменіемъ креста и жадно ловившее капли святой воды. Солдаты громко взывали: «Врагъ нашъ погибъ, а не мы!»

У Яузскаго моста, по которому, какъ черезъ дефилею, надлежало проходить войскамъ, тѣснота была неизбѣжна. Тутъ Графъ Ростопчинъ встрѣтилъ Князя Кутузова, и началъ что-то говорить ему. Фельдмаршалъ не отвѣчалъ ни слова, приказывая скорѣе очищать мостъ. Отсюда до Коломенской заставы движеніе народа и всякаго рода тяжестей смѣшалось съ движеніемъ полковъ, отъ чего произошли

(*) Петръ Платоновъ.

неминуемые безпорядки, разломано нѣсколько кабаковъ и лавокъ. Народъ Русской пьетъ одинаково и съ горя и съ радости. Возстановляли, какъ могли, порядокъ; городъ все болѣе и болѣе очищался. Миновавъ Коломенскую заставу, Графъ Ростопчинъ сказалъ: «Занавѣсъ опустился; моя роль сыграна!» У этой заставы, близъ Старообрядческаго кладбища, остановился Князь Кутузовъ, сошелъ съ лошади и сѣлъ на дрожки, обращенныя къ Москвѣ. Погруженный въ глубокую думу, облокотясь головой на руку, смотрѣлъ онъ на златоглавую столицу, какъ будто прислушиваясь къ послѣднему ея воздыханію. Войско становилось для привала по обѣимъ сторонамъ дороги. Отъ сонмовъ шедшаго народа и тѣснившихся экипажей и повозокъ, пыль вилась столбомъ и застилала лучи догаравшаго солнца. Москва уходила изъ Москвы. Здѣсь старцы, согбенные лѣтами, брели, спотыкаясь; тамъ родители, обремененные ношею дѣтей и самаго необходимаго имущества, торопились уходить отъ лютаго врага. Стороны дороги покрыты были толпами скитальцовъ, не знавшихъ къ отрадѣ своей ничего, кромѣ слезъ и рыданій. Дѣти, затерявшія родителей, отыскивали отцовъ и матерей. Вокругъ Кутузова часто слышны были восклицанія: «Что съ нами станется? Куда «идемъ? Куда онъ насъ завелъ?» Но Князь Кутузовъ былъ неподвиженъ, какъ будто ничего не видя и не слыша; онъ ожидалъ извѣстія отъ Милорадовича,

о томъ, что дѣлалось въ арріергардѣ. Первый пріѣхавшій отъ Милорадовича Адъютантъ донесъ, что онъ будетъ драться, если Мюратъ не приметъ сдѣланныхъ ему предложеній, и проситъ о подкрѣпленіи. Черезъ четверть часа пришло изъ арріергарда другое донесеніе о выговоренныхъ у непріятеля условіяхъ, которыми обезпечивалось движеніе нашего арріергарда. Князь Кутузовъ велѣлъ арміи продолжать маршъ къ Панкамъ, куда и самъ отправился.

Возвратимся къ Милорадовичу. Наканунѣ вечеромъ, послѣ окончанія военнаго совѣта въ Филяхъ, Фельдмаршалъ приказалъ ему по возможности задерживать непріятеля, стараясь дать время войскамъ, казеннымъ и частнымъ обозамъ выйдти изъ города. «Если нужно,» писалъ ему Кутузовъ, «по«чтите видомъ сраженія древнія стѣны Москвы.» Тогда же послалъ онъ Милорадовичу, для доставленія къ Бертье, подписанное Полковникомъ Кайсаровымъ, Французское письмо, въ коемъ, по принятому на войнѣ обыкновенію, наши больные и раненые въ Москвѣ поручались непріятелю. Утро 2-го Сентября застало Милорадовича у фарфоровыхъ заводовъ, въ 10-ти верстахъ отъ Москвы. Когда Французы двинулись впередъ, онъ началъ отступать медленно, и въ полдень пришелъ къ Поклонной горѣ. Непріятельскія колонны потянулись въ обходъ его, угрожая отрѣзать его отъ столицы. Тогда же донесли Милорадовичу, что артиллерія и обозы сперлись

на Дорогомиловскомъ мосту и въ улицахъ, и стоятъ недвижимы. Одни предлагали Милорадовичу завязать дѣло; другіе идти скорѣе назадъ. Такими средствами не достигалась главная цѣль, состоявшая въ выигрышѣ времени. Пока арріергардъ сталъ бы сражаться или отступать, обошедшій его непріятель могъ ворваться въ Москву, завладѣть артиллеріею, обозами, стѣснившимися въ улицахъ, и отрѣзать его. Милорадовичъ не принялъ ни одного изъ предложенныхъ мнѣній, и потребовалъ офицера, умѣвшаго свободно объясняться на Французскомъ языкѣ. Явился лейбъ-гусарскаго полка Штабсъ-Ротмистръ Акинфовъ (*). Милорадовичъ велѣлъ ему отвезти къ Мюрату присланное наканунѣ письмо о пощадѣ раненыхъ, и сказать, что если Французы хотятъ занять Москву невредимою, то они должны наступать не быстро и дать намъ спокойно выйдти изъ нея со всею артиллеріею и обозами; иначе Милорадовичъ будетъ сражаться передъ Москвою и въ улицахъ до послѣдняго человѣка, и вмѣсто Москвы оставитъ однѣ развалины. Одинъ изъ Адъютантовъ Милорадовича сказалъ: «On ne brave pas ainsi l'armée françoise.»— «C'est à moi à la braver et à vous à mourir!» отвѣчалъ Милорадовичъ. Онъ послалъ офицеровъ въ Москву, для приведенія въ устройство спершихся обозовъ, и велѣлъ Паскевичу стать у Дорогомиловскаго моста, съ 26-ю дивизіею, имѣвшею подъ ружьемъ не болѣе

(*) Нынѣ Сенаторъ.

1,200 человѣкъ. При нихъ не было артиллеріи: всѣ орудія были заблаговременно отосланы въ Москву.

Акинфовъ поѣхалъ въ непріятельскую армію. По сигналу трубача подъѣхалъ къ нему полковникъ 1-го Французскаго конно-егерскаго полка, провелъ его сперва къ командовавшему аванпостами Генералу Себастіани, а потомъ къ Мюрату. Проѣхавъ мимо 5-ти конныхъ полковъ, стоявшихъ развернутымъ фронтомъ впереди пѣхоты, Акинфовъ увидѣлъ Мюрата, въ блестящей одеждѣ и съ многочисленною свитою. Мюратъ приподнялъ свою шляпу, вышитую золотомъ и украшенную перьями, велѣлъ окружавшимъ его удалиться, и положа руку на шею лошади Акинфова, сказалъ: «Съ чемъ пріѣхали ко мнѣ?» — Вручивъ Мюрату письмо о покровительствѣ раненыхъ, Акинфовъ передалъ ему слова Милорадовича, что онъ вступитъ въ сраженіе и не оставитъ въ Москвѣ камня на камнѣ, если Французы будутъ напирать и не остановятъ тотчасъ движенія своихъ колоннъ, изъ коихъ одна была уже въ самомъ близкомъ разстояніи отъ Калужской заставы. Прочитавъ письмо, Мюратъ отвѣчалъ:—«Напрасно поручать больныхъ при«зору нашему; мы не имѣемъ обычая смотрѣть на «плѣнныхъ, какъ на непріятелей.» На вторую статью, касательно приказанія остановить движеніе войскъ, Мюратъ отозвался неимѣніемъ власти удовлетворить желаніе Милорадовича, не испрося предварительно разрѣшенія отъ Наполеона, къ которому и отправилъ

Акинфова, въ сопровожденіи своего Адъютанта. Проѣхавъ шаговъ съ 200, по направленію, гдѣ предполагали найдти Наполеона, Акинфовъ былъ остановленъ другимъ Адъютантомъ, воротившимъ его назадъ. «Желая сохранить Москву,» сказалъ ему Мюратъ, «соглашаюсь на предложеніе Генерала «Милорадовича и пойду такъ тихо, какъ вамъ угод- «но, съ тѣмъ, чтобы Москва занята была нами сего- «дня же.» Получивъ завѣреніе въ оставленіи Москвы Русскими въ тотъ же день, Мюратъ послалъ къ передовымъ войскамъ приказаніе остановиться и прекратить завязавшуюся перестрѣлку. Потомъ онъ спросилъ Акинфова: «Знаете ли вы Москву?»—«Я «уроженецъ Московскій,» было ему отвѣтствовано.— «И такъ,» продолжалъ Мюратъ, «прошу васъ угово- «рить жителей оставаться спокойными. Имъ не сдѣ- «лаютъ никакого вреда и не возьмутъ съ нихъ кон- «трибуціи; мы всячески будемъ заботиться объ ихъ «безопасности. Да не оставлена ли Москва жителя- «ми? Гдѣ Графъ Ростопчинъ?»—«Я былъ безпрестан- «но въ авангардѣ,» отвѣчалъ Акинфовъ, «и ничего «не знаю о Москвѣ и Графѣ Ростопчинѣ.» — «Гдѣ «Императоръ Александръ?»—«Не знаю.»—«Гдѣ «Великій Князь Константинъ Павловичъ?—«Не «знаю.»—«Я уважаю вашего Императора:» сказалъ Мюратъ, «и друженъ съ Великимъ Княземъ; очень «жалѣю, что обстоятельства заставили насъ воевать. «Тяжелая война!» — «Мы деремся за Отечество,»

сказалъ Акинфовъ, «и не примѣчаемъ трудностей «похода.»—«По чему не заключить мира?» спросилъ Мюратъ.—«Ни одна изъ воюющихъ армій еще не раз- «бита,» отвѣчалъ Акинфовъ, «и не можетъ похва- «литься совершенною побѣдою.»—«Пора мириться,» сказалъ Мюратъ улыбаясь, и предложилъ переговор- щику завтракъ, котораго тотъ не принялъ. «Повто- «ряю увѣреніе.» сказалъ Мюратъ, «что мы будемъ «заботиться о сохраненіи Москвы. Если соглашаюсь «на предложенія Генерала Милорадовича, то един- «ственно изъ особеннаго къ нему уваженія» Въ сопровожденіи того же конно-егерскаго полковника поѣхалъ Акинфовъ назадъ, и настигъ Милорадо- вича у Яузы. Выслушавъ посланнаго, Милорадо- вичъ сказалъ: «Видно Французы рады занять Мо- «скву; возвратитесь къ Мюрату, и въ дополненіе «условія предложите перемиріе до 7-ми часовъ слѣ- «дующаго утра, чтобы обозы и отсталые успѣли «выйдти изъ Москвы; въ противномъ случаѣ остаюсь «я при первомъ мнѣніи, и буду драться въ Москвѣ» (*).

По мѣрѣ отступленія Милорадовича съ Поклонной горы къ Москвѣ, подвигались за нимъ непріятели. Наполеонъ на разсвѣтѣ отправился съ ночлега къ арміи, находившейся въ полномъ движеніи. Въ 10-ть часовъ утра, онъ прибылъ на лежащую въ правой сторонѣ отъ большой дороги дачу, не доѣзжая Мо- сквы 12 верстъ. Тутъ встрѣченъ онъ былъ Мюратомъ;

(*) Изъ Записокъ Акинфова.

пошелъ съ нимъ влѣво на особый подлѣ церкви дворъ, и тамъ расхаживалъ болѣе часа. Одинъ изъ находившихся при немъ статскихъ чиновниковъ разспрашивалъ взятыхъ въ плѣнъ крестьянина и ратника объ окрестныхъ мѣстоположеніяхъ и Воробьевыхъ горахъ, и со словъ плѣнныхъ дѣлалъ отмѣтки на картѣ. Послѣ продолжительнаго разговора Мюратъ отправился впередъ, а Наполеонъ, отобѣдавъ, послѣдовалъ за нимъ. Онъ ѣхалъ тихо, соблюдая всевозможныя предосторожности. Бывшіе на пути лѣса и овраги приказывалъ онъ осматривать, и самъ, съ возвышеній, дѣлалъ обозрѣнія. Наполеону оставалось подняться на Поклонную гору, скрывавшую отъ него столицу. Передовые всадники взъѣхали на нее; раздались восклицанія: «Москва! Москва!» Русскимъ не трудно вообразить, какія чувствованія, въ ту минуту, наполняли враговъ. Стоитъ только мысленно перенестись въ то время, когда Александръ привелъ насъ на высоту между Бонди и Кле, откуда увидѣли мы впервые Монмартръ и башни Парижа! Прибылъ на Поклонную гору и Наполеонъ, предварительно, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, извѣщенный Мюратомъ о соглашеніи, заключенномъ съ Милорадовичемъ. Онъ утвердилъ условіе. Увидя Москву, Наполеонъ радостно воскликнулъ: «La voilà donc enfin cette fameuse ville!» Помолчавъ и насытясь созерцаніемъ добычи, онъ присовокупилъ: «Il étoit temps!» Онъ сошелъ съ лошади,

разсматривалъ карту, и въ зрительную трубу глядѣлъ на окрестности и стоявшія тамъ войска. Пробывъ долго въ семъ положеніи и не видя депутатовъ изъ Москвы, онъ приказалъ сдѣлать сигнальный выстрѣлъ, по которому авангарды всѣхъ корпусовъ должны были тронуться. Раздался гулъ орудія. Мюратъ пошелъ къ Дорогомиловской заставѣ, Понятовскій къ Калужской, Вице-Король къ Пречистенской и Тверской. За авангардами двинулись корпуса. Свѣтъ померкъ отъ поднявшейся столбомъ пыли, и среди облаковъ ея понесся Наполеонъ къ Москвѣ. Черезъ нѣсколько минутъ очутился онъ у Дорогомиловской заставы, сошелъ съ лошади и остановился на лѣвой сторонѣ дороги, у Камеръ-Коллежскаго вала.

Прежде Наполеона прибылъ къ заставѣ Мюратъ. Тутъ къ нему снова явился Акинфовъ, съ предложеніемъ: не начинать военныхъ дѣйствій до слѣдующаго утра. Мюратъ ласково принялъ переговорщика и согласился безпрекословно на предложеніе, но съ условіемъ: останавливать всѣ обозы, не принадлежащіе Русской арміи. Потомъ спросилъ онъ: «Сообщилъ «ли Акинфовъ Московскимъ жителямъ, что они мо«гутъ быть спокойны на счетъ своей безопасности?» Авангардъ Мюрата входилъ въ Москву, смѣшавшись съ казаками нашего арріергарда. Въ головѣ былъ 10-й Польскій полкъ, Уминскаго; за нимъ шли Прусскіе уланы Маіора Вертера, Виртембергскіе конные егеря, 4 полка Французской легкой конницы

и конная артиллерія. Войскамъ велѣно было соблюдать строжайшій порядокъ и ни подъ какимъ видомъ не слѣзать съ лошадей. Въ Новинской части не встрѣтили они ни одного человѣка; то же опустѣніе было на Арбатѣ. Тутъ наѣхали на двухъ иностранцовъ и взяли ихъ проводниками, поминутно спрашивая: «Гдѣ жители? Гдѣ мѣстныя начальства?» Отъ сихъ иностранцовъ узнали непріятели о выѣздѣ изъ Москвы дворянъ, духовенства, купцовъ, чиновниковъ, и что въ городѣ, кромѣ весьма малаго числа простаго народа, никого не осталось. Удивленіе непріятелей увеличивалось на каждомъ шагу, по мѣрѣ того, какъ по безлюдному городу подъѣзжали они къ Кремлю.

Народъ, не знавшій объ уступленіи Москвы и готовившійся отразить непріятелей, убѣдился наконецъ собственными глазами въ вступленіи враговъ въ городъ. Кипя любовію къ Отечеству, вѣрный народъ побѣжалъ въ арсеналъ. Человѣкъ 500 вооружились остававшимся тамъ оружіемъ, и заняли Никольскія ворота и пути, ведущіе къ соборамъ и чертогамъ Царскимъ. Едва Мюратъ въѣхалъ въ Кремль—то было въ половинѣ пятаго часа—какъ по немъ сдѣланъ выстрѣлъ. Въ то же мгновеніе ратникъ Московскаго ополченія бросился на одного Польскаго офицера, вѣроятно, принявъ его, по богатому мундиру, за генерала, можетъ быть и за самого Бонапарта, и убилъ врага, прежде нежели могли ему

воспрепятствовать. Къ сожалѣнію неизвѣстно имя новаго Курція, тутъ же окончившаго жизнь подъ ударами враговъ. Французы пошли къ арсеналу, полному народомъ, встрѣтившимъ ихъ ружейными выстрѣлами. По приказанію Мюрата поставили пушку и тремя выстрѣлами разогнали толпу. Изъ среды ея крестьянинъ кинулся на офицера, бывшаго при орудіи, раздробилъ ему прикладомъ черепъ и рвалъ его лицо зубами. Настала гробовая тишина. Разъѣзды непріятельскіе пошли во всѣ концы города.

Во время вступленія непріятельскаго въ Москву, арріергардъ нашъ выходилъ изъ нея безвредно. Обезпечивъ шествіе ввѣренныхъ ему войскъ, Милорадовичъ выѣхалъ за городъ и увидѣлъ влѣво двухъ Польскихъ улановъ, а за ними конницу, тянувшуюся на перерѣзъ Рязанской дороги. При Милорадовичѣ не было въ ту минуту ни адъютантовъ, ни ординарцовъ: одни уѣхали съ приказаніями, другіе отстали за утомленіемъ лошадей. Милорадовичъ поскакалъ къ Польскимъ уланамъ. Удивленные появленіемъ Русскаго Генерала, они остановились, и на вопросъ: «Кто ими командуетъ?» почтительно отвѣчали, что начальникъ ихъ Генералъ Себастіани, ѣдущій вслѣдъ за ними. Милорадовичъ, въ сопровожденіи подъѣхавшихъ къ нему между тѣмъ офицеровъ его штаба, понесся по направленію, гдѣ долженъ былъ встрѣтить Французовъ. Перваго увидѣлъ онъ Себастіани, который былъ съ нимъ коротко знакомъ

въ Букарестѣ и радостно вскричалъ: «Bon jour, cher Miloradovitz!»—«Ce ne sont plus les beaux jours de Bouca-«rest,« отвѣчалъ Милорадовичъ. «Вы поступаете во-«преки народнаго права. Я условился съ Неаполи-«танскимъ Королемъ о свободномъ выходѣ арріергар-«да изъ города, а ваши войска уже заслоняютъ «дорогу.»—«Я не получилъ отъ Короля никакого увѣ-«домленія,» отвѣчалъ Себастіани, «но зная васъ, вѣрю «вашему слову.» Онъ приказалъ дивизіи остановить-ся параллельно Рязанской дорогѣ, по которой свобод-но прошли послѣднія войска арріергарда и обозы. Смотря на нихъ, Себастіани сказалъ Милорадовичу: «Признайтесь, что мы предобрые люди. Все это «могло быть наше.»—«Ошибаетесь,» отвѣчалъ Ми-лорадовичъ; «вы не взяли бы этого иначе, какъ пе-«решагнувъ черезъ мой трупъ, а сто тысячъ, кото-«рыя тамъ,» указывая въ направленіе, гдѣ находи-лась наша армія, «отмстили бы за мою смерть» (*)!

Когда арріергардъ и обозы отошли за 4 версты, назначены были черты для передовой цѣпи обѣихъ воевавшихъ сторонъ. Генералы разъѣхались. Ми-лорадовичъ расположился въ ближней деревнѣ. Вдругъ явился къ нему Генералъ-Маіоръ Панчулидзевъ, съ донесеніемъ, что два эскадрона его полка, или запоздавъ, или заблудясь въ Москвѣ, не успѣли присоединиться къ арріергарду и остановлены позади

(*) Всѣ подробности отступленія арріергарда изъ Москвы списа-ны со словъ Графа Милорадовича.

непріятельской цѣпи. Милорадовичъ послалъ требовать возвращенія ихъ, но почитая дѣло слишкомъ важнымъ, сѣлъ верхомъ, опередилъ Адъютанта, проскакалъ одинъ, безъ трубача, черезъ непріятельскіе посты, сказалъ привѣтствіе Себастіани, и не ожидая его отвѣта, скомандовалъ нашимъ двумъ эскадронамъ: «По три на право заѣзжай!» вывелъ ихъ изъ непріятельской цѣпи, и съ ними вмѣстѣ освободилъ еще множество подъѣхавшихъ изъ Москвы экипажей. И такъ: *сдачи* Москвы не было. По праву народному сдача происходитъ на положительныхъ, опредѣленныхъ условіяхъ и соглашеніяхъ. Милорадовичъ просто сказалъ Мюрату: «Истреблю Москву и погибну сражаясь, если вы будете препятствовать моему «отступленію.» Это не условіе, не соглашеніе, но угроза; слѣдовательно: *Москва не была сдана.*

Оказанное Милорадовичемъ присутствіе духа принесло несмѣтную пользу арміи и Московскимъ жителямъ. Оно сохранило великое число частнаго и казеннаго имущества, могшаго достаться во власть непріятеля, и дало намъ нѣсколько часовъ безцѣннаго времени для свободнаго выхода изъ Москвы арміи, арріергарда и обывателей столицы. Положимъ, что нашелся бы другой Генералъ съ равными достоинствами, но Милорадовичъ имѣлъ передъ всѣми великое преимущество. Имя его, громкое въ Европѣ съ Италійскаго похода, было уважаемо непріятелемъ, и сіе обстоятельство во многомъ способствовало

успѣшнымъ дѣйствіямъ его при отступленіи изъ Москвы, во время коего онъ распоряжался по внушенію своей природной отваги. Онъ былъ на войнѣ всегда таковъ, какимъ описанъ здѣсь, а въ мирное время, безпечный, расточительный, затруднялся только въ одномъ — изобрѣтеніи наслажденій. «Если «кто хочетъ быть съ вами въ дѣлѣ,» сказалъ ему Ермоловъ, «тому нужно имѣть двѣ жизни: одну «свою, а другую въ запасѣ.»

Когда Милорадовичъ шелъ къ Коломенской заставѣ, Винцингероде выступалъ на Владимірскую дорогу, обходя вокругъ сѣверныхъ предмѣстій Москвы. Къ нему примкнули лейбъ-казачій и Изюмскій гусарскій полки. Находясь у Милорадовича, были они посланы для обозрѣнія непріятеля, на правое крыло, и потомъ, отрѣзанные отъ арріергарда, не могли болѣе присоединиться къ нему. Винцингероде сталъ сперва близъ Ярославской дороги, потомъ поворотилъ къ Клину и вышелъ при селѣ Пешковскомъ на Петербургскую дорогу, оставя на Ярославской казачій полкъ, съ приказаніемъ сохранять сообщенія влѣво съ арміею и вправо съ отрядомъ. Въ обязанность полковаго казачьяго командира было также вмѣнено, обо всѣхъ происшествіяхъ доносить прямо въ Ярославль находившейся тамъ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Ея Высочество только что разрѣшилась тогда отъ бремени Принцомъ, который нынѣ, посвятя жизнь Россіи,

добродѣтелями своими оживляетъ воспоминаніе о незабвенной своей родительницѣ.

Въ Москвѣ оставлено Русскихъ и иностранныхъ пушекъ 156, болѣе 80,000 ружей, карабиновъ, штуцеровъ, пистолетовъ, въ томъ числѣ половина негодныхъ, слишкомъ 60,000 бѣлаго оружія, 20,000 пудъ пороха, 27,000 ядеръ, гранатъ, бомбъ, брандскугелей (*). Причина, почему Артиллерійское Депо не было заблаговременно вывезено, заключалась въ безпрерывномъ удовлетвореніи поступавшихъ ежедневно изъ арміи требованій оружія и пороха, въ общей увѣренности касательно безопасности Москвы, и въ убѣжденіи неминуемаго сраженія подъ ея стѣнами. Правда, велѣно было уложить и приготовить къ отправленію Артиллерійское Депо, но вмѣстѣ съ тѣмъ ежедневно получались приказанія объ отпускѣ въ армію снарядовъ. Въ исходѣ Августа, 175 пушекъ отправлено въ Нижній-Новгородъ, но въ то время, когда ихъ отсылали, привозили въ Москву новыя орудія изъ Кіева и Брянска. Для поднятія всего Депо, заключавшаго въ себѣ 161,888 пудовъ вѣса, надобно было 6,457 подводъ, или 18 барокъ. Въ пріисканіи тѣхъ и другихъ встрѣчались затрудненія. То подводы, назначенныя для Депо, обращались подъ свозъ раненыхъ, то барки оказывались ненадежными и безъ палубъ, то не было лоцмановъ. Время проходило въ перепискѣ разныхъ

(*) Изъ дѣлъ Артиллерійскаго Департамента.

начальствъ, а между тѣмъ опредѣлительно не знали: отсылать ли Депо, или оставаться ему въ Москвѣ для ожидаемаго всѣми съ часа на часъ сраженія. Часть пороха и свинца была уже погружена на 8-ми баркахъ, отправленныхъ съ Коммиссаріатскими вещами, также сложеными на суда. Передовыя барки остановились за слишкомъ большимъ грузомъ. Спасти ихъ отъ непріятеля не было возможности, и по приказанію Князя Кутузова онѣ сожжены или потоплены. Запасы и снаряды, не положенные на барки, сгорѣли въ пожарѣ, расхищены непріятелемъ, или нашими потоплены передъ самымъ вступленіемъ Французовъ въ Москву. Вообще потеря Московскаго артиллерійскаго вѣдомства состояла въ 2,170,820, а Коммиссаріатскаго въ 2,676,896 рубляхъ (*).

Также остались въ Москвѣ невывезенными 608 старинныхъ Русскихъ и 453 Турецкихъ и Польскихъ знаменъ, и болѣе 1,000 старинныхъ штандартовъ, значковъ, булавъ и другихъ военныхъ доспѣховъ; почти всѣ они сгорѣли. Съ начала войны свозили раненыхъ въ большомъ количествѣ съ разныхъ полей сраженій въ Москву, какъ въ безопасное мѣсто, гдѣ они могли имѣть пріютъ и помощь. По сближеніи армій къ Москвѣ, отправляли раненыхъ внутрь Имперіи, но за всѣмъ тѣмъ накопилось ихъ въ послѣднее время до нашествія непріятельскаго

(*) Мнѣніе Государственнаго Совѣта, 7-го Мая 1818.

31,000 (*). Недостатокъ въ подводахъ увеличивался; ближніе уѣзды пустѣли и истощались чрезвычайными разнаго рода нарядами. Не взирая на всѣ усилія гражданскаго начальства, принуждено оно было покинуть въ Москвѣ до 10,000 раненыхъ; весьма немногіе изъ нихъ спаслись отъ огня, голода и свирѣпства непріятелей. Числа жителей, бывшихъ въ Москвѣ при нашествіи непріятеля, достовѣрно знать нельзя. На запросъ, сдѣланный по сему предмету Княземъ Кутузовымъ Графу Ростопчину, сей послѣдній отвѣчалъ, что 2-го Сентября находилось въ Москвѣ примѣрно до 10,000 обывателей. Большая часть ихъ старались уходить во время занятія Москвы Французами, такъ, что въ Октябрѣ, при выступленіи непріятеля, было въ столицѣ не болѣе 3,000 человѣкъ (**). Если не совершенно все было вывезено изъ Москвы, то потому, что всей Москвы нельзя было вывезть въ одинъ мѣсяцъ. Когда одноглавый орелъ мгновенно вознесся надъ осиротѣлымъ Кремлемъ, Москва походила на безжизненный трупъ; однако же въ ней оставались драгоцѣннѣйшія изъ сокровищъ: церкви Божіи, гробы Святителей, прахъ Царей.

(*) Донесеніе Графа Ростопчина Государю.

(**) Отношеніе Графа Ростопчина Князю Кутузову, отъ 28-го Октября, № 41.

ГЛАВА XVII.

ПЛѢНЕНІЕ И ПОЖАРЪ МОСКВЫ.

—

Наполеонъ у Дорогомиловской заставы.—Приготовленія къ торжественному вступленію въ Москву.— Наполеонъ узнаетъ объ опустошеніи Москвы.—Въѣздъ его въ Дорогомиловскую слободу.— Москва загарается.—Занятіе Кремля.—Начало грабежа.— Въѣздъ Наполеона въ Кремль. — Пожаръ усиливается. — Отъѣздъ Наполеона въ Петровскій дворецъ. — Москва обращена въ пепелъ и предана на расхищеніе.—Грабежъ, убійства, святотатство.—Причины пожара. — Дѣйствія непріятельской слѣдственной Коммиссіи.—Опроверженіе приговора ея.

—

Когда по выѣздѣ изъ Москвы, Князь Кутузовъ стоялъ у Коломенской заставы, Наполеонъ былъ у Дорогомиловской, гдѣ онъ долго, и сначала въ спокойномъ расположеніи духа, ходилъ взадъ и впередъ, ожидая депутатовъ изъ Москвы, съ мольбою о пощадѣ и городскими ключами. Передъ нимъ лежалъ на травѣ большой планъ Москвы. Не видя появленія депутатовъ, Наполеонъ неоднократно посылалъ узнавать о происходившемъ въ столицѣ

и причинахъ, замедлявшихъ прибытіе къ нему Московскихъ властей. Отправленные въ городъ офицеры, большею частію Поляки, останавливали всѣхъ, кого встрѣчали, спрашивая: «Гдѣ начальство? Гдѣ Губер«наторъ, Комендантъ?» Никто не можетъ дать имъ удовлетворительнаго отвѣта. Напрасно блуждали они по безчисленнымъ улицамъ, не смѣя возвратиться къ своему повелителю, не исполнивъ его воли. Наконецъ Наполеонъ приказалъ Государственному Секретарю Дарю ѣхать въ Москву, и сказалъ ему: «Приведите ко мнѣ бояръ» (*). Легко представить себѣ, съ какимъ успѣхомъ Дарю исполнилъ данное ему порученіе отыскать бояръ! Безпрерывно возрастало смущеніе Наполеона, избалованнаго пышными встрѣчами въ Европейскихъ столицахъ, волнуемаго памятью прежнихъ тріумфовъ. Шаги его становились неровны; онъ оглядывался въ разныя стороны, снималъ перчатки и надѣвалъ ихъ, вынималъ изъ кармана платокъ, мялъ его, и ошибкою клалъ въ другой карманъ (**). Болѣе часа представлялъ онъ собою человѣка, у котораго вдругъ исчезаетъ призракъ, очаровывавшій его, наполнявшій его воображеніе самыми обольстительными мечтами. Обуявшее Наполеона недоумѣніе распространилось и на окружавшихъ его. Они стояли въ молчаніи,

(*) «Allez, amenez-moi les boyards.»

(**) Показаніе очевидца, находившагося въ плѣну у Французовъ, чиновника Министерства Финансовъ, Корбелецкаго.

ожидая развязки необыкновеннаго, и для всѣхъ тѣмъ болѣе неожиданнаго случая, что распоряженія къ торжественному вступленію въ Москву были сдѣланы еще съ утра. Маршалъ Мортье былъ назначенъ Губернаторомъ столицы, Генералъ Дюронель Комендантомъ, бывшій прежде въ Россіи Французскимъ консуломъ, Лессепсъ, Интендантомъ, или правителемъ Московской губерніи. Для воспрепятствованія своимъ голоднымъ солдатамъ грабить, Наполеонъ велѣлъ двумъ коннымъ бригадамъ протянуть цѣпь вдоль Москвы рѣки и никого не впускать въ городъ, Понятовскому остановиться съ корпусомъ у Калужской заставы, Вице-Королю у Пресненской и Тверской. Гвардія и корпуса Нея и Даву, прибывъ къ Дорогомиловской заставѣ, готовились къ церемоніяльному маршу, чистились и одѣвались во всю парадную форму. Слѣдующая прокламація была напечатана, для обнародованія по вступленіи въ Москву:

«Войска Е. В. Императора и Короля,» (то есть Бонапарта) «заняли Москву. Жителямъ приказывается: 1), Донесть Коменданту Дюронелю о всѣхъ находящихся у нихъ Русскихъ военныхъ, раненыхъ и здоровыхъ; 2), Въ теченіе сутокъ объявить объ имѣющихся у нихъ казенномъ имуществѣ, хлѣбѣ и винѣ; 3), Представить Коменданту всякаго рода оружіе, огнестрѣльное и бѣлое, какое у нихъ сохранилось. Мирные жители Москвы могутъ быть безъ всякаго опасенія на счетъ своей собственности

и безопасности лицъ, если они свято будутъ сообразоваться съ содержаніемъ настоящей прокламаціи.»

Объявленіе сіе оставлено подъ спудомъ, ибо не для кого было его обнародовать. Напрасны были приготовленія къ церемоніяльному маршу, прокламація, ожиданіе Наполеона быть встрѣченнымъ съ покорностью первенствующими чинами и принять отъ нихъ ключи столицы. Москва не пошла къ нему на поклоненье. Мюратъ уже неоднократно доносилъ изъ авангарда, что онъ никого не встрѣчаетъ въ городѣ. Наконецъ, по долгомъ исканіи, возвратились и посланные Наполеономъ офицеры, ведя съ собою нѣсколько жившихъ въ Москвѣ иностранцовъ. Депутація, долженствовавшая представлять Московскія власти, состояла изъ десятка гувернеровъ и промышленниковъ; въ числѣ ихъ былъ книгопродавецъ. Къ нему обратился Наполеонъ съ вопросами. «Кто вы?» — «Французъ, поселившійся въ Москвѣ.» —«Слѣдственно, мой подданный. Гдѣ Сенатъ?»— «Выѣхалъ.» — «Губернаторъ?»— «Выѣхалъ».— «Гдѣ «народъ?» — «Нѣтъ его.» — «Кто же здѣсь?» —«Ни«кого.» — «Быть не можетъ!» возразилъ Наполеонъ. —«Клянусь вамъ честью,» было ему отвѣтствовано. —«Молчи,» сказалъ Наполеонъ, и кончилъ разговоръ. Какъ на высотахъ Бельвиля и Монмартра съ быстротою молніи разнеслась въ нашихъ рядахъ вѣсть, что Парижъ покоряется Александру и Французы просятъ пощады, такъ во мгновеніе ока

распространилось въ непріятельской арміи извѣстіе, что въ Москвѣ нѣтъ ни жителей, ни властей. Неожиданность дѣла поразила Французовъ громовымъ ударомъ. Рушились побѣдныя грезы, смолкла общая радость и обратилась въ уныніе, а потомъ въ ропотъ, повлекшій за собою ослушаніе, своевольство, грабежъ. Съ негодованіемъ выслушавъ приведенныхъ къ нему изъ Москвы иностранцовъ, Наполеонъ отвернулся отъ нихъ, велѣлъ подвесть себѣ лошадь, скомандовалъ близъ стоявшимъ войскамъ: «впередъ!» и въ головѣ конницы въѣхалъ въ Москву. Миновавъ Новинскую часть и приблизясь къ берегу Москвы рѣки, онъ остановился на правой сторонѣ улицы, на береговомъ косогорѣ, и сошелъ съ лошади. Въ Дорогомиловской слободѣ, по всѣмъ проулкамъ, разставили караулы съ пушками. Скоро въ Замоскворѣчьи, въ четырехъ мѣстахъ, показался дымъ; потомъ поднялось пламя, предвѣстникъ пожара, не имѣющаго въ лѣтописяхъ міра подобнаго себѣ. Наполеонъ расположился на ночлегъ въ обывательскомъ домѣ, въ Дорогомиловской ямской слободѣ, гдѣ жителей, кромѣ четырехъ дворниковъ, никого не было.

Между тѣмъ Мортье, съ частію гвардіи, занялъ Кремль, и дѣлалъ приготовленія къ пріѣзду Наполеона, принимая также всѣ мѣры предосторожности для его безопаснаго тамъ пребыванія. Весь народъ до послѣдняго Русскаго былъ выгнанъ изъ Кремля. Нѣсколько проживавшихъ въ Москвѣ Французскихъ

бродягъ увѣрили придворныхъ и гвардейцовъ Наполеона, что въ Кремлѣ зарыта большая часть церковныхъ сокровищъ, которыя наше Правительство будто бы не успѣло вывезть. Тотчасъ кинулись Французы отыскивать богатства, обшаривать дворцы, подвалы, чердаки. Не находя добычи, начали они допрашивать оставшихся во дворцѣ сторожей. Несчастные были мучимы побоями и сажаемы скованные подъ стражу, за то, что не хотѣли показать, гдѣ зарыты мнимыя сокровища. Одинъ Полякъ, не зная какъ утолить мщеніе свое къ Русскимъ, рвалъ бархатъ съ Царскаго трона (*). Отыскали типографію, наскоро напечатали на Французскомъ и Польскомъ языкахъ объявленіе, и отправили его съ курьерами во всѣ концы подвластныхъ Наполеону странъ. Оно было слѣдующаго содержанія: «Большое сраженіе 7-го числа поставило Рус«скихъ въ невозможность защищать Москву, и они «оставили столицу. Теперь половина четвертаго. «Побѣдоносная армія только что вступила въ столицу, «куда Его Величество Императоръ Наполеонъ прибылъ «въ сію минуту съ своею главною квартирою (**).»

(*) «J'éprouvai un plaisir inexprimable à arracher du trô«ne un débris qui put rappeler à ma famille le sou«venir de notre mémorable expédition.» Soltyk, Napoléon en 1812, 282.

(**) *Extrait d'une lettre officielle.* *Wypis z listu urzędowego.*

La grande bataille du 7 a Skutki wielkiey bitwy stoczo-

До наступленія темноты, въ городѣ сохранялся нѣкоторый видъ порядка. Жители не показывались на улицахъ и прятались въ домахъ; Французы бродили, сами не зная куда. Но когда пала ночь, насилія сдѣлались повсемѣстны. Войска входили въ разныя заставы, безъ вожатыхъ и квартиргеровъ. Генералы и офицеры оставляли команды, выбирая сами себѣ помѣщеніе. Цѣлые полки произвольно занимали нѣсколько домовъ, другіе становились биваками на улицахъ. Изнуренные недостаткомъ пищи и усталостью, непріятели врывались въ домы, и утоливъ голодъ и жажду, предавались всѣмъ порывамъ необузданныхъ страстей. Офицеры подавали примѣръ своимъ подчиненнымъ (*); многіе жители,

mis les Russes hors d'état de défendre Moscou; ils ont abandonné cette capitale. Il est 3 heures et demie. L'armée victorieuse vient d'entrer à Moscou. S. M. l'Empereur Napoléon arrive à l'instant avec son quartier général. Moscou, le 14 Septembre 1812.

ney d. 7 uczynily Moskalów niezdolnemi do bronienia Moskwy. Opúscili tę, stolicę. Teraz iest godzina pól do czwartey. Zwycięskie woysko weszlo do Moskwy. Tego momentu przybywa tu Nayiasneyczy Cesarz Napoleón ze zwoia główną Kwarterą. W Moskwie dn. 14 Września 1812.

(*) «Jusqu'à la nuit on maintint l'ordre parmi les troupes; «plus tard cela devint impossible. Les officiers mêmes «donnaient l'exemple de la désobéissance.» Chambray, Histoire de l'Expédition en Russie, II, 118.

неуспѣвшіе выйдти изъ Москвы днемъ, пробирались ночью къ заставамъ. Непріятель останавливалъ ихъ, отбиралъ пожитки, обувь, хлѣбъ. Ночью запылалъ Москотильный рядъ и въ Китаѣ-городѣ распространился пожаръ, послужившій для непріятельскихъ войскъ сигналомъ пуститься на грабежъ всей Москвы.

Переночевавъ въ ямской, и не дождавшись тамъ депутаціи, на другой день, 3-го Сентября, поутру въ 11-мъ часу, поѣхалъ Наполеонъ въ городъ. Арбатъ былъ совершенно пустъ. Единственныя лица, которыя видѣлъ онъ на этой большой улицѣ, мелькнули въ окнѣ Арбатской аптеки, содержатель ея съ семьею, и раненый Французскій генералъ, поставленный къ нимъ наканунѣ постоемъ. Окинувъ ихъ быстро глазами, Наполеонъ продолжалъ путь. Онъ ѣхалъ на маленькой арабской лошади, въ сѣромъ сюртукѣ, безъ всякаго знака отличія. Впереди, на разстояніи саженей ста, ѣхали два эскадрона конной гвардіи. Свита Наполеона была многочисленна; посреди ея находились трое Русскихъ плѣнныхъ: лекарь Черниговскаго пѣхотнаго полка (*), чиновникъ Министерства Финансовъ (**) и ратникъ Московскаго ополченія. Плѣнные разсказываютъ,

(*) Рудзинскій.

(**) Корбелецкій, написавшій любопытную книгу о своемъ плѣнѣ, подъ заглавіемъ: «Краткое повѣствованіе о вторженіи Французовъ въ Москву и о пребываніи ихъ въ «оной.» С. Петербургъ, 1813.

что на лицѣ Наполеона изображалось негодованіе. Оно возрастало отъ видѣнныхъ имъ вдали по обѣимъ сторонамъ Арбатской улицы пожаровъ. Сдѣлавъ несмѣтныя приготовленія къ войнѣ, Наполеонъ вгнѣздилъ въ голову одну только мысль: «Войду «въ Москву во что бы то ни стало, буду въ Мо«сквѣ!» и единственно для того, чтобы очутившись въ Москвѣ, на первомъ шагу раскаяваться, за чѣмъ онъ къ ней устремлялся! Наполеонъ сошелъ съ лошади въ Кремлѣ, и посмотря на его стѣны, сказалъ: «Voilà de fières murailles!» Едва вступилъ Наполеонъ въ чертоги Царей нашихъ, запылали Гостиной дворъ и Каретный рядъ.

Къ вечеру, оказавшійся въ разныхъ мѣстахъ огонь при поднявшемся вдругъ порывистомъ вѣтрѣ, соединился въ одинъ огромный, неизмѣримый пожаръ. Въ полночь, вокругъ всего Кремля ничего не было видно, кромѣ извивавшагося въ воздухѣ подъ облаками пламени. Среди противоположной борьбы стихій, вѣтра съ огнемъ, настали ужасы природы, и всепожирающее пламя, сквозь черныя тучи клубящагося дыма, устремлялось на поглощеніе Кремлевскаго дворца, оскверненнаго присутствіемъ пришлеца. Со вступленіемъ Наполеона въ Кремль, огонь еще болѣе ожесточался и истреблялъ все, могущее служить пищею, или добычею врагамъ. Ночью съ 3-го на 4-е число, пожаръ достигъ высочайшей степени и нарушилъ равновѣсіе атмосферы. Разсвирѣпѣвшій

вихрь носилъ во всѣ стороны горящія головни и пламень. Огонь лился съ церквей на домы, съ домовъ на церкви. Буря и огонь рвали кресты съ храмовъ Божіихъ. Растопленные металлы текли по улицамъ, какъ лава. На Москвѣ рѣкѣ горѣли мосты и суда. (*) Гибли сокровища наукъ и художествъ, запасы торговли и промышленности, памятники искуствъ и изобрѣтенія роскоши, горѣли общественныя зданія, древнія палаты Царей, патріарховъ, Святителей, разрушались жилища мирныхъ гражданъ, пылали храмы Господни! Остатки вѣковъ минувшихъ и произведенія временъ новѣйшихъ, гробы праотцовъ и колыбели настоящаго поколѣнія, все было пожираемо огнемъ; неприкосновенными остались только честь и свобода Государственныя! Непріятели и Русскіе, очевидцы пожара, уподобляли Москву огненному морю, вздымаемому бушующими вѣтрами. Яркій свѣтъ, разливавшійся въ окна дворца, неоднократно прерывалъ сонъ Наполеона. Онъ выходилъ на балконъ, смотрѣть на сверкавшія волны. Пораженный зрѣлищемъ столицы, тонувшей въ огнѣ, онъ взывалъ: «Москвы нѣтъ болѣе! Я лишил«ся награды, обѣщанной войскамъ!... Русскіе сами «зажигаютъ!... Какая чрезвычайная рѣшительность!

(*) «Даже мосты и суда на водѣ противъ воспитательнаго дома были въ огнѣ.» Слова очевидца, Тутолмина, въ донесеніи его Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, отъ 11-го Ноября 1812 года.

«Что за люди? Это Скиѳы!» Вся армія непріятельская раздѣляла изумленіе своего вождя (*).

Палящій жаръ согналъ Наполеона съ балкона, онъ не могъ даже стоять у оконъ: стекла трещали и лопались. Головни начали падать на Кремль; нѣсколько разъ загарался арсеналъ. Лично для Наполеона опасность ежеминутно умножалась, тѣмъ болѣе, что патронные ящики гвардейской артиллеріи, расположенные на Кремлевскихъ площадяхъ, подвержены были взрывамъ. Гвардія стала въ ружье. Бывшіе съ Наполеономъ, Вице-Король, и командовавшіе гвардіею Лефевръ и Бессьеръ, упрашивали его выѣхать изъ Кремля за городъ. Онъ долго не соглашался, и наконецъ приказалъ своему наперснику, Бертье, взойдти на Кремлевскую стѣну и ближе обозрѣть пожаръ. Отъ жестокихъ порывовъ вѣтра и рѣдкости воздуха, Бертье едва устоялъ на стѣнѣ и поспѣшно возвратился донести, что всѣ находившіеся въ Кремлѣ подвергаются неминуемой опасности сгорѣть живые. Выслушавъ его, Наполеонъ все еще не хотѣлъ выѣхать изъ Кремля, доколѣ Бертье не убѣдилъ его въ необходимости удалиться, сказавъ: «Если Кутузовъ вознамѣрится атаковать стоящія около Москвы «войска, то Ваше Величество будете отрѣзаны отъ «арміи огнемъ» (**). Тогда только рѣшился Наполеонъ переѣхать въ Петровскій дворецъ. 4-го Сентября,

(*) Chambray, II, 121. Ségur, II, 54. Fain, II, 75.

(**) Gourgaud, Napoléon et la grande armée.

въ два часа по полудни, онъ отправился изъ Кремля, оставя тамъ для содержанія карауловъ батальонъ гвардіи. Онъ не могъ слѣдовать ближайшею дорогою, по Тверской, ибо и сія часть города горѣла. Съ оглушающимъ трескомъ обрушивались кровли, падали стѣны, горѣвшія бревны и доски; въ разныя стороны летали желѣзные листы съ крышь. Пламя крутилось въ воздухѣ надъ головою Наполеона; пылающія бревна и раскаленныя кучи кирпича преграждали ему дорогу. Онъ шелъ по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ, среди огненныхъ стѣнъ. Видя невозможность бороться съ стихіею, онъ воротился и принужденъ былъ избрать другую дорогу. Вся окружавшая Наполеона толпа, перебираясь черезъ огненный лабиринтъ, добралась наконецъ до Арбатской части и Дорогомиловской ямской слободы, откуда поѣхала вправо, вверхъ по Москвѣ рѣкѣ, на пловучій мостъ при Хорошевѣ, и потомъ мимо кладбища Ваганькова открытымъ полемъ.

Въ Петровскомъ дворцѣ жилъ Наполеонъ четыре дня, а между тѣмъ несчастная Москва была позорищемъ неслыханныхъ злодѣйствъ. Съ прежнею лютостію свирѣпствовали пожары до 7-го Сентября и начали утихать 8-го числа. Посреди пламени совершались разбои, душегубство, поруганіе церквей. Не пощажены ни полъ, ни возрастъ, ни невинность, ни святыня. Грабежъ и пожаръ шли въ уровень. Въ непріятельской арміи исчезли узы повиновенія;

корысть соединяла генерала съ простымъ солдатомъ (*). Вооруженные мечемъ и пламенемъ, упоенные крѣпкими напитками и злобою, непріятели бѣгали по длиннымъ улицамъ, пустырямъ и осиротѣвшимъ домамъ, стрѣляли въ зданія и окна, губили все тяжелое, уносили все драгоцѣнное и легкое. Обагренные кровію, съ ружьями въ рукахъ и махая обнаженными тесаками и саблями, они нападали на жителей, терзали ихъ, отнимали послѣднее достояніе, даже кресты, возлагаемые при крещеніи, оцѣняя въ нихъ только золото. Огнемъ, бурею, грабительствомъ разрозненные члены семействъ отыскивали и не находили другъ друга. Отцы и матери кидались въ пламя для спасенія погибавшихъ дѣтей, и сами сгарали. Жалостные вопли ихъ заглушались завываніемъ вихря и обрушивавшимися домами. Трепетавшіе отъ ужаса, изнемогавшіе отъ голода, ранъ, пламени, задыхавшіеся отъ дыма, осыпаемые искрами и головнями, жители спасались изъ одного мѣста въ другое, отыскивая пріютъ. Не обрѣтая пристанища подъ заревомъ раскаленнаго неба, Москвичи, перенося одинаковую участь, встрѣчались тамъ, куда рѣдко, можетъ быть, никогда не заносили ноги. Солодовенные овины, погреба, подвалы были ими

(*) «Tous pilloient, et l'intérêt réunit plus d'une fois dans «le même lieu l'habit brodé du général et l'humble ha«bit du soldat.» Chambray, Histoire de l'Expédition en Russie, II, 123.

наполнены, но и въ сихъ убѣжищахъ только на короткое время могли они предостеречь себя отъ огня и меча непріятелей, страшась ихъ, какъ лютыхъ звѣрей (*). Во всякомъ другомъ положеніи жизни, сколь ни тягостно было бы оно, можно найдти облегченіе и отраду въ совѣтахъ, помощь и утѣшеніе ближнихъ, но наши соотечественники не имѣли и этого облегченія. Невозможно было найдти его тамъ, гдѣ всѣ страдали. Непріятели, открывая сокровенныя убѣжища, вытаскивали оттуда Русскихъ силою, водили ихъ во внутренность пылавшаго города, по обгорѣлымъ домамъ и церквамъ, и заставляли показывать богатѣйшія. Дорожа уцѣлѣвшими отъ огня остатками цѣнныхъ вещей, съ неменьшею алчностью кидались они на продовольственные запасы, мучась смертельнымъ голодомъ. Послѣдній кусокъ хлѣба вырывали они у жителей, навьючивали ихъ рожью, мукою, овсомъ, картофелемъ, капустою, похищенными вещами, принуждая ихъ переносить тяжести съ одного мѣста на другое, по мѣрѣ того, какъ домы дѣлались добычею пламени. Какъ животныхъ впрягали они жителей въ повозки, сопровождая каждый шагъ ударами. Упадавшихъ подъ бременемъ ноши, изъязвленныхъ, полумертвыхъ били, топтали ногами, таскали по землѣ, доколѣ жертвы ихъ варварства не лишались чувствъ.

(*) «Les habitans nous fuyoient comme des bêtes féroces.» Soltyk, Napoléon en 1812, 293.

Повсюду раздавались стоны изнемогавшихъ отъ ранъ, вопли обруганныхъ, умиравшихъ женъ, во храмахъ Божіихъ ржаніе коней, крикъ и проклятія разъяренныхъ грабителей, трескъ падавшихъ стѣнъ и желѣзныхъ листовъ, летѣвшихъ съ крышь, стрѣльба изъ ружей и пистолетовъ. Между дымившимися бревнами, на раскаленномъ прахѣ лежали сожженныя части человѣческихъ труповъ и лошадей; окрестъ были развалины, а на нихъ кровавыя жертвы. Благочестивые, сѣдинами украшенные священники, въ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, чѣмъ надѣялись воздержать изверговъ, при дверяхъ церквей падали отъ острія меча. По тѣламъ ихъ вбѣгали непріятели въ средину церквей, срывали, разметывали по полу и попирали ногами иконы, украшенія престоловъ. Конечно, отъ сотворенія міра, ни одинъ извергъ такъ не бѣсненствовалъ на землѣ, какъ шайки Наполеоновы въ Москвѣ. Конечно, во многія тысячелѣтія не было еще ни одного дня, въ который солнце было бы свидѣтелемъ такихъ злочестій, ни одной ночи, мракъ коей сокрылъ столько преступленій. Не осталось закона нравственнаго и гражданскаго, ни одного обряда священнаго, надъ коимъ не поругались враги, преступленія, котораго не содѣлали, лютости, которой не привели въ дѣйствіе. Орды дикихъ возымѣли бы болѣе чувства, нежели, такъ называвшіеся, просвѣщенные Европейцы. Врываясь въ Россію, Монголы и Татары чтили

храмы нашего Бога: рука Азіятскаго языческаго воина не прикасалась къ святынѣ ихъ, но въ наше время мы видѣли Христіанъ, грабившихъ, осквернявшихъ церкви Христовы.

Прошло болѣе четверти вѣка, но вопросъ о причинахъ пожара Московскаго еще не рѣшенъ. Наполеонъ въ своихъ бюллетеняхъ отклонялъ отъ себя вину въ сожженіи столицы. Тоже самое подтверждалъ онъ нѣсколько разъ на уединенной скалѣ Св. Елены, гдѣ медленно умиралъ, терзаемый воспоминаніями о потерянномъ величіи и грустнымъ сознаніемъ въ ничтожествѣ своихъ усилій противъ Россіи, виновницы его паденія. Книги, журналы, всѣ типографскіе станки, въ 1812-мъ году подвластные Наполеону, провозгласили зажигателемъ Русское Правительство, и орудіемъ его выставили Графа Ростопчина. Наполеонъ и его клевреты говорили о сей выдумкѣ съ такою увѣренностію, подобрали столько правдоподобныхъ доказательствъ, что ни кто не сомнѣвается въ ихъ вымышленныхъ показаніяхъ. Повѣрили еще и потому, что видѣли, какъ въ роковомъ боренiи съ Наполеономъ, не жалѣла Россія ничего для своего спасенія, отъ котораго зависѣла участь Европы. У насъ, во время войны, слагали вину въ зажигательствѣ на непріятелей, а нынѣ мнѣнія о Московскомъ пожарѣ раздѣлены и колеблются. Обозримъ происшествіе съ разныхъ сторонъ, послѣ чего не трудно будетъ

вывесть справедливое заключеніе и единожды навсегда опредѣлить истину.

Сжечь столичный городъ Имперіи надлежало имѣть Главнокомандующему Москвы Высочайшее повелѣніе. Такого повелѣнія дано не было. Скажутъ, можетъ быть, что въ военныя соображенія Князя Кутузова входило истребленіе столицы, и что, по званію Главнокомандующаго арміею, облеченный во власть Императорскаго Величества, онъ уполномочилъ Графа Ростопчина на пожаръ. Фельдмаршалъ не давалъ ему на то никакихъ приказаній, и не прежде, какъ по окончаніи совѣта въ Филяхъ, увѣдомилъ его объ оставленіи Москвы безъ боя. До какой степени сохраненіе Москвы озабочивало Князя Кутузова, видно изъ донесенія его Государю, гдѣ онъ говоритъ, что одною изъ причинъ, побудившихъ его не принять сраженія близъ Поклонной горы, было опасеніе, что «въ случаѣ неудачи послѣдовало бы «кровопролитнѣйшее разрушеніе и превращеніе въ «пепелъ самой Москвы (*).» Остается третье предложеніе, что Ростопчинъ самопроизвольно зажегъ городъ. Одаренный пылкимъ, отважнымъ духомъ, онъ былъ способенъ на такой отчаянный поступокъ; однако же онъ не привелъ его въ дѣйствіе. Надежда на сраженіе, въ которомъ увѣряли его, сперва Барклай де-Толли, отъ Витебска до Царева Займища, и потомъ Князь Кутузовъ, до вечера

(*) Донесеніе отъ 4-го Сентября.

1-го Сентября, была достаточною причиною къ сохраненію столицы, дабы не лишить Русскую армію всѣхъ источниковъ пособій, какія представлялъ обильный городъ, находившійся въ тылу ея. До вечера 1-го Сентября не могло входить въ разсчетъ и было противно выгодамъ нашимъ истреблять Москву, а потому не дѣлано было приготовленій къ пожару, который не нанесъ бы вреда и самому непріятелю, ибо не лишилъ бы его способовъ помѣщенія и продовольствія. Сжечь Москву вовсе, до тла, было не возможно. Сколь ни великій предположить пожаръ, но все еще осталось бы довольно казенныхъ зданій и частныхъ домовъ, гдѣ могъ помѣститься непріятель. Жизненные припасы, находившіеся въ Москвѣ, были незначительны. Москва снабжается посредствомъ зимняго пути и весенняго плаванія до Сентября, а потомъ на плотахъ до зимы. Но война началась въ Іюнѣ, и Наполеонъ занялъ Смоленскъ 7-го Августа. Всѣ подвозы въ Москву отъ того остановились. Не заботились уже о снабженіи припасами города, безъ защиты, безъ укрѣпленій, угрожаемаго непріятельскимъ вторженіемъ. Въ теченіе Августа, большая часть муки, бывшей въ казенныхъ магазинахъ и въ лавкахъ хлѣбныхъ продавцовъ, перепечена въ хлѣбы и сухари. 13 дней сряду, по 600 телегъ, нагруженныхъ сухарями, крупою и овсомъ, отправлялись каждое утро къ арміи, а потому не могло входить въ соображеніе

пожаромъ лишить непріятеля продовольствія и средствъ къ помѣщенію. Наконецъ, еслибы предположеніе сжечь Москву и существовало, то даже и въ военномъ отношеніи было для насъ полезнѣе не приводить его въ исполненіе, и тѣмъ удержать Наполеона нѣсколько времени въ уцѣлѣвшей Москвѣ, не заставляя его, чего также отъ пожара можно было ожидать, тотчасъ выступить съ пепелища и тѣмъ принудить Князя Кутузова къ сраженію, выгоды коего были тогда на сторонѣ непріятеля, ибо въ то время Наполеонъ превосходилъ насъ силами. Слѣдующія два собственноручныя донесенія Графа Ростопчина къ Государю свидѣтельствуютъ, что не онъ былъ главнымъ виновникомъ пожара: 1), «Приказаніе Князя Кутузова везти на «Калужскую дорогу провіантъ, было отдано 29-го «Августа. Это доказываетъ, что онъ тогда уже хо«тѣлъ оставить Москву. Я въ отчаяніи, что онъ «скрывалъ отъ меня свое намѣреніе, потому что я, «не бывъ въ состояніи удерживать города, *зажегъ «бы его* и лишилъ бы Бонапарта славы взять Мо«скву, ограбить ее и потомъ предать пламени. «Я отнялъ бы у Французовъ и плодъ ихъ похода «и пепелъ столицы. Я заставилъ бы ихъ ду«мать, что они лишились великихъ сокровищъ, и «тѣмъ доказалъ бы имъ съ какимъ народомъ они «имѣютъ дѣло (*).» 2), «До 30-го Августа Князь

(*) Донесеніе отъ 13-го Сентября, изъ Красной Пахры.

«Кутузовъ писалъ мнѣ, что онъ будетъ сражаться. «1-го Сентября, когда я съ нимъ видѣлся, онъ то «же самое мнѣ говорилъ, повторяя: *И въ улицахъ «буду драться.* Я оставилъ его въ часъ пополудни. «Въ 8 часовъ, онъ прислалъ мнѣ извѣстное письмо, «требуя полицейскихъ офицеровъ, для препровожде- «нія арміи изъ города, оставляемаго имъ, какъ онъ «говорилъ, съ крайнимъ прискорбіемъ. Еслибы онъ «мнѣ сказалъ это за два дня прежде, то я *зажегъ «бы городъ*, отправивши изъ него жителей (*).»

Такимъ образомъ уничтожается обвиненіе въ умышленномъ и заранѣе придуманномъ зажженіи Москвы Россійскимъ правительствомъ. Спрашивается: отъ чего же произошелъ пожаръ? Извѣстясь, въ 8 часовъ вечера, 1-го Сентября, отъ Князя Кутузова, о его намѣреніи отступить отъ Москвы безъ сраженія, Графъ Ростопчинъ велѣлъ разбивать бочки съ виномъ, что дѣлаемо было во всю ночь и на слѣдующее утро. Легко представить себѣ происходившій при подобномъ дѣйствіи безпорядокъ. Дѣло исполнялось по большой части въ ночномъ мракѣ, и въ такое время, когда каждый, кто могъ, старался спасаться, а другіе обрекали себя на смерть, когда снимались караулы, улицы загромождены были обозами, уходили воинскія команды и полиція, и надъ Москвою носилось зарево бивачныхъ огней. Сверхъ того, 2-го Сентября, въ 5-ть часовъ утра, Графъ

(*) Донесеніе отъ 13-го Октября, изъ Владиміра.

Ростопчинъ приказалъ одному слѣдственному приставу отправиться на Винный и Мытный дворы, въ Коммиссаріатъ и на неуспѣвшія къ выходу казенныя и партикулярныя барки у Краснаго Холма и Симонова монастыря, и въ случаѣ вступленія непріятеля истреблять все огнемъ. «Сіе приказаніе,» доносилъ приставъ, «было мною исполняемо въ раз«ныхъ мѣстахъ, по мѣрѣ возможности, въ виду не«пріятеля, до 10-ти часовъ вечера, а въ 11-мъ «часу изъ-за Москворѣчья, переправясь верхомъ «вплавь ниже Данилова монастыря, около двухъ «часовъ по полуночи, соединился я съ нашимъ ар«ріергардомъ (*).» Князь Кутузовъ, съ своей стороны, извѣстясь о невозможности спасти отъ непріятеля Коммиссаріатскія барки, шедшія позади остановившихся за тяжестью груза артиллерійскихъ барокъ, приказалъ жечь и топить ихъ (**). Въ одно время загорѣлись аммуничныя вещи и полетѣли на воздухъ огнестрѣльные снаряды.

Таковы были причины первыхъ пожаровъ. Въ тоже время загарались домы и лавки, но уже не по чьему либо приказанію, не по наряду, но по патріотическимъ чувствованіямъ Русскихъ, или по врожденному въ нихъ свойству скорѣе уничтожить, чѣмъ уступить, придерживаясь поговорки: «Не доставайся

(*) Рапортъ слѣдственнаго пристава Вороненки Московской Управы Благочинія экзекутору Андрееву.

(**) Мнѣніе Государственнаго Совѣта, 7-го Мая 1817.

«же никому!» Русскіе дѣлежа не любятъ: не наше, такъ ничье. До плѣненія столицы думали, что съ нею сопряжена участь Россіи, но когда Москва пала, говорили въ народѣ: «Пусть пропадетъ Москва, «лишь бы въ ней похоронить Французовъ.» Жалѣли не о сгорѣвшемъ, но хотѣли только не оставлять ничего злодѣямъ. При вступленіи непріятеля въ Москву, многіе Французскіе генералы и офицеры бросились въ Каретный рядъ, занимающій цѣлую улицу. Они выбирали кареты, коляски, дрожки, брички и замѣчали ихъ своими именами. Хозяева въ тотъ же вечеръ, по общему между собою согласію, не желая снабдить непріятеля экипажами, зажгли свои лавки. Еще до вторженія Французовъ, купцы, мастеровые и люди простаго народа, сходясь между собою, судили о предстоявшей грозѣ, о возможности непріятельскаго вторженія въ Москву, и обыкновенно говорили: «лучше все сожечь.» Слова сіи не принадлежатъ исключительно Москвичамъ, но суть выраженіе духа истребленія, тогда общаго въ коренныхъ Русскихъ губерніяхъ. Вездѣ были приняты мѣры для сожженія казенныхъ запасовъ на случай приближенія непріятелей, а частные люди сами истребляли свое имущество. Во время отступленія армій, когда черезъ деревни проходили послѣднія войска арріергарда, крестьяне спрашивали: «Не пора ли зажигать избы?» Всюду дѣйствовали одни и тѣ же побужденія, съ тою разницею,

что въ селеніяхъ и деревняхъ происходили пожары въ маломъ размѣрѣ, а въ Москвѣ разлился огонь въ огромномъ объемѣ.

Въ ночи съ 2-го на 3-е Сентября загорѣлась зажженная Русскими въ разныхъ концахъ Москва. Распространенію пожара способствовали Французскіе зажигатели, что свидѣтельствуютъ Русскіе, бывшіе тогда въ Москвѣ. Послушаемъ достовѣрнѣйшаго изъ нихъ, начальника Воспитательнаго Дома, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Тутолмина. Онъ имѣлъ Высочайшее повелѣніе отъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны оставаться въ Москвѣ, съ малолѣтными воспитанниками, отправивъ заблаговременно въ Казань имѣвшихъ отъ роду болѣе 11-ти лѣтъ. При вступленіи непріятеля въ Москву, Французскій Комендантъ Дюронель, по прозьбѣ Тутолмина, поставилъ въ Воспитательный Домъ для охраненія, 12 жандармовъ съ офицеромъ. Вскорѣ загорѣлась Москва. Тутолминъ употреблялъ всѣ усилія, стараясь предохранить отъ огня ввѣренное ему заведеніе, разставилъ воспитанниковъ и надзирателей, съ шайками и вѣниками, гасить искры, сыпавшіяся, какъ снѣгъ, и заливать загаравшіяся мѣста. «Такимъ об«разомъ спасенъ домъ,» доносилъ онъ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, «но невозможно было спа«сти нашей аптеки, со всѣмъ строеніемъ и медика«ментами, ибо, когда я и подчиненные мои, съ по«мощію пожарныхъ трубъ, старались загасить огонь,

«тогда *Французскіе зажигатели* поджигали съ дру-«гихъ сторонъ вновь. Наконецъ нѣкоторые изъ сто-«явшихъ въ домѣ жандармовъ, оберегавшихъ меня, «сжалившись надъ нашими трудами, сказали мнѣ: «*Оставьте*; *приказано сжечь*. Все обратилось въ пла-«мя и не было возможности спасти аптеки. Послѣ «того ужаснаго пожара я все еще оставался въ ве-«личайшей опасности, ибо не переставали ходить «*Французскіе зажигатели* около дома» (*).

Съ первой ночи пустились на грабежъ толпы непріятелей, ибо всѣмъ стоявшимъ близъ Москвы войскамъ Наполеоновымъ было разрѣшено грабить столицу. Къ нимъ, безъ сомнѣнія, присоединились бродяги изъ Русскихъ, оставшіеся въ Москвѣ, и вѣроятно вмѣстѣ съ непріятелями старались о распространеніи пожара, въ намѣреніи съ большею удобностію грабить въ повсемѣстной тревогѣ. Тутъ напрасны были усилія нѣкоторыхъ Французскихъ генераловъ къ утушенію пожара, разрушавшаго занимаемые ими домы. Они въ огонь, огонь за ними. Выводимыя ими для гашенія команды поразбѣгались и приставали къ хищникамъ. Огнемъ и вихремъ заглушался голосъ начальниковъ, а иные изъ нихъ дѣлили съ солдатами награбленную добычу и сами ходили за нею. Скоро забушевали жестокіе вѣтры, и во всѣ стороны разносили головни, дымъ, пламя;

(*) Донесеніе Тутолмина Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, отъ 11-го Ноября 1812.

всякое средство, всякое усиліе рукъ человѣческихъ къ утушенію огня сдѣлались невозможными, и въ трои сутки сгорѣло 6,496 разнаго рода зданій (*).

Стараясь рѣшительно отклонить отъ себя нарѣканія въ пожарѣ, и особенно въ ужасныхъ его слѣдствіяхъ, Наполеонъ не удовольствовался однимъ отрицаніемъ. Попиравшій ногами всѣ права народовъ, по произволу срывавшій вѣнцы съ Монарховъ, восхотѣлъ онъ облечься въ законныя формы и учредилъ Коммиссію для сужденія 26-ти Русскихъ, названныхъ имъ зажигателями. Коммиссія состояла исключительно изъ Французскихъ военныхъ (**). Ея опредѣленіе было слѣдующаго содержанія (***).

«Коммиссія открыла засѣданіе чтеніемъ слѣдствія объ уликахъ и оправданіи подсудимыхъ. Потомъ представлено было 26-ть обвиненныхъ (****), не имѣвшихъ на себѣ

(*) Рапортъ Оберъ-Полиціймейстера Ивашкина Управлявшему Министерствомъ Полиціи Вязмитинову, отъ 21-го Октября, № 341.

(**) Генераловъ: Монтьона, Лауера, Мишеля, Сонье, Тьери, и штабъ-офицеровъ: Боделена, Жанена и Вебера.

(***) Переведено изъ Монитера, оффиціяльной газеты Наполеона.

(****) 1) Пономарь Касіановъ, 2) Поручикъ Игнатьевъ, 3) кузнецъ Вавиловъ, 4) солдатъ Мидцовъ, 5) миніатюрный живописецъ Баровъ, 6) работникъ Ермоловъ, 7) солдатъ полиціи Карлумъ, 8) лакей Бѣльшеровъ, 9) сидѣлецъ Томасъ, 10) обойщикъ Ивановъ, 11) солдатъ полиціи Шестоперовъ, 12) солдатъ полиціи Ефимовъ, 13) живописецъ Стигневичъ,

оковъ. Коммиссія выслушала по одиначкѣ показанія свидѣтелей и обвиненныхъ, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія, когда они зажигали домы. Принесли разныя вещи, употребленныя къ зажиганію: фитили, ракеты, фосфорные замки, сѣру и другіе составы, найденные частію при обвиненныхъ, а частію во многихъ домахъ, гдѣ они были нарочно подложены. Коммиссія удостовѣрилась, что Россійское Правительство, уже за 3 мѣсяца предвидя опасность, въ какую повергнуло себя начатіемъ войны, и невозможность препятствовать Французской арміи вступить въ Москву, рѣшилось употребить въ свое защищеніе необыкновенныя средства зажигательства и истребленія, отвергнутыя просвѣщенными народами. Съ сею цѣлью оно приняло предложеніе Англійскаго доктора Шмита, называвшаго себя Нѣмцомъ, по ремеслу механика и машиниста. Призванный въ Россію въ началѣ Мая, послѣ нѣкоторыхъ тайныхъ переговоровъ съ начальствомъ поселился онъ въ селѣ Воронцовѣ, въ 6-ти верстахъ отъ города по Калужской дорогѣ, куда поставили 160 человѣкъ пѣхоты и 12 драгуновъ, для охраненія тайныхъ дѣйствій Шмита и недопущенія къ нему любопытныхъ. Всѣмъ извѣстно, что онъ строилъ воздушный шаръ, необыкновенной величины, гдѣ должна была находиться истребительная машина, и коимъ, по его увѣренію, онъ

14) кузнецъ Агакомовъ, 15) лакей Максимовъ, 16) Ахрамѣевъ, 17) живописецъ Левутьевъ, 18) портной Сергѣевъ, 19) солдатъ полиціи Сеаховъ, 20) солдатъ полиціи Мотейцъ, 21) солдатъ полиціи Абрамовъ, 22) солдатъ полиціи Самойловъ, 23) солдатъ полиціи Бѣгловъ, 24) лакей Логиновъ, 25) солдатъ полиціи Григорьевъ и 26) Шестоперовъ.

могъ управлять по произволу. Около двухъ недѣль передъ вступленіемъ Французской арміи въ Москву, послано въ Воронцово 7 большихъ бочекъ пороха съ фейерверками. Доказано, что приготовленіе къ построенію шара только выдумано для сокрытія истины: въ Воронцовѣ ничѣмъ другимъ не занимались, кромѣ составленія фейерверковъ и зажигательныхъ машинъ, на что отпускались Правительствомъ деньги.

«Послѣ сраженія при Можайскѣ, Графъ Ростопчинъ, увѣренный въ скоромъ прибытіи Французской арміи, рѣшился сжечь столицу всѣми средствами, находившимися въ его власти. Между разными объявленіями его къ жителямъ, примѣчательны слѣдующія: «Вооружитесь, «чѣмъ бы то ни было, особливо вилами; оружіе сіе тѣмъ «болѣе способно противъ Французовъ, что они не тяже«лѣе соломеннаго снопа; если не побѣдимъ враговъ, то «сожжемъ ихъ въ Москвѣ, когда они осмѣлятся войдти «въ столицу.» Для вѣрнѣйшаго достиженія цѣли, Графъ Ростопчинъ, прежде своего отъѣзда, велѣлъ выпустить изъ тюрьмы до 800 преступниковъ. Свобода дана имъ съ условіемъ, поджечь городъ въ 24 часа послѣ вступленія Французскихъ войскъ. Офицеры Русской арміи и полицейскіе получали тайно приказъ остаться въ Москвѣ, переодѣтыми, дать сигналъ къ пожару и распоряжать имъ. Доказано, что Графъ Ростопчинъ для отнятія всѣхъ средствъ къ потушенію огня приказалъ вывезть, поутру $^{2}/_{14}$ Сентября, всѣ пожарныя трубы, крючья, ведры. Разные зажигательные составы, особливо замки, или пузыри, наполненные фосфоромъ и обвернутые въ холстинѣ, обсыпанной сѣрою, которые были запрятаны въ домахъ,

явно доказываютъ, что пожаръ произошелъ отъ намѣренія, принятаго заблаговременно. Фитили и ракеты, найденные у многихъ солдатъ и захваченныхъ людей разнаго званія открыли настоящихъ начинщиковъ пожара. Большая часть ихъ, пойманные при самомъ преступленіи, тотчасъ, при первомъ движеніи негодованія, разстрѣляны Французскими патрулями, или убиты на мѣстѣ жителями. Коммиссія, совѣщавшись *при запертыхъ дверяхъ*, въ присутствіи одного только Императорскаго Прокурора, приговорила 10 обвиненныхъ къ смертной казни, которая немедленно и приведена въ исполненіе, а остальныхъ 16 осудила на тюремное заключеніе (*).»

Таковы дѣйствія Коммиссіи. Обвинителями, доносщиками, свидѣтелями, судьями были Французы, выдумавшіе обвиненіе для отстраненія отъ Наполеона нарѣканій въ бѣдствіяхъ Москвы. То было судилище раболѣпное, кровавое, а доводы его и заключенія о намѣреніи нашего Правительства сжечь Москву посредствомъ шара и колодниковъ не что иное, какъ сцѣпленіе вымысловъ и лжи. Неоспоримымъ тому доказательствомъ послужитъ слѣдующее изложеніе истинныхъ обстоятельствъ дѣла. 5-го Мая 1812-го года, былъ посланъ въ Москву иностранецъ Леппихъ. Онъ взялся сдѣлать огромный шаръ, подняться съ нимъ на воздухъ, съ 50-ю человѣками,

(*) Въ концѣ приговора помѣщенъ списокъ разныхъ вещей, найденныхъ непріятелями въ селѣ Воронцовѣ, гдѣ дѣлали воздушный шаръ.

и спустить на непріятельскую армію два ящика, наполненные истребительными веществами. Работы производились тайно. Нѣсколько мастеровъ пріѣхало съ изобрѣтателемъ; кузнецы и слѣсаря были высланы изъ Петербурга, дабы не огласить предпріятія. Леппиху отвели домъ въ 7-ми верстахъ отъ Москвы, на Калужской дорогѣ, приставили къ нему полицейскую команду и распространили слухъ, будто онъ дѣлаетъ земледѣльческія орудія для Гражданскаго Губернатора Обрѣскова. Однако же скоро узнали въ Москвѣ о строеніи шара, и тогда Графъ Ростопчинъ напечаталъ слѣдующее объявленіе: «Здѣсь мнѣ поручено отъ Государя сдѣлать большой шаръ, на которомъ 50 человѣкъ полетятъ, куда захотятъ, и по вѣтру и противъ вѣтра, а что отъ него будетъ узнаете и порадуетесь. Если погода будетъ хороша, то завтра, или послѣ завтра, ко мнѣ будетъ маленькій шаръ для пробы. Я вамъ заявляю, чтобъ вы, увидя его, не вздумали, что это отъ злодѣя, а онъ сдѣланъ къ его вреду и погибели.» Изобрѣтеніе казалось сначала удобоисполнительнымъ, до такой степени, что Графъ Ростопчинъ писалъ Государю: «Леппихъ уничтожилъ мои сомнѣнія. «Когда шаръ будетъ готовъ, машинистъ хочетъ летѣть въ Вильну. Не улетитъ ли онъ къ непріятелю (*)? Я совершенно увѣренъ въ успѣхѣ. Леппихъ «предлагаетъ мнѣ съ нимъ вмѣстѣ отправиться

(*) Донесеніе отъ 11-го Іюня.

«въ путь, но я не смѣю оставить моего мѣста безъ «Высочайшаго разрѣшенія» (*).

Два маленькихъ шара, назначенные для опыта, были готовы 13-го Августа; большой надѣялись окончить 30-го того же мѣсяца. На пробномъ шарѣ хотѣли пустить 5 человѣкъ, для чего назначили день и предупредили городъ печатнымъ объявленіемъ. Вскорѣ однако же оказалось предпріятіе не возможнымъ. Вмѣсто назначенныхъ для приготовленія 6-ти часовъ, прошло 5 дней, и тогда, вмѣсто пяти человѣкъ, могли подняться только двое. Тутъ нашлись опять затрудненія; кончилось тѣмъ, что Графъ Ростопчинъ, сперва не имѣвшій сомнѣнія въ успѣхѣ, назвалъ Леппиха шарлатаномъ. 1-го Сентября отправилъ онъ его въ Петербургъ, а шаръ, инструменты и другія снадобья, стоившіе 163,000 рублей, въ Нижній-Новгородъ. Въ торопяхъ не успѣли всего уложить. Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ матеріялы, найденные непріятелями, послужили имъ предлогомъ къ вымыслу, будто шаръ готовили для сожженія Москвы. Можетъ показаться страннымъ: почему прибѣгали къ новому, опытомъ не доказанному средству истребленія противъ враговъ? Такой вопросъ весьма понятенъ нынѣ, среди мира и благоденствія, когда подъ мощною Державою НИКОЛАЯ, видимо осѣненная благодатію Всевышняго, Россія ограждена отъ непріятельскихъ противъ нея покушеній.

(*) Донесеніе отъ 20-го Іюня.

Но надобно мысленно перенестись въ тогдашнее время бурь и треволненій, когда вся Европа нахлынула на наше Отечество и висѣло надъ нимъ иго, подобное ярму, нѣкогда наложенному на Россію Татарами. Въ такихъ обстоятельствахъ явилось предложеніе нанести гибель врагамъ, которые, уже не издали грозили, но дотрогивались до самаго сердца Государства. Слѣдовательно, надлежало болѣе тому удивляться, еслибы подобное предложеніе было отринуто, нежели тому, что согласились испытать его. Почему намъ было не изобрѣтать необычайныхъ средствъ противъ нашествія, имѣвшаго цѣлью наложить на Россію оковы рабства? Адъ надобно было отражать адомъ.

Опредѣленіе кроваваго судилища о 800-хъ арестантахъ, будто бы выпущенныхъ изъ тюрьмы для поджоги, столь же несправедливо, какъ и заключеніе о шарѣ. Въ Москвѣ было 620 колодниковъ (*). Такое значительное число накопилось отъ того, что по мѣрѣ приближенія непріятельской арміи къ губерніямъ Витебской, Могилевской, Смоленской и Минской, отправляли арестантовъ въ Москву. 31-го Августа, всѣ они, кромѣ двухъ, отосланы изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ, подъ конвоемъ 10-го полка ополченія. Изъ дѣлъ Нижегородскаго Губернскаго Правленія видно, что за исключеніемъ умершихъ и заболѣвшихъ дорогою, арестанты прибыли 23-го Сентября къ мѣсту своего назначенія.

(*) Донесеніе Графа Ростопчина, отъ 7-го Ноября.

Доказательствомъ тому служитъ слѣдующее письмо Нижегородскаго Гражданскаго Губернатора Руновскаго къ Графу Ростопчину: «Вмѣстѣ съ отношеніемъ ко мнѣ «Г–на Владимірскаго Гражданскаго Губернатора, по «повелѣнію Его Свѣтлости Князя Михаила Ларіоно- «вича Кутузова, доставлены въ Нижній–Новгородъ, «минувшаго Сентября 23–го, бывшіе при 10–мъ «пѣхотномъ полку, полученные отъ Г–на Москов- «скаго Гражданскаго Губернатора арестанты, изъ «числа 620–ти, за убылью нѣкоторыхъ изъ нихъ въ «пути, остальные 540 человѣкъ» (*). Слѣдственно, Москву жгли не колодники, потому, что во время пожара были они на пути въ Нижній–Новгородъ.

Собственное сознаніе подсудимыхъ, будто имъ велѣно зажигать, было вымышлено Французскою Коммиссіею, или сдѣлано подсудимыми изъ страха, для избѣжанія лютости враговъ. Во всякомъ случаѣ признаніе ложно, ибо повелѣній къ поджогѣ дано не было. Что касается до ракетъ, фитилей, пузырей съ порохомъ, отысканныхъ въ домахъ и у подсудимыхъ, то зажигательныя вещества, если и въ самомъ дѣлѣ были они найдены Французами, конечно были взяты въ частныхъ заведеніяхъ, гдѣ приготовляются фейерверки для праздниковъ, даваемыхъ въ Москвѣ и за городомъ, или на дачѣ, гдѣ строили шаръ. Увезеніе пожарныхъ трубъ изъ Москвы, которыхъ было 96, по 3 въ каждой части, не есть

(*) Отъ 3–го Октября, № 7165.

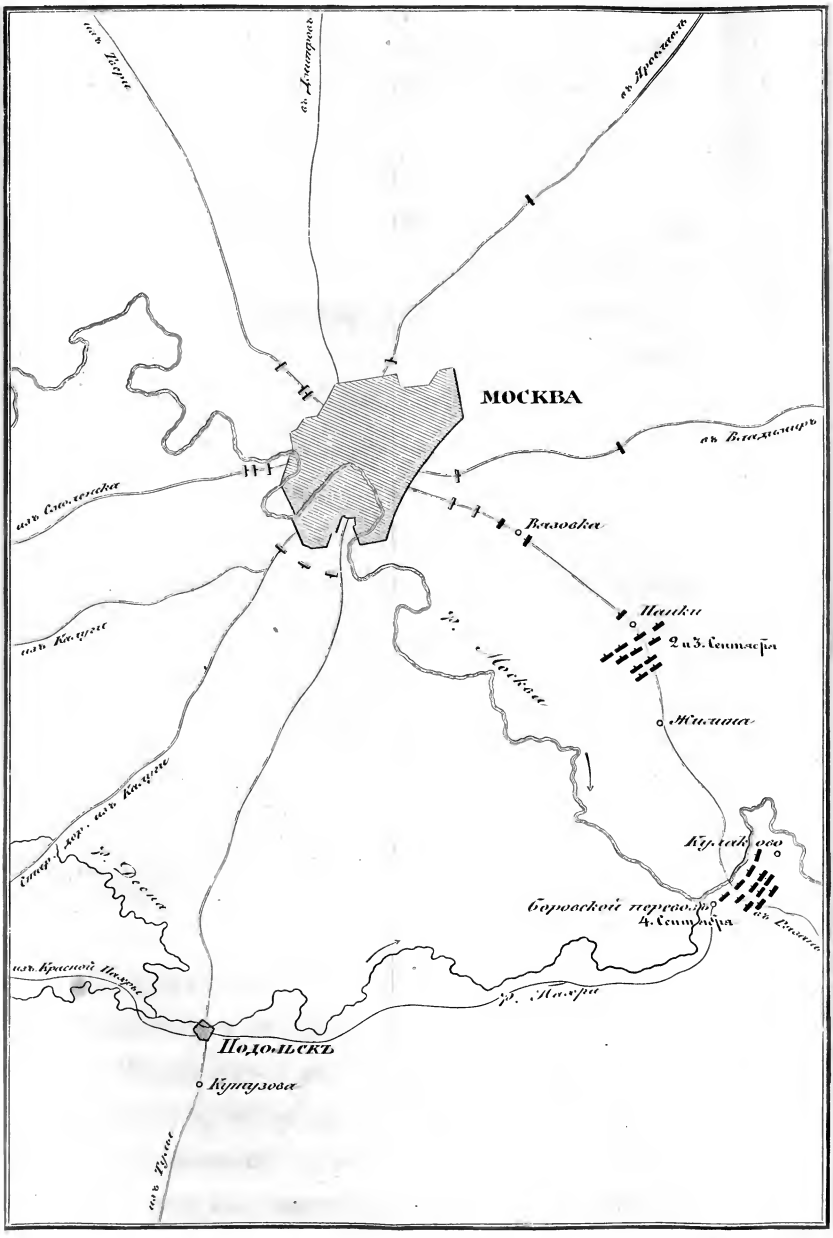
доказательство заблаговременно принятаго намѣренія предать городъ огню, но было обыкновенною, тогда принятою мѣрою, на основаніи коей, при сближеніи непріятеля, отправлялись всѣ присутственныя мѣста, архивы, чиновники, казенныя суммы и имущества. Изъ сей общей мѣры не была изъята и Московская полиція. Но еслибы трубы и остались на своихъ мѣстахъ, дѣйствіе ихъ не могло быть успѣшно въ городѣ, имѣющемъ 50 верстъ въ окружности, зажигаемомъ въ разныхъ мѣстахъ вдругъ, и гдѣ, среди ужаснѣйшаго вихря, единовременно горѣло до 7000 зданій. Трубы имѣли бы одинаковую участь съ домами; онѣ бы сгорѣли.

Найдя лишь золу и уголь вмѣсто богатой, многолюдной, покорной ему Москвы, Наполеонъ осыпалъ Русскихъ ругательствами, называлъ насъ въ бюллетеняхъ Татарами, Калмыками, варварами, не умѣющими защищать себя иначе, какъ сожигая собственные домы. За нимъ твердили Французскіе писатели и журналисты о необходимости загнать Русскихъ въ Азію, очистить отъ нихъ Европу. Предметомъ особенной злобы избралъ Наполеонъ Графа Ростопчина; имя его, какъ припѣвъ, безпрестанно упоминалось въ бюллетеняхъ: «C'est Rostoptchin qui brule Moscou!» Всѣ поступки Графа Ростопчина были на перекоръ желаній и надеждъ Наполеона, потому что онъ всѣми силами способствовалъ къ опорожненію Москвы, сохраненію въ ней спокойствія, возженію въ сердцахъ

народа не только ненависти, но и презрѣнія къ Наполеону. Тогда Наполеонъ уже сроднился съ мыслію, что столицы Государствъ должны безпрекословно предъ нимъ падать; онъ даже привыкъ къ ненависти, вообще въ Европѣ къ нему питаемой, и пренебрегалъ ею; но для него ново было презрѣніе, распространяемое къ нему въ Россіи Графомъ Ростопчинымъ. Такой обиды Наполеонъ не простилъ. Въ отмщеніе выставлялъ онъ Графа Ростопчина зажигателемъ Москвы, стараясь явиться невиннымъ предъ судомъ свѣта. Конечно, Русскіе никому не уступятъ чести быть первыми виновниками Московскаго пожара: подвигъ сей есть одно изъ драгоцѣнныхъ наслѣдій, какое нашъ вѣкъ передастъ будущимъ; но истиннымъ виновникомъ пожара и злополучія столицы останется Наполеонъ. Безъ его нашествія не сгорѣла бы Москва, преданная имъ на расхищеніе. Потомство спрашиваетъ: почему Наполеонъ былъ безмолвнымъ, равнодушнымъ зрителемъ неистовствъ въ Москвѣ? Совершенныхъ въ Москвѣ злодѣяній нельзя отнести къ остававшимся въ ней Русскимъ: число ихъ было ничтожно въ сравненіи со ста тысячами непріятелей, изъ коихъ рѣдкій не жегъ и не грабилъ. Утушить пожаръ, возженный Русскими, было не во власти Наполеона: укрощеніе пламени превосходило силы человѣческія; но въ четырехъдневное пребываніе свое въ Петровскомъ дворцѣ, онъ рѣшительно не принялъ никакихъ мѣръ прекратить

N. 43.

Карта отступленія по **РЯЗАНСКОЙ** дорогѣ.



злодѣйства и обуздать свою армію, продолжавшую грабить до самаго того времени, когда она принуждена была со срамомъ бѣжать изъ Москвы. Зачѣмъ распускалъ онъ войска на грабежъ, не отправилъ ихъ за заставы, не запретилъ имъ всѣми мѣрами убѣжденій, строгости, угрозъ, отлучаться отъ знаменъ? Зачѣмъ преступнымъ послабленіемъ своевольству, буйнымъ страстямъ, душегубству, умножалъ онъ до безконечности число зажигателей, разбойниковъ, святотатцовъ? Такъ, не простымъ завоевателемъ, а убійцею показался Наполеонъ на стогнахъ Московскихъ! На его память должны лечь кровавыя явленія, совершавшіяся на развалинахъ Москвы, и обременить его проклятіемъ вѣковъ.

—

ГЛАВА XVIII.

ПОЛУЧЕНІЕ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ ИЗВѢСТІЯ О ПАДЕНІИ МОСКВЫ.

—

Молва о паденіи Москвы доходитъ до Петербурга. — Донесеніе Графа Ростопчина. — Отправленіе въ армію Князя Волконскаго. — Высочайшій рескриптъ Князю Кутузову. — Разговоръ Государя съ Полковникомъ Мишо. — Донесеніе Князя Кутузова. — Обнародованіе извѣстія о паденіи Москвы. — Письмо Государя къ Шведскому Принцу. — Слова Государя Графу Ливену. — Сборъ войскъ на дорогѣ между Петербургомъ и Москвою. — Вооруженіе выходцовъ изъ занятыхъ непріятелемъ губерній. — Мѣры къ оборонѣ Петербурга. — Различныя правительственныя распоряженія.

—

По оставленіи Москвы, весь слѣдующій день 3-го Сентября, армія простояла въ лагерѣ при Панкахъ; Милорадовичъ, съ арріергардомъ, былъ при Вязовкѣ. 4-го числа армія отступила къ Боровскому перевозу, на правый берегъ Москвы рѣки; главная квартира была въ Кулаковѣ (*). Дорогою изъ Панковъ

(*) *Карта отступленія по Рязанской дорогѣ, № 43.*

въ Кулаково, Князь Кутузовъ остановился въ Жилинѣ, откуда представилъ Государю донесеніе объ уступленіи Москвы. Прежде нежели дошелъ рапортъ его, носилась уже по Петербургу глухая молва о печальномъ событіи, но ей вѣрили мало, ибо она начала оглашаться черезъ недѣлю послѣ того, какъ узнали въ Петербургѣ о Бородинскомъ сраженіи и съ часу на часъ ждали извѣстія о новой битвѣ. Чего желаемъ, того и надѣемся. Молва о паденіи Москвы распространилась въ Петербургѣ отъ одного пріѣхавшаго оттуда помѣщика. Его задержали, какъ разгласителя неблагопріятныхъ слуховъ, но вскорѣ показанія его подтвердились на самомъ дѣлѣ, и разразилось зловѣщее облако громовыми словами: «Москва взята!» Мертвое оцѣпенѣніе послѣдовало за симъ ударомъ.

По окончаніи военнаго совѣта въ Филяхъ, Князь Кутузовъ не донесъ Государю тотчасъ же, какъ слѣдовало, о своемъ намѣреніи уступить Москву безъ сраженія. Отъ его непостижимаго, тревожнаго молчанія нѣсколько времени продолжалось недоумѣніе Императора. Весь Петербургъ говорилъ, что Наполеонъ въ Москвѣ, а Государь не имѣлъ о томъ оффиціяльнаго донесенія отъ Главнокомандующаго. Наконецъ Его Величество получилъ отъ Графа Ростопчина слѣдующее письмо, которое пришло поздно, отправленное черезъ Ярославль:

«Адъютантъ Князя Кутузова привезъ мнѣ письмо,

въ коемъ онъ требуетъ отъ меня полицейскихъ офицеровъ, для сопровожденія арміи на Рязанскую дорогу. Онъ говоритъ, что съ сожалѣніемъ оставляетъ Москву. Государь! Поступокъ Кутузова рѣшаетъ жребій столицы и Вашей Имперіи. Россія содрогнется, узнавъ объ уступленіи города, гдѣ сосредоточивается величіе Россіи, гдѣ прахъ Вашихъ Предковъ. Я послѣдую за арміею. Я все вывезъ: мнѣ остается плакать объ участи моего Отечества!»

Письмо Графа Ростопчина не объясняло двухъ, самыхъ главныхъ обстоятельствъ: 1), по какимъ причинамъ Князь Кутузовъ не сразился подъ Москвою и отступилъ? 2), зачѣмъ онъ обратился на Рязань? Государь особенно безпокоился о послѣднемъ обстоятельствѣ, ибо Рязанская дорога не была путемъ, который надлежало избрать въ военномъ отношеніи. Императоръ призвалъ къ себѣ того изъ Генералъ-Адъютантовъ, коего съ юности своей удостоивалъ дружественнымъ расположеніемъ, Князя Волконскаго, и сказалъ ему: «Не понимаю зачѣмъ «Фельдмаршалъ пошелъ на Рязанскую дорогу. Ему «слѣдовало идти на Калужскую. Тотчасъ поѣзжай къ «нему; узнай, что побудило его взять это направле«ніе; разспроси объ арміи и дальнѣйшихъ намѣрені«яхъ его.» Тутъ же Государь вручилъ ему слѣдующій рескриптъ для доставленія Князю Кутузову:

«*Князь Михаилъ Иларіоновичъ!*

Съ 29-го Августа не имѣю Я никакихъ донесеній отъ васъ. Между тѣмъ отъ 1-го Сентября получилъ Я

черезъ Ярославль отъ Московскаго Главнокомандующаго печальное извѣстіе, что вы рѣшились съ арміею оставить Москву. Вы сами можете вообразить дѣйствіе, какое произвело сіе извѣстіе, а молчаніе ваше усугубляетъ Мое удивленіе. Я отправляю съ симъ Генералъ-Адъютанта Князя Волконскаго, дабы узнать отъ васъ о положеніи арміи, и о побудившихъ васъ причинахъ къ толь несчастной рѣшимости (*).»

Самый рескриптъ сей свидѣтельствуетъ, что оставленіе Москвы не входило въ соображеніе Императора.

На другой день, послѣ отъѣзда Князя Волконскаго, 9-го Сентября, въ 9 часовъ вечера, прибылъ въ Петербургъ Полковникъ Мишо, отправленный Княземъ Кутузовымъ съ давноожиданнымъ донесеніемъ. Онъ ѣхалъ на Владиміръ и Ярославль, посреди многихъ тысячь жителей, спасавшихся изъ Москвы и ея окрестностей. «На семъ пространствѣ,» говоритъ Мишо, родомъ иностранецъ, но по чувствамъ Русскій, «всѣ были одушевлены мыслію, «что Отечество не останется безъ отмщенія, всѣ «были исполнены безпредѣльной преданности къ «Престолу. Попеременно предавался я, то горести, «при видѣ зрѣлища, представлявшагося моимъ глазамъ, то радости, замѣчая всеобщій энтузіасмъ, и «все слышанное мною на каждомъ шагу (**).» Мишо немедленно былъ представленъ Государю,

(*) Рескриптъ отъ 7-го Сентября.

(**) Изъ собственноручнаго письма Графа Мишо.

на Каменномъ Островѣ. По грустному виду посланнаго заключилъ Императоръ, что привезенное имъ донесеніе было не радостное. — «Конечно, вы при«сланы съ печальными вѣстями?» были первыя слова Монарха. — «По несчастію, весьма печальными. «Москва нами оставлена....» — «Какъ!» прервалъ Императоръ, «развѣ мы проиграли сраженіе, или «Мою древнюю столицу отдали безъ боя?» — «Къ «сожалѣнію,» отвѣчалъ посланный, «окрестности «Москвы не представили выгоднаго мѣстоположенія «для сраженія съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, а потому Главнокомандующій увѣренъ, «что онъ избралъ спасительную мѣру, сохранивъ «Вашему Величеству армію. Погибель войскъ «не могла спасти Москвы, и должна была имѣть «самыя пагубныя послѣдствія. Теперь, армія, полу«ча всѣ назначенныя ей Вашимъ Величествомъ «подкрѣпленія, встрѣченныя мною повсюду на доро«гѣ, гдѣ я проѣзжалъ, въ состояніи будетъ начать «наступательныя дѣйствія, и заставить непріятеля «раскаяться въ дерзкомъ вторженіи въ сердце «Вашей Имперіи!» — «Вошелъ ли непріятель въ «Москву?»—«Вошелъ, Государь, и теперь она уже «превращена въ пепелъ; я оставилъ ее объятую «пламенемъ.» Слезы полились изъ глазъ Монарха и затмили ихъ: «Боже мой!» сказалъ Онъ, «что за «несчастія!» — «Не огорчайтесь, Государь! Ваша «армія ежедневно усиливается.....» Прервавъ слова

Мишо, Императоръ сказалъ: «Изъ всего, что съ «нами сбывается, Я заключаю, что Провидѣніе тре- «буетъ отъ насъ великихъ пожертвованій, особенно «отъ Меня. Я готовъ покориться волѣ Его, но ска- «жите: что говорили войска, когда древнюю Столи- «цу Мою оставили безъ выстрѣла? Не подѣйствова- «ло ли это на нравственность солдатъ? Не замѣти- «ли ль вы упадка въ духѣ?» — «Позволите ли мнѣ, «какъ солдату, говорить Вашему Величеству «откровенно?» — «Я всегда требую искренности, но «теперь прошу васъ: не скрывайте отъ Меня ниче- «го, скажите мнѣ чистосердечно всю истину.» — «Государь! признаюсь, я оставилъ армію, отъ «Князя Кутузова до послѣдняго солдата, въ неопи- «санномъ страхѣ....» — «Что вы говорите? Отъ чего «происходитъ страхъ? Ужели мои Русскіе сокруше- «ны несчастіемъ?» — «Нѣтъ, Ваше Величество, «они только боятся, чтобъ Вы, по добротѣ Вашего «сердца не заключили мира; они горятъ желаніемъ «сразиться, и доказать Вамъ храбростію своею и по- «жертвованіемъ жизни, сколь они Вамъ преданы!»

Государь, потрепавъ Мишо по плечу, сказалъ: «Вы облегчили Мое сердце; вы Меня успокоили. «Возвратитесь въ армію, говорите Моимъ вѣрнопод- «даннымъ, вездѣ гдѣ вы будете проѣзжать, что ес- «ли у Меня не останется ни одного солдата, Я со- «зову Мое вѣрное Дворянство и добрыхъ поселянъ, «буду Самъ предводительствовать ими и подвигну

«всѣ средства Моей Имперіи. Россія представляетъ «Мнѣ болѣе способовъ, чѣмъ полагаетъ непріятель. «Но если судьбою и Промысломъ Божіимъ предна- «значено Роду Моему не царствовать болѣе на «Престолѣ Моихъ Предковъ, то, истощивъ всѣ «усилія, Я отрощу Себѣ бороду до сихъ поръ,» (показывая рукою на грудь Свою) «и лучше согла- «шусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежe- «ли подписать стыдъ Моего Отечества и добрыхъ «Моихъ подданныхъ, пожертвованія коихъ умѣю «цѣнить. Провидѣніе испытываетъ насъ; будемъ на- «дѣяться, что оно насъ не оставитъ.» При сихъ сло- вахъ Императоръ началъ ходить по комнатѣ; ли- це Его пламенѣло. Возвращаясь скорыми шагами, Онъ крѣпко сжалъ руку посланнаго и продолжалъ: «Не забудьте, что Я вамъ теперь говорю; можетъ «быть, настанетъ время, когда мы вспомнимъ о «томъ съ удовольствіемъ: *Наполеонъ или Я, Я или «онъ* — но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать. Я «узналъ его; онъ болѣе не обманетъ Меня.» — «Государь!» отвѣчалъ Мишо, «Ваше Величество «подписываете въ сію минуту славу Вашего народа «и спасеніе Европы.»—«Да исполнится предсказаніе «ваше,» сказалъ Александръ; «подите отдыхать и «будьте готовы возвратиться въ армію (*).»

Какъ въ зеркалѣ, выражаются въ сихъ словахъ

(*) Весь разговоръ заимствованъ, отъ слова до слова, изъ собственноручнаго письма Графа Мишо.

чувствованія Монарха, спасителя Отечества. Велико было несчастіе Александра, но Онъ сталъ выше злополучія. Объ Его твердость, какъ волны моря о гранитную скалу, разбились надежды завоевателя, мечтавшаго покореніемъ Москвы поколебать Россійскаго Монарха. Безъ желѣзной воли Александра: не вступать ни въ какое соглашеніе съ Наполеономъ и биться съ нимъ до крайности, тщетны были бы храбрость войскъ, самоотверженіе народа. Въ исполинскомъ подвигѣ, предпринятомъ Александромъ, судьба готовила Ему тяжкія испытанія, но тѣмъ болѣе подобаетъ Ему вѣчное благодареніе Россіи, что на пути къ великой цѣли, Онъ мужественно и твердо боролся съ превратностями счастія.

Донесеніе Князя Кутузова, привезенное Полковникомъ Мишо, было слѣдующее:

«Послѣ столь кровопролитнаго, хотя и побѣдоноснаго съ нашей стороны отъ 26-го Августа сраженія, долженъ я былъ оставить позицію при Бородинѣ, по причинамъ, о которыхъ имѣлъ счастіе донести Вашему Императорскому Величеству. Послѣ сраженія того армія была приведена въ крайнее разстройство; 2-я армія весьма уже ослабѣла. Въ такомъ истощеніи силъ приближались мы къ Москвѣ, имѣя ежедневно большія дѣла съ авангардомъ непріятельскимъ, и на семъ недальномъ разстояніи не представилось позиціи, на которой могъ бы я съ надежностію принять непріятеля. Войска,

съ которыми надѣялись мы соединиться, не могли еще придти; непріятель же пустилъ двѣ новыя колонны, одну по Боровской, а другую по Звенигородской дорогамъ, стараясь дѣйствовать на тылъ мой отъ Москвы; а потому не могъ я никакъ отважиться на баталію, которой невыгоды имѣли бы послѣдствіемъ не только разрушеніе остатковъ арміи, но и кровопролитнѣйшее разрушеніе и превращеніе въ пепелъ самой Москвы. Въ такомъ, крайне сомнительномъ положеніи, по совѣщанію съ первенствующими нашими Генералами, изъ которыхъ нѣкоторые были противнаго мнѣнія, долженъ былъ я рѣшиться попустить непріятелю войдти въ Москву, изъ коей всѣ сокровища, арсеналъ и всѣ почти имущества, какъ казенныя, такъ и частныя вывезены, и ни одинъ дворянинъ въ ней не остался.

«Осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, что вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще покореніе Россіи. Напротивъ того, съ войсками, которыя успѣлъ я спасти, дѣлаю я движеніе на Тульскую дорогу. Сіе приведетъ меня въ состояніе защищать городъ Тулу, гдѣ хранится важнѣйшій оружейный заводъ, и Брянскъ, въ которомъ столь же важный литейный дворъ, и прикрываетъ мнѣ всѣ рессурсы, въ обильнѣйшихъ нашихъ губерніяхъ заготовленные. Всякое другое направленіе пресѣкло бы мнѣ оные, равно и связь съ арміями Тормасова и Чичагова, еслибы они показали большую дѣятельность на угроженіе праваго фланга непріятельскаго. Хотя не отвергаю того, чтобы занятіе Столицы не было раною чувствительнѣйшею, но не колеблясь между симъ происшествіемъ и событіями, могущими

послѣдовать въ пользу нашу съ сохраненіемъ арміи, я принимаю теперь въ операціи со всѣми силами линію, посредствомъ которой, начиная съ дорогъ Тульской и Калужской, партіями моими буду пересѣкать всю линію непріятельскую, растянутую отъ Смоленска до Москвы, и тѣмъ самымъ отвращая всякое пособіе, которое бы непріятельская армія съ тылу своего имѣть могла, и обративъ на себя вниманіе непріятеля, надѣюсь принудить его оставить Москву и перемѣнить всю свою операціонную линію. Генералу Винцингероде предписано отъ меня держаться самому на Клинской, или Тверской дорогѣ, имѣя между тѣмъ по Ярославской казачій полкъ, для охраненія жителей отъ набѣговъ непріятельскихъ партій. Теперь, въ недальнемъ разстояніи отъ Москвы собравъ мои войска, твердою ногою могу ожидать непріятеля, и пока армія Вашего Императорскаго Величества цѣла и движима извѣстною храбростію и нашимъ усердіемъ, дотолѣ еще возвратная потеря Москвы не есть потеря Отечества. Впрочемъ, Ваше Императорское Величество Всемилостивѣйше согласиться изволите, что послѣдствія сіи нераздѣльно связаны съ потерею Смоленска, и съ тѣмъ разстроеннымъ состояніемъ войскъ, въ которомъ я оныя засталъ. Полковникъ Мишо объяснитъ Вашему Императорскому Величеству обстоятельнѣе положеніе нашихъ дѣлъ.»

Донесеніе Князя Кутузова, имъ самимъ диктованное, есть выраженіе сердца скорбнаго, духа спокойнаго, мысли ясной, дальновидной. Онъ излагаетъ неопровержимыя причины, побудившія его отказаться

отъ сраженія подъ Москвою; какъ Русскій, болѣетъ о Москвѣ, не хотѣвъ сраженіемъ подвергнуть ее гибели и разрушенію; какъ подданный, дерзаетъ утѣшать Монарха, говоря, что потеря столицы не есть потеря Отечества. Наконецъ, въ краткомъ очеркѣ, достойномъ великаго полководца, представляетъ онъ дальнѣйшія предположенія, совершенно оправдавшія въ послѣдствіи предусмотрительность его и глубоко обдуманныя мысли. Невѣрно только одно въ его донесеніи: вывозъ арсенала изъ Москвы; но въ тогдашней сумотохѣ нельзя было знать Князю Кутузову, все ли успѣли спасти изъ казеннаго имущества.

О важномъ событіи, занятіи столицы непріятелемъ, Императоръ повелѣлъ издать во всенародное извѣстіе слѣдующее объявленіе:

«Съ крайнею и сокрушающею сердце каждаго сына Отечества печалію симъ извѣщается, что непріятель Сентября 3-го числа вступилъ въ Москву. Но, да не унываетъ отъ сего великій народъ Россійскій. Напротивъ, да поклянется всякъ и каждый воскипѣть новымъ духомъ мужества, твердости и несомнѣнной надежды, что всякое наносимое намъ врагами зло и вредъ обратятся напослѣдокъ на главу ихъ. Непріятель занялъ Москву не отъ того, чтобы преодолѣлъ силы наши, или ослабилъ ихъ. Главнокомандующій, по совѣту съ первенствующими Генералами, нашелъ за полезное и нужное уступить, на время, необходимости, дабы съ надежнѣйшими и лучшими потомъ способами превратить кратковременное торжество непріятеля въ неизбѣжную ему погибель. Сколь ни болѣзненно

всякому Русскому слышать, что первопрестольный градъ Москва вмѣщаетъ въ себѣ враговъ Отечества своего, но она вмѣщаетъ ихъ въ себѣ пустая, обнаженная отъ сокровищъ и жителей. Гордый завоеватель надѣялся, вошедъ въ нее, содѣлаться повелителемъ всего Россійскаго Царства, и предписать ему такой миръ, какой заблагоразсудитъ, но онъ обманется въ надеждѣ своей, и не найдетъ въ столицѣ не только способовъ господствовать, ниже способовъ существовать. Собранныя и отчасу больше скопляющіяся силы наши окрестъ Москвы, не престанутъ преграждать ему всѣ пути, и посылаемые отъ него для продовольствія отряды ежедневно истреблять, доколѣ не увидитъ онъ, что надежда его на пораженіе умовъ взятіемъ Москвы была тщетная, и что по неволѣ долженъ онъ будетъ отворять себѣ путь изъ ней силою оружія. Положеніе его есть слѣдующее: онъ вошелъ въ землю нашу съ тремя стами тысячь человѣкъ, изъ которыхъ главная часть состоитъ изъ разныхъ націй людей, служащихъ и повинующихся ему не отъ усердія, не для защиты своихъ отечествъ, но отъ постыднаго страха и робости. Половина сей разнонародной арміи его истреблена, частію храбрыми нашими войсками, частію побѣгами, болѣзнями и голодною смертію. Съ остальными пришелъ онъ въ Москву. Безъ сомнѣнія, смѣлое, или, лучше сказать, дерзкое стремленіе его въ самую грудь Россіи, и даже въ самую древнѣйшую столицу удовлетворяетъ его честолюбію и подаетъ ему поводъ тщеславиться и величаться, но конецъ вѣнчаетъ дѣло. Не въ ту страну зашелъ онъ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ и преклоняетъ къ стопамъ его и войска

и народъ. Россія не привыкла покорствовать, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, вѣры, свободы, имущества. Она съ послѣднею въ груди каплею крови станетъ защищать ихъ. Всеобщее повсюду видимое усердіе и ревность въ охотномъ и добровольномъ противъ врага ополченіи свидѣтельствуютъ ясно, сколь крѣпко и непоколебимо Отечество наше, ограждаемое бодрымъ духомъ вѣрныхъ его сыновъ. И да не унываетъ никто: и въ такое ли время унывать можно, когда всѣ состоянія Государственныя дышатъ мужествомъ и твердостію? Когда непріятель съ остаткомъ отчасу болѣе исчезающихъ войскъ своихъ, удаленный отъ земли своей, находится посреди многочисленнаго народа, окруженъ арміями нашими, изъ которыхъ одна стоитъ противъ него, а другія три стараются пересѣкать ему возвратный путь, и не допускать къ нему никакихъ новыхъ силъ? Когда Испанія не только свергла съ себя иго его, но и угрожаетъ ему вторженіемъ въ его земли? Когда большая часть изнуренной и расхищенной отъ него Европы, служа по неволѣ ему, смотритъ и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ минуты, въ которую бы могла вырваться изъ подъ власти его, тяжкой и нестерпимой? Когда собственная земля его не видитъ конца проливаемой ею для славолюбія своей и чужой крови? При толь бѣдственномъ состояніи всего рода человѣческаго не прославится ли тотъ народъ, который, перенеся всѣ неизбѣжныя съ войною разоренія, наконецъ терпѣливостію и мужествомъ своимъ достигнетъ до того, что не токмо пріобрѣтетъ самъ себѣ прочное и ненарушимое спокойствіе, но и другимъ Державамъ доставитъ оное, и даже тѣмъ самымъ, которыя противъ

воли своей съ нимъ воюютъ? Пріятно и свойственно доброму народу за зло воздавать добромъ. Боже Всемогущій! обрати милосердныя очи Твои на молящуюся Тебѣ съ колѣнопреклоненіемъ Россійскую Церковь. Даруй поборающему по правдѣ вѣрному народу Твоему, бодрость духа и терпѣніе. Сими, да восторжествуетъ онъ надъ врагомъ своимъ, да преодолѣетъ его, и спасая себя, спасетъ свободу и независимость Царей и Царства!»

Такъ говорилъ Александръ при паденіи Москвы. Мысль Его, выраженная въ семъ объявленіи, величіемъ своимъ совершенно уничтожала впечатлѣніе, какое Наполеонъ думалъ произвесть въ Россіи и Европѣ вторженіемъ въ Москву. Занятіе непріятелемъ столицы послужило для Государя только поводомъ возобновить передъ лицомъ вселенной обѣтъ: не заключать мира; оно было новымъ случаемъ торжественно подтвердить ту великую истину, что Александръ велъ войну не за одну Россію, но за независимость всѣхъ Державъ. Ни одинъ изъ новѣйшихъ народовъ не имѣетъ въ хранилищахъ своихъ столь знаменитаго памятника. Неизъяснимо было чувство, съ какимъ въ арміи и во всей Россіи читали Манифестъ. Истины, сильно начертанныя искуснымъ перомъ, врѣзывались въ сердца, усугубляли мужество, подвигали Россію на кровавое мщеніе. Всѣ видѣли, что Государь не унываетъ и увѣренъ въ спасеніи Отечества и самой Европы. Каждый еще болѣе

убѣдился, что въ смертной борьбѣ не могло быть средины, что Наполеону или намъ должно было погибнуть. Князь Кутузовъ приказалъ мнѣ перевезть объявленіе по Французски. Печатный переводъ былъ разосланъ на передовыя цѣпи, для распространенія его въ непріятельскихъ войскахъ. Изъ содержанія Манифеста, Наполеонъ долженъ былъ видѣть, что для поколебанія Императора Александра напрасно вооружилъ онъ весь западъ Европы, напрасно залилъ кровью и освѣтилъ пожарами пространство отъ Нѣмана до Оки. Москва пала, но, опершись на Александра, устояла Россія.

«Потеря Москвы жестока,» писалъ собственноручно Государь къ Шведскому Принцу, «но она «чувствительна болѣе въ нравственномъ и политическомъ отношеніи, чѣмъ въ военномъ. По крайней «мѣрѣ, она даетъ Мнѣ случай представить Европѣ «величайшее доказательство, какое могу явить ей, «въ Моемъ постоянствѣ продолжать войну противъ «угнетателя Царствъ. Послѣ этой раны, всѣ прочія «ничтожны. Повторяю Вашему Королевскому Высо«честву торжественное увѣреніе, что нынѣ, болѣе «нежели когда либо, Я и народъ Мой рѣшились «упорствовать, и скорѣе погребсти себя подъ разва«линами Имперіи, нежели мириться съ Аттилою но«вѣйшихъ временъ. Въ бѣшенствѣ, что не нашелъ въ «Москвѣ сокровищъ, какихъ жаждалъ, мира, кото«рый надѣялся тамъ предписать, онъ сжегъ Мою

«прекрасную столицу, обращенную теперь въ пепелъ «и развалины (*).» Тогда же отправляя въ Лондонъ Посла Своего, Графа Ливена, Государь сказалъ ему: «Я избралъ для твоего отъѣзда то время, «когда Французская армія заняла Москву, и тѣмъ «лучше хочу подтвердить Мою непоколебимую рѣши«мость продолжать войну, не смотря на такое важ«ное событіе. Въ то мгновеніе, когда Наполеонъ «находится въ Моемъ Кремлевскомъ кабинетѣ, Я «посылаю тебя въ Лондонъ, передать тамъ Мою «крѣпкую рѣшимость: до тѣхъ поръ не заключать «мира, пока изгоню непріятеля за наши предѣлы,

(*) «Cette perte est cruelle, J'en conviens, mais plus sous le rapport moral et politique que militaire. Du moins Me donnera-t-elle l'occasion de présenter à l'Europe entière la plus grande preuve, que Je puisse offrir de Ma persévérance à soutenir la lutte contre son oppresseur, car après cette playe, toutes les autres ne sont que des égratignures. Je rétière à Votre Altesse Royale l'assurance solennele que plus que jamais, Moi et la nation, à la tête de laquelle J'ai l'honneur de Me trouver, sommes décidés a persévérer et à nous ensevelir plutôt sous les ruines de l'Empire que de composer avec l'Attila moderne. Furieux de ne pas avoir trouvè à Moscou les richesses qu'il convoitait, ni la paix qu'il espérait, il a fait brûler cette belle capitale qui ne présente plus maintenant qu'un monceau de cendres et de décombres.»

Собственноручное письмо Государя, отъ 19-го Сентября.

«если даже, для достиженія къ тому, Я долженъ «буду удалиться за Казань.»

Малосильный отрядъ Винцингероде, стоявшій между Клиномъ и Подсолнечною, былъ единственнымъ войскомъ, заслонявшимъ дорогу изъ Москвы въ Петербургъ. Оборона слабая! Въ подкрѣпленіе ей, тотчасъ по полученіи извѣстія о паденіи Москвы, Государь велѣлъ: 1), Тверскому ополченію, и находившимся въ Твери 8-ми рекрутскимъ батальонамъ, быть подъ командою Винцингероде; офицерамъ и унтеръ-офицерамъ сихъ батальоновъ обучать Тверское ополченіе (*). 2), Генералъ-Адъютанту Кутузову набрать съ ямовъ между Вышнимъ Волочкомъ и Москвою, съ каждаго, по 200 молодыхъ и способныхъ къ казачьей службѣ ямщиковъ, съ ихъ собственными лошадьми и пиками. 3), Въ Новѣгородѣ составить, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Новака, корпусъ изъ 2-го морскаго и 2-хъ казачьихъ полковъ, части Петербургскаго ополченія, еще не пошедшей къ Графу Витгенштейну, одной роты конной артиллеріи и всего Новгородскаго ополченія, за исключеніемъ 4,000 человѣкъ, выступившихъ къ Графу Витгенштейну; 2-й морской полкъ назначенъ былъ учить ополченіе. Новгородскій корпусъ, равномѣрно подчиненный Винцингероде, долженствовалъ, кромѣ Московской столбовой дороги, обезпечивать

(*) Высочайшій рескриптъ Генералъ-Адъютанту Кутузову, отъ 10-го Сентября, № 125.

пути, ведущіе отъ Гжатска черезъ Зубцовъ и Ржевъ на Осташковъ (*). Для вооруженія сихъ новыхъ войскъ ожидали съ каждымъ днемъ выписанныхъ въ Августѣ мѣсяцѣ изъ Англіи 50,000 ружей и 40,000 пудовъ пороха.

Распоряженія о войскахъ для прикрытія Петербурга подписаны Государемъ 12-го Сентября, въ самыя тяжкія минуты войны, когда Онъ зналъ только о занятіи непріятелемъ Москвы, но не былъ еще извѣстенъ ни объ успѣхѣ боковаго движенія, предпріемлемаго Княземъ Кутузовымъ, ни о томъ куда пойдетъ Наполеонъ. Императоръ вознамѣрился даже вооружить выходцовъ изъ губерній, занятыхъ непріятелемъ. Обстоятельство сіе живо изображаетъ пламенное желаніе нашего Монарха извлекать отвсюду средства къ продолженію войны, изобрѣтать способы обороны. «Уповательно,» писалъ Императоръ къ Псковскому Губернатору Князю Шаховскому, «что по случаю занятія непріятелемъ нѣкоторыхъ, отъ Польши присоединенныхъ губерній, «большое число бывшихъ въ нихъ Русскихъ жителей перебралось на жительство въ близъ лежащія «губерніи, особенно въ Псковскую, и что они, лишась всего имущества, претерпѣваютъ нужду и въ «самомъ пропитаніи. Для преподанія имъ къ тому «способовъ и для пользы общей, полагаю полезнымъ предложить имъ временное служеніе,

(*) Указъ Управляющему Военнымъ Министерствомъ, № 129.

«основанное на правилахъ учрежденнаго нынѣ вну-«тренняго ополченія, гдѣ, сверхъ провіанта, положено «производить жалованье, урядникамъ по 1 рублю 25 «копѣекъ, а казакамъ и егерямъ по рублю въ мѣ-«сяцъ.» Губернатору велѣно: 1), Объявить о сей Монаршей волѣ всѣмъ такимъ въ Псковской губерніи пришельцамъ, предоставляя на волю каждаго исполненіе ея. 2), Принимать въ сіе служеніе всякаго, въ произвольной одеждѣ, выдавая отъ казны провіантъ и жалованье. 3), Если предложеніе возымѣетъ успѣхъ, и число людей, поступающихъ во временное служеніе, окажется значительнымъ, назначить сборныя мѣста и потомъ отправлять людей партіями, куда отъ Графа Витгенштейна будетъ указано. 4), Предоставить Губернатору власть назначить способнѣйшихъ въ урядники и опредѣлить къ нимъ нужное число офицеровъ, изъ чиновниковъ гражданскихъ, или отставныхъ (*).

Въ Петербургѣ принимались мѣры, къ опорожненію сей столицы, дабы въ случаѣ нашествія непріятеля, ничто недосталось во власть его. Руководствомъ къ отправленію различныхъ предметовъ служило Высочайшее повелѣніе, данное Графу Салтыкову, изъ лагеря подъ Дриссою (**). Начальникамъ всѣхъ частей управленія велѣно было отсылать важнѣйшія

(*) Высочайшій рескриптъ Псковскому Губернатору, отъ 12-го Сентября, № 132.

(**) Смотри сего описанія часть 1-ю, страницу 216-ю.

дѣла. Тяжести назначалось перевозить сухимъ путемъ и водою. Для сухопутнаго отправленія приказано выставить по дорогѣ изъ Петербурга до Ярославля, на каждой станціи по 500 подводъ, и столько же имѣть въ совершенной готовности, для поставленія по первому востребованію. На каждую лошадь производила казна по 50 копѣекъ ежедневной платы. До какой степени наряды подводъ были огромны, можетъ служить слѣдующій примѣръ. Когда Новгородскому Губернатору, Сумарокову, предписали собрать на дорогѣ къ Ярославлю по 1,000 подводъ на станціи, онъ отозвался невозможностію исполнить повелѣніе, донося, что 15,000 подводъ находились уже въ разгонѣ, а 76,000 назначены были для своза запасовъ, рекрутовъ и воинскихъ тяжестей. Тогда въ пособіе Новгородской губерніи нарядили 3,000 подводъ изъ Вологодской и столько же изъ Олонецкой. Для отправленія тяжестей водою, казна заключала контракты съ купцами, покупала и нанимала суда. Желая избѣжать накопленія судовъ въ столицѣ, ставили ихъ въ Шлиссельбургѣ, Рыбачьей слободѣ и другихъ мѣстахъ. Учебныя заведенія тронулись въ Свеаборгъ, дѣла присутственныхъ мѣстъ отправлены были къ пристани Крохинской, а оттуда назначались въ Бѣлозерскъ, куда были посланы архитекторъ и чиновники, съ порученіемъ заняться способами помѣщенія и пониженія цѣнъ на жизненные припасы.

Въ избѣжаніе огласки и преждевременной тревоги нанимали суда сперва подъ предлогомъ доставки изъ Петербурга въ Ладейное поле матеріяловъ, для строенія тамъ военныхъ транспортовъ. Истина не могла быть долго сокрыта. Частные люди послѣдовали примѣру Правительства. Всѣ помышляли объ отъѣздѣ, заботились объ экипажахъ, покупали барки и всякаго рода лодки. Онѣ покрывали Неву и каналы, и находились въ готовности къ отплытію, при первомъ извѣстіи о приближеніи непріятеля. Еслибы Наполеонъ обратился на Петербургъ, то нашелъ бы его такъ же опустѣлымъ, какъ и Москву. Провидѣніе спасло сѣверную столицу, и мгновенное опасеніе за Петербургъ только явило Государю поводъ возобновить обѣтъ не мириться съ Наполеономъ. Отъ повсемѣстныхъ приготовленій къ отправленію казеннаго и частнаго имуществъ возникли преувеличенные слухи объ опасности. Говорили, что Французы, то въ Твери, то въ Великихъ Лукахъ, что Наполеонъ, со всею арміею, въ полномъ движеніи на Петербургъ. Грозныя вѣсти, какъ привидѣнія, носились надъ головами. Никто не смѣлъ спросить другаго; каждый боялся отвѣта. Тогда издано было, по Высочайшему повелѣнію, объявленіе, что мѣры къ опорожненію столицы принимались только изъ предосторожности, а не потому, чтобы Петербургъ дѣйствительно былъ угрожаемъ нашествіемъ. За тѣмъ слѣдовалъ краткій обзоръ расположенія

дѣйствующихъ армій, а въ концѣ объявленія помѣщены слѣдующія достопамятныя слова: «Настоящее «время не представляетъ никакой опасности; но мы «погрѣшили бы противъ Бога, еслибы съ несомнѣн«ною увѣренностью стали утверждать будущее, о «которомъ Онъ одинъ знаетъ. Вся надежда на ис«корененіе враговъ, не взирая на успѣхъ движенія «ихъ внутрь Россіи, на нашей сторонѣ, однако въ «самыхъ надежныхъ обстоятельствахъ помышленіе о «предосторожности не долженствуетъ наводить ни «страха ни унынія. Мѣры сіи берутся въ безопасное «время, и на тотъ одинъ конецъ, что ежели бы «опасность, отъ чего, да сохранитъ насъ Богъ! ста«ла угрожать сему городу, тогда Правительство, из«вѣстя о томъ заблаговременно, и имѣя уже всѣ «тяжелыя вещи вывезенными, облегчило бы жите«лямъ способы съ лучшимъ порядкомъ и безъ смя«тенія выѣзжать отселѣ внутрь земли. Ибо положе«но единожды и твердо, съ чемъ, безъ сомнѣнія, «каждый Россіянинъ согласенъ, что *какой бы ни «былъ успѣхъ непріятельскаго оружія, но прежде ис«пить всю чашу бѣдствій, нежели поноснымъ миромъ «предать Россію порабощенію.*»

Кронштадтъ начали приводить въ такое положеніе, чтобы онъ могъ защищаться зимою, еслибы непріятель къ зимнему времени вторгнулся въ Петербургъ. Балтійскій флотъ, по изъявленному на то желанію Государя, на которое Лондонскій Дворъ

согласился съ великою охотою, былъ посланъ зимовать въ Англійскія гавани. Полагая Петербургъ мѣстомъ, не совсѣмъ безопаснымъ, велѣли ружья и порохъ, выписанные изъ Англіи, отправить изъ Лондона въ Архангельскъ. Всѣ многочисленныя, формировавшіяся резервныя войска велѣно было, за недостаткомъ зеленаго сукна, одѣвать въ сѣрое. Облегчили правила въ наборѣ рекрутовъ. Допустили пріемъ людей, имѣвшихъ 40 лѣтъ, но не моложе узаконеннаго возраста. Принимали рекрутовъ не смотря ни на какой ростъ и недостатокъ, лишь бы они были замѣняемы крѣпкимъ сложеніемъ. Имѣли намѣреніе, котораго однако же не привели въ исполненіе, для удобнѣйшаго вооруженія войскъ и ополченій, учредить по губерніямъ заводы оружейные, селитренные, литейные, сѣрные и пороховые. Желая сберечь хлѣбъ для арміи, предлагали остановить винокуреніе на заводахъ губерній Калужской, Тульской и Орловской (*).

Паденіе Москвы чрезвычайно затруднило быстрое сообщеніе Петербурга съ среднею и южною полосами Россіи. Нельзя было предоставлять всѣхъ дѣлъ распоряженію губернскихъ начальствъ и поручить одному Князю Кутузову управленіе всѣми губерніями, которыя находились близъ театра войны, или, бывъ объявлены въ военномъ положеніи, вышли изъ общей связи государственнаго управленія. Военныя

(*) Изъ дѣлъ Комитета Министровъ.

заботы не дозволяли Князю Кутузову заниматься дѣлами правительственными, между тѣмъ когда необходимо было содѣйствіе послѣднихъ для успѣха воинскихъ предпріятій. Для сохраненія въ сихъ губерніяхъ возможнаго единства въ мѣрахъ, твердаго и единообразнаго по всѣмъ частямъ направленія, положили на время затрудненія въ сообщеніи Петербурга съ среднею полосою Россіи, учредить, какъ можно ближе къ пребыванію Фельдмаршала, особенную Коммиссію, снабдивъ ее достаточною властію, чтобы она, «находясь въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ Княземъ Кутузовымъ, содѣйствовала въ точномъ, правильномъ и скоромъ исполненіи его требованій, и вмѣстѣ сохраняла въ губерніяхъ порядокъ и устройство, не истощая безъ нужды источниковъ Государства, *и тѣмъ доставила бы Правительству средства къ продолженію войны.*» «По важности Коммиссіи и по уваженію, какое сохранено къ Сенату древними привычками,» полагали «назвать Коммиссію: «*Отдѣленіемъ 1-го Департамента Правительствующаго Сената, временно при арміи учреждаемымъ*» (*). Она должна была состоять изъ 3-хъ Сенаторовъ, подъ предсѣдательствомъ старшаго, доносить прямо Императору о своихъ распоряженіяхъ и дѣйствовать съ такою же властію, какая указомъ 26-го Марта предоставлена была Комитету Министровъ, то есть, въ отсутствіи

(*) Слова изъ журнала Комитета Министровъ.

Государя, въ дѣлахъ, не терпящихъ отлагательства, приводить ихъ въ исполненіе подъ общею отвѣтственностію, и о томъ доносить немедленно Его Величеству (*). Всѣ губернскіе чиновники и присутственныя мѣста, къ какой бы части ни принадлежали, подчинялись сему Отдѣленію Сената. Министры должны были прикомандировать къ нему чиновниковъ своихъ вѣдомствъ. Дѣла назначалось раздѣлить между Сенаторами, и въ случаѣ разногласія, предсѣдателю исполнять то, что по убѣжденію своему признаетъ онъ за лучшее, хотя бы оба другіе Сенаторы были противнаго мнѣнія. Предположеніе сіе, утвержденное Комитетомъ Министровъ, облеченнымъ тогда особенною довѣренностію Государя, и куда поступали даже донесенія о военныхъ дѣйствіяхъ, не состоялось, но и объ немъ слѣдовало упомянуть, потому, что не должна оставаться въ забвеніи ни одна мысль, проблеснувшая въ душѣ Императора Александра для блага и цѣлости Россіи.

(*) Полное собраніе законовъ Россійской Имперіи, XXII, 234.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Ополченіе.

Стран.

Распоряженія Сената и Синода. — Молитва. — Дѣйствія Комитета при Особѣ Государя. — Первый Округъ Ополченія: губерніи Московская, Тверская, Ярославская, Владимірская, Рязанская, Тульская, Калужская и Смоленская. — Числительная сила Ополченія 1-го Округа. — Губернскіе и полковые начальники. — Второй Округъ Ополченія: губерніи Санктпетербургская и Новгородская. — Числительная сила Ополченія 2-го Округа. — Губернскіе и полковые начальники. — Третій Округъ Ополченія. — Губернскіе и полковые начальники. — Общее усердіе къ оборонѣ Государства 1

ГЛАВА II.

Вооруженіе въ губерніяхъ, не вошедшихъ въ составъ Ополченія.

Губерніи: Таврическая, Херсонская, Екатеринославская, Полтавская, Черниговская, Кіевская, Харьковская, Кавказская, Оренбургская, земля Донскихъ казаковъ; губерніи: Астраханская, Саратовская, Воронежская, Орловская, Тамбовская, Курская, Вологодская, Олонецкая, Архангельская, Псковская, Лифляндская, Эстляндская; Финляндія; Сибирскія губерніи 38

ГЛАВА III.

Движенія близъ Смоленска.

Расположеніе воюющихъ сторонъ. — Расположеніе Главной арміи Наполеона. — Намѣреніе Барклая де-Толли не отступать

Стран.

отъ Смоленска. — Высочайшій рескриптъ о наступательныхъ дѣйствіяхъ. — Военный Совѣтъ. — Причины движенія къ Руднѣ.—Первое движеніе къ Руднѣ.—Арміи останавливаются. —Дѣло при Молевомъ болотѣ.—Движеніе на Порѣчскую дорогу. — Обратный маршъ 2-й арміи къ Смоленску. — Предположеніе о совокупныхъ дѣйствіяхъ съ отдѣльными арміями. — Возобновленный маршъ на Рудненскую дорогу 58

ГЛАВА IV.

Сраженія подъ Смоленскомъ.

Пребываніе Наполеона въ Витебскѣ.—Военный Совѣтъ.—Рѣшеніе Наполеона идти внутрь Россіи. — Голодъ и бродяжничество въ непріятельской арміи. — Повелѣнія Наполеона отдѣльнымъ корпусамъ.—Переправа непріятелей черезъ Днѣпръ.—Движеніе къ Красному. — Нападеніе на Невѣровскаго. — Движеніе Раевскаго къ Смоленску. — Невѣдѣніе Главнокомандующихъ о движеніяхъ Наполеона. — Выступленіе Русскихъ армій къ Смоленску.—Затруднительное положеніе Раевскаго. — Военный Совѣтъ.—Сраженіе подъ Смоленскомъ 4-го Августа. Важность подвига Раевскаго.—Причины слабаго нападенія непріятелей.—Приготовленія къ оборонѣ Смоленска.—Сраженіе подъ Смоленскомъ 5-го Августа. — Неудачныя нападенія Наполеона. — Оставленіе Смоленска 74

ГЛАВА V.

Отъ Смоленска до Соловьевой переправы.

Вступленіе Наполеона въ Смоленскъ. — Состояніе жителей.— Непріятель занимаетъ Петербургское предмѣстье.—Коновницынъ выгоняетъ оттуда Французовъ.—Опасное положеніе 1-й арміи.— Движеніе арміи съ Порѣчской дороги на Московскую.—Рѣшимость Тучкова — Причины медленнаго движенія арміи.—Распоряженія Наполеона.—Неожиданная встрѣча войскъ у Гедеонова.— Нападеніе на Тучкова. — Дѣйствія Графа Орлова-Денисова. — Шлыкъ Тучкова. — Важность его подвига. — Причина неудачи непріятелей. — Отступленіе арміи къ Соловьеву. — Дѣйствія отряда Винцингероде 114

Стран.

ГЛАВА VI.

Отъ Соловьевой переправы до Царева Займища.

Соединеніе Русскихъ армій у Умолья. — Намѣреніе принять тамъ сраженіе.—Пребываніе Наполеона въ Смоленскѣ.—Состояніе Смоленска.—Введенное тамъ непріятелемъ управленіе.—Разговоръ Наполеона съ Тучковымъ. — Рѣшеніе Наполеона идти въ Москву.—Его повелѣнія отдѣльнымъ арміямъ и корпусамъ.—Главная непріятельская армія выступаетъ изъ Смоленска.—Отступленіе Русскихъ армій отъ Умолья къ Дорогобужу.—Намѣреніе сразиться при Вязьмѣ.—Причины отступленія.—Народная война.—Письмо Наполеона къ Императору Александру.—Отступленіе къ Цареву Займищу.—Изображеніе движеній непріятельской и Русской армій. — Прибытіе въ Царево Займище.—Назначеніе Князя Кутузова Главнокомандующимъ надъ всѣми арміями 138

ГЛАВА VII.

Назначеніе Князя Кутузова Главнокомандующимъ всѣми арміями и свиданіе Императора Александра съ Шведскимъ Наслѣднымъ Принцомъ.

Причины назначенія Главнокомандующаго надъ всѣми арміями.—Сужденіе Комитета.—Назначеніе Князя Кутузова.—Высочайшіе рескрипты Князю Кутузову и другимъ Главнокомандующимъ. — Отбытіе Государя въ Або. — Цѣль свиданія съ Шведскимъ Наслѣднымъ Принцомъ. — Договоръ 18-го Августа. — Отправленіе Финляндскаго корпуса въ Ревель. — Предположеніе объ уступкѣ Аландскихъ острововъ. — Отвѣтъ Государя. — Письмо Шведскаго Принца. — Назначеніе и сила Финляндскаго корпуса 167

Стран.

ГЛАВА VIII.

Первыя дѣйствія Князя Кутузова.

Отъѣздъ Князя Кутузова изъ Петербурга. — Прибытіе въ Гжатскъ. — Пиѣьмо къ Графу Ростопчину. — Донесеніе Государю. — Числительная сила арміи. — Рескриптъ Государя. — Повелѣнія Тормасову и Чичагову. — Составленіе новаго штаба. — Воззваніе къ Смольянамъ 181

ГЛАВА IX.

Отъ Царева Займища до Бородина.

Отступленіе отъ Царева Займища къ Бородину. — Мѣстность Бородина. — Диспозиція. — Приготовленія Наполеона къ сраженію. — Движеніе непріятелей изъ Гжатска. — Дѣло 24-го Августа. — Числительная сила и нравственное состояніе воюющихъ армій 194

ГЛАВА X.

Бородинское сраженіе.

Прибытіе Князя Кутузова на поле сраженія. — Пріѣздъ Наполеона къ войскамъ. — Атака Бородина. — Нападеніе на лѣвое крыло. — Вторичное нападеніе. — Князь Багратіонъ сосредоточиваетъ всѣ свои силы. — Третье нападеніе. — Дѣйствія на старой Смоленской дорогѣ. — Жестокій бой на лѣвомъ крылѣ. — Атака курганной батареи. — Смерть Кутайсова.—Четвертое нападеніе на Князя Багратіона.—Рана его. — Кавалерійскія атаки.—Русская конница атакуетъ лѣвое непріятельское крыло. — Слѣдствіе атаки. — Новое размѣщеніе войскъ.— Дѣйствія противъ нашего центра. — Кавалерійскія атаки.—Дѣйствія на оконечности лѣваго крыла.—Окончаніе битвы . . . 214

ГЛАВА XI.

Слѣдствія Бородинскаго сраженія.

Упорство Бородинскаго сраженія. — Князь Кутузовъ.—Князь Багратіонъ. — Барклай де-Толли.—Потеря и трофеи обоюдныхъ

Стран.

армій. — Наполеонъ въ Бородинѣ. — Расположеніе войскъ послѣ сраженія. — Причины отступленія отъ Бородина. — Распоряженія къ отступленію. — Состояніе непріятельской арміи. — Донесеніе Князя Кутузова о Бородинскомъ сраженіи 246

ГЛАВА XII.

Происшествія въ Петербургѣ.

Радость въ Петербургѣ. — Рескриптъ Князю Кутузову. — Награды. — Повелѣніе объ устройствѣ арміи. — Письмо Графа Ливена къ Барону Гарденбергу 267

ГЛАВА XIII.

Отъ Бородина до Москвы.

Наполеонъ обозрѣваетъ поле сраженія. — Наступленіе непріятеля. — Русскій лагерь подъ Можайскомъ. — Отступленіе отъ Можайска. — Причины отступленія. — Приближеніе арміи къ Москвѣ. — Письма Князя Кутузова къ Графу Ростопчину. — Наполеонъ останавливается въ Можайскѣ. — Его распоряженія. — Опасенія Князя Кутузова за правое крыло арміи. — Дѣйствія отряда Барона Винцингероде. — Распоряженія Князя Кутузова на счетъ устройства арміи 279

ГЛАВА XIV.

Лагерь подъ Москвою.

Совѣщаніе на Поклонной горѣ. — Позиція передъ Москвою. — Военный совѣтъ въ Филяхъ. — Рѣшеніе оставить Москву. — Свозъ запасовъ на Калужскую дорогу 294

ГЛАВА XV.

Состояніе Москвы.

Москва послѣ отбытія Государя. — Видъ Москвы мирной измѣняется. — Непоколебимая вѣрность народа. — Высылка

Стран.

иностранцовъ.—Афишки Графа Ростопчина.—Проповѣдь Августина.—Москва послѣ взятія Смоленска.—Отправленіе изъ Москвы казеннаго имущества и выѣздъ жителей. — Заботливость Императрицы Маріи Ѳеодоровны. — Извѣстіе о Бородинскомъ сраженіи. — Отъѣздъ жителей изъ Москвы увеличивается. — Воззваніе идти на Три Горы. — Митрополитъ Платонъ. — Москва 1-го Сентября. — Письмо Князя Кутузова объ отдачѣ Москвы. — Оставленіе столицы 306

ГЛАВА XVI.

Оставленіе Москвы.

Вступленіе войскъ въ Москву.—Смятеніе въ улицахъ —Благонравіе народа.—Войско и народъ выходятъ за городъ. — Князь Кутузовъ у Коломенской заставы. — Затруднительное положеніе арріергарда. — Отправленіе Акинфова переговорщикомъ. — Разговоръ съ нимъ Мюрата. — Условіе, заключенное съ непріятелемъ. — Москва открывается передъ взорами Наполеона. — Онъ подъѣзжаетъ къ Дорогомиловской заставѣ.—Дополненіе къ условію о прекращеніи военныхъ дѣйствій. — Непріятель вступаетъ въ Москву.—Народъ встрѣчаетъ его въ Кремлѣ выстрѣлами.— Смѣлыя дѣйствія Милорадовича. — Движеніе отряда Винцингероде.—Покинутые въ Москвѣ снаряды, оружіе, доспѣхи воинскіе.—Число оставшихся въ Москвѣ раненыхъ и жителей . . 326

ГЛАВА XVII.

Плѣненіе и пожаръ Москвы.

Наполеонъ у Дорогомиловской заставы. — Приготовленія къ торжественному вступленію въ Москву.—Наполеонъ узнаетъ объ опустѣніи Москвы. — Въѣздъ его въ Дорогомиловскую слободу.—Москва загарается.—Занятіе Кремля. — Начало грабежа.— Въѣздъ Наполеона въ Кремль.—Пожаръ усиливается.—Отъѣздъ Наполеона въ Петровскій дворецъ.—Москва обращена въ пепелъ и предана на расхищеніе. — Грабежъ, убійства, святотатство. — Причины пожара.—Дѣйствія непріятельской слѣдственной Коммиссіи.—Опроверженіе приговора ея 346

Стран.

ГЛАВА XVIII.

Полученіе Императоромъ Александромъ извѣстія о паденіи Москвы.

Молва о паденіи Москвы доходитъ до Петербурга.—Донесеніе Графа Ростопчина.—Отправленіе въ армію Князя Волконскаго. — Высочайшій рескриптъ Князю Кутузову.—Разговоръ Государя съ Полковникомъ Мишо.—Донесеніе Князя Кутузова.—Обнародованіе извѣстія о паденіи Москвы. — Письмо Государя къ Шведскому Принцу. — Слова Государя Графу Ливену.—Сборъ войскъ на дорогѣ между Петербургомъ и Москвою.—Вооруженіе выходцовъ изъ занятыхъ непріятелемъ губерній.—Мѣры къ опороженію Петербурга.—Различныя правительственныя распоряженія 381

КАРТЫ и ПЛАНЫ

КЪ II-й ЧАСТИ

ОПИСАНІЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.

№		Стран.
26.	Карта расположенія армій 22-го Іюля . .	59
27.	1-е движеніе на Рудню	64
28.	Движеніе съ Рудненской дороги на Порѣчскую	69
29.	2-е движеніе на Рудню	73
30.	Движеніе Наполеона къ Красному . . .	79
31.	Карта нападенія на Невѣровскаго при Красномъ	82
32.	Планъ сраженія при Смоленскѣ, 4-го Августа.	97
33.	Планъ сраженія при Смоленскѣ, 5-го Августа.	105
34.	Расположеніе войскъ 6-го Августа . . .	116
35.	Планъ дѣйствій передъ Лубинскимъ сраженіемъ	119
36.	Планъ сраженія при Лубинѣ	127
37.	Карта дѣйствій отъ Смоленска до Бородина.	156
38.	Планъ атаки редута при Шевардинѣ. . .	204
39.	Планъ сраженія при Бородинѣ	216
40.	Расположеніе войскъ послѣ Бородинскаго сраженія	260
41.	Карта дѣйствій отъ Бородина до Москвы .	280
42.	Планъ позиціи при Москвѣ	295
43.	Карта отступленія по Рязанской дорогѣ. .	381